

Эл. адрес: article@tuva.asia
<https://nit.tuva.asia>

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТУВЫ

**№2
2021**

ISSN 2079-8482

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТУВЫ

THE NEW RESEARCH OF TUVA

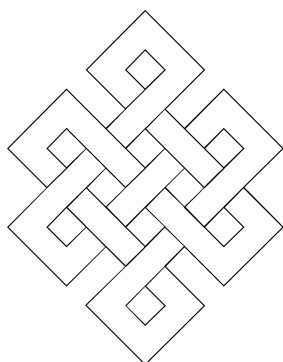
2021

№ 2

nit.tuva.asia

ISSN 2079-8482

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТУВЫ

THE NEW RESEARCH OF TUVA

2021

№ 2

nit.tuva.asia

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ламажаа Ч. К., Институт социологии РАН, Россия

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

СЕКЦИЯ ИСТОРИИ (ИСТОРИЯ, ЭТНОГРАФИЯ, АНТРОПОЛОГИЯ)

Харитонов В. И., Институт этнологии и антропологии РАН, Россия
Ерекешева Л. Г., Казахский национальный университет им. Аль-Фараби, Казахстан
Донахо Б., Институт социальной антропологии Макса Планка, Германия
Монгуш М. В., Российский государственный архив Российской Федерации
Дацышен В. Г., Сибирский федеральный университет, Россия
Отрощенко И. В., Институт востоковедения имени А. Е. Крымского Национальной академии наук Украины
Чулуун Сампильдондов, Институт истории и археологии Академии наук Монголии
Харунова М. М.-Б., Тувинский институт комплексного освоения природных ресурсов Сибирского отделения РАН, Россия
Бакаева Э. П., Калмыцкий научный центр РАН, Россия

СЕКЦИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК (ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ)

Ламажаа Ч. К., Институт социологии РАН, Россия
Попков Ю. В., Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, Россия
Балакина Г. Ф., Тувинский институт комплексного освоения природных ресурсов Сибирского отделения Российской академии наук
Кара-оол Ш. В., г. Кызыл, Россия
Хомушку О. М., Тувинский государственный университет, Россия

СЕКЦИЯ КУЛЬТУРОЛОГИИ (КУЛЬТУРОЛОГИЯ, ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ)

Сузукей В. Ю., Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований, Россия
Левин Т., Дартмаус колледж, США

СЕКЦИЯ ФИЛОЛОГИИ (ЯЗЫКОЗНАНИЕ, ФОЛЬКЛОРИСТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ)

Бичелдей К. А., Национальный музей им. Алдан Маадыр Республики Тыва, Россия
Шамина Л. А., Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук, Россия
Бахтикиреева У. М., Российский университет дружбы народов

ТЕХНИЧЕСКАЯ ГРУППА

Папын А. С., редактор, администратор, Россия,
Макаров В. С., Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Россия

Журнал публикует статьи на русском и английском языках. Выходит 4 раза в год.

Зарегистрирован в качестве СМИ Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), свидетельство о регистрации Эл №ФС77-37967 от 5 ноября 2009 г.

Индексация журнала: ERIH PLUS, РИНЦ, КиберЛенинка, PKP Index, Google Scholar, DOAJ, Scopus, ESCI Web of Science Core Collection. Включен в Перечень ВАК Минобрнауки РФ.

Издатели:

Ламажаа Ч. К.
 117437, Россия, Москва, а/я 30,
 Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
 «Российский университет дружбы народов» (РУДН)
 117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6.

EDITOR-IN-CHIEF

Chimiza K. Lamazhaa, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Russia

EDITORIAL BOARD

SECTION OF HISTORY (HISTORY, ETHNOGRAPHY, ANTHROPOLOGY)

Valentina I. Kharitonova, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Russian Federation
Laura G. Yerekesheva, Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan
Brian Donahoe, Max Planck Institute for Social Anthropology, Germany
Marina V. Mongush, State Archives of the Russian Federation
Vladimir G. Datsyshen, Siberian Federal University, Russian Federation
Ivanna V. Otroshchenko, Krymsky Institute of Oriental studies, National Academy of Sciences of Ukraine, Ukraine
Chuluun Sampildondov, Institute of History and Archaeology, Academy of Science Mongolia, Mongolia
Marianna M.-B. Harunova, Tuvinian Institute for Exploration of Natural Resources, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences
Elza P. Bakaeva, Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Science

SECTION OF SOCIAL SCIENCES (PHILOSOPHY, SOCIOLOGY, RELIGIOUS STUDIES)

Chimiza K. Lamazhaa, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation
Yuri V. Popkov, Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, Russian Federation
Galina F. Balakina, Tuvinian Institute for Exploration of Natural Resources, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, Russian Federation
Sholban V. Kara-ool, Kyzyl, Russia
Olgа M. Homushku, Tuvan State University, Russian Federation

SECTION OF CULTUROLOGY (CULTURAL STUDIES, ART HISTORY)

Valentina Yu. Suzukey, Tuvan Institute of Humanities and Applied Social and Economic Research, Russian Federation
Theodore Levin, Dartmouth College, United States

PHILOLOGY SECTION (LINGUISTICS, FOLKLORE, LITERARY STUDIES)

Kaadyr-ool A. Bicheldey, National Museum of the Republic of Tuva, Russian Federation
Lyudmila A. Shamina, Institute of Philology, Siberian branch, Russian Academy of Sciences, Russian Federation
Uldanay M. Bakhtikireeva, Peoples' Friendship University of Russia

TECHNICAL GROUP

Alexander S. Papyn, Editor, Manager, Russian Federation
Vladimir S. Makarov, St. Tikhon's Orthodox University for the Humanities, Russian Federation

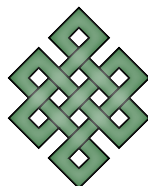
The New Research of Tuva welcomes contributions in Russian and English. The journal is published quarterly.

The journal is indexed in ERIH PLUS, RINTs, CyberLeninka, PKP Index, Google Scholar, DOAJ, Scopus, ESCI Web of Science Core Collection.

Publishers:

Lamazhaa Ch. K.
 Postal box 30, 117437, Moscow, Russian Federation,
 Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
 6 Miklukho-Maklaya str.,
 117198 Moscow, Russian Federation.

СОДЕРЖАНИЕ

АСПЕКТЫ КУЛЬТУРЫ

Ламажаа Ч. К., Бичелдей У. П. (Россия) Основные характеристики тувинского буддийского паломничества рубежа XIX–XX веков6

Дашковский П. К., Шершнева Е. А., Бичелдей У. П., Монгуш А. В. (Россия) Религиозная ситуация в Республике Тыва (по результатам социологического исследования)18

Станулевич Н. А. (Россия) Буддийская икона из урочища Кызыл-Тей.....35

Сувандии Н. Д. (Россия) Антропонимы тувинского языка, связанные с буддийской религией44

Кара-оол Л. С. (Россия) Конфессиональная лексика в топонимах Тувы52

Darzhinova L. V. (People's Republic of China) The influence of language learner's Buddhist background on non-native written language processing67

Очирова О. А. (Россия), Антонов В. И. (Россия), Бадмаев В. Н. (Россия), Пурэвсурэн Б. (Монголия), Петрова А. А. (Россия) Социальный портрет буддиста-паломника Бурятии: от традиционного к онлайн формату (по результатам социологического исследования)79

Нижников С. А., Воробьев В. В. (Россия) Проблема статуса «я» как антропологической категории в буддийской философии92

Уланов М. С., Андреева А. А. (Россия) Буддизм и донские калмыки-казаки в социокультурном пространстве России100

НОВЫЙ МИР – НОВЫЕ ПОДХОДЫ

Ламажаа Ч. К. (Россия) Социальная культура тувинцев и онлайн-пространство115

ТУВА ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Сарыглар Ч. В., Эртине И. А., Люндуп Т. М. (Россия) Вопросы хранения и транслирования культурно-исторического наследия Тувы методами библиотечной работы (на примере деятельности Национальной библиотеки им. А. С. Пушкина Республики Тыва)130

ДИАЛОГ КУЛЬТУР

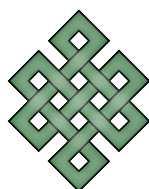
Дондуков Б. Ц., Дондукова Г. П. (Россия) Буддизм в Интернете: возможности и препятствия145

Эрендженова Ю. Ю. (Россия) Российские центры тибетской буддийской традиции: особенности и значение религиозных практик156

Иванов А. В., Журавлева С. М., Попков Ю. В. (Россия) Сибирь и Индия в евразийском социокультурном пространстве: меридиональное измерение169

Нанзатов Б. З. (Россия) Раннетувинский пласт в этническом составе бурят: *qui, on, onqot, irkit, qol*179

Колмогорова А. В. (Россия) Психолингвистические параметры русских слов и их визуальных коррелятов в языковом сознании тувинско-русских билингов: опыт экспериментального исследования197

C O N T E N T S

ASPECTS OF CULTURE

Lamazhaa Ch. K., Bicheldey U. P. (Russia) The Main Characteristics of Tuvan Buddhist Pilgrimage at the Turn of the 19th–20th Centuries6

Dashkovskiy P. K., Shershneva E. A., Bicheldey U. P., Mongush A. V. (Russia) Religious Situation in the Republic of Tuva (Based on the Results of a Sociological Study)18

Stanulevich N. A. (Russia) Buddhist Icon from the Natural Landmark of Kyzyl-Tei35

Suvandii N. D. (Russia) Buddhism-related Tuvan personal names44

Kara-ool L. S. (Russia) Confessional Vocabulary in the Toponyms of Tuva52

Darzhinova L. V. (People's Republic of China) The influence of language learner’s Buddhist background on non-native written language processing67

Ochirova O. A. (Russia), Antonov V. I. (Russia), Badmaev V. N. (Russia), Purevsuren B. (Mongolia), Petrova A. A. (Russia) Social portrait Buddhist pilgrim of Buryatia: from traditional to online format (based on the results of a sociological study)79

Nizhnikov S. A., Vorobiev V. V. (Russia) The Problem of the Status of “Self” as an Anthropological Category in Buddhist Philosophy92

Ulanov M. S., Andreeva A. A. (Russia) Buddhism and the Don Kalmyk Cossacks in the Sociocultural Space of Russia100

NEW WORLD – NEW APPROACHES

Lamazhaa Ch. K. (Russia) Social Culture of Tuvans and Online Space115

TUVA YESTERDAY, TODAY, TOMORROW

Saryglar S. V., Ertine I. A., Liundup T. M. (Russia) Preserving and promoting the cultural and historical heritage of Tuva by means of library work: the case of the A.S. Pushkin National Library of the Republic of Tuva130

DIALOGUE OF CULTURES

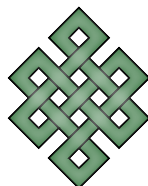
Dondukov B. Ts., Dondukova G. P. (Russia) Buddhism on the Internet: Opportunities and Obstacles145

Erendzhenova Yu. Yu. (Russia) Russian Centers of the Tibetan Buddhist Tradition: Features and Significance of Religious Practices156

Ivanov A. V., Zhuravleva S. M., Popkov Yu. V. (Russia) Siberia and India in the Eurasian Socio-cultural Space: A Meridional Dimension169

Nanzatov B. Z. (Russia) Early Tuvan Layer in Buryat Ethnic Composition: *Quu, On, Onqot, Irkit, Qol*179

Kolmogorova A. V. (Russia) Psycholinguistic properties of the Russian words and their visual correlates in the linguistic conscience of Tuvan-Russian bilinguals: an experiment-based study197

Тема выпуска

«Тува и буддийский мир: проблемы идентичности буддистов, исторические и культурно-конфессиональные контакты между регионами»

Ответственный редактор:

доктор философских наук, профессор

Валерий Николаевич Бадмаев

Калмыцкий государственный университет,

Российская Федерация

Special Issue:

“Tuva and the Buddhist world: Buddhist identities, historical, cultural and religious interregional links”

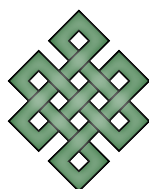
Guest-edited by

Valerii Nikolaevich Badmayev

Doctor of Philosophy, Professor

Kalmyk State University,

Russian Federation

Основные характеристики тувинского буддийского паломничества рубежа XIX–XX веков

Чимиза К. Ламажаа

Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова; Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, Российская Федерация,

Ульяна П. Бичелдей

Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, Российская Федерация

В статье впервые представлены основные характеристики буддийского паломничества тувинцев рубежа XIX–XX веков, которые сформулированы на основе изучения целого ряда источников. Хотя история появления, укрепления буддизма в Туве достаточно исследована, теме паломничества не уделялось внимания. Главной проблемой является отсутствие в исторической литературе Тувы жанра путевых заметок («хождений») самих паломников. Поэтому историю приходится восстанавливать из иных источников разных типов: упоминающихся в научных трудах исторических фактов по паломничеству; документов из архивов Тувы; художественной литературы (произведений тувинских писателей); публицистики, биографических трудов и воспоминаний.

Паломничество имело явное деление по направлениям и по уровню материальных расходов для разных групп населения: поездки в Тибет и Монголию были доступны прежде всего состоятельным людям и ламам, получающим для этого средства, собранные от пожертвований; для простых тувинцев главными объектами поклонений, паломничества были храмы и монастыри, расположенные на территории Тувы, куда они приезжали с мест своих стоянок в дни буддийских праздников.

Все показанные в статье формы паломничества, события, которые их сопровождали, свидетельствуют об интенсивности процесса развития буддизма в Туве в конце XIX века. За короткий срок распространения буддизма в Туве он сумел не только стать государственной религией, но и способствовал образовательным, культурным, религиозным связям тувинцев с Монголией, Тибетом, а также Китаем благодаря паломническим поездкам.

Ключевые слова: буддизм; буддизм Тувы; тувинский буддизм; тувинцы; буддист; паломничество; Тыва; Монголия; Тибет; Китай; история буддизма; буддийский мир

Подготовлено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта «Россия и буддийский мир в дискурсе философского востоковедения» (грант № 19-18-00118).

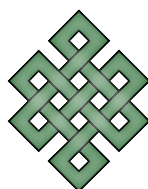

Для цитирования:

Ламажаа Ч. К., Бичелдей У. П. Основные характеристики тувинского буддийского паломничества рубежа XIX–XX веков // Новые исследования Тувы. 2021, № 2. С. 6–17. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.2.1>

Ламажаа Чимиза Кудер-ооловна — доктор философских наук, приглашенный исследователь Калмыцкого государственного университета имени Б. Б. Городовикова; главный научный сотрудник отдела религиоведения и культурологии Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва. Адрес: 358000, Россия, г. Элиста, ул. Пушкина, д. 11, каб. 111; 66700, Россия, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 4. Тел.: +7 (916) 413-33-85. Эл. адрес: lamazhaa@tuv.a.sia

Бичелдей Ульяна Павловна — доктор религиоведения (PhD), заведующая отделом религиоведения и культурологии Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва. Адрес: 66700, Россия, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 4. Тел.: +7 (394-22) 2-39-36. Эл. адрес: opei-ool@yandex.ru

ASPECTS OF CULTURE

Article

The Main Characteristics of Tuvan Buddhist Pilgrimage at the Turn of the 19th–20th Centuries

Chimiza K. Lamazhaa

B. B. Gorodovikov Kalmyk State University; Tuvan Institute of Humanities and Applied Social and Economic Research, Russian Federation,

Ulyana P. Bicheldey

Tuvan Institute of Humanities and Applied Social and Economic Research, Russian Federation

The article presents for the first time the focal characteristics of the Buddhist pilgrimage of Tuvans at the turn of the 19th–20th centuries. They are formulated according to the results of the study of a range of sources. Although the history of the emergence and strengthening of Buddhism in Tuva has been sufficiently studied, the subject matter of pilgrimage has not received attention. The main issue is the absence of the genre of travel notes (“journeys” / “wanderings”) written by pilgrims themselves in the historical literature of Tuva. Therefore, the history has to be reconstructed from other sources of different types: historical facts on pilgrimage mentioned in academic works; documents from the archives of Tuva; fiction (works by Tuvan writers); publicistic writings, biographical works and memoirs.

The pilgrimage was clearly divided into categories according to directions and the level of financial expenses among different social groups: trips to Tibet and Mongolia were affordable primarily to wealthy people and lamas who were receiving funds collected from donations for this purpose; in case of ordinary Tuvans, the main sites of their worship and pilgrimage were temples and monasteries located in the territory of Tuva, and they would come there from their nomad camps on Buddhist holidays.

All kinds of pilgrimage shown in the article and the events that went along with them highlight the intensity of the process of development of Buddhism in Tuva in the late 19th century. Within a short time of the spread of Buddhism in Tuva, it managed not only to become the state religion, but also contributed to the educational, cultural, and religious ties of Tuvans with Mongolia, Tibet, and China through pilgrimage tours.

Keywords: Buddhism; Buddhism of Tuva; Tuvan Buddhism; Tuvans; Buddhist; pilgrimage; Tuva; Mongolia; Tibet; China; history of Buddhism; Buddhist world

Financing

The article was prepared with support from the Russian Science Foundation, grant no. 19-18-00118, “Russia and the Buddhist World in the Discourse of the Philosophy of Oriental Studies”.

For citation:

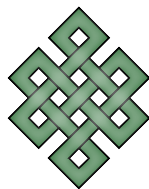
Lamazhaa Ch. K. and Bicheldey U. P. Osnovnye kharakteristiki tuvinskogo buddiiskogo palomnichestva rubezha XIX-XX vekov [The Main Characteristics of Tuvan Buddhist Pilgrimage at the Turn of the 19th-20th Centuries]. *New Research of Tuva*, 2021, no. 2, pp. 6-17. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.2.1>

LAMAZHAA, Chimiza Kuder-oolovna, Doctor of Philosophy, Visiting Researcher, Kalmyk State University; Chief Researcher, Department of Religious Studies and Cultural Studies, Tuvan Institute of Humanities and Applied Social and Economic Research under the Government of Tuva. Postal address: Office 111, 11 Pushkin St., 358000 Elista, Russian Federation; 4 Kochetov St., 667000 Kyzyl, Russian Federation. Tel.: +7 (916) 413-33-85. E-mail: lamazhaa@tuva.asia

ORCID ID: 0000-0003-1813-3605

BICHELDEY, Ulyana Pavlovna, Ph.D (Religious studies), Head, Department of Religious Studies and Cultural Studies, Tuvan Institute of Humanities and Applied Social and Economic Research under the Government of Tuva. Postal address: 4 Kochetov St., 667000 Kyzyl, Russian Federation. Tel.: +7 (394-22) 2-39-36. E-mail: opei-ool@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0001-5588-9167

Введение

Принятие Тувой тибетской линии буддизма в XVIII в. (Берзин, 1992: 24; Монгуш, 2001: 34–35), в целом, привело к тому, что тувинская культура обогатилась и стала частью большого буддийского мира. Сам буддизм, по выражению О. М. Хомушку, благодаря «тесной контаминации с традиционными верованиями и культурами народов Саяно-Алтая» (Хомушку, 2005: 118) стал народной религией, у тувинцев появились новые святые одной из мировых религий. Поэтому естественным закономерным этапом развития религиозной жизни в этом регионе стало появление паломничества как одной из форм религиозного поведения.

До недавнего времени исследований по этому аспекту религиозной жизни буддистов тувинцев не проводились. Как пишет М. В. Монгуш, в отличие, например, от соседней Монголии, Тува прежде всего «была пассивно принимающей буддизм страной, нежели воспроизводящей и приумножающей традиции» (Монгуш, 2001: 35). Это относилось и к не столь развитому движению паломничества (особенно в сравнении с Калмыкией, Бурятией, Монголией), которое всегда требовало существенных материальных и финансовых расходов. Поскольку общество различалось резкой социальной дифференциацией (маленький слой богатых и большинство населения, проживающее в нищете и бедности), для основной его части такие расходы были неподъемными. Тем не менее, исследователи приводили отдельные факты, упоминая в первую очередь о поездках тувинцев на паломничество в Монголию (там же: 45, 47, 48; Буддизм, 1992: 167).

Изучение современных форм тувинского буддийского паломничества (Ламажаа, Бичелдей, Монгуш, 2020) привело к логичной постановке вопроса о предыстории этого явления и побудило заняться сбором исторических источников, которые могли бы помочь в восстановлении его основных характеристик. Главной проблемой здесь является отсутствие в исторической литературе Тувы жанра путевых заметок («хождений») самих паломников, который имеется, например, у бурят (Сазыкин, 1989; Павлов, 2007; Барадин, 2002), калмыков (напр., Цыбиков, 1991; см. также: Бакаева, 1994: 57; обзор жанра: Уланов, Бадмаев, Андреева, 2020). Количество их у монголоязычных народов в целом также невелико, тем не менее этот жанр зафиксирован и изучается; начало его истории отсчитывается со второй половины XVIII в. (Сазыкин, 1989: 117). В случае с тувинским буддизмом подобных произведений нет, по крайней мере — не найдено. Поэтому историю приходится восстанавливать из иных источников разных типов. Систематизация собранного материала позволила сформулировать цель данной статьи — анализ исторических особенностей тувинского буддийского паломничества.

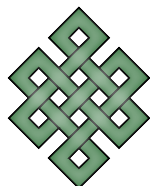
Мы разделили наши источники на четыре группы: научные труды по истории тувинского буддизма; документы из архивов Тувы (Национального архива Республики Тыва — далее НА РТ, архива Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва — далее ТИГПИ); художественная литература (произведения тувинских писателей); публицистика, биографические труды и воспоминания.

При этом следует упомянуть о том, что формы паломничества бывают разные и в качестве паломничества в данной работе в первую очередь рассматриваются поездки в определенные времена года для поклонения святым местам, в том числе, в буддийских храмовых комплексах, находящихся в пределах Тувы. Поскольку поездки в отдаленные монастыри Монголии и Тибета буддисты могли совмещать и для того, чтобы поклониться святыням, и чтобы получить религиозное образование, то такие образовательные поездки учитываются как особая форма паломничества¹. Поездки могут быть как внутренними (в пределах своего региона, но вне мест своего проживания), так и внешними (за пределами региона, страны).

Группы источников

Разрозненная информация о паломничестве тувинских буддистов периода XIX — начала XX в., прежде всего в Монголию, содержится в ряде публикаций исследователей истории буддизма в Туве М. В. Монгуш, Н. Л. Жуковской (Монгуш, 2001: 45, 47–48; Жуковская, 1992: 167). При этом М. В. Монгуш ссылается на документы фонда № 115 Управления амбын-нойона Танну-Урянхая Центрального государственного архива Республики Тыва (ныне — Национального архива Республики Тыва, далее —

¹ Об этом также пишут другие исследователи. Например, А. Г. Сазыкин отмечает, что первое сочинение бурятского паломника XVIII в. — хамбо-ламы Дамба-Доржи Заяева показывает не только посещение монастырей и поклонение святыням, но и обучение буддийским наукам в тамошних монастырских школах. И там он проучился семь лет, после чего вернулся домой (Сазыкин, 1989: 117).

НА РТ). Автор монографии «Истории буддизма в Туве (вторая половина VI — конец XX в.)» (Монгуш, 2011), без опоры на которую теперь не обходится ни одно исследование истории буддизма в этом регионе, упомянула несколько сюжетов из документов, но поскольку непосредственно тема паломничества не входила в поле ее интересов, то очевидно автор охватила далеко не все материалы этого фонда.

По проведенным нами подсчетам в фонде № 115 НА РТ имеются около двадцати документов, содержащих разнообразную информацию периода конца XIX — начала XX в. При этом несколько из них уже опубликованы в первых двух томах археографического издания «Собрание архивных документов по истории Тувы» (Тувагийн туухэнд холбогдох ..., 2011ab), подготовленном ТИГПИ совместно с Институтом истории Монгольской академии наук.

Непосредственно к теме данного исследования относятся следующие документы: «Книга доходов и расходов ламского хуре Хемчик Даа хошууна» (НА РТ, ф. 115, оп. 1, ед. хр. 192, на 185 л.); письмо Камбыламы Тувы «Хамбы ламаның бижии» (НА РТ, ф. 115, оп. 1, ед. хр. 192, л. 23); «Список о расходовании вещей верховным правителем Хемчикского хошуна во время поездки в Тибет молиться к Далай-ламе (священному ламе) на 3 луны 32 года БТ (IV–1906 г.)» (НА РТ, ф. 115, оп. 1, ед. хр. 142, л. 117); «Переписка между Буян-Бадьргы по религиозным вопросам» (НА РТ, ф. 115, оп. 1, д. 283а). Еще один интересный архивный документ находится в рукописном фонде архива ТИГПИ — рукопись гелонга Межегейского монастыря Тандынского хошуна О. Ч. Ляндупа «Воспоминания о ламской церкви в Туве» (НА ТИГПИ, д. 596), в котором есть упоминания об обучении его в Монголии, а также о поездке группы паломников из Тувы в Монголию¹.

Помимо этих документальных источников интерес представляют воспоминания тувинцев старшего поколения, зафиксированные в художественной литературе и публицистических изданиях: их детство приходилось на начало XX века и они сохранили в памяти отдельные эпизоды из жизни с родителями, в том числе их паломнические поездки. В художественной литературе эти воспоминания могут быть приукрашены различными художественными приемами, тем не менее, эта информация, вполне может быть рассмотрена как фактологический материал. Подобные сведения имеются, например, в автобиографической повести известного тувинского писателя Кызыл-Эника Кудажы «Самдар Намдар» («Оборванец Намдар») (2005), повести Ондара Сегленмея «Тын дээш демисел» («Воля к жизни») (1980) и др.

Следует отметить, что исследователи истории паломничества монголоязычных народов, также не удовлетворяясь текстами «хождений», которые в первую очередь показывают впечатления образованных, духовных лиц, находят альтернативные источники, чтобы учитывать и жизнь мирян. Например, С. Б. Намсараева вводит в научный оборот текст записи, сделанной сельским учителем и краеведом Б. Б. Намсараевым в 1968 г. на бурятском языке по устным историям старейшины села Судунтуй Читинской области Бато Бадмаева о его путешествии к святыням Тибета в 1901–1904 гг. Исследователь справедливо полагает, что подобные рассказы несут в себе ценные сведения, которые были упущены в путевых дневниках других профессиональных путешественников и хождениях лам (Намсараева, 2020).

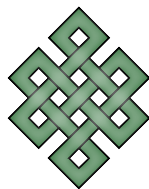
Учет всех групп источников позволяет увидеть не только формы паломничества, которые фиксировались официально и были связаны с ламами, но и те, которые совершались мирянами.

Паломничество знати и лам

Как было упомянуто выше, путешествия за пределы Тувы всегда были затратными мероприятиями, а средства для этого были далеко не у всех. Поэтому паломничество имело явное деление по направлениям и по уровню материальных расходов для разных групп населения: во-первых, поездки в Тибет² и Монголию были доступны прежде всего состоятельным людям и ламам, получающим для

¹ Поскольку крупнейший монастырь Гандан г. Улан-Батора имеет свой архив, то в нем, вполне возможно наличие материалов о тувинских паломниках. Аналогичные материалы также могут храниться в архивах приграничных с Тувой Завханского, Кобдинского и Убсунурского аймаков Монголии.

² Так как в Туве распространился тибетский вариант буддизма, то главным центром притяжения для тувинских буддистов стала именно эта страна, несмотря на то, что в целом в мировой буддийской традиции первым, наиболее важным местом для поклонений является Индия — место рождения и проповедей Будды. Лишь после того, как в середине XX в. последний духовный лидер Тибета — Его Святейшество Далай-лама XIV покинул свою страну, центром притяжения для тувинских и др. буддистов снова стала Индия, точнее г. Дхарамсала, где располагается ныне его резиденция и находится Правительство Тибета в изгнании (см.: Ламажаа, Бичелдей, Монгуш, 2020).

этого средства, собранные от пожертвований; во-вторых, для простых тувинцев главными объектами поклонений, паломничества были храмы и монастыри, расположенные на территории Тувы, куда они приезжали с мест своих стоянок в дни буддийских праздников. Тем не менее, необходимо сделать оговорку, что простые жители Тувы пограничных с Монголией районов тоже могли совершать паломнические поездки в близлежащие монгольские храмы и монастыри, речь идет прежде всего о тувинцах юга — Тес-Хема, Эрзина¹.

В паломничество в Тибет и Китай в связи с его удаленностью ездили, в основном, состоятельные люди сами или те, кому они оказывали существенную материальную и финансовую помощь. Как пишет М. В. Монгуш, поездки первых тувинских лам, которые выезжали в Тибет на обучение и проезжали через Монголию, стали возможными благодаря деятельности десятого амбын-нояна Элзей-Очура (из династии первого тувинского амбын-нояна Тувы Дажы Оюна) в 1870–1880-е гг. (Монгуш, 2001: 45). Известно, что лама Монгуш Лопсан-Чимит (1888–1940), подготовивший впоследствии (в 1928 г.) проект тувинской письменности на основе немецкого алфавита, обучался в Тибете и Монголии в общей сложности 18 лет. Тибетское образование было и у Ондара Лопсана-Чамзы (1857–1930), камбы-ламы Верхне-Чаданского монастыря и всего Урянхая, который был родным братом угерда Хемчикского Даа хошуна Хайдыпа. Последний стал активным организатором отправки в монастыри Монголии и Тибета тувинских юношей (там же: 47). Более того, в 1906 г. он отправил в Тибет группу тувинских чиновников для подношения даров Далай-ламе XIII и получения от него благословения (там же: 48). Эта информация отмечена в «Книге доходов и расходов ламского хуре Хемчик Даа хошууна» (НА РТ, ф. 115, оп. 1, ед. хр. 192, на 185 л.), где упоминается список «расходованных» вещей правителей хошуна во время поездки.

Одним из тувинских детей небогатого происхождения, но которым возможно помогла поддержка состоятельных тувинцев, сумевшим достичь Тибета и получить там образование, стал родственник К.-Э. Кудажы. В автобиографической повести известного тувинского писателя «Самдар Намдар» («Оборванец Намдар») упоминается дядя со стороны матери — весьма образованный Намбырал лама, который учился в Лхасе. Тот начал свое обучение там с 9 лет и проучился 20 лет. Вернувшись из Тибета, Намбырал лама стал верховным ламой в построенном им самим Хендерге хурээ (на территории нынешнего Чеди-Хольского кожууна). Здесь он служил также с другими ламами. Они давали начальное образование послушникам-хууракам; проводили богослужения, давали наставления населению².

В буддийской школе в Тибете обучался потомственный священнослужитель Шыырап Канданкамбы Долаан (репрессирован в 1939 г.). О нем имеются упоминания в книге народных рассказов о прошлом тувинских семей — книге воспоминаний «Тува. XX век. Народная летопись» (2001). Когда Шыырапу Кандану было 9 лет, в Тибет его отправил отец, имевший сан ламы в монастыре Хендерге. В одном из монастырей Тибета мальчик проучился 10 лет, но, когда до конца учебы оставался всего лишь год, он вернулся в Туву, обзавелся семьей и обратно в Тибет не стал возвращаться. Дома он работал в Хендергинском монастыре вместе с отцом и другими ламами³.

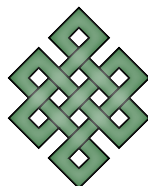
Монголия была более доступна для тувинцев, поэтому сведений о поездках в святыни и монастыри этой страны существенно больше. Туда ездили на учебу, для преклонения святым, совершения практик, поклонения Восьмому Богдо-гэгэну Джебцуну Дамба хутухте, которого тувинцы наравне с монголами почитали как живое божество (Жуковская, 1992: 167).

М. В. Монгуш упоминает о паломниках, связанных с именем сына Хайдыпа — следующего угерда Хемчикского хошуна Буяна-Бадырды. Летом 1909 г. он обращался с официальной просьбой улясуйскому цзянь-цзюню беспрепятственно пропустить через границу верующих аратов из Тувы, которые едут в Ургу — на поклонение хутухте. Причем, в числе паломников была и его мать (Монгуш, 2001: 50). К самому Буяну-Бадырды обращались за разрешением поехать на учебу в Монголию. Например, в архивных документах найдены его письма со сведениями о фактах обучения тувинцев в Найысылал Хурээ Урги (ныне Гандан монастырь в г. Улан-Баторе) (НА РТ, ф. 115, оп. 1, д. 283а).

¹ Так, например, информатор М. В. Монгуш — уроженка Эрзинского района Мыдыкма Мамылдай (родившаяся в 1913 г.) рассказывала о популярности поездок в Ургу у тувинцев, в том числе о своих поездках с родителями. На дорогу у них уходило не менее 15 суток (Монгуш, 2001: 51).

² Кудажы К.-Э. Самдар Намдар. Кызыл: Тыванын ном ундурер чери, 2005. С. 5–6.

³ Тупден Т., Кунгаа А. Кто-то донес... // Тува. XX век. Народная летопись. Кызыл: Республиканская типография, 2001. С. 272–273.

Высшее тувинское духовенство совершало регулярные поездки в Монголию. Так, неоднократные путешествия с жертвоприношениями к его преосвященству Богдо-Гегээнун в Монголию отмечались у гелонга Ондара Лопсан-Балдана из сумона Ишкин (из письма Камбы-ламы Тувы «Хамбы ламаның бижи» (НА РТ, ф. 115, оп. 1, ед. хр. 192, л. 23). Гелонг Межегейского монастыря из Танды О. Ч. Люндуп писал: «В 1919 г. во время оккупации Монголии Китаем, я находился в большом монастыре (Гандан) Монголии») (НА ТИГПИ, д. 596, с. 49). В целом, в этот период «С 1918 по 1921 гг. обучался в большом монастыре (т. е. в Гандане, в нынешнем Улан-Баторе. — Ч. Л., У. Б.) в течение трех лет) (там же: 98).

Рядовые ламы также стремились в соседнюю страну, чтобы «помолиться высочайшему Гэгэну и получить от него исцеление» (НА РТ, ф. 115, оп. 1, ед. хр. 142, л. 15–16). Чангы Ёзуту, временно исполняющий управляющего при главном управлении делами Хемчик хошууна Урянхаев, откликаясь на данное процитированное обращение, сделал письменное заключение:

«Из этого нам стало ясно, что люди, которые просят разрешение, действительно хотят освятить себя для будущего счастья. Удовлетворяя их просьбу, выдаем дорожную грамоту в одном экземпляре и просим официальных лиц, ознакомившись с ней, не препятствовать их передвижению, всячески помогая им. Им необходимо при завершении поездки, т. е. при возвращении обратно домой, сдать настоящую грамоту в наше управление¹» (там же).

Ч. Дажы-Норбу вспоминала, что в роду Адыг-Тюлюшей был лама, который более 10 лет служил в монгольских монастырях, знал лекарственные свойства растений².

Тувинцы не только отправлялись в паломничество в Монголию³, собирая порой «всем миром» жертвования на дары⁴, на строительство монгольских храмов⁵, но и отправляли туда своих детей⁶. Капитан В. Л. Попов, возглавивший в 1903. Монгольскую экспедицию Сибирского военного округа России в путевых заметках поездки через Саяны и Монголию, помимо всего прочего, отметил, что в Монголии им «пришлось встретить довольно большой караван урянхов⁷, возвращавшихся у гор. Урги, куда более религиозные урянхи ездят на поклонение Богдо-гэгэну. Эти паломники ламаизма, конечно, отправляясь за тысячу верст в Ургу, тратят порядочные средства на путешествие и приношения» (Попов, 1905: 131; сохранена грамматика текста. — Ч. Л., У. Б.; см. также: Монгуш, 2001: 51).

В воспоминаниях гелонга (тув. *хелин*) О. Ч. Люндупа есть рассказ: перед тем как приступить к строительству буддийского монастыря в Самагалтае, которое было примерно в 1786–1788 гг., группа паломников, возглавляемая амбын-нойоном Оюн Тажы, отправилась в г. Ургу с целью преподнесения специальной мандалы (тув. *мандыл*) Богдо Гегэну Джебцундамбе хутухте *хутугта* (тув. *кудукту*, т. е. перерожденец), который восседал в то время в их хурээ (монастыре Гандан в г. Улан-Баторе) и попросили преподать им основы буддийского учения. Во время встречи с паломниками из Тувы, Богдо Гегээн высказал повеление:

«Для вас, тувинцев, основы учения может преподать хутухта, находящийся в монастыре местности Эргине-Байынды Чиң-ваң аймака Сайын-нояновского управления. Я повелеваю вам испросить основы буддийского

¹ Текст цитаты отредактирован с учетом правил современного правописания на русском языке.

² Дажы-Норбу Ч. Потомки хозяина тайги // Тува. XX век. Народная летопись. Кызыл: Республиканская типография, 2001. С. 53.

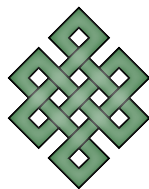
³ «Записка чангы Ёзуту чангы Борасегетинской погранзаставы о ламах Балдан и Арья просящих разрешение поехать молиться священному ламе Гегэну в 1903 г.» в «Материалах по религиозным делам» (НА РТ, ф. 115, оп. 1, ед. хр. 142, л. 18); «Приказ об управлении шабинарами Джалханза-хутукты правителю Тоджинского хошуна бугдийн-дарга гуну Тонмиту. В связи с тем, что Джалханза-хутукта получил печать Самади багш Номунхана, необходимо прибыть в Ургу, получить божественное благословение и преподнести дары, распределенные по Тоджинскому хошуу» (НА РТ, ф. 115, оп. 1, д. 283, 4.4–5; Тувагийн туухэнд холбогдох ..., 2011b: 142).

⁴ «Запись о поездке в Монголию для поклонения Манчин-ламе в 1898 г.» в «Материалах по религиозным делам» (НА РТ, ф. 115, оп. 1, ед. хр. 142, л. 8); «Распоряжение ухери-да Хайдапа о подношении хандив дацану Жуд (Тантры) халхасского монастыря Дуурэгч-ван хошуна» (НА РТ, ф. 115, оп. 1, д. 163/2; а также: Тувагийн туухэнд холбогдох ..., 2011a: 413); «Сообщение о сделанном подношении хандив дацану Тантры халхасского монастыря Дуурэгч-ван хошуна» (НА РТ, ф. 115, оп. 1, д. 142/2; см. также: Тувагийн туухэнд холбогдох ..., 2011a: 415).

⁵ «Хувилган ламе Лопсан Данзыну о сборе пожертвований от аратов для постройки хурье (монастыря) при Улястайском чанчыне» в «Материалах по религиозным делам» (НА РТ, ф. 115, оп. 1, ед. хр. 142, л. 157); «О пожертвованиях народа для хурээ бога Суме Ламы-Гегээна в 1903 г.» в «Материалах по религиозным делам» (НА РТ, ф. 115, оп. 1, ед. хр. 142, л. 17).

⁶ «Распоряжение об отправке детей на учебу» (НА РТ, ф. 115, оп. 1, д. 167/1; см. также: Тувагийн туухэнд холбогдох ..., 2011a: 423).

⁷ Т. е. тувинцев.

учения у этого ламы. А я со своей стороны могу лишь указать вам необходимость отныне начать поклоняться божеству Махакала¹ и проводить регулярные церемонии его освящения» (НА ТИГПИ, д. 596, с. 2).

По возвращении в Туву паломники снарядили отдельную паломническую экспедицию в указанную Богдо Гегэном местность, где проживал хутугта. Приехав к высокому ламе, посланцы поклонились ему, преподнесли мандалу, и попросили дать посвящение в учение Будды. Хутугта, приняв дар, повелел начать развитие учения Будды в Самагалтайском монастыре с года железной Лошади тринадцатого века Арапчүңа (там же).

В своих воспоминаниях гелонг Ляндуп не указывает конкретную дату и год поездки паломнической процессии, возглавляемого амбын-нойоном Оюн Тажи в Ургу. Согласно информации из «Истории Тувы» (*История Тувы*, 2001: 217), где сделана ссылка на «Историю прежних нойонов тувинского народа», копия которого хранится в рукописном фонде ТИГПИ (РФ НА ТИГПИ, д. 330, с. 2), Оюн Тажи был назначен общим правителем Тувы в 1786 г. В таком случае можно предположить, что события, связанные с поездкой паломников от имени и по предводительству первого тувинского Амбын-нойона Оюна Тажи, вначале в Ургу, а затем и в местность Эртине-Буянды Сайын-Нойоновского аймака Монголии, происходили во второй половине 1780-х гг. (РФ НА ТИГПИ, д. 596, с. 35).

Упоминания о паломничестве тувинцев в Китай крайне редки. Обнаружено пока единственное упоминание о поездке на священную гору Утайшань в провинции Шаньси, где расположены древние монастыри и храмы. В своих воспоминаниях вышеупомянутый гелонг Оюн Ляндуп сообщает следующую интересную информацию: «...помимо Урги (Улан-Батора) тувинцы также посещали знаменитую гору Утайшань (тув. Удай даг). Паломничество из Тувы в Утайшань были редкими, но имели место быть. Поездки туда из Тувы длились иногда даже год» (РФ НА ТИГПИ, д. 595, с. 35).

В повести «Улуг чалгыг» («Большая волна») народный писатель Тувы С. А. Сарыг-оол привел рассказ чабана Хылбана, который в юности, попав в военный призыв китайских и монгольских управлений, попал в плен к белогвардейцам. События происходили в промежутке 1914–1918 г. Вместе с остальными пленными Хылбан был отправлен в минусинскую тюрьму, затем, по причине происшедших везде столкновений большевиков и белогвардейских войск, вместе с друзьями прошел путь странников из Минусинска в Красноярск, далее в Хабаровск, затем — в Харбин, Мукден. Оттуда они наконец прибыли в Ургу. Оказавшись в Урге, зная, что в Улуг Хурээ (Гандан монастыре) постоянно обучаются тувинские послушники-хувураки, они пришли в монастырь. Здесь они встретились с хувураком (хуураком) из Чадааны (Чадаана) и узнали, что недавно сюда прибыла большая группа паломников из Амбын кожууна Тувы во главе с даа-ламой Чагытайского хурээ Балдаром и Чорбаа, управляющим Салчакского кожууна. Хувурак сопровождал странников к месту, где расположились тувинские паломники, проживавшие в 40 палатках и трех белых юртах рядом с монастырем. Здесь рассказчик встретил свою земляку из Тес кожууна по имени Сирзенмаа².

Все представленные формы паломничества, события, которые их сопровождали, свидетельствуют об интенсивности процесса развития буддизма в Туве в конце XIX века, о чем также пишет М. В. Монгуш (*Монгуш*, 2001: 45).

Паломничество народа

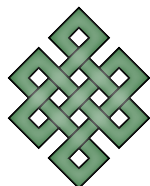
Главными объектами для народной формы паломничества были буддийские храмы самой Тувы, которые со второй половины XIX века стали центрами социальной, культурной и экономической жизни.

Известны усилия амбын-нойонов по подготовке лам из числа тувинцев — это было частью их политики насаждения буддизма в Туве. Так, М. В. Монгуш упоминает о приглашениях амбын-нойона Ламажапа в 1850-х гг. лам-учителей из Монголии, чтобы они учили тувинских послушников-хувураков при Самагалтайском хурээ монгольскому и тибетскому языкам, чтению и письму, основам буддийских знаний (*Монгуш*, 2001: 44). Впоследствии с 1870-х гг. позиции буддизма укреплялись в Хемчикском кожууне при десятом амбын-нойоне Өлзей-Очуре.

В 1905 г. нойоном Хайдыпом был построен Верхне-Чаданский хурээ (Үстүү-Хурээ), ставший крупнейшим в Туве. В нем также было решено готовить будущих лам. По воспоминаниям очевидцев,

¹ Божество — охранник, защитник буддийского учения; один из Дхармапала — гневных божеств буддийской мифологии.

² Сарыг-оол С. А. Улуг чалгыг // Сарыг-оол С. А. Собрание сочинений : в 3-х т. Кызыл, 1992. Т. 3. С. 241–242.

сначала были собраны сто мальчиков восьмилетнего возраста, которых посвятили в послушники-хуураки и обучение которых было поручено главе храма Ондар Лопсану Чамзы¹. Среди них, например, был Куулар Дондук (1888–1932), государственный и политический деятель, ставший впоследствии председателем Президиума Малого хурала Тувинской Народной Республики. После обучения в Верхне-Чаданском хурээ он продолжил монастырское образование в монастыре Гандан г. Урга (ныне г. Улан-Батор). Куулару Дондуку пришлось прервать учебу в связи с Синхайской революцией в Китае в 1911 г. и политических перемен в Туве, в которых он впоследствии принял активное участие.

Правой рукой главы Верхне-Чаданского хурээ Лопсана Чамзы был Араптан-геше, о котором мало сведений, но есть упоминания в протоколе всебуддийского съезда 1928 г., где он фигурирует в качестве активного делегата съезда. Во время съезда он был избран членом комиссии для разработки резолюции по заслуженным докладам (РФ НА ТИГПИ, д. 11, с. 159). Упоминания о нем нашла тувинская журналистка И. Качан. Из ее публикации мы узнаем, как тувинцы отдавали детей на обучение:

«Меня повезли учиться, когда мне было семь или восемь лет. Отец посадил меня рядом с собой на коня и повез из Верхнего Ишкина на учебу в местечко у чаданского Устуу-Хурээ — в юрту человека по имени Араптан-кешпи. Привез и оставил, а сам уехал домой. Живя в юрте того ламы, я был тем, кто вставал спозаранок, варил чай, разжигал огонь, ходил за хворостом, носил воду. Вечером меня сажали рядом и обучали тангутской грамоте»².

Жизнь тувинских послушников-хуураков из простых семей в монастырях в целом была сложной. Например, писатель Ондар Сегленмей в повести «Тын дээш демисел» («Воля к жизни») описывает жизнь трех маленьких послушников-земляков Шойдана, Чанзана и Чымба из Бай-Тайгинского района, которые обучались в Устүү-Хурээ. Хотя мальчики и старались, ламы не давали им спуска, много нагружали физической работой по уборке, мытью, гоняли их по разным поручениям и даже били³.

В 1880-х гг. в Туве «буддизм развивается здесь повсеместно, собирая вокруг себя десятки тысяч аратов» (Монгуш, 2001: 45). Это свидетельство монгольского ламы Санчая, приглашенного Өлзей-Очуром в ставку хемчикского угерды, которое приводит М. В. Монгуш.

Очевидно, немалую роль в том, что монастыри стали привлекательными для простого люда, стала не только их потребность в молитвах, поклонениях, но и чисто материальные причины. Монастырские хозяйства имели пастбища, вели торговлю, скупали у аратов пушнину, скот (История Тувы, 2007: 40). Но для того, чтобы реализовывать и религиозную политику, при монастырях организовывались и массовые праздники со сбором средств, угощениями, соревнованиями. Так, Өлзей-Очур в 1870 г. распорядился провести большую пуджу (религиозный праздник поклонения), для чего хемчикский угерда Базыр собрал с жителей близлежащих сумонов значительный запас продуктов для угощения во время праздника. Служба сопровождалась большим скоплением народа (Монгуш, 2001: 45).

Один из таких религиозных праздников, собиравшим много тувинцев-паломников, описывается в известном автобиографическом романе «Повесть о светлом мальчике» С. А. Сарыг-оола. Здесь речь идет о летнем празднике Майдыр у Кыргыстарского хурээ в Эрзине:

«Чем ближе мы подъезжали к хурээ, тем большие толпы паломников присоединялись к нам. Некоторые ехали целыми аалами. Здесь можно было все увидеть — хорошего коня, смелого наездника, красивую девушку. На привалах молодые девушки тщательно умывали свои хорошенькие личики в воде ручейков ... Лошади богачей тоже были разряжены не хуже хозяев. Беднякам вроде меня и подойти к компании богатых нельзя — поднимут на смех»⁴;

«По дороге стали попадаться толпы плохо одетых пеших людей. Некоторые несли на шее, вели за руки голых и босоногих ребятишек. Иные, в такой же худой одежке, ехали по двое, по трое на быках...»⁵;

«Наконец перед нашими глазами предстало доселе невиданное мною сооружение — буддийский храм. На самой верхушке крыши торчала медная шишка, словно на шапке у чиновника, на всех четырех углах тоже

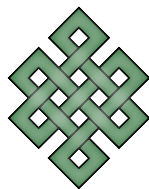
¹ Монгуш А. «Шыдаан» — Чадан? // Тува. XX век. Народная летопись. Кызыл : Республиканская типография, 2001. С. 124.

² Качан И. Устуу-Хурээ — случайности не случайны [Электронный ресурс] // Тува.Азия. 2015, 18 июля. URL: <https://www.tuva.asia/news/tuva/8086-ustuu-huree.html> (дата обращения: 12.01.2021).

³ Сегленмей (Ондар) Ф. Ш.-Х. Тын дээш демисел. Кызыл : Тувинское книжное издательство, 2008. С. 11.

⁴ Сарыг-оол С. Летний праздник и посещение хуре / Сарыг-оол С. Повесть о светлом мальчике [Электронный ресурс] // Радуга Тувы. Детский литературный сайт. URL: <http://tuvacheleesh.ru/156> (дата обращения: 12.01.2021).

⁵ Там же.

было по шишке. Рядом с хуре было много построек, где жили и учились молодые ламы. По всей опушке привязаны лошади на арканах. Самые знатные расположились близко к хуре, а то и во дворе его, а беднота в лесу»¹.

Далее писатель описывает увиденное во дворе храма, а также лам, занимавшихся разными делами. Одни читали молитвы, другие оглушительно колотили в медные тарелки. Кругом стоял густой дым от разных курений, сквозь него проступали страшные рожи зверей. Люди кланялись им, стукались лбами об этих идолов. Оглушенный всем происходящим главный герой также принялся усердно молиться и стучать лбом, при этом думал: «Что творилось в моей душе — объяснить невозможно: страх и любопытство, волнение, недоумение. Я совсем забыл бабушкину просьбу помолиться за живых и мертвых»².

С. А. Сарыг-оол хорошо показал, что простые паломники были слабо осведомлены в тонкостях буддийского вероучения, не были в полном смысле слова буддистами. Однако, люди уже были убеждены, что смогут увидеть божество, смогут получить благословение от него:

«Выйдя из хуре, я услышал почтительный шепот со всех сторон:

— Майндыр! Вон сам Майндыр едет!

“Ну вот, теперь наконец я увижу настоящего живого бога”, — успокоенно подумал я и стал выглядывать из-за спин людей. Впереди толпы двигалась процессия. Была видна высокая колесница, запряженная людьми. На ней — носилки, покрытые пологом из желтого шелка, откуда высовывалась голова старого седого ламы. Лама важно оглядывал народ.

“Наверное, он и есть Майндыр”, — подумал я, но, протиснувшись ближе, увидел, что этот лама очень некрасивый, с сальным угреватым лицом и большим носом. В передке колесницы была прикреплена зеленая лошадка, которую люди называли божьей лошадкой.

<...>

Много сил потратить пришлось, пока я, пробравшись сквозь толпу, не очутился рядом с колесницей. Каждому хотелось коснуться реликвий. Народ шел с поднятыми ко лбу ладонями, кланяясь. Из-за этого все натыкались на впереди идущих, толкались, падали, получалась свалка. А совсем близко к колеснице я протиснуться побоялся: стоявший на передке лама размахивал тяжелой палкой, чтобы расчистить путь. Меня бы он уложил, как зайчишку»³.

Каким образом происходили праздники Майдыр у тувинцев также описал Н. Ф. Катанов в дневнике своего путешествия 1889 г. (Катанов, 2011). Он прибыл к буддийскому храму у подножья горы Хайыракан, в котором был организован праздник, и не только описал увиденное, но и сделал зарисовки движения процессии молящихся, расположение лам, групп людей, даже скамеек (там же: 171–174). Также он отметил особенности соревнований борцов, которые состоялись после моления (там же: 174).

На тувинцев, конечно, все великолепие буддийских храмов, пышность церемоний производили неизгладимое впечатление. Будучи в основной массе безграмотными, не владеющими иными языками, они не понимали нюансов богослужений, как писал Н. Ф. Катанов, «из урянхайцев никто не мог рассказать мне содержание тангутских (тибетских) молитв» (там же: 174). Поэтому тувинцы воспринимали в первую очередь только внешнюю форму религиозных обрядов, храмов.

Так, в книге воспоминаний жителей села Самагалтай (в тувинском написании — Самагалдай), которая была издана в 1996 г. в честь 220-летнего юбилея «Самагалдай. Первая столица Тувы» (1996), мы находим воспоминания учителя, ветерана труда Алексея Дамдына. В детстве он с отцом приезжал из чабанской стоянки в Самагалтай, в котором располагался большой храмовый комплекс и к которому приезжало много тувинцев. Он вспоминает, как впервые увидел золотые крыши храмов и поражаюсь их красоте, величию, сверканию золота, которое было и во внутреннем убранстве. В его память остались и богатые ковры, на которых сидели ламы и молились⁴.

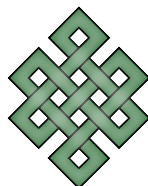
Религиозные праздники согласно буддийскому календарю устраивались разные, длились они по несколько дней, и были призваны не только усиливать эффект от коллективного чтения молитв, что считается важным для буддистов, но и насаждать религию народу «сверху» (Монгуш, 2001: 53). М. В. Монгуш заключила, что буддизм,

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Самагалдай. Первая столица Тувы. Кызыл: Новости Тувы, 1996. С. 99-100.

«приняв весьма простую форму выражения, уверенно шагнул в народные массы. ... Обрядовая сторона невольно вытеснила само содержание буддизма. Это в итоге привело к тому, что внешняя форма обрядов стала важнее, чем их внутреннее содержание» (там же: 53).

При всем многообразии национальных форм буддизма в самых разных странах и регионах мира, очевидно, что буддийское учение приспособлялось к местным традициям и верованиям, чтобы распространяться и развиваться на разных уровнях: как государственная религия, как религия просвещенных слоев общества, как народный буддизм. Наши наблюдения за современными формами буддийского паломничества у тувинцев-буддистов показали, что с течением времени не многое изменилось, поскольку основная часть населения даже в XXI веке продолжает оставаться буддистами скорее по традиции, не вникая в суть Учения (Ламажаа, Бичелдей, Монгуш, 2020). Тем не менее, религиозная идентичность, объединяющая тувинцев с другими народами, стала не менее важной составной частью их этнокультурной идентичности.

Заключение

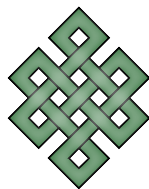
Таким образом, можно констатировать, что за короткий срок распространения буддизма в Туве он сумел не только стать государственной религией (Монгуш, 2001: 55), но и способствовал образовательным, культурным, религиозным связям тувинцев с Монголией, Тибетом, а также Китаем благодаря паломническим поездкам. Наше исследование показывает, что для тувинцев рубежа XIX-XX вв. было два важных направления паломничества буддистов: зарубежное (в Монголию и Тибет) и внутреннее (к святым местам, храмам в пределах самой Тувы). При этом дальние поездки были доступны прежде всего состоятельным людям — знати и ламам, которые получали образование в Тибете и Монголии. Простолюдины совершали паломничества в основном в ближних пределах мест своего проживания.

Благодарности

Благодарим за помощь в переводах отдельных фрагментов архивных документов со старомонгольского на русский язык д-ра филол. н., проф. Каадыр-оола Алексеевича Бичелдея.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бакаева, Э. П. (1994) Буддизм Калмыкии: историко-этнографическое очерки. Элиста : Калмыцкое книжное издательство. 127 с.
- Барадин, Б. (2002) Жизнь в Тангутском монастыре Лавран. Дневник буддийского паломника (1906–1907 гг.). Улан-Удэ : Изд-во Бурятского научного центра СО РАН. 244 с.
- Берзин, А. (1992) Тибетский буддизм: история и перспективы развития. Волгоград : б. и. 32 с.
- Буддизм (1992) : словарь / Л. Л. Абаева, В. П. Андросов, Э. П. Бакаева и др. ; под общ. ред. Н. Л. Жуковской, А. Н. Игнатовича, В. И. Корнева. М. : Республика. 288 с.
- Жуковская, Н. Л. (1992) Ламаизм в Туве // Буддизм (1992) : словарь / Л. Л. Абаева, В. П. Андросов, Э. П. Бакаева и др. ; под общ. ред. Н. Л. Жуковской, А. Н. Игнатовича, В. И. Корнева. М. : Республика. 288 с. С. 167–168.
- История Тувы (2001) / под общ. ред. С. И. Вайнштейна, М. Х. Маннай-оола. Новосибирск : Наука. Т. I. 367 с.
- История Тувы (2007) : в 3 т. / под общ. ред. В. А. Ламина. Новосибирск : Наука. Т. II. 430 с.
- Катанов, Н. Ф. (2011) Очерки Урянхайской земли. Дневник путешествия, исполненного в 1889 году по поручению Императорской Академии наук и Императорского Русского географического общества. Кызыл : ТИГИ при Правительстве РТ. 384 с.
- Ламажаа, Ч. К., Бичелдей, У. П., Монгуш, А. В. (2020) Тувинское буддийское паломничество: от традиции к вере // Новые исследования Тувы. № 4. С. 135–155. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.4.10>
- Монгуш, М. В. (2001) История буддизма в Туве (вторая половина VI — конец XX в.). Новосибирск : Наука. 200 с.
- Намсараева, С. Б. (2020) О новом источнике «устной истории» бурят о паломничестве по Внутренней Азии в начале XX в. // Oriental Studies. Т. 13. № 6. С. 1558–1567. DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2020-52-6-1558-1567>
- Хомушку, О. М. (2005) Религия в культуре народов Саяно-Алтая. М. : Изд-во РАГС. 228 с.
- Павлов, П. А. (2007) Духовные связи российских буддистов с Тибетом в конце XIX — начале XX вв. : автореф. дисс. ... к-та ист. н. СПб. 25 с.

Попов, В. (1905) Через Саяны и Монголию. Очерк путешествия. Омск : Типография Штаба Сибирского военного округа. 177 с.

Сазыкин, А. Г. (1989) Описание Тибета, составленное в XVIII в. бурятским паломником Дамба-Доржи Заяевым // Страны и народы Востока. Вып. XXVI: Средняя и Центральная Азия (география, этнография, история). М. : Наука ; РЗВЛ. С. 117–125.

Тувагийн туухэнд холбогдох архивын баримдын эмхэтгэл. Боть I (1738–1911) = Собрание архивных документов по истории Тувы. Том I (1738–1911) = Тыванын тоогузунге хамааржыр шыгжамырлар бижимелдеринин чыындызы. 1-ги том (1738–1911) (2011a) / гл. ред. С. Чулуун, А. К. Бичелдей. Уланбаатар ; Кызыл : б. и. 498 с.

Тувагийн туухэнд холбогдох архивын баримдын эмхэтгэл. Боть II (1911–1921) = Собрание архивных документов по истории Тувы. Том II (1911–1921) = Тыванын тоогузунге хамааржыр шыгжамырлар бижимелдеринин чыындызы. 2-ги том (1911–1921) (2011b) / гл. ред. С. Чулуун, А. К. Бичелдей. Уланбаатар ; Кызыл : б. и. 469 с.

Уланов, М. С., Бадмаев, В. Н., Андреева, А. А. (2020) Феномен буддийского паломничества в истории и культуре калмыков // Былые годы. Т. 56, вып. 2. С. 398–406. DOI: <https://doi.org/10.13187/bg.2020.2.398>

Цыбиков, Г. Д. (1991) Избранные труды : в 2 т. Новосибирск : Наука, Сибирское отделение. Т. 1. Буддист-паломник у святынь Тибета. 256 с.

Дата поступления: 01.02.2021 г.

REFERENCES

Bakaeva, E. P. (1994) *Buddizm Kalmykii: istoriko-etnograficheskoe ocherki [Buddhism of Kalmykia: Historical and ethnographic essays]*. Elista, Kalmyk Book Publishing House. 127 p. (In Russ.).

Baradin, B. (2002) *Zhizn' v Tangutskom monastyre Lavran. Dnevnik buddiiskogo palomnika (1906–1907 gg.) [Life in the Tangut Monastery Lavran. Diary of a Buddhist pilgrim (1906–1907)]*. Ulan-Ude, Publishing House of the Buryat Scientific Center SB RAS. 244 p. (In Russ.).

Berzin, A. (1992) *Tibetskii buddizm: istoriia i perspektivy razvitiia [Tibetan Buddhism: History and prospects of development]*. Volgograd, s. n. 32 p. (In Russ.).

Buddizm [Buddhism] (1992) : A dictionary / L. L. Abaeva, V. P. Androsov, E. P. Bakaeva et al. ; ed. by N. L. Zhukovskaya, A. N. Ignatovich and V. I. Kornev. Moscow, Respublika. 288 p. (In Russ.).

Zhukovskaia, N. L. (1992) Lamaizm v Tuve [Lamaism in Tuva]. In: *Buddizm [Buddhism] : A dictionary* / L. L. Abaeva, V. P. Androsov, E. P. Bakaeva et al. ; ed. by N. L. Zhukovskaya, A. N. Ignatovich and V. I. Kornev. Moscow, Respublika. 288 p. Pp. 167–168. (In Russ.).

Istoriia Tuvy [The History of Tuva] (2001) : in 2 vols. 2nd ed. / ed. by S. I. Vanshtein and M. Kh. Mannai-ool. Novosibirsk, Nauka. Vol. I. 367 p. (In Russ.).

Istoriia Tuvy [The History of Tuva] (2007): in 3 vols. / ed. by V. A. Lamin. Novosibirsk, Nauka. Vol. 2. 430 p. (In Russ.).

Katanov, N. F. (2011) *Ocherki uriankhaiskoi zemli. Dnevnik puteshestviia, ispolnennogo v 1889 godu [Essays on the Uriankhai territory. The diary of a journey made in 1889]*. Prep., introduction and comm. by A. K. Kuzhuget. Kyzyl, Tuvan Institute for Humanities Research under the Government of the Republic of Tuva. 383 p. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K., Bicheldey, U. P. and Mongush, A. V. (2020) Tuvinskoe buddiiskoe palomnichestvo: ot traditsii k vere [Tuvan Buddhist pilgrimage: From tradition to the faith]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 135–155. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.4.10>

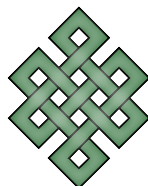
Mongush, M. V. (2001) *Istoriia buddizma v Tuve (vtoraia polovina VI — konets XX v.) [The history of Buddhism in Tuva (latter half of the 6th — late 20th cc.)]*. Novosibirsk, Nauka. 200 p. (In Russ.).

Namsaraeva, S. B. (2020) O novom istochnike «ustnoi istorii» buriat o palomnichestve po Vnutrennei Azii v nachale XX v. [Buryat oral histories on Inner Asian pilgrimage: Introducing a new source]. *Oriental Studies*, vol. 13, no. 6, pp. 1558–1567. DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2020-52-6-1558-1567>

Khomushku, O. M. (2005) *Religiia v kul'ture narodov Saiano-Altaiia [Religion in the culture of the Sayano-Altai peoples]*. Moscow, RAGS. 225 p. (In Russ.).

Pavlov, P. A. (2007) *Dukhovnye sviazi rossiiskikh buddistov s Tibetom v kontse XIX — nachale XX vv. [Spiritual relations of Russian Buddhists with Tibet in the late 19th — the early 20th centuries]* : Abstract of the Diss. ... Candidate of History. St. Petersburg. 25 p. (In Russ.).

Popov, V. (1905) *Cherez Saiany i Mongoliiu. Ocherk puteshestviia [Through the Sayans and Mongolia. A travel essay]*. Омск, Printing House of the Siberian Military District Headquarters. 177 p. (In Russ.).

Sazykin, A. G. (1989) Opisanie Tibeta, sostavlennoe v XVIII v. buriatskim palomnikom Damba-Dorzhi Zaiayevym [Description of Tibet, compiled in the 18th century by the Buryat pilgrim Damba-Dorzhi Zayaev]. In: *Strany i narody Vostoka [Countries and peoples of the East]*. Issue XXVI: Sredniaia i Tsentral'naia Aziia (geografii, etnografii, istoriia) [Soviet Central and Central Asia (geography, ethnography, history)]. Moscow, Nauka, RZVL. Pp. 117–125. (In Russ.).

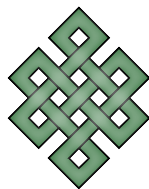
Tuvagiin tuukhend kholbogdokh arkhivyn barimdyn emkhetgel. Bot' I (1738–1911) = Sobranie arkhivnykh dokumentov po istorii Tuvy. Tom I (1738–1911) = Tyvanyn tooguzunge khamaarzhyr shygzhamyrlar bizhimelderinin chyyndyzy. 1-gi tom (1738–1911) [A collection of archival documents on the history of Tuva. Vol. 1. (1738–1911)] (2011a) / ed. by S. Chuluun and A. K. Bicheldei. Ulanbaatar ; Kyzyl, s. n. 498 p. (In Mong., Russ. and Tuv.).

Tuvagiin tuukhend kholbogdokh arkhivyn barimdyn emkhetgel. Bot' II (1911–1921) = Sobranie arkhivnykh dokumentov po istorii Tuvy. Tom II (1911–1921) = Tyvanyn tooguzunge khamaarzhyr shygzhamyrlar bizhimelderinin chyyndyzy. 2-gi tom (1911–1921) [A collection of archival documents on the history of Tuva. Vol. 2 (1911–1921)]. (2011b) / ed. by S. Chuluun and A. K. Bicheldei. Ulanbaatar ; Kyzyl, s. n. 469 p. (In Mong., Russ. and Tuv.).

Ulanov, M. S., Badmaev, V. N. and Andreeva, A. A. (2020) Fenomen buddiiskogo palomnichestva v istorii i kul'ture kalmykov [The phenomenon of Buddhist pilgrimage in the history and culture of Kalmyks]. *Bylye Gody*, vol. 56, issue 2, pp. 398–406. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.13187/bg.2020.2.398>

Tsybikov, G. D. (1991) *Izbrannye trudy [Selected works]* : in 2 vols. Novosibirsk, Nauka, Siberian Branch. Vol. 1: Buddist-palomnik u sviatyn' Tibeta [A Buddhist pilgrim at the shrines of Tibet]. 256 p. (In Russ.).

Submission date: 01.02.2021.

DOI: 10.25178/nit.2021.2.2

Статья

Религиозная ситуация в Республике Тыва (по результатам социологического исследования)

Петр К. Дашковский, Елена А. Шершнева

Алтайский государственный университет, Российская Федерация,

Ульяна П. Бичелдей

Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований

при Правительстве Республики Тыва, Российская Федерация,

Айлаана В. Монгуш

Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований

при Правительстве Республики Тыва; Алтайский государственный университет, Российская Федерация

В статье представлены результаты социологического исследования религиозной ситуации в Республике Тыва 2019 г. Картина религиозной жизни Тувы продолжает усложняться за счет регистрации новых организаций, в первую очередь традиционных — буддийских и шаманских, православных. Отмечен спад роста протестантских организаций, однако, они могут функционировать и без регистрации. В целом, отмечается стабильная межконфессиональная обстановка. Такое спокойствие обуславливается преобладанием в регионе одной конфессии — буддизма и одного этноса — тувинцев.

Выборка исследования — 334 чел., репрезентативная. 70% респондентов считают, что человеку необходимо быть верующим. Более половины населения республики уделяет важное место религии в жизни человека. Преобладающей конфессией является буддизм, однако еще 16% придерживаются религиозного синкретизма (буддизм и шаманские традиции). Религиозные праздники 73% опрошенных отмечают дома, посещение культовых объектов осуществляется не часто. Большинство соблюдают религиозные обряды только по праздникам. Это оценивается населением прежде всего как следование традиции для сохранения национальной культуры.

Респонденты испытывают потребность в получении достоверной информации через СМИ. Особый интерес проявляет молодое поколение. Несмотря на то, что религиозный институт является неотъемлемой частью культуры народа, вмешательство религиозных лидеров в политическую жизнь рассматривается большей частью опрошенных жителей региона как негативное явление. По мнению жителей Тувы, религиозные общины должны максимально выполнять социальные функции.

Исследование демонстрирует декларативную религиозность населения Тувы, однако поскольку она включает в себя и потребность в сохранении национальной культуры, то она также выполняет важную социальную функцию — приводит к сдерживанию в том числе и межрелигиозных браков.

Ключевые слова: буддизм; Республика Тыва; Тыва; тувинцы; русские Тувы; буддист; буддизм; тувинский буддизм; православие; религиозность; синкретизм; межрелигиозные отношения; межнациональные отношения; конфессиональная политика

Работа подготовлена при финансовой поддержке РФФИ-МКОНСМ по теме «Этнорелигиозные и социальные процессы как факторы межкультурного взаимодействия населения в трансграничном пространстве Алтая, Тувы и Монголии: история и современность» (№ 19-59-44002).

Для цитирования:

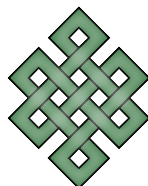
Дашковский П. К., Шершнева Е. А., Бичелдей У. П., Монгуш А. В. Религиозная ситуация в Республике Тыва (по результатам социологического исследования) // Новые исследования Тувы. 2021, № 2. С. 18-34. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.2.2>

Дашковский Петр Константинович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений, заведующий лабораторией этнокультурных и религиоведческих исследований Алтайского государственного университета. Адрес: 656049, Россия, г. Барнаул, пр. Ленина, д. 61. Тел.: +7 (3852) 29-66-29. E-mail: dashkovskiy@fnp.asu.ru

Шершнева Елена Александровна — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений Алтайского государственного университета. Адрес: 656049, Россия, г. Барнаул, пр. Ленина, д. 61. Тел.: +7 (3852) 29-66-29. Эл. адрес: D2703@yandex.ru

Бичелдей Ульяна Павловна — доктор религиоведения (Ph.D), заведующая отделом культурологии и религиоведения Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 4. Тел.: +7 (394-22) 2-39-36. Эл. адрес: orei-ool@yandex.ru

Монгуш Айлаана Витальевна — научный сотрудник отдела культурологии и религиоведения Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва; магистрант направления «Религиоведение» Алтайского государственного университета. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 4; 656049, Россия, г. Барнаул, пр. Ленина, д. 61. Тел.: +7 (394-22) 2-39-36. Эл. адрес: avitmongush@yandex.ru

Religious Situation in the Republic of Tuva (Based on the Results of a Sociological Study)

Petr K. Dashkovskiy, Elena A. Shershneva

Altai State University, Russian Federation,

Ulyana P. Bicheldey

Tuvan Institute of Humanities and Applied Social and Economic Research, Russian Federation,

Aylaana V. Mongush

Tuvan Institute of Humanities and Applied Social and Economic Research; Altai State University, Russian Federation

The article presents the results of a sociological study of the religious situation in the Republic of Tuva in 2019. The picture of the religious life in Tuva continues to become more sophisticated due to registering new organizations, mainly traditional ones – Buddhist, shamanic, and Orthodox Christian. There has been a decline in the number of Protestant organizations, but they can function without registration. In general, there is a stable inter-confessional situation. This tranquility is caused by the predominance of one denomination in the region – Buddhism and of one ethnic group – Tuvans.

The representative survey sample comprised of 334 people. 70% of the respondents think that a person needs to be a believer. More than half of the population of the republic pays much attention to the place of religion in human life. The predominant denomination is Buddhism, but another 16% adhere to religious syncretism (Buddhism and shamanic traditions). 73% of the respondents celebrate religious holidays at home, and they do not often visit sites of worship. Most people observe religious rites only on holidays. The population considers it primarily as following the tradition to preserve the national culture.

The respondents feel the need to get reliable information through the media. The younger generation is especially interested in it. Despite the fact that religion is an integral part of the culture of the people, most of the surveyed residents of the region consider the interference of religious leaders in political life as a negative phenomenon. According to the residents of Tuva, religious communities should perform social functions as much as possible.

The study shows the declarative religiosity in the population of Tuva. But since it also includes the need to preserve the national culture, religiosity also performs an important social function – it leads, among other things, to the limitation of the number of interreligious marriages.

Keywords: Buddhism; Republic of Tuva; Tuva; Tuvans; Russians in Tuva; Buddhist; Tuvan Buddhism; Orthodoxy; religiosity; syncretism; interreligious relations; interethnic relations; confessional policy

Financing

The article was prepared with financial support from the Russian Foundation for Basic Research and the Ministry of Culture, Education, Science and Sports of Mongolia within the framework of the project “Ethno-religious and Social Processes as Factors of Intercultural Interaction of the Population in the Transboundary Space of Altai, Tuva and Mongolia: History and Modernity” (No. 19-59-44002).

For citation:

Dashkovskiy P. K., Shershneva E. A., Bicheldey U. P. and Mongush A. V. Religioznaia situatsiia v Respublike Tyva (po rezul'tatam sotsiologicheskogo issledovaniia) [Religious Situation in the Republic of Tuva (Based on the Results of a Sociological Study)]. *New Research of Tuva*, 2021, no. 2, pp. 18-34 (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.2.2>

DASHKOVSKIY, Petr Konstantinovich, Doctor of History, Professor, Head, Department of Regional Studies of Russia, National and State-Confessional Relations; Head, Laboratory of Ethno-Cultural and Religious Studies, Altai State University. Postal address: 61 Lenina Prospect, 656049 Barnaul, Russian Federation. Tel.: +7 (3852) 29-66-29. E-mail: dashkovskiy@fnp.asu.ru **ORCID ID:** 0000-0002-4933-8809

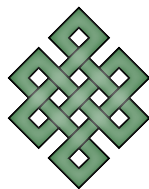
SHERSHNEVA, Elena Aleksandrovna, Candidate of History, Associate Professor, Department of Regional Studies of Russia, National and State-Confessional Relations, Altai State University. Postal address: 61 Lenina Prospect, 656049 Barnaul, Russian Federation. Tel.: +7 (3852) 29-66-29. E-mail: D2703@yandex.ru

BICHELDEY, Ulyana Pavlovna, Doctor of Religious Studies (Ph.D.), Head, Culturology and Religious Studies Unit, Tuvan Institute of Humanities and Applied Social and Economic Research under the Government of Tuva. Postal address: 4 Kochetov St., 667000 Kyzyl, Russian Federation. Tel.: +7 (394-22) 2-39-36. E-mail: opei-ool@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0001-5588-9167

MONGUSH, Aylaana Vitalyevna, Researcher, Culturology and Religious Studies Unit, Tuvan Institute of Humanities and Applied Social and Economic Research under the Government of Tuva; Master's student (Religious studies), Altai State University. Postal address: 4 Kochetov St., 667000 Kyzyl, Russian Federation. Tel.: +7 (39422) 2-39-36. E-mail: avitmongush@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0002-3164-1463

Введение

Религия на протяжении разных периодов играла заметную роль в истории народов России. На современном этапе развития общества большая часть населения мира, в той или иной мере, относит себя к какой-либо конфессии, хотя бы формально (Горохов, 2012: 49). Вопрос принадлежности к определенной конфессии особенно актуален на современном этапе развития России, поскольку в настоящее время стране имеются все условия для реализации принципов свободы совести, предполагающие исповедание любой религии или наоборот не иметь никакого религиозного мировоззрения. При этом следует отметить, что несмотря на современные тенденции глобализации, развитие научно-технического прогресса, тем не менее, религиозный фактор не перестает играть важную роль в жизни определенной части населения как России, так и других стран.

Республика Тыва в настоящее время представляет собой субъект Сибирского Федерального округа Российской Федерации и занимает особое место среди других регионов России. С одной стороны, это обусловлено приграничным расположением данной республики в центральноазиатском регионе, а с другой стороны — особенностями исторических процессов, протекавших в Тыве. В частности, стоит отметить, что до 1911 г. Тыва входила в состав Цинской империи, в 1914 г. получила протекторат Российской империи. Русские поселения, в т. ч. старообрядческие, здесь начали появляться с конца только с XIX — начала XX в. (Хомушку, 1998а: 101). В период Тувинской Народной Республики (1921-1944 гг.), в религиозной сфере начали происходить сложные политические процессы и трагические события (Монгуш, 2001: 112–115, 117). Не без помощи советских инструкторов, в республике с 1928 г. начала проводиться политика отделения религии от власти, жесткая антирелигиозная пропаганда, следствием которых стали разрушения православных и буддийских храмов, репрессии и гонения на духовных лиц и шаманов (История Тувы, 2007: 259–262; Иргит, 2019: 20). После вхождения Тувинской Народной Республики в состав СССР в 1944 г., вначале в Тувинской автономной области, затем в Тувинской АССР проводились работы по усилению коммунистической идеологии и атеистическому воспитанию (Хомушку, 1998b: 24–28). В середине 1980-х гг., когда в СССР началась «перестройка», в Тыве, как и во всех субъектах РСФСР, стали складываться предпосылки будущих перемен в духовной жизни населения, в том числе и в религиозной сфере. В постсоветский период наметившиеся тенденции на возрождение традиционной духовной культуры и религиозности еще более усилились (Бичелдей, 2019: 284–285; Хомушку, 1998а: 14).

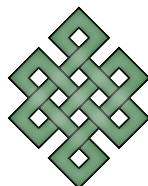
Численность постоянного населения Республики Тыва на 1 января 2020 г. составила 327383 человека, в том числе 177765 чел. (54,3%) проживает в городской местности, 149618 чел. (45,7%) — в сельской¹. В процентном соотношении численность коренного населения в регионе продолжает преобладать — тувинцы составляют 82%, соответственно, русские — 16,3%, представители других национальностей — 1,7%². Этнический состав населения Республики Тыва также оказывает влияние на религиозное мировоззрение в регионе и сохранение религиозных традиций. В тоже время одна из особенностей данного субъекта Российской Федерации в том, что в нем очень высокий процент т. н. автохтонного населения — тувинцев.

Конфессиональную ситуацию в регионе и изменения в религиозном сознании населения из-за сложившихся новых социально-экономических и политических условий рассматривала О. М. Хомушку (Хомушку, 1998с, 2000). Деятельность традиционных и нетрадиционных концессий в Тыве описывала М. В. Монгуш (Монгуш, 2007, 2012, 2015). Влияние протестантизма на этнические процессы в современной Тыве проследили Б. А. Мышлявцев и Ж. М. Юша (Мышлявцев, Юша, 2002).

За последние 5 лет по заказу Агентства по делам национальностей Республики Тыва научные сотрудники научно-исследовательской группы прикладной социологии и политологии Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва (далее — ТИГПИ) проводили ежегодное исследование по теме «Оценка межэтнических и межконфессиональных отношений в Республике Тыва» (Тензин, 2019). При этом использовалась единая для всех субъектов Российской Федерации базовая (типовая) социологическая анкета, раз-

¹ О демографической ситуации в Республике Тыва в 2019 году [Электронный ресурс] // Красноярскстат. URL: <https://krasstat.gks.ru/search?q=О+демографической+ситуации+в+Республике+Тыва+в+2019+году> (дата обращения: 06.11.2020).

² Всероссийская перепись населения, 2010 [Электронный ресурс] // Красноярскстат. URL: <https://krasstat.gks.ru/folder/39102?print=1> (дата обращения: 06.11.2020).

работанная Федеральным агентством по делам национальностей (С. Р. Хайкиным, С. Б. Бережковой) совместно с Институтом социологии РАН (Л. М. Дробижевой) и Фондом общественного мнения (Г. Л. Кертманым)»¹.

С 2019 г. исследованием религиозной жизни населения республики также занялась группа религиоведения, ныне — отдел культурологии и религиоведения ТИГПИ под руководством У. П. Бичелдей (Бадмаев и др., 2020). Совместно с кафедрой регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений Алтайского государственного университета они провели изучение общественного мнения относительно религиозной ситуации в Туве. Используются анкеты, разработанные и успешно апробированные коллективом кафедры регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений Алтайским государственным университетом под руководством П. К. Дашковского при исследовании этнорелигиозных процессов в Сибири, а также в сопредельных регионах Монголии и Казахстана. В целом результаты обоих исследований дополняют, уточняют друг друга во многих аспектах. Тем не менее, следует отметить, что в первом исследовании акцент делается на этничность и межэтнические отношения, а также положение дел и социальных проблем в республике в целом, а во втором — на религиозность и межконфессиональные отношения.

Авторы ставили перед собой следующие задачи: определить отношение населения Республики Тыва к религии; установить конфессиональную идентичность или отсутствие таковой у населения Тувы; оценить степень религиозности и вовлеченности жителей региона в культурную деятельность; установить отношение респондентов к представителям разных вероисповеданий; определить отношение жителей региона к социальной функции религии в современном обществе; выявить степень удовлетворенности респондентов СМИ в освещении религиозных вопросов, а также вмешательством государственных институтов в сферу религии.

Учитывая численность населения Республики Тыва, в рамках данного исследования было решено опросить не менее 300 человек. Фактически было охвачено 334 человека разного возраста пола, этнической принадлежности, сферы деятельности². Самых респондентов опрашивали в городе Кызыле в научных, образовательных и медицинских учреждениях муниципальных, республиканского и федеральных уровней. При этом в число опрошенных попало значительное количество респондентов, которые приехали на учебу из разных районов республики. Полученная выборка (стратифицированная, территориальная, случайная) носит репрезентативный характер.

Религиозные общины на современном этапе

Пестрая картина религиозной жизни Тувы продолжает усложняться за счет роста новых организаций. Это демонстрируют данные таблиц №№ 1–2 и рис. 1. Они составлены авторами на основе статистики Министерства юстиции Российской Федерации с 1995 по 2019 гг.³, а также цифр, приведенных в ряде публикаций (Баширов, Григорьева, Дегтярев, 1996: 246; Хомушку, 2000: 27).

¹ См. также: Оценка межэтнических и межконфессиональных отношений в Республике Тыва // Отчет о проведении социологического исследования группы прикладной социологии и политологии ТИГПИ. Кызыл, 2019 г.

² Все респонденты были разделены на 5 групп. В возрасте от 16 до 21 года было опрошено 87 человек (26%), в возрастной группе от 22 до 35 лет 123 человека (37%), от 36 до 45 лет — 67 человек (20%), в группе от 46 до 60 лет — 51 человек (15%) и лиц старше 61 года 6 человек, что составило 2% респондентов. Среди этнических групп преобладающим этносом являлись тувинцы, их численность составила 89% респондентов (296 человек), на втором месте были русские 5% опрошенных (18 человек).

³ Религиозные организации, зарегистрированные в ведомственном реестре некоммерческих организаций Управления по состоянию на 01.04.2012 г. Федерации [Электронный ресурс] // Информационный портал Министерства юстиции Российской Федерации. URL: <https://to17.minjust.ru/materialy-territorialnyh-organov/spisok-religioznyh-organizaciy-na-01042012> (дата обращения: 29.02.2020); Информация о зарегистрированных религиозных организациях в Республике Тыва по состоянию на 30.12.2019 г. [Электронный ресурс] // Информационный портал Министерства юстиции Российской Федерации. URL: <http://unro.minjust.ru/NKO.aspx> (дата обращения: 30.12.2019).

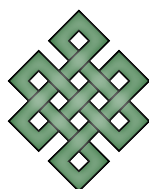

Таблица 1. Численность религиозных организаций в Республике Тыва по годам (1995–2019 гг.)

Table 1. The number of religious organizations, by year (1995–2019).

№	Конфессиональная принадлежность религиозных организаций	На апрель 1995 г.	На октябрь 1999 г.	На апрель 2003 г.	На апрель 2012 г.	На декабрь 2019 г.
1	Буддийские организации	9	15	18	20	24
2	Шаманские организации	-	5	6	8	10
3	Православные организации	3	2	3	4	18
4	Старообрядческие организации	-	1	1	1	1
5	Протестантские организации	4	10	17	10	9
	ИТОГО	16	33	45	43	62

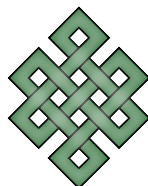
Постоянный рост буддийских и шаманских религиозных объединений в республике объясняется увеличением числа религиозных и светских лиц, желающих зарегистрировать буддийские и шаманские организации. В основном так создаются самостоятельные религиозные объединения, не относящиеся и не получающие финансовой поддержки от централизованных религиозных организаций — Управления Камбы-ламы Республики Тыва или Управления Верховного Шамана Тувы.

Виден резкий подъем и спад показателей у протестантских деноминаций в Туве в указанный период. Этот процесс достаточно хорошо изучен и многими тувинскими исследователями (Мышлявцев, Юша, 2002; Монгуш, 2012). При этом следует отметить, что на сегодняшний день в некоторых городских и сельских поселениях все еще активно функционируют незарегистрированные приходы-филиалы протестантских организаций. Поэтому проведение специального исследования по данной теме по сей день актуально и востребовано для республиканских и муниципальных органов власти.

Рост количества православных религиозных организаций связан с учреждением в октябре 2011 г. в Республике Тыва Кызыльской епархии Русской православной церкви Московского патриархата. Примечательно, что с началом ее деятельности в республике открываются новые православные приходы и строятся православные храмы. На момент создания епархии в апреле 2012 г. действовало 4 прихода, в 2019 г. их количество достигло 18. За 8 лет государственную регистрацию прошли 14 православных приходов (Монгуш, 2021: 148).

С момента образования Кызыльской епархии число православных верующих составляют не только русские, есть и православные тувинцы. По инициативе архиепископа Феофана (Кима) при Воскресенском кафедральном соборе в г. Кызыле была создана тувинская православная община. Для удовлетворения духовных потребностей тувиноязычных членов общины с 2019 г. еженедельно по субботам проводятся богослужения на тувинском языке, что явилось совершенно новым подходом в работе православной миссии в Туве. В том числе на тувинский язык переведена Библия — «Ыдыктыг Библия» («Священная Библия»), «Библия в рассказах для детей» — «Библиядан чуруктарлыг чугаалар», брошюра с огласительными беседами — «Ыдыктыг Крещение хулээр бертинде беседалар» («Беседы перед принятием Священного Крещения») и др. Возможно, доступность основной православной религиозной литературы на родном языке наряду с другими факторами влияет на незначительный, но все же рост числа тувинцев в православной общине. По словам священника Алексея Паркачева, высказанным одному из соавторов статьи в беседе (15 августа 2019 г.), в православии в основном переходят тувинцы, ранее относившие себя к протестантским религиозным направлениям.

Из-за дороговизны строительства храмов епархия начала практиковать установление в республике временных юрт с православным религиозным убранством. Первая храм-юрта установлена в с. Терлиг Хая Кызылского района, поскольку там образовалась первая чисто тувинская православная община. По словам ламы Айдын Бимба, заместителя Камбы-ламы Республики Тыва Гелека Нацык-Доржу, высказанным одному из соавторов статьи в беседе (9 декабря 2020 г.), среди прихожан есть те, кто высказывают о недопустимости использования традиционного жилища тувинцев в виде православно-

го храма. Помимо вышеперечисленных религиозных направлений, в г. Кызыле в микрорайоне «Ближний Каа-Хем» функционирует одна официально зарегистрированная старообрядческая община белокрыницкого согласия.

По данным Министерства юстиции Российской Федерации, по состоянию на 30 декабря 2019 г. в Туве государственную регистрацию получили 62 религиозные организации: 24 буддийских, 10 шаманских, 18 православных, 1 старообрядческая, 9 протестантских¹. Расположение религиозных организаций в разрезе городов и кожуунов республики представлено в таблице № 2 и на карте № 1 «Религиозные организации, функционирующие на территории Республики Тыва (по состоянию на 30 декабря 2019 г.)».

Таблица 2. Религиозные организации в Республике Тыва по административно-территориальному делению (по состоянию на 30.12.2019 г.)

Table 2. Religious organizations in the Republic of Tuva, by administrative and territorial division (as of December 30, 2019)

Религиозные организации	Районы																			
	Кызыл	Ак-Довурак	Монгун-Тайгинский	Бай-Тайгинский	Барун-Хемчикский	Сут-Хольский	Дзун-Хемчикский	Чаа-Хольский	Улуг-Хемский	Чеди-Хольский	Кызылский	Пий-Хемский	Тандинский	Каа-Хемский	Тоджинский	Тере-Хольский	Эрзинский	Тес-Хемский	Оворский	Итого:
Буддийские организации	10	1	-	4	1	1	1	-	1	-	1	-	1	-	-	1	2	-	-	24
Шаманские организации	9	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	10
Православные организации	4	1	-	-	-	-	1	-	1	1	3	2	2	2	1	-	-	-	-	18
Старообрядческие организации	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1
Протестантские организации	9	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	9
Всего религиозных организаций	33	2	-	4	1	1	2	-	3	1	4	2	3	2	1	1	2	-	-	62

Из данных таблицы № 2 и рис. 1 видно, что религиозные организации, в основном, сконцентрированы в столице Республики Тыва — г. Кызыле. Из 33 религиозных объединений 10 — буддийские, 9 — шаманские, 9 — протестантские, 4 — православные, 1 — старообрядческая. В западных и южных кожуунах Тувы, функционируют 12 религиозных организаций. Из них: 10 — буддийские, 2 — православные (а именно в городах Ак-Довурак и Чадан). В центральных и восточных районах республики преобладают религиозные организации христианского направления. Из 17 религиозных объединений буддийских — 4, шаманских — 1, православных — 12².

Вышеперечисленные сведения позволяют наглядно увидеть религиозные процессы, происходящие в Туве в постсоветский период.

¹ Информация о зарегистрированных религиозных организациях в Республике Тыва по состоянию на 30.12.2019 г. [Электронный ресурс]//Информационный портал Министерства юстиции Российской Федерации. URL: <http://unro.minjust.ru/NKOs.aspx> (дата обращения: 30.12.2019).

² Там же.

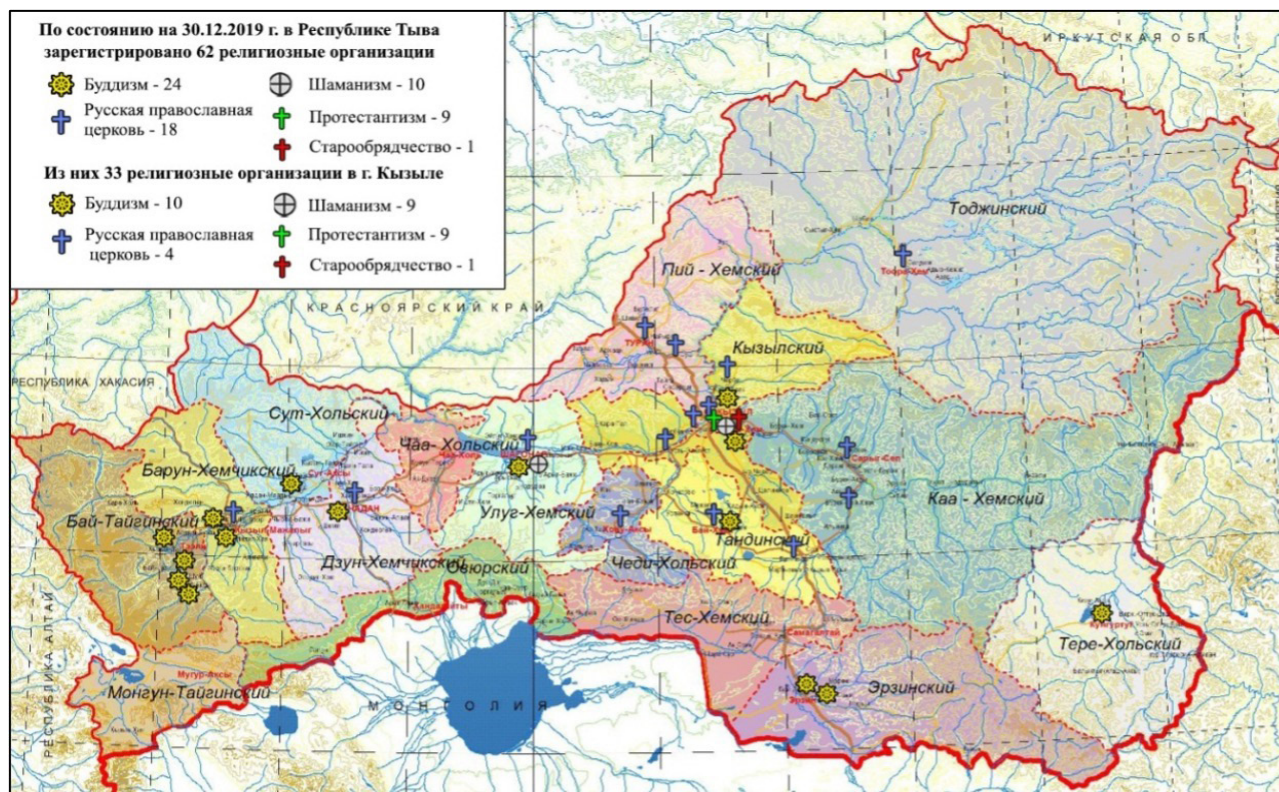
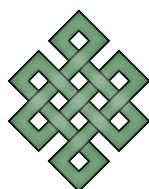

Рис. 1. Расположение религиозных организаций в Республике Тыва по состоянию на 30.12.2019 г.¹
 Figure 1. Location of religious organizations in the Republic of Tuva as of December 30, 2019.

Религиозность населения

В рамках социологического исследования респондентам было предложено ответить на вопросы анкеты. Из 334 респондентов (100%) 70% (231 чел.) считают, что человеку необходимо быть верующим. Только 17% респондентов не считают веру обязательной составляющей жизни каждого человека; 13% респондентов затруднились определить роль религии в жизни человека. При этом более половины населения республики уделяет важное место религии в жизни человека. Это мнение встречается у представителей всех возрастных групп опрошенных. Большинство респондентов представлено тувинцами 89% (296 чел.), на втором месте русские 5% (18 чел.). Остальные этнические группы составляют менее 1%.

Распределение населения по конфессиональной принадлежности в рассматриваемом регионе находит свое отражение в диаграмме № 1.

Как мы видим, преобладающей конфессией на территории Республика Тыва является буддизм. Однако, достаточно большой процент респондентов – 16% – придерживаются религиозного синкретизма. Так, наиболее привлекательным для жителей республики является исповедание буддизма при сохранении обычаев обращения к шаманской традиции. Самый высокий процент синкретичного мировоззрения следует отметить у опрошенных в возрасте от 46 до 60 лет. В данной возрастной группе 12 человек из 51 опрошенных считают себя буддистами, но при этом указывают, что отправляют и шаманские обряды. При этом среди тувинцев буддизм указал 61% респондентов (179 человек), синкретического мировоззрения придерживается 18% тувинцев (54 человека). Среди русского населения православие исповедует 66% респондентов (12 человек), иное религиозное мировоззрение, не указывая какое конкретно, отметили 16% респондентов (3 человека).

¹ Выполнена авторами на основе карты административно-территориального деления республики с официального портала Республики Тыва: <https://rtyva.ru/region/division/>

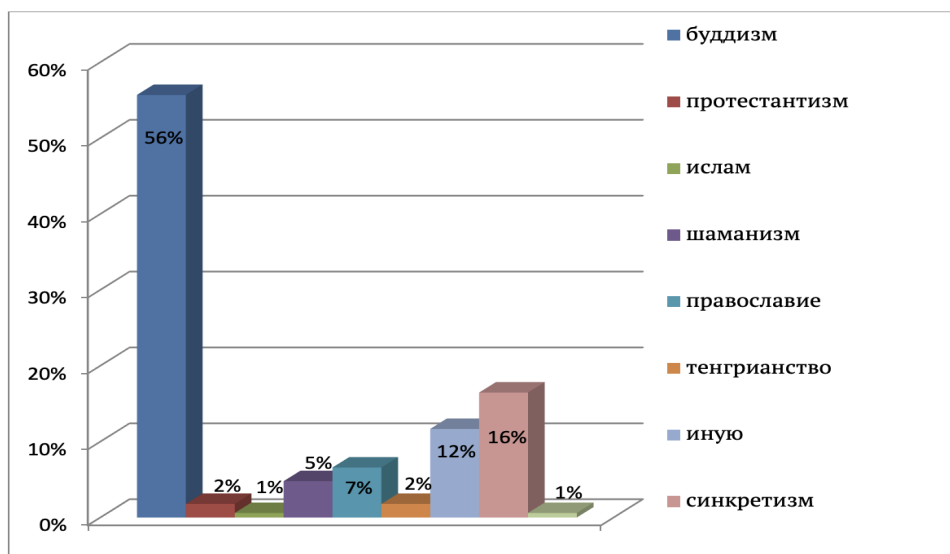
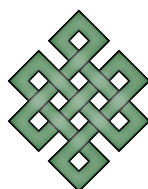

Диаграмма № 1. Конфессиональная принадлежность респондентов Тувы.
Diagram 1. Religious affiliation of respondents in Tuva.

Следует подчеркнуть, что в последние годы возрастает распространение буддизма не только на территории Тувы, но и во всем мире. В связи с этим, опираясь на данные Росстата, показывающие о том, что число зарегистрированных буддийских организаций с 208 в 2010 г. возросло до 269 — в 2018 г. можно констатировать, что буддизм перестает быть религией конкретных этнических групп, как пишет Е. А. Островская, тем самым усиливая свое влияние в мировом религиозном пространстве (Островская, 2012).

Несмотря на возрастание в последние годы буддизма в России и мире, тем не менее, в разных регионах он имеет свои особенности, обусловленные историческими процессами. В Туве важной особенностью буддизма является то, что он рассматривается не как самостоятельная религия, а как составная часть сложной синкретичной религиозной системы.

В рамках исследования мы постарались оценить конфессиональную идентификацию, уровень религиозности, которую мы понимаем как вовлеченность в религию, в культовую деятельность и

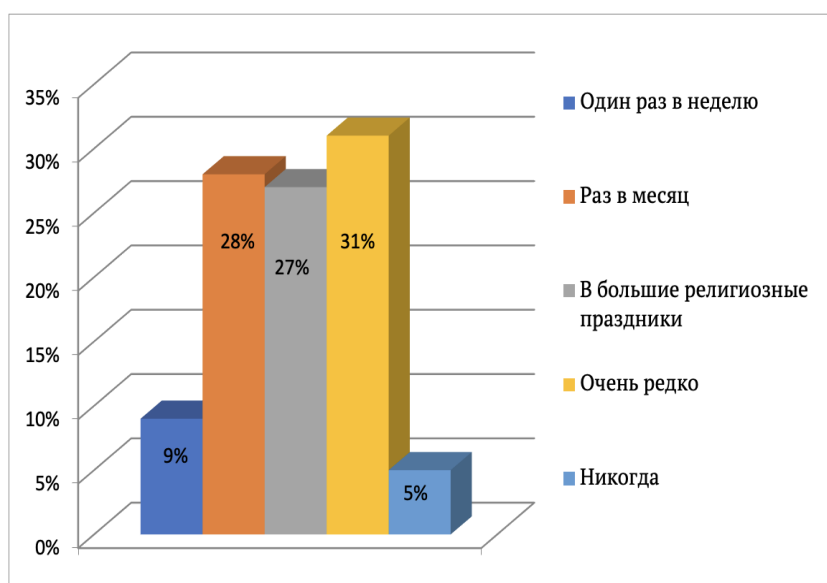
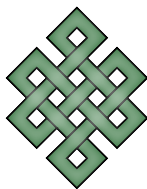

Диаграмма № 2. Посещение культовых объектов респондентами.
Diagram 2. Respondents' visits to sites of worship.

следование религиозным ориентирам. О степени приверженности религиозным традициям свидетельствует соблюдение религиозных традиций дома, а также посещение культовых объектов. Из всей выборки 72% (241 чел.) указали при опросе, что отмечают религиозные праздники дома. В диаграмме № 2 представлено, как часто жители Тувы посещают культовые объекты.

Мы видим, что посещение культовых объектов осуществляется респондентами не очень часто. После уточняющего вопроса респонденты давали дополнительное пояснение, что само посещение было связано преимущественно с религиозными праздниками, либо важными жизненными событиями — с рождением ребенка, со свадьбой, болезнью или смертью близкого человека и т. д.

Определить религиозность респондентов, прежде всего, с точки зрения религиозного поведения верующих граждан, помог также такой вопрос, как «Важно ли для Вас соблюдение религиозных обрядов?» На данный вопрос 60% (201 чел.) опрошенных дали положительный ответ. При этом наиболее важно соблюдение религиозных обрядов для людей в возрасте от 46 до 60 лет. Именно в этой возрастной группе 67% респондентов (34 чел.) ответили положительно на данный вопрос.

В диаграмме № 3 представлено, насколько часто жители Тувы соблюдают религиозные обряды.

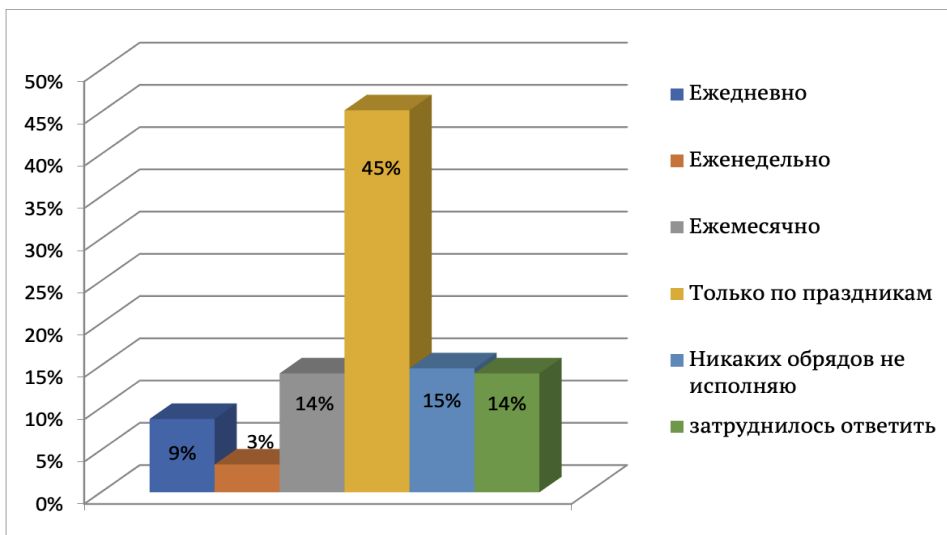
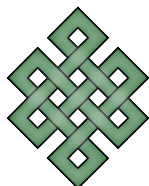

Диаграмма № 3. Соблюдение религиозных обрядов респондентами.
Diagram 3. Respondents' observance of religious rites.

Из диаграммы № 3 следует, что большинство респондентов соблюдают религиозные обряды только по праздникам. Однако, следует отметить, что в целом респонденты стараются соблюдать религиозные традиции, при чем как ежедневно, хотя таких респондентов не так много и их количество составляет всего 9% опрошенных (29 чел.), так и в дни праздников 45% респондентов (151 чел.). Несмотря на достаточно большой процент считающих необходимым соблюдение религиозных обрядов, большинство респондентов связывают их только с праздниками и важными событиями, произошедшими в их жизни.

На вопрос о посещении культовых объектов все возрастные группы респондентов, в основном, ответили одинаково. Молодые люди в возрасте от 16 до 21 года среди которые относят себя к тувинцам 87% всех респондентов в данной возрастной группе (76 чел.) и исповедующих буддизм 54% опрошенных (47 чел.) посещают культовые объекты достаточно редко и преимущественно в периоды проведения главных религиозных праздников. Об этом высказали 93% (71 чел.) опрошенных. Аналогичная тенденция отмечается и среди русского православного населения в данной возрастной группе. Тувинцы в возрасте от 22 до 35 лет преимущественно посещают культовые объекты раз в месяц, такой позиции придерживается 39% опрошенных (44 чел.). Причем такую позицию разделяют как представители буддийской традиции, так и те, кто придерживается синкретизма.

Аналогичная тенденция отмечена и у респондентов в возрасте от 36 до 45 лет, основную массу которых составили тувинцы 89% (59 чел.). Из их числа 58% (34 чел.) исповедуют буддизм и 19% (11 чел.) придерживаются синкретических воззрений.

Из 82% респондентов (42 чел.) тувинцев в возрасте от 46 до 60 лет 52% (22 чел.) — приверженцы буддийской традиции и 26% (11 чел.), придерживающиеся синкретизма. Из числа всех опрошенных культовые места очень редко посещают 36% (15 чел.). 21% (9 чел.) посещает культовые места раз в месяц и такое же количество респондентов посещает культовые места во время главных церковных праздников. Русское население, 80% которого придерживается православной традиции, также посещает храмы только по большим праздникам.

Можно заключить, что большинство жителей Тувы посещение культовых объектов и совершение религиозных обрядов оценивают как следование традиции, что позволяет, прежде всего, сохранять национальную культуру (Ламажаа, Бичелдей, Монгуш, 2020). Необходимость же посещения культовых объектов именно с целью удовлетворения религиозных потребностей, очевидно в этом случае носит вторичный характер. В противном случае респонденты бы стремились к более частому и системному посещению религиозных объектов.

В целом, следует отметить, что все респонденты, вне зависимости от этнической принадлежности, считают религию неотъемлемой частью жизни. Большинство респондентов видят потребность в удовлетворении религиозных чувств, хотя регулярное посещение культовых мест не является для них крайней необходимостью. Подавляющая часть респондентов, независимо от своего мировоззрения, посещение культовых мест связывают только со значимыми событиями в жизни, а также религиозными праздниками. При этом нечастое посещение культовых мест не мешает респондентам соблюдать религиозные традиции дома.

Межконфессиональные отношения

На развитие межконфессиональных отношений в регионе оказывают влияние различные факторы, в т. ч. и семейно-брачные отношения. Согласно данным опроса, 37% респондентов не согласились бы на брак с представителем другой веры. При этом 79% ответили, что в их семьях отсутствуют представители другой веры. По всей видимости, респонденты считают, что отсутствие в семье представителя иного вероисповедания способствует сохранению религиозных традиций. К тому же нежелание видеть в своей семье представителя другой религиозной культуры свидетельствует об отсутствии толерантного отношения к представителям иных религиозных групп и об опасении потери религиозной идентичности целого народа.

В случае вступления в брак с последователями иного вероисповедания опрошенные тувинцы указывали на то, что они бы тогда предпочли бы вступить в брачный союз с последователями православия, чем с исповедующими другие религии. Данное предпочтение может быть объяснено более тесными контактами с русским населением, исповедующим православие, а также с более тесным знакомством с данным религиозным направлением. Из 131 чел., указавших, что они допускают брак с представителем другого вероисповедания, 62% респондентов выбрали этот вариант. На втором месте по значимости для заключения брака указывался буддизм (54% от 131 чел.), на третьем — ислам (21% от 131 чел.). Указанные конфессии были выбраны респондентами как наиболее знакомые по своему учению. Оценка данного фактора является актуальной и в связи с тем, что именно молодому поколению отводится особая роль в формировании культурно-нравственной системы тувинского народа (Бадмаев и др., 2020). Настороженное отношение к межрелигиозным бракам среди тувинцев было отмечено З. Ю. Доржу на основании проведенных исследований в период с 2015–2018 гг. (Доржу, 2019: 152). Также следует отметить и тот факт, что у тувинцев важную роль играет старшее поколение. Именно родители оказывают влияние на многие решения молодого поколения (Гончарова, Савельев, 2004: 207).

Оценить религиозную ситуацию на территории Республики Тыва, в т. ч. характер межконфессиональных отношений, позволяет также вопрос о том, возникают ли у респондентов противоречия с представителями других вероисповеданий. 77% опрошенных ответили, что конфликтов с другими конфессиями у них не возникало, 16% указали, что межрелигиозные конфликты имели место в их жизни. При этом самыми конфликтными респонденты назвали три конфессии: ислам (49%), православие (32%) и буддизм (15%).

Для уточнения мнения опрошенных им было предложено ответить на вопрос, что, по их мнению, вызывает противоречия с представителями других вероисповеданий. Результаты ответов респондентов на данный опрос отражены в диаграмме № 4.

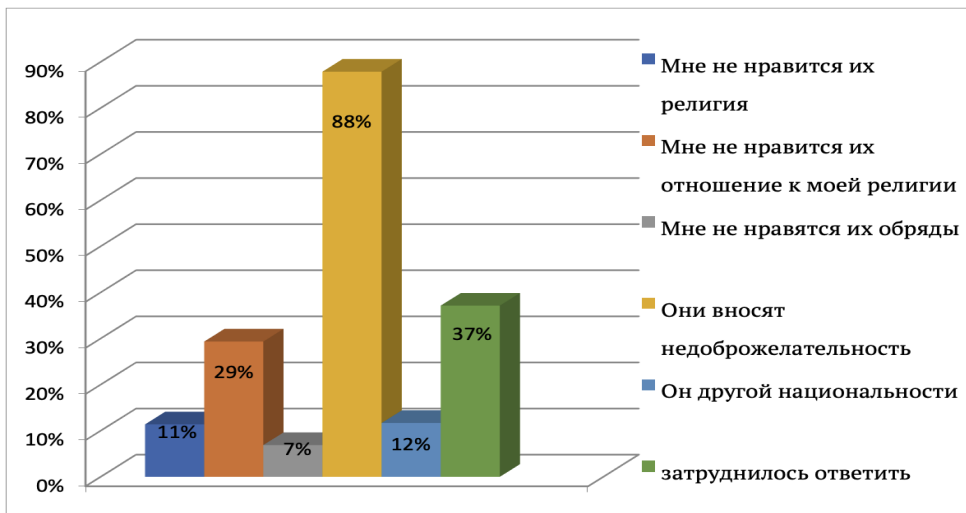
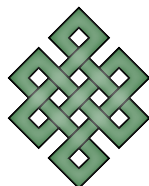

Диаграмма № 4. Ответы респондентов на вопрос:

«Что вызывает противоречия с представителями других вероисповеданий?»

Diagram 4. Respondents' answers to the question "What causes contradictions with representatives of other confessions?"

Из диаграммы № 5 видно, что негативное отношение к представителям другой религии у части респондентов вызывается, прежде всего, недоброжелательностью и неприязненным отношением к буддизму со стороны представителей других религиозных традиций. Этот вывод стал очевиден при соотнесении с вероисповеданием самих респондентов. Достаточно большой процент респондентов — 40% не готовы ответить на вопрос, как бы они отнеслись, если бы в их населенном пункте появился представитель незнакомой им религиозной организации. При этом 31% однозначно ответили, что отрицательно воспримут появление представителя незнакомой религии в своем населенном пункте.

Примечательно, что на такое отношение к незнакомым конфессиям не влияет даже то, что 76% респондентов никогда не испытывали ущемления своих прав из-за религиозной принадлежности. К тому же, у 77% респондентов вообще никогда не возникало конфликтов на религиозной почве. Несмотря на настороженное отношение к представителям иных религиозных культур, часть жителей Тувы испытывает интерес к последователям других религиозных мировоззрений: 54% респондентов указали, что смогут зайти в культовое сооружение иной конфессии. При этом, 32% респондентов такую позицию связывают с интересом к иной религиозной культуре.

Респондентам также было предложено дать общую оценку религиозной ситуации в Туве на современном этапе, что наглядно отражено в диаграмме № 5. В целом более 80% опрошенных людей оценивают ее как стабильную и спокойную.

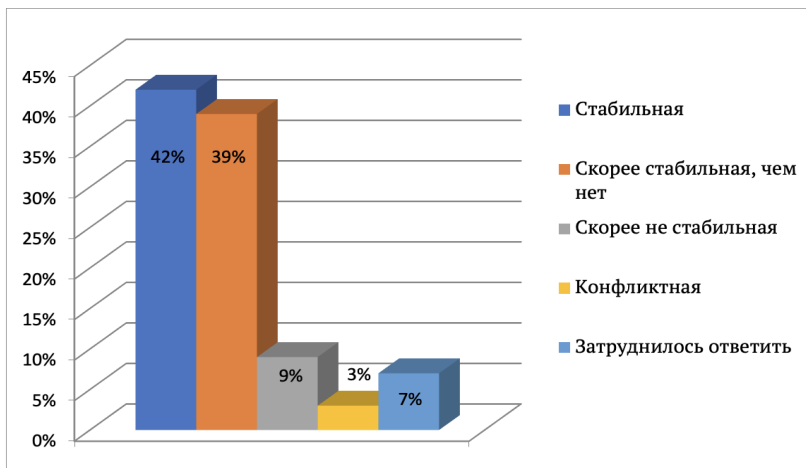
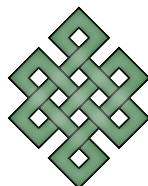

Диаграмма № 5. Оценка респондентами религиозной ситуации в Туве.

Diagram 5. Respondents' assessment of the religious situation in Tuva.

Следует отметить, что население Республики Тыва проявляет интерес к появляющимся на его территории различным конфессиям, однако данный интерес не способствует размыванию религиозных традиций. Большинство населения республики стремится к сохранению религиозных традиций в том числе, и с помощью моноконфессиональных браков. Именно семья расценивается как гарант традиций. Несмотря на свою настороженность к межконфессиональным бракам, население Тувы отмечает, что межрелигиозные конфликты являются редкостью и преимущественно связаны с неуважительным отношением представителей одной конфессии к другой. Выстраивание подобного рода отношений на территории Республики позволяет респондентам ощущать стабильность в конфессиональном плане.

Религия — власть — образование

Особое внимание в процессе проведения исследования было уделено вопросу взаимодействия религии и государственной власти. В этой связи респондентам был задан вопрос «Должны ли религиозные деятели вмешиваться в дела политики?» На данный вопрос 60% ответили, что они против вмешательства религиозных лидеров в политические процессы в стране.

Интересно также обратить внимание на ответы опрошенных в Республике Тыва на вопрос «Какие конфессии имеют большое влияние на население в регионе?» Полученные результаты ответов респондентов представлены в диаграмме № 6.

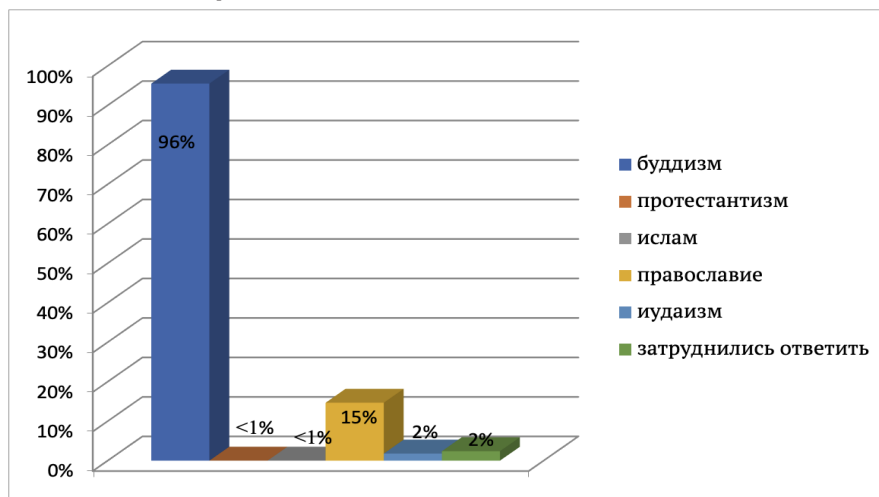

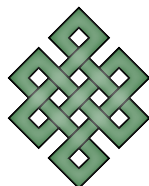
Диаграмма № 6. Какие конфессии, по мнению респондентов, имеют наибольшее влияние на население региона.

Diagram 6. Confessions that, according to the respondents, have the greatest influence on the population of the region.

Так, 96% респондентов считают, что в Тыве существенное влияние на жизнь населения оказывает буддизм. Подобного рода ответ объясняется и тем, что у населения Тувы, сохранилась, во-первых, историческая память о значительной роли буддизма в мировоззрении тувинцев. Во-вторых, это свидетельствует и о том, что на современном этапе данная религия продолжает играть важную роль в общественной жизни верующей части региона.

Несмотря на то, что, по мнению респондентов, в России и на территории Республики Тыва, соблюдается конституционный принцип отделения церкви от государства, 70% опрошенных считают, что знакомство с религиями народов мира должно осуществляться еще в школе. Сегодня в школах дается курс культурологической направленности («Основы религиозных культур и светской этики»), причем с правом выбора модулей. Этот выбор делит класс на группы. 61% респондентов подчеркнули, что в школе должна преподаваться дисциплина «Основы мировых религий», и лишь 11% респондентов предпочли бы изучение «Светской этики». Достаточно большой процент опрошенных — 21% указали на необходимость изучения истории отдельных религий на выбор школьника и родителей, при этом указав приоритетным изучение буддизма.

Таким образом, большая часть населения Республики Тыва считает необходимым знакомить подрастающие поколения с разными религиозными традициями, что будет способствовать развитию терпимых отношений в регионе. При этом, учитывая тенденцию на сохранение этнической культуры, в рамках которой буддизм имеет важнейшее значение, большая часть населения региона считает нецелесообразным вмешательство религиозных лидеров в политические процессы.

Религия и СМИ

Особую роль в жизни современного общества играют СМИ, и то, насколько они полно и честно освещают многие вопросы, в том числе и вопросы религии. На основании социологического исследования можно сделать вывод, что население Тувы отвечало на этот вопрос с учетом своей оценки СМИ в освещении религиозных процессов.

Так, 38% опрошенных считают, что СМИ на территории Тувы не уделяют достаточно внимания религиозной ситуации. При этом 37% респондентов удовлетворены тем объемом информации, который они получают через СМИ о деятельности религиозных общин. 25% затруднились оценить свою удовлетворенность объемом получаемой информации.

Недостаток информации, связанной с освещением религиозных вопросов, больше всего испытывают респонденты в возрасте от 22 до 35 лет. 46% опрошенных в данной возрастной группе считают, что СМИ недостаточно освещают вопросы религии. Большая часть респондентов старшего возраста, особенно в возрастной группе от 46 до 60 лет (59%), оценили объем получаемой информации о религии через СМИ, как весьма достаточный.

Следует отметить, что среди респондентов не было единого положительного мнения на вопрос о том, насколько тема религии освещается в СМИ достоверно. Так, на вопрос, верно ли СМИ отражают религиозную ситуацию, респонденты представили разные мнения, отраженные в диаграмме № 7.

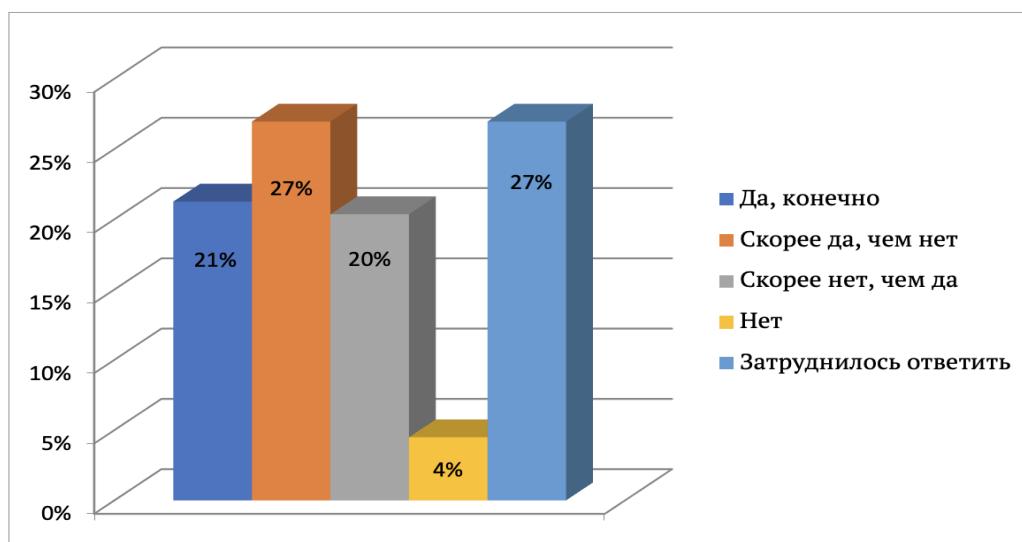
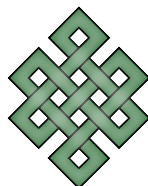

Диаграмма № 7. Насколько объективно, по мнению респондентов, СМИ отражают религиозную ситуацию в регионе.

Diagram 7. The degree of objectivity of the media coverage of the religious situation in the region (according to the respondents).

Отдельно рассматривался вопрос о том, из каких источников СМИ респонденты получают информацию о религиях в Туве. Из предложенных вариантов ответов чуть более половины участников социологического исследования (51%) указали, что получают информацию о религиозной ситуации, а также о деятельности самих конфессий в регионе через телевидение. При этом для опрашиваемых в возрасте от 22 до 35 лет еще одним значимым источником такой информации, наряду с телевидением, являются социальные сети. Именно на социальные сети как источник информации о религии указали 40% респондентов в возрасте от 22 до 35 лет.

Отношение к СМИ в освещении религиозных вопросов в среде респондентов не получило однозначного ответа. Молодое поколение испытывает потребность в получении значительно большего количества информации о жизни религиозных организаций. В связи с этим, они прибегают к интернет-источникам, чтобы расширить свои представления о различных религиозных направлениях. К тому же довольно большое число респондентов затруднились оценить достоверность предоставляемой информации в СМИ о религиозной ситуации в регионе. Такое затруднение можно, вероятнее всего, объяснить недостаточностью получаемой информации по обозначенной проблематике.

Социальная функция религии

Особое внимание на современном этапе уделяется оценке участия религиозных организаций в социальной жизни общества. 70% респондентов считают, что религиозные организации должны участвовать в оказании социальной помощи населению. При этом социальная поддержка религиозными организациями должна осуществляться, по мнению опрошенных, по разным направлениям. Их мнения отражены в диаграмме № 8.

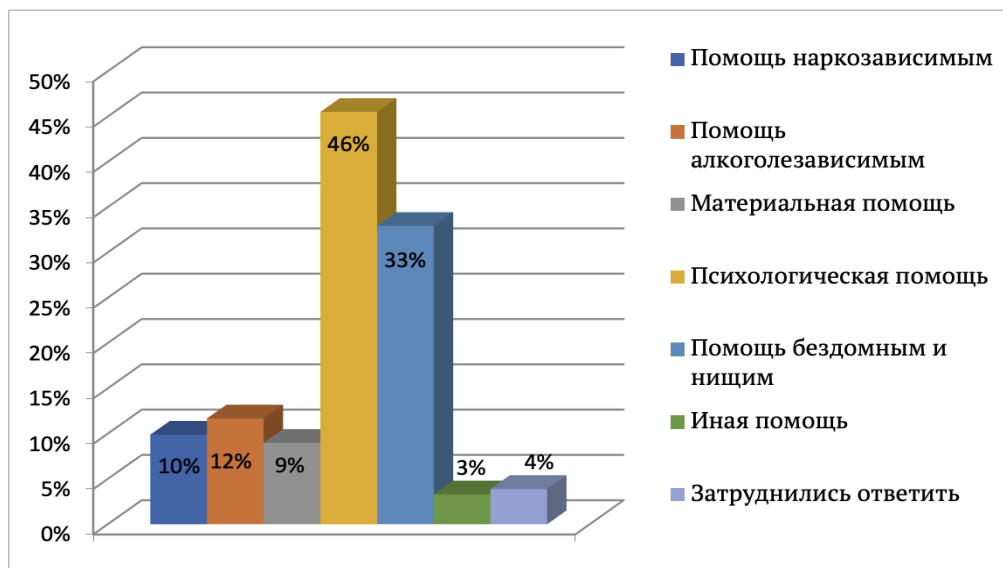

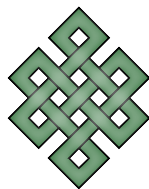
Диаграмма № 8. Какую социально-ориентированную помощь должны, по мнению респондентов, оказывать религиозные организации населению в регионе.
Diagram 8. What kind of socially oriented assistance should religious organizations provide to the population in the region (according to the respondents)?

Почти половина опрошенных (46%) рассматривает религиозные организации как центры психологической помощи для населения. Респонденты могли указывать несколько наиболее значимых вариантов оказания помощи населению со стороны религиозной организации. Достаточно большой процент респондентов видит задачу религиозной организации в помощи бездомным и нищим. В целом, большинство респондентов при ответе на данный вопрос не ограничилось указанием только одного вида помощи. По мнению опрошенных, она должна носить всесторонний характер. Среди религиозных направлений, наиболее активно ведущих социальную работу, по мнению населения, респонденты назвали буддизм (41%), православие (30%) и протестантизм (12%).

Результаты опроса показывают, что верующая часть населения Тувы признает важную роль религиозных институтов в социально-экономической и внутривластной жизни региона. В том числе они понимают, что религиозные институты сохраняют и формируют этические и нравственные принципы в обществе. Участие религиозных организаций в жизни общества и вовлечение в неё достаточно большого количества населения в определенной мере оказывают положительное влияние на общественное мнение в регионе относительно самой религии.

Заключение

Результаты проведенного в Туве в 2019 г. социологического исследования показывают, что на современном этапе в целом здесь отмечается стабильная межконфессиональная обстановка. Такое спокойствие в определенной степени достигнуто преобладанием в регионе одной конфессии — буддизма и одного этноса — тувинцев. Важно отметить, что исторически мировоззрение тувинцев сформировалось в виде синкретичной системы путем взаимопроникновения и взаимовлияния буддизма и традиционного комплекса верований. Такая особенность также положительно сказывается на религиозной ситуации в регионе.

Тем не менее, следует обратить внимание на тот факт, что данное спокойствие не может считаться стабильным. Достаточно большой процент населения негативно относится к появлению в их населенном пункте представителей другой конфессии, и это при том, что они не участвовали в межрелигиозных конфликтах. Часть респондентов испытывает негативное отношение к представителям иных религиозных групп. Это связано с тем, что отдельные представители других религий могли проявлять или проявляют неуважительное отношение к традиционной культуре и мировоззрению тувинского народа.

Тувинцы — большинство наших респондентов — неодобрительно относятся к межрелигиозным бракам, т. к. такие браки, по их мнению, не позволяют сохранить национальную культуру. Несмотря на это, население республики испытывает потребность в знакомстве с различными религиозными культурами и выражает мнение, что это делать нужно с детского возраста в рамках школьного обучения. Именно поэтому достаточно большой процент респондентов считает, что в школе следует преподавать основы самих религий, а не религиозных культур.

В рамках исследования было установлено, что тувинцы испытывают потребность в получении обширной и достоверной информации о религиозной ситуации в регионе через СМИ. Особый интерес проявляет молодое поколение, которое стремится получить максимально точную информацию о религиях, не только традиционных для данного региона, но и тех, которые распространены на других территориях. Несмотря на то, что религиозный институт является неотъемлемой частью культуры народа, вмешательство религиозных лидеров в политическую жизнь рассматривается большей частью опрошенных жителей региона как негативное явление.

Особое место в жизни тувинцев, как в исторической ретроспективе, так и на современном этапе, занимает буддизм. Исторически именно данная конфессия стала преобладающей в регионе и продолжает оказывать влияние на все сферы человеческой жизни. По мнению большинства респондентов, религиозные общины должны играть важную роль именно в социальной жизни региона. Религиозный институт по своей природе должен выполнять функции психологической помощи своим приверженцам. Однако это не единственная помощь, которые верующие региона ждут от религиозных общин. По мнению жителей Тувы, религиозные общины должны максимально участвовать во всесторонней помощи населению, оказывая не только психологическую поддержку, но и проводить благотворительные акции, оказывать поддержку медицинским учреждениям, помогать лицам, оказавшимся в сложном материальном положении и др. Именно помощь социального характера должна являться первостепенной для религиозного института.

Таким образом, в результате проведенного исследования, следует отметить, что Тува сформировалась как поликонфессиональный регион, но преобладание одной конфессии, рассматриваемой как часть этнической культуры тувинцев, приводит к сдерживанию, в том числе, межрелигиозных конфликтов. Исследование демонстрирует декларативную религиозность населения Тувы, однако поскольку она включает в себя и потребность в сохранении национальной культуры, то она также выполняет важную социальную функцию — приводит к сдерживанию в том числе и межрелигиозных браков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бадмаев, В. Н., Уланов, М. С., Ламажаа, Ч. К., Бичелдей, У. П., Антонов, В. И., Очирова, О. А. (2020) Россия и буддийский мир глазами молодежи Тувы, Бурятии и Калмыкии (по материалам социологического опроса) // Новые исследования Тувы. № 1. С. 35–49. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.1.3>

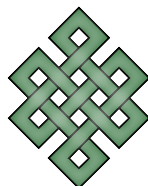
Баширов, Л. А., Григорьева, Ю. Е., Дегтярев, Ю. М. (1996) Государственно-церковные отношения в России : Опыт прошлого и современное состояние / отв. ред. Ф. Г. Овсиенко. М. : Изд-во РАГС. 252 с.

Бичелдей, У. П. (2019) Вклад национальной интеллигенции в возрождение буддийской традиции в Туве (1987–2000 гг.) // Ученые записки. Вып. XXV. Кызыл : ГБНИ и ОУ «ТИГПИ». 436 с.

Гончарова, Г. С., Савельев, Л. Я. (2004) Семейно-брачные отношения у народов Сибири: проблемы, тенденции, перспективы. Новосибирск : Изд-во «Нонпарель». 288 с.

Горохов, С. А. (2012) Религиозная идентичность как фактор формирования конфессиональных регионов современного мира // Вестник Московского университета. Сер. 5. География. № 5. С. 49–55.

Доржу, З. Ю. (2019) Межэтническое взаимодействие русских и тувинцев в советской и постсоветской Туве (на примере национально-смешанных семей) // Новые исследования Тувы. № 1. С. 144–156. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.1.11>

Иргит, О. Ю. (2019) Политические репрессии в Тувинской Народной Республике в 1921–1944 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск. 25 с.

История Тувы (2007) / под ред. В. А. Ламина. Новосибирск : Наука. 430 с.

Ламажаа, Ч. К., Бичелдей, У. П., Монгуш, А. В. (2020) Тувинское буддийское паломничество: от традиции к вере // Новые исследования Тувы. № 4. С. 135–155. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.4.10>

Монгуш, А. В. (2021) Православие в Республике Тыва на современном этапе // Народы и религии Евразии. № 26 (1). С. 140–159. DOI: [https://doi.org/10.14258/nreur\(2021\)1-08](https://doi.org/10.14258/nreur(2021)1-08)

Монгуш, М. В. (2001) История буддизма в Туве (вторая половина VI — конец XX в.). Новосибирск : Наука. 200 с.

Монгуш, М. В. (2007) Традиционные и нетрадиционные конфессии в Туве: история и современность // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. № 1. С. 16–32.

Монгуш, М. В. (2012) Деятельность нетрадиционных конфессий в Туве: 1990–2010 гг. // Новые исследования Тувы. № 1. С. 58–70.

Монгуш, М. В. (2015) Христианские общины Тувы: краткий очерк // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. № 8. С. 159–175.

Мышлявцев, Б. А., Юша, Ж. М. (2002) Протестантизм и его влияние на этнические процессы в современной Туве // Проблемы межэтнического взаимодействия народов Сибири / отв. ред.: И. Н. Гемуев, А. А. Бадмаев. Новосибирск : Изд. ИАЭТ СО РАН. 132 с. С. 96–104.

Островская, Е. А. (2012) Социологическое изучение религиозных неправительственных гражданских организаций Российской Федерации и Республики Корея // Пятое востоковедные чтения памяти О. О. Розенберга / отв. ред. М. И. Воробьева-Десятовская. СПб. : Издательство А. Голода. 319 с. С. 144–159.

Тензин, Ч. М.-Х. (2019) Межэтнические и межконфессиональные отношения в Туве в динамике // Межэтнические отношения и процессы в современном мире. Материалы всероссийской с международным участием научной конференции, посвященной 95-летию со дня рождения д. ф. н., профессора В. И. Затева / отв. ред. М. В. Бадмаева. Улан-Удэ : БГУ. 236 с. С. 95–99.

Хомушку, О. М. (1998a) Религия в истории культуры тувинцев. М. : Институт этнологии и антропологии РАН. 177 с.

Хомушку, О. М. (1998b) Особенности государственно-церковных отношений в Туве (1944–1990 гг.) // Круг знания: Научно-информационный сборник. № 1. С. 24–28.

Хомушку, О. М. (1998c) Современные проблемы религиозности в Туве // Круг знания: Научно-информационный сборник. № 1. С. 15–23.

Хомушку, О. М. (2000) К характеристике религиозной ситуации в Республике Тыва // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. № 3. С. 27–35.

Дата поступления: 12.12.2020 г.

REFERENCES

Badmaev, V. N., Ulanov, M. S., Lamazhaa, Ch. K., Bicheldey, U. P., Antonov, V. I. and Ochirova, O. A. (2020) Rossiia i buddiiskii mir glazami molodezhi Tuvy, Buriatii i Kalmykii (po materialam sotsiologicheskogo oprosa) [Russia and the Buddhist world through the eyes of the youth in Tuva, Buryatia and Kalmykia: A sociological survey and its outcomes]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 35–49. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.1.3>

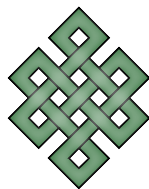
Bashirov, L. A., Grigorieva, Yu. E. and Degtiarev, Yu. M. (1996) *Gosudarstvenno-tserkovnye otnosheniia v Rossii : Opyt proshlogo i sovremennoe sostoianie* [State-Church relations in Russia: The experience of the past and the current state] / ed. by F. G. Ovsienko. Moscow, Russian Academy of Public Administration Publ. 252 p. (In Russ.).

Bicheldey, U. P. (2019) Vklad natsional'noi intelligentsii v vrozozhdenie buddiiskoi traditsii v Tuve (1987–2000 gg.) [The contribution of the national intelligentsia to the revival of the Buddhist tradition in Tuva (1987–2000)]. In: *Uchenye zapiski* [Scientific notes]. Vol. XXV. Kyzyl, Tuvan Institute of Humanities and Applied Social and Economic Research. 436 p. (In Russ.).

Goncharova, G. S. and Saveliev L. Ia. (2004) *Semeino-brachnye otnosheniia u narodov Sibiri: problemy, tendentsii, perspektivy* [Family-marriage relations among the peoples of Siberia: Problems, trends, and prospects]. Novosibirsk, Nonparel'. 288 p. (In Russ.).

Gorokhov, S. A. (2012) Religioznaia identichnost' kak faktor formirovaniia konfessional'nykh regionov sovremennoogo mira [Religious identity as a factor of confessional regions formation in the present-day world]. *Vestnik Moskovskogo universiteta*, Issue 5, Geography, no. 5, pp. 49–55. (In Russ.).

Dorzhu, Z. Yu. (2019) Mezhetnicheskoe vzaimodeistvie russkikh i tuvintsev v sovetskoj i postsovetskoj Tuve (na pri-mere natsional'no-smeshannykh semei) [Interethnic interaction of Russian and Tuvans in Soviet and Post-Soviet Tuva: The case of ethnically mixed families]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 144–156. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.1.11>

Irgit, O. Yu. (2019) *Politicheskie repressii v Tuvinskoj Narodnoj Respublike v 1921–1944 gg. [Political repressions in the Tuvan People's Republic in 1921–1944]* : Diss. ... Candidate of Political Sciences. Kyzyl. 213 p. (In Russ.).

Istoriia Tuvy [The history of Tuva] (2007) : in 3 vols. / ed. by V. A. Lamin. Novosibirsk, Nauka. Vol. 2. 430 p. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K., Bicheldey, U. P. and Mongush, A. V. (2020) Tuvinskoe buddiiskoe palomnichestvo: ot traditsii k vere [Tuvan Buddhist pilgrimage: From tradition to the faith]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 135–155. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2020.4.10>

Mongush, A. V. (2021) Pravoslavie v Respublike Tyva na sovremennom etape [Orthodoxy in the Republic of Tuva at the present stage]. *Nations and Religions of Eurasia*, vol. 26, no. 1, pp. 140–159. (In Russ.). DOI: [https://doi.org/10.14258/nreure\(2021\)1-08](https://doi.org/10.14258/nreure(2021)1-08)

Mongush, M. V. (2001) *Istoriia buddizma v Tuve (vtoraia polovina VI — konets XX v.) [The history of Buddhism in Tuva (Latter half of the 6th — late 20th cc.)]*. Novosibirsk, Nauka. 200 p. (In Russ.).

Mongush, M. V. (2007) Traditsionnye i netraditsionnye konfessii v Tuve: istoriia i sovremennost' [Traditional and non-traditional confessions in Tuva: Past and present]. *Vostok. Afro-aziatskie obshchestva: istoriia i sovremennost'*, no. 1, pp. 16–32. (In Russ.).

Mongush, M. V. (2012) Deiatel'nost' netraditsionnykh konfessii v Tuve: 1990–2010 gg. [Activities of non-traditional religions in Tuva]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 58–70. (In Russ.).

Mongush, M. V. (2015) Khristianskie obshchiny Tuvy: kratkii ocherk [Christian communities of Tuva: Short sketch]. *Mirovozzrenie naseleniia Iuzhnoi Sibiri i Tsentral'noi Azii v istoricheskoi retrospektive*, no. 8, pp. 159–175. (In Russ.).

Myshliavtsev, B. A. and Yusha, Zh. M. (2002) Protestantizm i ego vliianie na etnicheskie protsessy v sovremennoi Tuve [Protestantism and its influence on ethnic processes in contemporary Tuva]. In: *Problemy mezhetnicheskogo vzaimodeistviia narodov Sibiri [Problems of interethnic interaction of the peoples of Siberia]* / ed. by I. N. Gemuev and A. A. Badmaev. Novosibirsk, Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch, RAS. 132 p. Pp. 96–104. (In Russ.).

Ostrovskaiia, E. A. (2012) Sotsiologicheskoe izuchenie religioznykh nepravitel'stvennykh grazhdanskikh organizatsii Rossiiskoi Federatsii i Respubliki Koreia [Sociological study of religious non-governmental civil organizations of the Russian Federation and the Republic of Korea]. In: *Piatye vostokovednye chteniia pamiati O. O. Rozenberga [Fifth Orientalist Readings in memory of O. O. Rosenberg]* / ed. by M. I. Vorobieva-Desiatovskaia. St. Petersburg, A. Golod's Publ. 319 p. Pp. 144–159. (In Russ.).

Tenzin, Ch. M.-Kh. (2019) Mezhetnicheskie i mezkhkonal'snye otnosheniia v Tuve v dinamike [Interethnic and interfaith relations in Tuva in dynamics]. In: *Mezhetnicheskie otnosheniia i protsessy v sovremennom mire [Interethnic relations and processes in contemporary world]* : Proceedings of the All-Russian scientific conference with international participation dedicated to the 95th anniversary of the birth of Doctor of Philosophy, Professor V. I. Zateev / ed. by M. V. Badmaev. Ulan-Ude, Buryat State University Publ. 236 p. Pp. 95–99. (In Russ.).

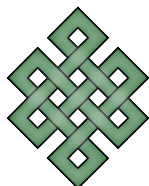
Khomushku, O. M. (1998a) *Religiia v istorii kul'tury tuvintsev [Religion in the history of Tuvan culture]*. Moscow, Institute of Ethnology and Anthropology, RAS. 177 p. (In Russ.).

Khomushku, O. M. (1998b) Osobennosti gosudarstvenno-tserkovnykh otnoshenii v Tuve (1944–1990 gg.) [Features of State-Church relations in Tuva (1944–1990)]. *Krug znaniia*, no. 1, pp. 24–28. (In Russ.).

Khomushku, O. M. (1998c) Sovremennye problemy religioznosti v Tuve [Contemporary issues of religiosity in Tuva]. *Krug znaniia*, no. 1, pp. 15–23. (In Russ.).

Khomushku, O. M. (2000) K kharakteristike religioznoi situatsii v Respublike Tyva [On the characteristics of the religious situation in the Republic of Tuva]. *State, Religion and Church in Russia and Worldwide*, no. 3, pp. 27–35. (In Russ.).

Submission date: 12.12.2020.

DOI: 10.25178/nit.2021.2.3

Статья

Буддийская икона из урочища Кызыл-Тей

Надежда А. Станулевич

Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН,
Российская Федерация

Целью данной статьи является введение в научный оборот информации о буддийской иконе, обнаруженной А. Д. Грачом на юго-восточной части скального массива Кызыл-Тей (Тува) в 1953 г. Сама реликвия ныне хранится в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. Поскольку полевые материалы археолога оказались утраченными, историю обнаружения иконы удалось восстановить по другим источникам — по архивным материалам и музейной документации Кунсткамеры.

Отмечено, что находка связана с одной из историй спасения буддийских реликвий отдельными верующими в период, когда в регионе религия и религиозные служители подвергались репрессиям в 1930-х гг. А. Д. Грач узнал о тайнике от информанта — жителя Тувы и вывез найденное в Ленинград (Санкт-Петербург).

Установлено, что на буддийской иконе изображена Белая Тара в «ваджрной позе». Икона написана на загрунтованном холсте. Изображение на холсте очерчено красной рамкой. Холст помещен в деревянную раму со стеклом. На внутренней стороне рамки нанесены три строки молитвенного текста на монгольском языке, которые транслитерированы и переведены.

Ключевые слова: буддийская икона; танка; Кунсткамера; Тува; Кызыл-Тей; тувинцы; Екатерина Дмитриевна Прокофьева; Александр Данилович Грач; негатив; музейная коллекция; история буддизма

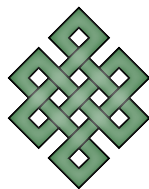
Для цитирования:

Станулевич Н. А. Буддийская икона из урочища Кызыл-Тей // Новые исследования Тувы. 2021, № 2. С. 35-43. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.2.3>

Станулевич Надежда Алексеевна — кандидат исторических наук, научный сотрудник лаборатории музейных технологий Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН. Адрес: 199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 3. Тел.: +7 (904) 556-16-68. Эл. адрес: nadstanul@kunstkamera.ru

STANULEVICH, Nadezhda Alexeevna, Candidate of History, Research Fellow, Laboratory of Museum Technologies, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences. Postal address: 3, Universitetskaya Embankment, 199034 St. Petersburg, Russian Federation. Tel.: +7 (904) 556-16-68. E-mail: nadstanul@kunstkamera.ru

ORCID ID: 0000-0001-5726-9690

Buddhist Icon from the Natural Landmark of Kyzyl-Tei

Nadezhda A. Stanulevich

*Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences,
Russian Federation*

The purpose of this article is to introduce information on the Buddhist icon discovered by A.D. Grach in the south-eastern part of the rock mass of Kyzyl-Tei (Tuva) in 1953 into academic circulation. The relic itself is now kept in the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences. The field records of the archaeologist were lost, but we managed to reconstruct the history of the icon's discovery from other sources — archival materials and museum documentation of the Kunstkamera.

It is noted that the finding is related to one of the stories of the saving of the Buddhist relics by individual believers during the period when religion and religious acolytes were suffering reprisals in the region in the 1930s. A.D. Grach learned about the cache from a Tuvan informant and took the discovered icon to Leningrad (St. Petersburg).

It has been found out that the Buddhist icon depicts the White Tara in the "vajra pose". The icon was painted on a primed canvas. The image on the canvas is outlined with a red border. The canvas is placed in a wooden frame with glass front. On the inside of the frame, there are three lines of a prayer in Mongolian, which are transliterated and translated.

Keywords: *Buddhist icon; thangka; Kunstkamera; Tuva; Kyzyl-Tei; Tuvans; Ekaterina Dmitrievna Prokofieva; Aleksandr Danilovich Grach; negative image; museum collection; history of Buddhism*

For citation:

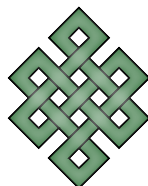
Stanulevich N. A. Buddiiskaia ikona iz urochishcha Kyzyl-Tei [Buddhist Icon from the Natural Landmark of Kyzyl-Tei]. *New Research of Tuva*, 2021, no. 2, pp. 35-43. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.2.3>

Введение

За несколько веков присутствия на территории Тувы буддизма, здесь получили развитие различные виды религиозной творческой культуры — от храмовой живописи до священных писаний в виде ксилографических сборников. В период массовых репрессий 1930-х гг. в отношении буддийского духовенства произошла утрата большого числа буддийских реликвий Тувы. История буддийских реликвий, использовавшихся тувинцами на протяжении веков, является научным интересом исследователей и представлена чаще в виде научных статей, посвященных отдельным музейным предметам и коллекциям (Бичелдей, 2019; Сумба, 2019 и др.).

Целью данной статьи является восстановление истории бытования, актуализация научного описания буддийской иконы, привезенной А. Д. Грачом из Саяно-Алтайской экспедиции 1953 г. в коллекцию предметов сектора этнографии народов Сибири Ленинградского отделения Института этнографии АН СССР, в настоящее время Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (далее — МАЭ РАН).

Источниковой базой для исследования является учетная документация МАЭ РАН (Книги поступления, коллекционные описи), полевые материалы Е. Д. Прокофьевой, научные труды по истории буддизма в Туве и буддийской иконографии.

Буддизм в Туве

Тува является одним из трех буддийских регионов Российской Федерации. Распространившись на территории Тувы ко второй половине XVIII в., претерпев сложные и драматические исторические события XX в., буддизм по настоящее время остается важнейшей основой духовной культуры тувинцев. Следует отметить, что длительное время буддийские монастыри выступали единственным местом просвещения, накопления и развития научных знаний. Буддийская литература и предметы культа завозились в Туву в основном из Тибета и Монголии. «Стремление иметь ламу в каждой семье приводило к тому, что в каждый дом, каждую юрту в той или иной мере стали входить монгольская письменность, грамотность и “буддийская ученость”» (Хомушку, 2006: 184).

После провозглашения в 1921 г. Тувинской Народной Республики по Конституции 1921 г. буддийское духовенство юридически лишилось своего прежнего руководящего положения в жизни страны, хотя практически его сильное влияние на государственную жизнь Тувы сохранилось (История Тувы, 2007: 129). Основным законом нового государства устанавливалась свобода вероисповедания. Низшие слои духовенства, занимавшиеся физическим трудом, уравнивались в правах и обязанностях с другими гражданами. При этом, монастырские хозяйства продолжали функционировать, имея земельные угодья со скотом и крепостными работниками в условиях освобождения монастырей от государственных налогов и повинностей (Монгуш, 2001: 100).

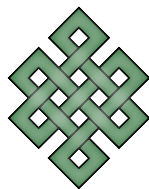
Привлечение части буддийской сангхи для государственного управления в 1920-х гг., по мнению М. В. Монгуш, в условии неграмотности низших слоев населения позволило новому правительству опереться на образованных лам и поддержать становление новой партийно-государственной элиты, под руководством которой осуществлялись социальные, экономические и культурные преобразования Тувы (там же: 100–101). Неуклонному проведению классового принципа в отношении высшего духовенства препятствовал его сильный авторитет в обществе. На Всетувинском съезде лам (буддийском соборе), начавшемся 8 марта 1928 г., обсуждался вопрос о том, «как обновить религию, перестроить её в соответствии с происходящими в республике политическими изменениями» (Хомушку, 2006: 257). На съезде высказывались и критика антиправительственной деятельности некоторых представителей духовенства, и озабоченность провозглашением в новой Конституции 1926 г. отделения церкви от государства. Буддийский собор продемонстрировал готовность духовенства к сотрудничеству с государством в вопросах духовных традиций и обычаев.

С конца 1920-х гг. происходит жесткий поворот к репрессивным мерам в отношении представителей сангхи. Курс на это был дан январским пленумом Центральным Комитетом Тувинской Народно-Революционной партии в 1929 г. После чего было принято специальное постановление Президиума Малого Хурала, где церковь лишалась в своей собственности, а духовенство — поддержки органов народной власти и прав юридического лица (История Тувы, 2007: 259). Процесс секуляризации сводился к принятию решений, направленных на изоляцию церкви. Властью была объявлена несостоятельная роль и место религии в истории культуры тувинского народа, и «по существу, были искажены основные морально-нравственные принципы буддийского вероучения» (Хомушку, 1991: 18). Ламы и шаманы трактовались в то время, как «непреданные революции элементы» (Отрощенко, 2016: 46).

За этим последовал массовый исход лам из монастырей с последующим их закрытием и расхищением имущества. Имело место изъятие буддийских икон, их сожжение, отбирание предметов культа у монастырей, арест лам и шаманов за исполнение религиозных обрядов. Араты при этом прятали вещи в пещерах (там же: 47:) или закапывали их в земле. «Спрятанные таким образом книги не сохранялись, со временем плесень и сырость разъедала страницы, происходил полный распад бумаги» (Сумба, 2019: 133). Некоторым семьям удавалось сохранить семейные раритеты и книги, которые затем передали в различные архивы, музеи и составили там коллекции¹.

В послевоенные годы, которые интересуют нас, как период обнаружения реликвий сотрудниками Саяно-Алтайской экспедиции, на уровне государственной политики религиозная идеология рассматривалась как «едва терпимая» в условиях «единого» материалистического и марксистско-ленинского мировоззрения в стране (Сафронова, 1999: 359–360). Общая оценка религии как пережиточного явления на практике означала ориентацию на закрытие уже существовавших общин и игнорирование потребностей верующих в регистрации новых.

¹ Например, Национального архива Республики Тыва, архива Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований в г. Кызыле, Национального музея им. Алдан-Маадыр Республики Тыва (Сумба, 2019: 133).

Период существования Тувинской Народной Республики оказался наиболее драматичным в истории тувинского буддизма. Несмотря на смену идеологии к 1930 г., религиозные стереотипы и суеверия общественного сознания тувинцев невозможно было искоренить в одночасье. Испытывая в своей повседневной жизни естественную потребность в вере, некоторые из них осмеливались сохранить наследие буддийской культуры, раскрыть исследователям место хранения реликвий, укрываемых ранее от партийных структур.

Материалы Саяно-Алтайской экспедиции

При выполнении научного описания коллекции фотографических негативов, привезенных А. Д. Грачом из комплексной Саяно-Алтайской экспедиции Академии наук СССР¹ в 1953 г., нами в 2020 г. были обнаружены изображения скального массива, в котором находился тайник с буддийскими реликвиями (фото 1).

Четыре черно-белых негатива² на пленке формата 6×9 см были зарегистрированы А. Д. Грачом вместе с другими кадрами из экспедиции в Туве в октябре 1954 г. В описи музейных предметов четыре изображения были названы идентично: «Буддийская икона, спрятанная в расщелине скалы (Кызыл-Тей)» (МАЭ РАН, Коллекционная опись МАЭ И 1595, л. 20).

В своей статье, посвященной петроглифам Тувы, А. Д. Грач упоминает, что «на юго-восточной части скального массива Кызыл-Тей была также обнаружена тибетская икона (доставлена в Музей антропологии и этнографии АН СССР)» (Грач, 1957: 392). Таким образом, нам становится известно, что икона, найденная в скалах Кызыл-Тей, была доставлена экспедицией МАЭ в Ленинград. Других публикаций, в том числе научных, о данной иконе нам найти не удалось.

Нужно отметить, что полевые материалы А. Д. Грача за 1953 г. не были обнаружены нами как в Архиве МАЭ РАН³, так и в его личном фонде в Научном архиве Института истории материальной культуры РАН⁴. По последним данным⁵, часть личного архива

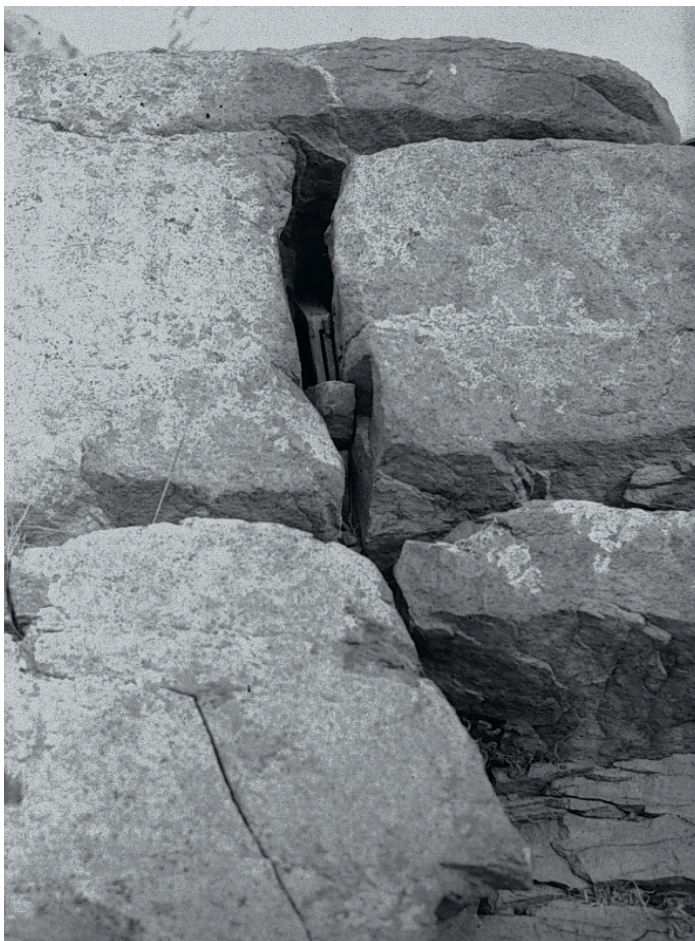

Фото 1. Буддийская икона, спрятанная в расщелине скалы в урочище Кызыл-Тей. Фото А. Д. Грача (?), 1953 г. МАЭ И 1595–296.
Photo 1. The Buddhist icon hidden in a rock crevice in the mountain area of Kyzyl-Tei. Photo by A. D. Grach (?), 1953, MAE I 1595–296.

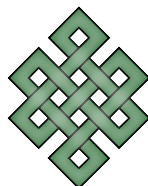
¹ С 1949 г. комплексной Саяно-Алтайской экспедицией Академии наук СССР руководил Леонид Павлович Потапов (1905–2000); в 1957 г. экспедиция была преобразована в Тувинскую комплексную археолого-этнографическую экспедицию.

² МАЭ И 1595-296, 297, 298, 299.

³ Об отсутствии материалов в архиве МАЭ РАН имеется помета в описи Полевых материалов из экспедиций и командировок (Архив МАЭ РАН, ф. К-1, оп. 2., л. 16).

⁴ С 1951 по 1963 гг. работал в Институте этнографии АН СССР, с 1963 по 1973 гг. — в Ленинградском отделении Института археологии АН СССР (Грач, 2020: 57–59).

⁵ На момент публикации коллекция Национального музея Республики Тыва не была изучена нами на предмет наличия полевых дневников А. Д. Грача за 1953 г. Информация о передаче личного архива содержится в выпускной квалификационной работе 2017 г. «А. Д. Грач: жизнь и научная деятельность» Ч. О. Тюлюш: <http://old.tuvsu.ru/upload/osnovnoy/VKR/OFO/IF/460301%20Istoriya%20Arheologiya/Tulush%20Ch.O.%20A.D.%20Grach%20life%20and%20scientific%20activity.pdf> (дата обращения: 20.01.2021).

учёного была передана Нонной Леонидовной Грач (урожд. Журавлёвой) после окончания выставки к 60-летию со дня рождения А. Д. Грача, проходившей в выставочном зале Тувинского республиканского краеведческого музея¹.

Благодаря профессионализму и кропотливой работе старших коллег А. Д. Грача, отсутствие его полевых дневников не стало ограничивающим фактором для нашего исследования. В архиве МАЭ РАН сохранились полевые материалы Екатерины Дмитриевны Прокофьевой (1902–1978), которая возглавляла Тувинский отряд Саяно-Алтайской экспедиции в 1953 г. В ее рукописном дневнике за период с 26 октября по 3 ноября 1953 г. нами была найдена информация о том, что А. Д. Грач доставил в лагерь экспедиционной группы в поселке Бай-Тал интересующую нас находку. Е. Д. Прокофьева делает 2 ноября 1953 г. краткую запись карандашом: «Вчера Саша (А. Д. Грач. — Н. С.) добрался до “пещеры” и привез чудесные “иконы” на шелке и книги ламские. Мы их даже не рассматривали, т. к. вообще это дело не очень безопасное» (Архив МАЭ, ф. К-1, оп. 2, д. 519, л. 75 об).

В своих полевых материалах Прокофьева дважды — 31 октября и 4 ноября 1953 г. — упоминает подробнее о находке в тайнике. Из записей мы узнаем, что тувинец Колхоз Хертек, тракторист Бай-Тайгинской машинно-тракторной станции (Архив МАЭ, ф. К-1, оп. 2, д. 524, л. 98) показал А. Д. Грачу тайника, где были спрятаны «священные предметы» (Архив МАЭ, ф. К-1, оп. 2, д. 524, л. 106). Об информанте Прокофьева отзывалась весьма интересно:

«Казалось “Колхоз” уже современный парень и предрассудков сильных не осталось в нем» (Архив МАЭ, ф. К-1, оп. 2, д. 524, л. 106; имя закавычено в источнике. — Н. С.),

«... славный парень, тракторист Бай-тайгинского МТС, очень интересный парень, но к сожалению у него большое сердце. ... Колхоз очень трусил, т. к. население его не похвалит за то, что он выдал “тайну”. К тому же еще беда — во время поездки лошадь ударила Колхоза по ноге. Нога распухла и очень болит. Он получил направление в больницу, в Тээли. После этого он замолк — ничего не рассказывал. Может быть он расценил это несчастье, как возмездие за свое презрение к старинным традициям» (Архив МАЭ, ф. К-1, оп. 2, д. 524, л. 98).

По мнению В. А. Киселя, с конца 1950-х гг. в этнографических кругах началось замалчивание роли Е. Д. Прокофьевой в изучении этнической истории Тувы, которое завершилось в начале 2000-х гг. несколькими публикациями о полевой деятельности Прокофьевой в Туве (Дьяконова, 2005; Хомич, 2004; см.: Кисель, 2011: 26–27). По причине научного забвения рукописные материалы Прокофьевой в архиве МАЭ оставались без внимания исследователей, а значит, и информация о находке А. Д. Грачом тайника с реликвиями также оставалась недоступной для исторического анализа.

Буддийская икона из коллекции МАЭ РАН

В декабре 1955 г. А. Д. Грач зарегистрировал предметы культа, добытые им из тайника в Туве, в коллекцию МАЭ № 6170, в настоящее время она хранится в фонде Сибири МАЭ РАН.

Среди предметов — буддийская икона (танка) и ксилографический сборник буддийских текстов².

Буддийская икона в раме³ (фото 2), которая в ходе данного исследования была атрибутирована как изображение Белой Тары, при составлении коллекционной описи не получила определенного названия. А. Д. Грач весьма подробно описал изображенный сюжет, цветовую гамму иконы, без внимания собирателя осталась лишь идентификация элементов изображения.

Нужно отметить, что священные образы буддизма — это тысячи персонажей, обладающих множеством разнообразных атрибутов. Как справедливо отметил А. А. Терентьев, «при попытке составить описание иконы или скульптуры мы сразу же сталкиваемся с проблемой идентификации сюжета и элементов изображения, которую в настоящее время ученые решают различными способами» (Терентьев, 2004: 18).

Совместно с Д. В. Ивановым, старшим научным сотрудником отдела этнографии Восточной и Юго-Восточной Азии МАЭ РАН, мы установили, что на буддийской иконе изображена Белая Тара в «ваджр-ной позе» (там же: 44). Сияние вокруг ее тела обрамлено двумя цветами. Тара сидит на лотосовом сиденье, которое в данном случае прописано не до конца. Тара изображена с многочисленными

¹ В настоящее время — Национальный музей им. Алдан-Маадыр Республики Тыва.

² Сборник нуждается в отдельном изучении специалистов: реставраторов, филологов, востоковедов.

³ МАЭ РАН № 6170-5/2.

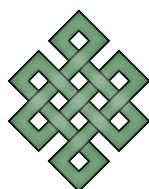

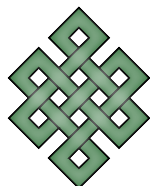
Фото 2. Буддийская икона танка Белой Тары. Фото А. Ю. Сайфиевой, 2021 г. МАЭ № 6170-5/2.
 Photo 2. The Buddhist icon of the White Tara thangka. Photo by A. Yu. Saifieva, 2021. MAE No. 6170-5/2.

драгоценностями на руках, шее, в ушах и пятизубцовой короной на голове. Лицо богини излучает спокойствие и умиротворение, наблюдается легкая улыбка. В руках Тары белый лотос, наделяемый благоприятной символикой: чистоты, света, просветления, долголетия (там же: 112). Образ Тары, судя по буддийским практикам, связанным с ней, характеризуется двумя относительно противоположными началами: с одной стороны, она благосклонна и милосердна, с другой — обладает воинственными качествами и решимостью, необходимыми для защиты последователей¹. В нижней части рассматриваемой иконы изображены гневный бодхисаттва Ваджрапани (слева) и Хаягрива (справа), объятые пламенем; между ними чаша с плодами.

Данная икона Белой Тары написана на загрунтованном холсте. Орнаментальные мотивы покрыты серебряной краской (МАЭ РАН, Коллекционная опись МАЭ № 6170, л. 5). Само изображение на холсте очерчено красной рамкой. Холст помещен в деревянную раму со стеклом:

«Рамка составлена из частей, скрепленных друг с другом при помощи проклейки пазов. На лицевой стороне нанесен орнамент, в основном растительного характера (раскраска — коричневая, жёлтая, красная, синяя). Рамка имеет выдвинутую заднюю стенку, на внутренней стороне которой нанесены

¹ Источник блага и счастья. Истории происхождения Учений и махасиддхов богини Тары. Садхана «Четыре Высшие Мандалы». Поклонение 21 Таре и хвала коренной мантре. М. : Институт общегуманитарных исследований, 2013. 112 с. С. 103–105.

три строки молитвенного текста на монгольском языке (написано тушью)» (МАЭ РАН, Коллекционная опись МАЭ №6170, л. 5).

Транслитерация текста на раме танки Белой Тары была выполнена для данной статьи в 2021 г. сотрудниками Института восточных рукописей РАН: младшим научным сотрудником А. А. Сизовой; старшим научным сотрудником, PhD, кандидатом филологических наук Н. В. Ямпольской; научным сотрудником, кандидатом филологических наук Д. А. Носовым:

ene üsüg-tür kičiyegči(?) biber(?)

burqan-u ači-bar baračid ügei dörben suruqu

bolтуγai . ô[m] ma-a ni qu mi . irüger (?) ::

Предварительный перевод текста, по мнению Д. А. Носова, может выглядеть следующим образом:

«В этом узоре (?) при помощи старательного меня (?) при помощи Будды пусть постигнут четыре безмерные! О-ма-ни-ху-ми!».

Основная цель обращения последователей к Белой Таре — это просьба о даровании долгой жизни. Белая Тара на изображении держит в левой руке стебель лотоса, символизирующий ее способность поддержать жизнь живых существ и даровать им долголетие. Наличие у Белой Тары семи лотосообразных глаз — дополнительный глаз на лбу, а также по паре на ладонях и ступнях, говорит о том, что данное изображение выполнено в традиции Атиши¹. Семь глаз связывают с возможностью Тары следить за всем происходящим в мире. Практики обращения к Белой Таре сильно развиты в буддизме. Обращение к Таре зачастую используют в экстренных ситуациях для получения срочной помощи.

Заключение

Огромное число письменных и вещественных источников по истории буддизма Тувы в связи со сложной историей взаимодействия руководства региона с духовенством в первой половине XX в., в том числе периодом репрессий 1930-х гг., оказались уничтоженными после изъятий из храмов и домов верующих. Лишь малая часть оказалась спасенной с помощью их сокрытия, например, в тайниках. Эти предметы культа рассредоточены по территории Тувы и за ее пределами, как части разных государственных и частных коллекций. Рукописи, иконы и другие материалы обнаруживались в тайниках случайно, либо об их местонахождении исследователи узнавали в беседах с местными жителями, после чего их находили и вывозили.

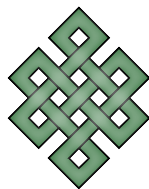
Находка реликвий, спрятанных в юго-восточной части скального массива Кызыл-Тей, произошла 1 ноября 1953 г. Археолог А. Д. Грач доставил найденные им буддийские иконы и сборники молитвенных текстов в лагерь Тувинского отряда Саяно-Алтайской экспедиции в поселке Бай-Тал. Обнаружение данных предметов стало возможным благодаря работе с информантом. Позднее, по окончании работы экспедиции икона и тексты были доставлены в Ленинград и стали частью коллекций МАЭ. Фонды Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) хранят не только буддийские реликвии, но и архивные документы, свидетельствующие о работе экспедиционной группы, о факте обнаружения тайника с буддийскими предметами.

В данной статье введена в научный оборот информация об одной из находок, а также предпринята попытка интерпретации изображения на буддийской иконе. Дополнительного изучения на данный момент требует сборник молитвенных текстов, а также уместным видится дополнительный поиск полевых материалов А. Д. Грача. Полноценное научное описание находки из тайника в Кызыл-Тее и введение информации о ней в научный оборот способно открыть еще одну неизвестную страницу в истории буддизма Тувы.

Благодарности

Выражаю признательность сотрудникам Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН: хранителю Владимиру Антониевичу Киселю, заведующей архивом Ксении Владимовне Радецкой и старшему научному сотруднику Дмитрию Владимировичу Иванову — за помощь в ознакомлении с музейными предметами, архивными материалами и атрибуции предметов; также научным сотрудниками Института восточных рукописей РАН: Дмитрию Алексеевичу Носову, Алле

¹ Атиша (982–1054) — индийский ученый, буддийский монах, проповедник.

Алексеевне Сизовой, Наталье Васильевне Ямпольской — за транскрипцию и перевод надписи на буддийской иконе из коллекции МАЭ РАН.

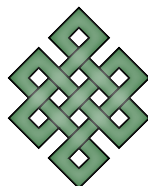
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бичелдей, У. П. (2019) Самый большой аппликационный буддийский свиток из фондов Национального музея Тувы // Новые исследования Тувы. № 2. С. 161–169. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.2.14>
- Грач, А. Д. (1957) Петроглифы Тувы, I. (Проблема датировки и интерпретации, этнографические традиции) // Сборник Музея антропологии и этнографии. М. ; Л. : Изд-во АН СССР. Т. XVII. 541 с. С. 385–428.
- Грач, А. Д. (2020) Автобиография А. Д. Грача // Археологические вести. Вып. 26. СПб. : Институт истории материальной культуры РАН. 304 с. С. 57.
- Дьяконова, В. П. (2005) Сибирские экспедиции Л. П. Потапова // Музей в XXI веке: проблемы и перспективы : материалы Междунар. науч.-практ. конф. : в 2 ч. / отв. ред. К. А. Бичелдей. Кызыл : Типография КЦО «Аныяк». Ч. II. 156 с. С. 53–61.
- История Тувы (2007) : в 3 т. / под общ. ред. В. А. Ламина. Новосибирск : Наука. Т. II. 430 с.
- Кисель, В. А. (2011) Забытый исследователь Тувы // Прокофьева Е. Д. Процесс национальной консолидации тувинцев. СПб. : Наука. 538 с. С. 13–27.
- Монгуш, М. В. (2001) История буддизма в Туве (вторая половина VI — конец XX в.). Новосибирск : Наука. 197 с.
- Отрощенко, И. В. (2016) Сангха в контексте государственной политики Тувинской Народной Республики // Новые исследования Тувы. № 3. С. 34–53.
- Терентьев, А. А. (2004) Определитель буддийских изображений. СПб. : Нартанг. 304 с.
- Сафронова, Е. С. (1999) Буддизм в странах Запада и в России (историко-культурный анализ): дисс. ... д. и. н. М. 493 с.
- Сумба, Р. П. (2019) Письменные источники на тибетском языке из фондов Национального музея Тувы // Новые исследования Тувы. № 2. С. 128–138. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.2.11>
- Хомич, Л. В. (2004) Екатерина Дмитриевна Прокофьева — исследователь традиционной культуры селькупов // Курьер Петровской Кунсткамеры / гл. ред. А. С. Мильников. СПб. : МАЭ РАН. Вып. 10–11. 218 с. С. 44–51.
- Хомушку, О. М. (1991) Эволюция и современное состояние религиозности в Туве : автореф. дисс. ... к. филос. н. М. 24 с.
- Хомушку, О. М. (2006) Религиозный синкретизм у народов Саяно-Алтая : дисс. ... д. филос. н. М. 299 с.

Дата поступления: 01.02.2021 г.

REFERENCES

- Bicheldei, U. P. (2019) Samyi bol'shoi applikatsionnyi buddiiskii svitok iz fondov Natsional'nogo muzeia Tuvy [The largest appliqué Buddhist scroll in the collections of the National Museum of the Republic of Tuva]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 161–169. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.2.14>
- Grach, A. D. (1957) Petroglify Tuvy, I. (Problema datirovki i interpretatsii, etnograficheskie traditsii) [Petroglyphs of Tuva, I. (The problem of dating and interpretation, ethnographic traditions)]. In: *Sbornik Muzeia antropologii i etnografii [Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography]*. Moscow ; Leningrad, Publ. House of the Academy of Sciences of the USSR. Vol. XVII. 541 p. Pp. 385–428. (In Russ.).
- Grach, A. D. (2020) Avtobiografiia A. D. Gracha [Autobiography of A. D. Grach]. In: *Arkheologicheskie vesti [Archaeological News]*. Issue 26. St. Petersburg, Institute for the History of Material Culture RAS. 304 p. P. 57. (In Russ.).
- D'iaikonova, V. P. (2005) Sibirskie ekspeditsii L. P. Potapova [Siberian expeditions of L. P. Potapov]. In: *Muzei v XXI veke: problemy i perspektivy [Museum in the 21st century: Problems and prospects]* : Proceedings of the International science-to-practice conference : in 2 parts / ed. by K. A. Bicheldei. Kyzyl, Printing House of the Kyzyl Educational Center "Anyiak". Part II. 156 p. Pp. 53–61. (In Russ.).
- Istoriia Tuvy [The History of Tuva] (2007) : in 3 vols. / ed. by V. A. Lamin. Novosibirsk, Nauka. Vol. 2. 430 p. (In Russ.).
- Kisel', V. A. (2011) Zabytyi issledovatel' Tuvy [A forgotten researcher of Tuva]. In: Prokof'eva, E. D. *Protsess natsional'noi konsolidatsii tuvintsev [The process of national consolidation of the Tuvans]*. St. Petersburg, Nauka. 538 p. Pp. 13–27. (In Russ.).
- Mongush, M. V. (2001) *Istoriia buddizma v Tuve (vtoraia polovina VI — konets XX v.) [The history of Buddhism in Tuva (Latter half of the 6th — late 20th cc.)]*. Novosibirsk, Nauka. 200 p. (In Russ.).

Otroshchenko, I. V. (2016) Sangkha v kontekste gosudarstvennoi politiki Tuvinskoj Narodnoj Respubliki [The sangha and the politics of People's Republic of Tuva]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 34–53. (In Russ.).

Terent'ev, A. A. (2004) *Opredelitel' buddiiskikh izobrazhenii* [Identifier of Buddhist images]. St. Petersburg, Nartang. 304 p. (In Russ.).

Safronova, E. S. (1999) *Buddizm v stranakh Zapada i v Rossii (istoriko-kul'turnyi analiz)* [Buddhism in the countries of the West and in Russia (Historical and cultural analysis)] : Diss. ... Doctor of History. Moscow. 493 p. (In Russ.).

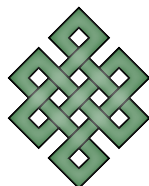
Sumba, R. P. (2019) Pis'mennye istochniki na tibetskom iazyke iz fondov Natsional'nogo muzeia Tuvy [Written sources in Tibetan language in the collections of the National Museum of the Republic of Tuva]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 128–138. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.2.11>

Khomich, L. V. (2004) Ekaterina Dmitrievna Prokof'eva — issledovatel' traditsionnoi kul'tury sel'kupov [Ekaterina Dmitrievna Prokofieva — a researcher of the traditional culture of the Selkups]. In: *Kur'er Petrovskoi Kunstkamery* [Courier of the Petrovskaya Kunstkamera] / editor-in-chief A. S. Myl'nikov. St. Petersburg, Museum of Anthropology and Ethnography RAS. Vol. 10–11. 218 p. Pp. 44–51. (In Russ.).

Khomushku, O. M. (1991) *Evolutsiia i sovremennoe sostoianie religioznosti v Tuve* [Evolution and the current state of religiosity in Tuva] : Abstract of the Diss. ... Candidate of Philosophy. Moscow. 24 p. (In Russ.).

Khomushku, O. M. (2006) *Religiozniy sinkretizm u narodov Saiano-Altaja* [Religious syncretism among the peoples of Saian-Altai]: Diss. ... Doctor of Philosophy. Moscow. 299 p. (In Russ.).

Submission date: 01.02.2021.

DOI: 10.25178/nit.2021.2.4

Статья

Антропонимы тувинского языка, связанные с буддийской религией

Надежда Д. Сувандии

Тувинский государственный университет, Российская Федерация

В статье представлена систематизация личных имен тувинцев, бытующих в настоящее время, связанных с буддийской религией, которые были заимствованы из тибетского языка и санскрита через монгольский. Материал исследования был собран автором во времена комплексных научных экспедиций в 1999–2020 гг. на территории Ховдского, Баян-Улэгэйского и Хубсугульского аймаков Монголии, а также в районах Республики Тыва.

Выделено восемь типов антропонимов: 1) антропонимы, связанные с названиями священных книг и текстами из сутр, которые используются при чтении молитв в буддийских монастырях; 2) личные имена, в которых отражены названия буддийских божеств; 3) имена, связанные с названиями планет; 4) антропонимы, характеризующие личностные качества и состояния денотата; 5) личные имена, связанные с атрибутикой священнослужителей; 6) имена, связанные с растительностью; 7) антропонимы, связанные с названиями драгоценных камней, металлов и др.; 8) антропонимы, связанные с различными достижениями служения буддизму. Приведены примеры по каждой из выделенных групп.

Также выявлены фонетические трансформации, которые встречаются почти во всех заимствованиях.

Ключевые слова: *тувинский язык; ономастика; именная; личное имя; буддизм; лексико-семантическая группа; антропоним; заимствованное имя; тувинцы; Тува; Монголия; монгольские тувинцы*

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00073 «Трансформационные процессы в ономастике народов Центральной Азии: история и современность (на примере Тувы, Тофаларии, Калмыкии и Монголии)».

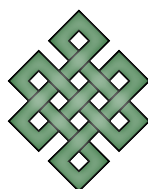
Для цитирования:

Сувандии Н. Д. Антропонимы тувинского языка, связанные с буддийской религией // Новые исследования Тувы. 2021, № 2. С. 44-51. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.2.4>

Сувандии Надежда Дарьевна — кандидат филологических наук, декан филологического факультета Тувинского государственного университета. Адрес: 667004, Россия, г. Кызыл, ул. Педагогическая, д. 13. Тел.: +7 (923) 268-93-69. Эл. адрес: suvandiin@mail.ru

SUVANDII, Nadezhda Daryevna, Candidate of Philology, Dean, Philological Faculty, Tuvan State University. Postal address: 13 Pedagogicheskaya St., 667004 Kyzyl, Russian Federation. Tel.: +7(923) 268-93-69. E-mail: suvandiin@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-3817-2436

Buddhism-related Tuvan personal names

Nadezhda D. Suvandii

*Tuvan State University,
Russian Federation*

The article aims to systematize contemporary Tuvan anthroponyms which are linked to Buddhism and were originally borrowed from Tibetan and Sanskrit via Mongolian language. The material presented here was collected by the author in the course of her comprehensive expeditions to Khovd, Bayan-Ölgii, and Khövsgöl aimags of Mongolia and some rayons of the Republic of Tuva.

As a result of our study, eight type of personal names have been identified: 1) anthroponyms stemming from the titles of the holy books and fragments of the sutras read during prayers in Buddhist monasteries; 2) personal names linked to the names of Buddhist deities; 3) those stemming from the names of the planets; 4) those representing the personality and state of those they denote; 5) personal names stemming from words for accessories used by the clergy; 6) names linked to words for vegetation; 7) anthroponyms formed from the roots meaning jewels, metals, etc.; and 8) personal names reflecting virtues of Buddhist worship. For each type, examples are provided in the article.

Also traced are the phonetical transformations which are manifest in almost any borrowed word.

Keywords: Tuvan language; onomastics; name list; personal name; Buddhism; lexical-semantic group; anthroponym; borrowed name; Tuvans; Tuva; Mongolia; Mongolian Tuvans

Financing

The article was written with financial support from the RFBR as part of research project No. 19-012-00073 titled “Transformational processes in the onomastics of the peoples of Central Asia: history and modernity (the cases of Tuva, Tofalaria, Kalmykia and Mongolia)”.

For citation:

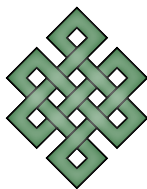
Suvandii N. D. Anthroponimy tuvinskogo iazyka, svyazannyye s buddiiskoi religiei [Buddhism-related Tuvan personal names]. *New Research of Tuva*, 2021, no. 2, pp. 44-51. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.2.4>

Введение

Антропонимическая система каждого народа представляет собой ценный материал для ознакомления с его историей, культурой и языковыми особенностями. Также богата, разнообразна и показательна система личных имен тувинского народа.

Корни тувинских антропонимов восходят не только к тюркским языкам, но также к монгольским, тибетским и санскритским языкам. При этом личные имена монгольско-тибетского происхождения в основном связаны с буддийской религией, которая проникла в Туву через Монголию и укрепилась, стала государственной в XVIII в. (Монгуш, 2001). В возникновении антропонимов монгольско-тибетского происхождения немалую роль сыграли также одинаковый кочевой образ жизни и вид хозяйственной деятельности — скотоводство. Известный филолог Б. И. Татаринцев указывал, что общение между тувинцами и монголами осуществлялось в большинстве случаев на языке монголов, которым владела часть тувинского населения (Татаринцев, 1976: 9–11). Поскольку у тувинцев не было своей письменности, богатые тувинцы отправляли своих детей в Монголию, чтобы обучить их монгольской письменности. Также в буддийских монастырях Монголии обучение проходили и тувинские ламы.

Данные обстоятельства стали предпосылкой возникновения личных имен монгольско-тибетского происхождения в тувинской антропонимической системе. И в настоящее время в они составляют важную часть антропонимической системы.

Тема личных имен монгольско-тибетского происхождения у тувинцев впервые появилась в капитальном труде Н. Ф. Катанова, где автор зафиксировал небольшое количество антропонимов: *Адыяк — Адыяа* (муж., жен.); *Пазыр — Базыр* (муж.); *Айыцы — Айыыжы* (муж., жен.) и др. (Катанов, 1903). Один из первых исследователей тувинской антропонимической системы С. И. Вайнштейн в своих работах также рассматривал личные имена, которые попали в тувинский язык под влиянием буддизма (Вайнштейн, 1969). Он также подчеркнул, что имена, связанные с буддийской религией, попав в тувинский язык, под воздействием его фонетических законов изменили свой первоначальный облик (Вайнштейн, 1979). К. А. Бичелдей в своей работе, посвященной тувинскому языку, также упомянул тему личных имен тибетского, санскритского происхождения, заимствованных через монгольский язык, например *Аранчын/ Эренчин — үнелиг* — ‘ценный’, *Базыр / Очур / Доржу* — ‘алмаз’, *Дондук — угаанныг*, *билдилиг* — ‘умный, волшебный’ и др. (Бичелдей, 1993). Ряд работ опубликовал Р. Д. Лудуп. Автор подчеркнул их специфичность для тувинской антропонимии, отличающей ее от других тюркских систем (Лудуп, 1996а, 1997, 2017¹). В монографии М. В. Монгуш, одного из исследователей буддизма Тувы, также есть раздел, посвященный новшествам в имянаречении тувинцев, связанных с принятием новой религии (Монгуш, 2001: 159–161).

Автором данной статьи опубликована монография, в которой отдельной главой рассматриваются заимствованные из других языков личные имена, среди которых имеются и антропонимы, заимствованные из монгольского языка, через него из санскрита и тибетского (Сувандии, 2011) и статья по монгольско-тибетским именам (Сувандии, 2012).

В данной статье рассмотрено современное употребление у тувинцев личных имен монгольско-тибетского происхождения, которое распространилось с момента возрождения буддизма в Туве в 1990-х гг. Источником исследования послужили личные имена, опубликованные в работах наших коллег, а также собранные автором во времена выездов в различные районы республики, также в научных экспедициях в 1999–2020 гг. в Монголию.

Личные имена, связанные с буддизмом

Проникновение буддизма в тувинскую культуру в том числе выразилось в наречении новыми именами детей тувинцев. Этот факт стал одним из показателей популяризации религии в народе. При этом популярность на современном этапе также связана с процессом религиозного возрождения, начавшимся в конце XX в. (Монгуш, 2001: 126–139).

Систематизация собранного нами материала позволила выявить в именах следующие лексико-семантические группы:

1. Антропонимы, связанные с названиями священных книг и текстами из сутр, которые используются при чтении молитв в буддийских монастырях. К подобным именам относятся *Очуржап* (тувинское имя, заимствованное, но подвергшееся фонетической трансформации — далее тув., муж.) — *Очиржаб* (санскритское — далее санскр., тибетское — далее тиб.) — защищенный алмазом; термин из текста сутры²; *Сундуй* (тув., муж)³ — *Сундуй* (тиб.) — сборник священных текстов; *Чадамба* (тув.) — *Жадамба* (тиб.) — название священного текста (сутры) — название сокращенного варианта праджня-парамиты; *Санчайжап* (тув., муж.) — *Санжайжаб* (тиб.) — название текста из сутры и т. д.

Личные имена данной группы были и остаются востребованными, особенно в последнее время. В настоящее время большая часть верующих жителей республики по своим *менги* — ‘знаку-покровитель’⁴ — читают тексты из сутр, названия которых могут быть личными именами;

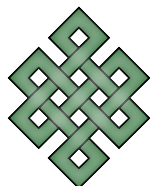
2. Личные имена, в которых отражены названия буддийских божеств: *Агбаан ~ Агваан* (тув., муж.) (Лудуп, 1996а) — *Агван* (тиб.) — имя бога Манджжури, владыки слова; *Аюуш* (тув., общее (и для мужчин, и для женщин) — далее общ.) — *Аюш* (там же) ~ *Аюуша* (тув., жен.) ~ *Аюша* (санскр.) — имя божества долголетия; продлителя жизни; *Долчаң ~ Долчаңмаа* (тув., жен.) (там же) ~ *Дара* (тув., жен.) — *Должин*

¹ См. также: Лудуп, Р. Д. (2001) Моол, төвүт, санскрит уктуг тыва антропонимнер [Тувинские антропонимы монгольского, тибетского и санскритского происхождения]: дипломная работа. Кызыл. 51 с. (На тув. языке).

² Информант: Сундуй Молам Борисович, 1996 г. р., г. Кызыл, Республики Тыва, священнослужитель.

³ Он же.

⁴ Менги — знак-покровитель в тувинской культуре, который определяется по году, месяцу и дате рождения человека.

(тиб.) ~ *Дара* (санскр.) — название Зеленой Тары, зеленой освободительницы¹; *Долгар*, *Долгармаа* (тув., жен.) — *Долгор*, *Долгорма* (тиб.) ~ синоним *Аюрзана* ~ *Аюржана* (санскр.) — название Белой Тары, освободительница; *Комбу* (тув., муж.) — *Гомбо* (тиб.) — имя божества-покровителя, защитника и хранителя веры; *Найдан* (тув., муж.) ~ *Найдаң* (Лудуп, 1997) — *Найдан* (тиб.) — белый старец, наименование старшего возрастом, почитаемого монаха и т. д.

Личные имена, связанные с названиями буддийских божеств, встречаются почти в каждой семье верующих. Тувинцы считали, что божества буддийской веры оберегают их семьи. Поэтому они нарекали подобными именами своих детей. По словам информантов, в прежние времена, если в семье детей не было или они по каким-то болезням умирали, тувинцы ездили в Монголию, поклонялись Зеленой Таре, получали благословление и рожали детей²;

3. Имена, связанные с названиями планет. В антропонимах данной лексико-семантической группы кроме названий планет, также перечисляются и наименования дней недели: *Даваа* (тув., муж.) (Лудуп, 1996а) — *Даваа* ~ *Даба* (тиб.) — ‘горный перевал’; узкий горный переход (*Большой академический ...*, 2001а: 8); планета Луна, день недели — понедельник; *Мыңмыр* (тув., муж.) — *Мягмар* (тиб.) — планета Марс, день недели — вторник; *Лакпа* ~ *Лакпаа* (тув., муж.) — *Лхагва* (тиб.) — I. ‘громадный’; II. 1. планета Меркурий, 2. день недели — среда (*Большой академический ...*, 2001b: 306); *Бурбу* ~ *Пюрбю* (тув., муж.) — *Пурбу* (тиб.) — планета Юпитер, день недели — четверг; *Баазаң* (тув., муж.) (Лудуп, 1996а) — *Баасан* (тиб.) — планета Венера, день недели — пятница (*Большой академический...*, 2001а: 204); *Бимба* ~ *Бамба* (тув., муж.) — *Пимба* ~ *Пенпа* (тиб.) — планета Сатурн, день недели — суббота; *Нима* ~ *Ниман* (тув., муж.) — *Нима* (санскр.) — планета Солнце, день недели — воскресенье³.

Личные имена названной лексико-семантической группы в современной системе личных имен являются распространенными в связи с тем, что многие современные родители перед наречением детей именем ходят к ламам, которые советуют дать им имена по характеру и названию дня недели⁴.

4. Антропонимы, характеризующие личностные качества и состояния денотата: *Ананды* (тув., муж.) — *Ананда* (санскр.) — радость, радостный; *Балдаң* (тув., муж.) (Лудуп, 1996) — *Балдан* (тиб.) — великолепие, великолепный; *Тагба* ~ *Дагба* (тув., муж.) — *Дагба* (тиб.) — чистый, безгрешный, очистившийся от пороков; *Дондук* (тув., муж.) (Лудуп, 1996) — *Дондок* (тиб.) — благонамеренность, благонамеренный; *Калзан* (тув., муж.) — *Галсан* (тиб.) — хорошая судьба; *Кунгаа* (тув., муж.) — *Гунга* (тиб.) — радость, веселье; *Делег* (тув., муж.) — *Дэлэг* (тиб.) — покой, счастье⁵ и др.

Родители при наречении своих детей именами данной группы выражают свои пожелания, чтобы их чада в своей дальнейшей жизни имели в себе именно качества, отражающиеся в них. Следовательно, данные имена могут иметь смысл имен-пожеланий, как в собственно тувинских именах, которые содержат в себе пожелания хорошей, благополучной жизни своим детям во взрослой жизни. В древние времена тувинцы традиционно нарекали своих детей именами, которые имели в большей степени «отрицательные, непристойные» значения в связи с тем, что детей могли сглазить, например, *Өктек-оол* — от *өктек* — ‘кал’, *Чүдек* — от *чүдек* — ‘некрасивый’ и т. д. — с охранительными целями. Традиция наречения красивыми, звучными именами появились в тувинском языке во второй половине XX века.

5. Личные имена, связанные с атрибутикой священнослужителей: *Анзат* (тув., общ.) — *Анзад* (тиб.) — сокровищница могущества — святой атрибут священнослужителей; *Пурбу* ~ *Бурбу* (тув., муж.) — *Пурба* (тиб.) — ритуальный трехгранный кинжал для изгнания злых духов; атрибут священнослужителей⁶; *Дамбыра* (тув., муж.) — *Дамбар* (тиб.) — барабан; атрибут священнослужителей⁷; *Очур* (тув., муж.) — *Очир* (санскр.-тиб.) — алмаз; атрибут, означающий символ нерушимости учения тантризма⁸ и т. д.

¹ Информант: Сундуй Молам Борисович, 1996 г. р., г. Кызыл, Республики Тыва, священнослужитель.

² Информант: Монгуш Виктор Бойдуевич, 1943 г. р., с. Аянгагы, Барун-Хемчикского района Тувы, пенсионер.

³ Информант: Монгуш Виктор Бойдуевич, 1943 г. р., с. Аянгагы, Барун-Хемчикского района Тувы, пенсионер.

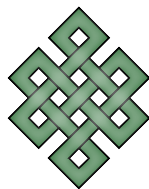
⁴ Информант: Ликчар Валентина Михаловна, 1958 г. в г. Чадан, Дзун-Хемчикского района, Республики Тыва, индивидуальный предприниматель.

⁵ Информант: Ооржак Сергек Михайлович, 1988 г. р., с. Теве-Хая, Дзун-Хемчикского района, священнослужитель буддийского храма Цеченлинг.

⁶ Информант: Сагаан Аяс Яковлевича, 1979 г. р., с. Ак-Дуруг, Чаа-Холского района, священнослужителя буддийского храма Цеченлинг.

⁷ Он же.

⁸ Информант: Сундуй Молам Борисович, 1996 г. р., г. Кызыл, Республики Тыва, священнослужитель.

Священнослужители буддийских храмов при проведении различных мероприятий, чтении мантр, проведении подношений используют различные атрибуты. Их названия стали использоваться для имен. По информации священнослужителей, подобные имена употреблялись в Тибете, Монголии, поэтому в тувинском языке данное явление является заимствованным из монгольского языка и через него из тибетского, в связи с чем, нет возражений по поводу их употребления в качестве личных имен.

6. К отдельной небольшой группе антропонимов относятся имена, связанные с растениями, значимыми для буддизма. В количественном отношении в тувинском языке они единичные, но употребляются в повседневной жизни часто: *Бадыма* (тув., жен.) — *Бадма* (санскр.) — лотос (цветок). Образ лотоса в буддизме символизирует непорочную чистоту, т. к. прекрасный лотос не имеет ничего общего с грязью болота, из которой он произрастает — также как Будда, достигший нирваны, вырвавшейся из болота сансары (Сотников, 2004: 4).

В современной тувинской антропонимической системе перечисленные имена употребляются часто, как подтверждают информанты-служители буддийских монастырей. Они являются священными растениями буддизма¹.

7. Антропонимы монгольско-тибетского происхождения, связанные с названиями драгоценных камней, металлов и др., как и в исконно тувинских: *Доржу* (тув., муж.) — *Доржо* (тиб.) — алмаз, букв. 'князь камней' (там же: 17), *Дамба-Доржу* (тув., муж.) — *Дамбадорожо* (тиб.) — священный алмаз; *Норбу* (тув., муж.) — *Норбо* (тиб.) — драгоценность (камни, металлы, кости священных животных и др.); *Оюу* ~ *Оюуна* (тув., жен.) — *Оюна* (тиб.) — бирюза; *Эренчин* ~ *Эртинэ* (тув., общ.) — *Ринчин*, *Иринчин* (тиб.) — драгоценность и т. д.

Слова, относящиеся к именам данной группы, в основном выражают общее название драгоценностей и названия камней, используемых для украшения атрибутики священнослужителей.

8. Среди заимствованных имен, связанных с буддизмом, отдельной группой нами выделены антропонимы, связанные с различными достижениями служения буддизму, например, *Ендан* (тув., муж.) — *Ендон* (тиб.) — достоинство, добродетель; знание; *Чымба* (тув., муж.) — *Жимба* (тиб.) — подаяние, милостыня, пожертвование; щедрость одна из 6 парамит; *Ойдуп*, *Ойдуп-оол* (тув., муж.) — *Ойдоб*, *Ойдоп* (тиб.) — совершенство, способность, сиддхи, т. е. сверхъестественные способности силы человека, которые приобретены им в результате практики йоги², *Самдан* (тув., муж.) — *Самден* (тиб.) — начальная стадия сосредоточения, медитации³; *Содунам*, *Соднам* (тув., муж.) — *Содном* (тиб.) — духовная заслуга, приобретаемая в результате совершения добродетельных поступков; *Хорлуу* (тув., общ.) — *Хорло* (тиб.) — колесо, круг; колесо 8 основных учений буддизма и др.

Таким образом, в тувинской системе личных имен антропонимы, заимствованные из монгольского и через него из других языков, в связи с проникновением буддизма в Туву, достаточно разнообразны. Выявленные в ходе исследования личные имена употреблялись в XIX в. и остаются востребованными в настоящее время, за исключением периода с 40-х по конец 80-х годов XX столетия.

Фонетические трансформации в тувинских личных именах

Личные имена при переходе из одного языка в другой меняют свой фонетический облик. При этом эти изменения в современной системе личных имен подчиняются внутренним правилам орфоэпии — совокупности правил устной и письменной речи, закрепленных в литературном языке (Лингвистический энциклопедический ..., 1990).

В антропонимической системе тувинского языка, немалую часть которых составляют заимствованные личные имена как с монгольского, так и с русского, зафиксированы значительные фонетические изменения.

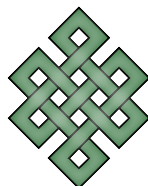
Основные фонетические процессы в области вокализма

1. В современном тувинском языке в словоформах с гласными *я*, *е*, *ё*, *ю*, обозначающих два звука [*ja*], [*jэ*], [*jy*], [*jо*], при долгом произношении в конце гласного добавляется соответствующий звук,

¹ Информант: Ооржак Сергек Михайлович, 1988 г. р., с. Теве-Хая, Дзун-Хемчикского района, священнослужитель буддийского храма Цеченлинг.

² Информант: Сундуй Молам Борисович, 1996 г. р., г. Кызыл, Республики Тыва, священнослужитель.

³ Он же.

обозначающий долготу: *Аюуша [Айууша]* (тув.) — *Аюша* (тиб.), *Аюур [Айуур]* (тув.) — *Аюр* (тиб.); *Оюу, Оюуна [Ойууна]* (тув.) — *Оюна* (тиб.) и т. д.

2. В тувинском языке, как и в других тюркских языках, соблюдается гармония гласных — закон сингармонизма, т. е. уподобление гласных в последующих слогах и аффиксах какого-либо слова предшествующим гласным корня данного слова. В личных именах, заимствованных из монгольского и через него из тибетского, санскрита, часто функционирует данное явление: *Должин* (тиб.) — *Долчаң* (тув.) — по закону сингармонизма тувинского языка в первом слоге *о* — твердый гласный заднего ряда, последующий *и* — мягкий гласный переднего ряда уподобляется предыдущему и заменяется на *а*; *Самден* (тиб.) — *Самдан* (тув.) — *а* — твердый гласный заднего ряда, последующий мягкий гласный *э* (*э*) уподобляется предыдущему и заменяется на *а*; *Очиржаб* (санскр.-тиб.) — *Очуржап* (тув.) — мягкий гласный *и* во втором слоге по правилам сингармонизма тувинского языка заменяется на *у* и др.

3. В личных именах тувинского языка заимствованное с тибетского слово *маа* ‘мать’ употребляется в качестве аффикса женских имен *-маа* и произносится долго, пишется с двумя гласными: *Долгор* (тиб.) — *Долгармаа* (тув.), *Дэнсэн* ~ *Дэнсэма* (тиб.) — *Дензенмаа* ~ *Дензинмаа* (тув.), *Норжон* (тиб.) — *Норжунмаа* (тув.) и т. д.

4. В некоторых личных именах монгольско-тибетского происхождения наблюдается явление эпентезы — вставка гласного внутри него: *Бадма* (тиб.) — *Бадыма* (тув.), *Дансрун* (тиб.) — *Данзырын* (тув.), *Дарма* (тиб.) — *Дарыма* (тув.), *Содном* (тиб.) — *Содунам* (тув.) и т. д.

5. Заимствованные из монгольского языка имена в языке-оригинале произносятся кратко и пишутся с одной гласной, а в тувинском языке появляется долгота, обозначающая двумя буквами: *Даба, Даваа* (тиб.) — *Даваа* (тув.), *Даржа* (тиб.) — *Даржаа* (тув.), *Дэнсэма* (тиб.) — *Дензенмаа* (тув.), *Норжима* (тиб.) — *Норжунмаа* (тув.) и т. п.

Фонетические процессы в области консонантизма

1. В тувинском языке конце слова не употребляются звонкие согласные звуки. Следовательно, в тувинских личных именах, заимствованных с монгольского языка с конечным звонким, происходит оглушение: *Анзад* (тиб.) — *Анзат* (тув.), *Гомбожаб* (тиб.) — *Комбужап* (тув.), *Дондуб* (тиб.) — *Дондуп* (тув.), *Мижид* (тиб.) — *Мижит* (тув.), *Намдаг* (тиб.) — *Намдак* (тув.) и т. д.

2. В середине тувинских слов после звонких и сонорных не употребляются глухие согласные, что и встречается в заимствованных именах, связанных с буддизмом: *Балсан* (тиб.) — *Балзан* (тув.), *Галсан* (тиб.) — *Калзан* (тув.), *Дансаран* (тиб.) — *Данзырын* (тув.), *Лубсан* (тиб.) — *Лопсан* (тув.) и т. д.

3. В начале тувинского слова не употребляются звонкие согласные, которые зафиксированы в личных именах, связанных с буддийской религией: *Гунга* (тиб.) — *Кунгаа* (тув.), *Жамбал* (тиб.) — *Чамбал* (тув.), *Зандан* (санскр.) — *Сандан* (тув.), *Цэдэн* (тиб.) — *Седен* (тув.) и др.

4. В системе заимствованных имен наблюдается единичный антропоним, где происходит противоположное вышеописанному явление, которое в начале пишется глухой звук, когда в тувинском пишется звонкий: *Пурбэ* (тиб.) — *Бүрбү* (тув.).

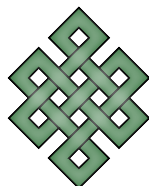
Отсюда следует отметить, что фонетические изменения в заимствованных личных именах, связанных с буддизмом, наблюдаются почти в большей части зафиксированных нами антропонимов. Их фонетический облик почти теряет свой первостепенный вид.

Заключение

В тувинской антропонимической системе наблюдается очень много заимствованных личных имен, связанных с буддийской религией. Распространение и укрепление буддийской религии на территории Тувы существенно обогатило систему имянаречения тувинцев. В ходе исследования мы выявили восемь основных лексико-семантических групп антропонимов, связанных с названиями буддийских божеств, священных книг, с названиями атрибутов священнослужителей и т. д.

Почти во всех личных именах монгольско-тибетского происхождения встречается фонетическая трансформация, которая происходит по законам произношения и правописания слов в тувинском языке. В результате трансформации некоторые имена даже теряют свой первостепенный облик.

Следует отметить, что современные родители больше стали ходить к священнослужителям для получения совета при выборе имени и часто выбирать имена тибетского и монгольского происхождения, увязывая имянаречение с религией. Полагаем, что это свидетельствует и о возросшей религиознос-

ти в регионе, и о желании родителей с помощью священных образов, терминов распространить свои благопожелания на детей и их судьбы. Дальнейшее их изучение поможет составлению антропонимических словарей тувинского и других тюркских языков. В целом вопрос выбора имен у современных тувинцев нуждается в отдельных исследованиях, в том числе социологических, культурологических.

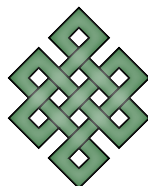
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бичелдей, К. А. (1993) Тыва дыл болгаш чугаа культуразы [Тувинский язык и культура речи]. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 103 с. (На тув. языке).
- Большой академический монгольско-русский словарь (2001a) / под ред. А. Лувсандэндэва, Ц. Цэдэндамба. М. : Academia. Т. 1. А–Г. 536 с.
- Большой академический монгольско-русский словарь (2001b) / под ред. А. Лувсандэндэва, Ц. Цэдэндамба. М. : Academia. Т. 2. Д–О. 536 с.
- Вайнштейн, С. И. (1969) Личные имена, термины родства и прозвища у тувинцев // Ономастика / отв. ред. В. А. Никонов, А. В. Суперанская. М. : Наука. 261 с. С. 125–132.
- Вайнштейн, С. И. (1979) Системы личных имен у народов мира // Справочник личных имен народов РСФСР / под ред. А. В. Суперанской. М. : Русский язык. 656 с. С. 197–210.
- Катанов, Н. Ф. (1903) Опыт изслѣдованія урянхайскаго языка, съ указаніемъ главнѣйшихъ родственныхъ отношеній его къ другимъ языкамъ тюркскаго корня. Казань : Типо-литографія Императорскаго Казанскаго Университета. 1600 с.
- Лингвистический энциклопедический словарь (1990) / отв. ред. В. Н. Ярцева. М. : Советская энциклопедия. 683 с.
- Лудуп, Р. Д. (1996a) Адың-шолаң чажыттары [Тайны имени твоего] // Башкы. № 5. С. 88–90. (На тув. языке).
- Лудуп, Р. Д. (1996b) Адың-шолаң чажыттары [Тайны имени твоего] // Башкы. № 6. С. 79–85. (На тув. языке).
- Лудуп, Р. Д. (1997) Адың-шолаң чажыттары [Тайны имени твоего] // Башкы. № 6. С. 89–91. (На тув. языке).
- Лудуп, Р. Д. (2017) Ваджраянская антропонимика тувинцев: историко-этнографические аспекты // Вестник Бурятского государственного университета. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. Вып. 2. С. 102–105.
- Монгуш, М. В. (2001) История буддизма в Туве. Новосибирск : Наука. 198 с.
- Сотников, И. В. (2004) Бурятские имена. Иволгинск : Изд-во Буддийской академии «Даша Чойнхорлинг». 46 с.
- Сувандии, Н. Д. (2011) Тувинская антропонимия. Кызыл : Редакционно-издательский отдел ТувГУ. 207 с.
- Сувандии, Н. Д. (2012) Тувинские личные имена монгольско-тибетского происхождения // Сибирский филологический журнал № 1. С. 111–116.
- Татаринцев, Б. И. (1976) Монгольское языковое влияние на тувинскую лексику. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 129 с.

Дата поступления: 14.04.2021 г.

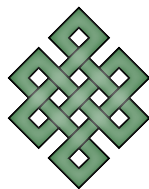
REFERENCES

- Bicheldei, K. A. (1993) Tyva dyl bolgash chugaa kul'turazy [Tuvan language and culture of speech]. Kyzyl, Tuvan Book Publishing House. 103 p. (In Tuv.).
- Bol'shoi akademicheskii mongol'sko-russkii slovar'* [The Large Academic Mongolian-Russian Dictionary] (2001a): in 4 vols. / executive editor G. Ts. Piurbiev. Moscow, Academia. Vol. 1. 520 p. (In Russ.)
- Bol'shoi akademicheskii mongol'sko-russkii slovar'* [The Large Academic Mongolian-Russian Dictionary] (2001b): in 4 vols. / executive editor G. Ts. Piurbiev. Moscow, Academia. Vol. 2. 536 p. (In Russ.)
- Weinstein, S. I. (1969) Lichnye imena, terminy rodstva i prozvizhcha u tuvintsev [Personal names, kinship terms and nicknames among Tuvans]. In: *Onomastika [Onomastics]* / ed. by V. A. Nikonov and A. V. Superanskaia. Moscow, Nauka. 261 p. Pp. 125–132. (In Russ.).
- Vainshtein, S. I. (1979) Sistemy lichnykh imen u narodov mira [Systems of personal names among the peoples of the world]. In: *Spravochnik lichnykh imen narodov RSFSR [Handbook of personal names of the peoples of the Russian Soviet Federative Socialist Republic]* / ed. by A. V. Superanskaya. Moscow, Russkii iazyk. 656 p. Pp. 197–210. (In Russ.).
- Katanov, N. F. (1903) *Opyt izsledovaniia uriankhaiskago iazyka, s ukazaniem glavneishikh rodstvennykh otnoshenii ego k drugim iazykam tiurkskago kornia* [An essay on the Uryanghai language, indicating the most important kinship ties between it and the other languages of the Turkic root]. St. Petersburg, Tipo-litografiia Imperatorskogo universiteta. 1600 p. (In Russ.).
- Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'* [A linguistic encyclopedia] (1990) / ed. by V. N. Iartsev. Moscow, Sovetskaia entsiklopediia. 683 p. (In Russ.).
- Ludup, R. D. (1996a) Adyng-sholang chazhyttary [Secrets of your name]. *Bashky*, no. 5, pp. 88–90. (In Tuv.).

- Ludup, R. D. (1996b) Adyng-sholang chazhyttary [Secrets of your name]. *Bashky*, no. 6, pp. 79–85. (In Tuv.).
- Ludup, R. D. (1997) Adyng-sholang chazhyttary [Secrets of your name]. *Bashky*, no. 6, pp. 89–91. (In Tuv.).
- Ludup, R. D. (2017) Vadhraianskaia antroponimika tuvintsev: istoriko-etnograficheskie aspekt [Vajrayanic anthroponomy of Tuvans: historical and ethnographic aspects]. *Vestnik Buriatskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniia Vnutrennei Azii*, vol. 2, pp. 102–105.
- Mongush, M. V. (2001) *Istoriya buddizma v Tuve (vtoraya polovina VI — konets XX v.)* [The History of Buddhism in Tuva (latter half of the 6th — late 20th cc.)]. Novosibirsk, Nauka. 200 p. (In Russ.).
- Sotnikov, I. V. (2004) *Buriatskie imena [Buryat names]*. Ivolginsk, Izd-vo Buddiiskoi akademii «Dasha Choinkhorlinga». 46 p. (In Russ.).
- Suvandii, N. D. (2011) *Tuvinskaia antroponimiia [Tuvan anthroponymy]*. Kyzyl, Editorial and Publishing Department of Tuva State University Publishing house. 207 p. (In Russ.).
- Suvandii, N. D. (2012) Tuvinskie lichnye imena mongol'sko-tibetskogo proiskhozhdeniia [Tuvan personal names of Mongolian and Tibetan origin]. *Siberian Journal Of Philology*, no. 1, pp. 111–116. (In Russ.).
- Tatarintsev, B. I. (1976) *Mongol'skoe yazykovoe vliyanie na tuvinskuyu leksiku [Mongolian language influence on the Tuvan lexicon]*. Kyzyl, Tuvinskii nauchno-issledovatel'skii institut yazyka, literatury i istorii. 129 p. (In Russ.).

Submission date: 14.04.2021.

DOI: 10.25178/nit.2021.2.5

Статья

Конфессиональная лексика в топонимах Тувы

Любовь С. Кара-оол

Тувинский государственный университет, Российская Федерация

В статье анализируются топонимы Тувы, связанные с конфессиональной лексикой, которые совмещают в себе религиозно-культурные представления тувинцев и первых русских переселенцев Тувы. В качестве материалов исследования выступили данные из опубликованных работ, словарей, а также экспедиций автора по ареальным зонам (центральный, западный, юго-восточный и тоджинский диалекты) тувинского языка с 1999 по 2020 гг.

Анализ позволил выявить следующие основные группы топонимов: а) топонимы, связанные с шаманизмом; б) топонимы, связанные с буддизмом; в) топонимы, связанные с православием.

Если тувинские топонимы, связанные с шаманизмом и буддизмом указывают на обрядовую деятельность, ритуальные атрибуты, статус служителей вероисповедания, разновидности строений, то топонимы, связанные с православием, образованы по принципу мемориальности — в память о православных святых, а также в честь религиозных праздников.

В структурном и этимологическом отношении значительную часть топонимов на тувинском языке составляют собственно тувинские сложные слова. В качестве первого компонента сложных топонимов или простых топонимов выступают конфессиональная общетюркская лексика, лексические заимствования из монгольского, из тибетского языка посредством монгольского, а также заимствования из русского языка, а вторые компоненты сложных слов выражены общетюркскими словами. Наличие в составе топонимов с духовно-религиозным содержанием следующих формантов — гидронимических, фитонимических, оронимических — указывает на то, что они увязывались с природно-географическими особенностями Тувы.

Ключевые слова: Тува; топоним; тувинский язык; конфессиональная лексика; шаманизм; буддизм; православие; монголизм; тувинцы; русские Тувы

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00073 «Трансформационные процессы в ономастике народов Центральной Азии: история и современность (на примере Тувы, Тофаларии, Калмыкии и Монголии)».

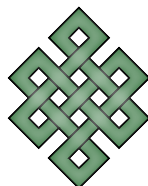
Для цитирования:

Кара-оол Л. С. Конфессиональная лексика в топонимах Тувы // Новые исследования Тувы. 2021, № 2. С. 52-66.
DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.2.5>

Кара-оол Любовь Салчаковна — кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и методики языкового образования и логопедии Тувинского государственного университета. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Ленина, д. 36. Тел.: +7 (923) 549-02-64. Эл. адрес: lkaraool61@mail.ru

KARA-OOL, Lyubov Salchakovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Chair of Theory and Methods of Language Education and Speech Therapy, Tuvan State University. Postal address: 36, Lenina St., 667000 Kyzyl, Russian Federation. Tel.: +7 (923) 549-02-64. E-mail: lkaraool61@mail.ru

ORCID ID: 0000-0001-9270-2912

Confessional Vocabulary in the Toponyms of Tuva

Lyubov S. Kara-ool

Tuvan State University, Russian Federation

The article analyzes the toponyms of Tuva associated with confessional vocabulary. They combine religious and cult beliefs of Tuvans and the first Russian settlers in Tuva. The data for the study were sourced from published works and dictionaries, as well as obtained during the author's expeditions to the areal zones (the Central, Western, South-Eastern and Todzhinsky dialects) of the Tuvan language in 1999–2020.

The analysis revealed the following main groups of toponyms: a) toponyms associated with shamanism; b) toponyms associated with Buddhism; c) toponyms associated with Orthodoxy.

If Tuvan toponyms associated with shamanism and Buddhism indicate ritual activities, ceremonial attributes, status of clergy, and types of buildings, then toponyms associated with Orthodoxy are formed according to the principle of memoriality — in memory of Orthodox saints, as well as in honor of religious holidays.

Structurally and etymologically, a significant part of toponyms in the Tuvan language are actually Tuvan compound words. The first component of complex toponyms or simple toponyms comprises common Turkic confessional vocabulary, lexical borrowings from Mongolian and from Tibetan through Mongolian, as well as borrowings from Russian. And the second components of complex words are expressed by common Turkic words. The presence of the following formants — hydronymic, phytonymic, and oronymic ones — in the composition of toponyms with spiritual and religious content indicates that they were related to the natural and geographical features of Tuva.

Keywords: *Tuva; toponym; Tuvan language; confessional vocabulary; shamanism; Buddhism; Orthodoxy; Mongolism; Tuvans; Russians in Tuva*

Financing

The article was written with financial support from the Russian Foundation for Basic Research within the framework of the scientific project “Transformation Processes in Onomastics of Central Asian Peoples: Past and Present (Case Studies of Tuva, Tofalaria, Kalmykia and Mongolia)” (No. 19-012-00073).

For citation:

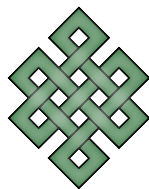
Kara-ool L. S. Konfessional'naia leksika v toponimakh Tuvy [Confessional Vocabulary in the Toponyms of Tuva]. *New Research of Tuva*, 2021, no. 2, pp. 52-66. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.2.5>

Введение

Топонимия Тувы считается одной из исследованных пластов лексики тувинского языка (Ондар, 2007, 2008ab; Сувандии, Кара-оол, Болармаа, 2019; Сувандии, 2013, 2018, 2019; Сувандии, Кара-оол, 2020; Сат, 1969; Татаринцев, 1973, 1977ab, 1993; Бавуу-Сюрюн, Куулар, 2005; Бавуу-Сюрюн, 2018; Кара-оол, 2018, 2019ab, 2020; Ховалыг, Даржа, 2020). Исследователями изучены лексико-семантические, структурные и лингвокультурные особенности топонимов Тувы. Активная работа по исследованию тувинских топонимов продолжается до сих пор, так как данная тема остается одной из актуальных и интересных не только для лингвистов, но и для любого, который интересуется историей и семантикой названия местностей.

Целью данной статьи является изучение топонимов Тувы с духовно-религиозным содержанием, которые обусловлены традиционными верованиями населения региона — с шаманизмом, буддизмом и православием.

Причина появления топонимов с первыми двумя религиозными содержаниями объясняется тем, что шаманизм был господствующим верованием народов Центральной Азии, в том числе тувинцев,

а буддизм в форме ламаизма получил распространения в Туве в середине XVIII века в связи с его утверждением в Монголии (Монгуш, 1992: 10–35). А немногочисленные топонимы с православным религиозным содержанием появились в начале XX в., когда шло интенсивное переселение русских крестьян в Урянхай (Тува), в связи с установлением протектората России над Тувой.

Источниковую базу исследования по конфессиональной лексике в топонимах Тувы составили полевые материалы автора, собранные с 1999 по 2020 гг. во время диалектологических и комплексных экспедиций (при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований) по Туве (центральный, западный, юго-восточный и тоджинский диалекты) и Монголии, где компактно проживают этнические тувинцы, а также примеры, извлеченные из «Топонимического словаря Тувы» Б. К. Ондар (Ондар, 2007), из «Списка населенных пунктов Енисейской губернии и Урянхайского края. Часть 1» (1921)¹, из «Списка поселков урянхайского края. Апрель 1918 г.»², из работ М. Б. Кенин-Лопсана (Кенин-Лопсан, 1987), Х. Куулар (Куулар и др., 2014) и др., а также из карты «Тува в XIX — начале XX вв.» из приложения к книге В. И. Дулова (Дулов, 1956).

На основе собранного материала мы видим, что значительная часть топонимов с конфессиональной лексикой связаны с шаманизмом — ранней формой религии, основанной на общении человека с духами природы и его объектами. Данные названия условно можно разделить на следующие группы: топонимы с компонентом *хам* — «шаман»; топонимы, связанные с шаманскими обрядами; топонимы с названиями шаманских атрибутов. Тем не менее, мы также собрали и топонимы с буддийскими лексемами, которых сгруппировали как: топонимы с названиями буддийских строений; топонимы с духовными званиями священнослужителей; топонимы с буддийскими понятиями.

Рассмотрим каждую группу.

Топонимы с компонентом *хам* — «шаман»

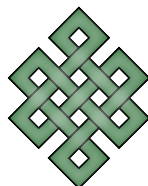
Хам-Адыр — буквально «приток или развилина шамана»: река в Сут-Холском районе (Ондар, 2007: 441). *Хам-Адыр* [*хамадыр*] — собственно тувинское название: *хам* — «шаман / шаманский» (Тувинско-русский словарь, 1968: 466), *адыр* — «приток» или «развилина» (там же: 38). История появления топонима: на притоке реки с давних времен шаманы совершали обряд *суг дагыыр* или *суг бажы дагыыр* «обряд поклонения хозяину реки» с появлением первой зелени, если заболел один из членов семьи или чтобы продлить чью-то жизнь (Куулар и др., 2014: 65).

Хам-Дыт — буквально «лиственница шамана», т. е. «священное дерево»: реки в Сут-Хольском, Пий-Хемском, Тоджинском районах; местности в Улуг-Хемском и Тандинском районах (Ондар, 2007: 441–442), летняя стоянка вблизи села Чаа-Суур Овюрского района и в 20 км от села Кара-Хаак Кызылского района (Полевые материалы автора — далее ПМА, 2017). *Хам-Дыт* (*хамдыт*) — странствующий топоним, смотри *Кам-Тыт* — шаманская лиственница с перепутанной кроной: река, гора, ключ в Алтае (Молчанова, 1979: 202): *хам* — «шаман / шаманский» см. выше; *дыт* — «лиственница» (Тувинско-русский словарь, 1968: 195). История появления топонима: у рек или на указанных местностях растут лиственницы с причудливой формой, густо переплетенными ветвями в виде гнезда. В представлении тувинцев такая лиственница имеет своего духа или хозяина, поэтому называют *хам дыт* — «лиственница шамана», т. е. «священная лиственница» (Кенин-Лопсан, 1987: 31).

Хам-Дыттыг-Ой — буквально «низина с лиственницей шамана», т. е. «низина со священным деревом»: местность, низина в Барун-Хемчикском районе (Ондар, 2007: 442). *Хам-Дыттыг-Ой* (*хамдыттыгой*) — собственно тувинское название: *хам* — «шаман / шаманский»; *дыт* — «лиственница» (Тувинско-русский словарь, 1968: 195); *ой* — «низина, лощина» (там же: 315). История появления топонима: в местности и в низине вблизи города Ак-Довурака растут лиственницы с причудливой формой, густо переплетенными ветвями в виде гнезда. Как мы указали, в представлении тувинцев такая лиственница имеет своего духа, поэтому *хам дыт* — «лиственница шамана» считают священной лиственницей.

¹ Списки населенных пунктов Енисейской губернии и Урянхайского края. Часть 1. Списки, итоги и алфавитный указатель. Составлены по данным Всероссийской сельско-хозяйственной и городской переписи 1917 года и по другим исследованиям 1916–1919 гг. Красноярск: Типография Енисейского Губернского Союза кооперативов, 1921. 174 с. С. 146.

² Список поселков урянхайского края. Апрель 1918 г. (Национальный архив Республики Тыва, ф. 112, оп. 1, д. 84, л. 2).

Хам-Өөс — буквально «теснина шамана», т. е. «священная теснина»: река, левый приток Бий-Хема в Тоджинском районе (Ондар, 2007: 442). *Хам-Өөс* — собственно тувинское название: *хам* — «шаман / шаманский»; *өөс* (тоджинский диалект) — «небольшая река, текущая в теснине» (Татаринцев, 2008: 402).

История появления топонима: в русле горной реки растет шаманская лиственница (Ондар, 2007: 442). По другой версии — у реки, на узком проходе между горами, в старину шаманы совершали обряд поклонения духу горы перед тем, как отправить мужчин рода на сражение с врагом, чтобы защитить свой род, свою землю. С 1990-х годов, с возрождением шаманизма, данный обряд шаман проводит по просьбе людей, которые хотят добиться карьерного роста или преуспевать в жизни (Куулар и др., 2014: 66).

Хам-Сүүр — буквально «пик или вершина шамана», т. е. «священная высокая гора»: гора в Тоджинском районе (Ондар, 2007: 442). *Хам-Сүүр* — собственно тувинское название: *хам* — «шаман / шаманский»; *сүүр* — «сопка, пик; острый» (Тувинско-русский словарь, 1968: 395). История появления топонима: метафорическое название — священная высокая гора (Ондар, 2007: 442).

Хам-Сыра ~ Хамсыра — буквально «шаман засохшее дерево», т. е. «священное засохшее дерево»: река и населенный пункт в Тоджинском районе; река, летняя стоянка в Бий-Хемском районе (там же: 442). *Хам-Сыра* — собственно тувинское название: *хам* — «шаман / шаманский»; *сыра* — 1) засохшее дерево (хвойное); 2) жердь (Тувинско-русский словарь, 1968: 398). Собственно тувинский вторичный топоним: река именуется названием местности. История появления топонима: на территории населенного пункта есть засохшее дерево с причудливой формой, густо переплетенными ветвями в виде гнезда.

Таким образом, с компонентом *хам* «шаман / шаманский» зафиксировано 6 сложных по своему составу топонимов, которые являются названиями рек, местностей, горы и летних стоянок. Из них три названия являются вторичными, т. е. реки и низина именуется названиями летних стоянок и местности — *Хам-Дыт* (река и летняя стоянка), *Хам-Дыттыг-Ой* (местность и низина), *Хам-Сыра* (река и населенный пункт, летняя стоянка). Топоним *Хам-Дыт* зафиксирован и в Алтае, поэтому относится к странствующим топонимам.

Топонимы, связанные с шаманскими обрядами

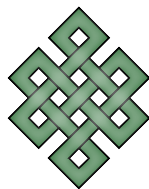
Издавна освященное место считалось священным, поэтому тувинцы верили духам этих мест, поклонялись им, просили милости и благополучия (Куулар и др., 2014: 65). И в данном разделе мы анализируем топонимы в качестве первого или второго компонента которых выступают лексемы, связанные с шаманскими обрядами: *дагыыр* — «освящать; совершать праздничный обряд» и *саң* — «обряд окуривания» (путем сжигания можжевельника).

Дагыыр-Тайга — буквально «освященная тайга»: тайга, хребет в Бай-Тайгинском районе (Ондар, 2007: 182). *Дагыыр-Тайга* — собственно тувинское название: *дагыыр* — «освящать» (Тувинско-русский словарь, 1968: 142), *тайга* — «тайга, таежный» (там же: 403). История появления топонима: издавна на конусообразной вершине тайги шаманы совершали обряды освящения тайги (там же: 182).

Дагыыр-Тей — буквально «освященный холм»: гора в Барун-Хемчикском районе (там же: 182). *Дагыыр-Тей* — собственно тувинское название: *дагыыр* — «освящать» (там же: 142), *тей* — «холм, сопка» (там же: 410). История появления топонима: почитаемая небольшая гора (Ондар, 2007: 182); по другой версии — на небольшой горе вблизи населенного пункта Дон-Терезин, с возрождением шаманизма с 1990-х годов, стали совершать обряды освящения, поэтому в народе небольшую гору стали называть *Дагыыр-Тей* (ПМА, 2018).

Саң-Салыр — буквально «совершить обряд окуривания» (там же: 368): гора в Бай-Тайгинском и Чаа-Холском районах (там же: 348). *Саң-Салыр* — собственно тувинское название: *саң* — «обряд окуривания можжевельника» (Толковый словарь ..., 2011: 641); *салыр* — «класть, ставить», «разжигать, подкладывать» (Тувинско-русский словарь, 1968: 366). История появления топонима: на горе местные жители во время обряда поклонения хозяину горы совершали обряд *саң салыр* (Ондар, 2007: 348) — «обряд окуривания (сжигания туркестанского можжевельника)» (Тувинско-русский словарь, 1968: 368). По другим источникам, обряд окуривания с подношениями проводят и молодые семьи, которые не могут иметь ребенка, или во время празднования *Шагаа* — Нового года по восточному календарю (ПМА, 2016).

Саң-Хем — буквально «река обряда окуривания (сжигания можжевельника)»: река в Тоджинском районе (Ондар, 2007: 348). *Саң-Хем* — собственно тувинское название: *саң* — «обряд окуривания мо-

жжевелика'; хем — 'река' (Тувинско-русский словарь, 1968: 473). История появления топонима: Саң-Хем — правый приток реки Ак-Хем, где шаманы совершают обряд поклонения духу реки, окуривания с подношениями из белой еды (молочные продукты), чтобы местное население жило в здравии и достатке (Куулар и др., 2014: 65).

Чеди-Саң — буквально 'семь обрядов окуривания (сжигания можжевельника)': гора на хребте Чээнек в Улуг-Хемском кожууне (Ондар, 2007: 485; ПМА, 2003). Чеди-Саң — собственно тувинское название: чеди — 'семь' (Тувинско-русский словарь, 1968: 524), саң — 'обряд окуривания'. История появления топонима: священная гора, на которой постоянно совершают обряд поклонения хозяину горы, окуривания, т. е. сжигая можжевельник (Ондар, 2007: 485; ПМА, 2003). Топонимы с относительным количественным показателем 'много, множество' в тувинском языке могут быть выражены сакральным числительным чеди — 'семь', исключительное значение которого подтверждается фразеологизмами — чеди эртине — 'семь драгоценностей'; чеди дер — 'семь потоков'; чеди чүзүн мал — 'скот из девяти мастей' и т. д. (Кара-оол, 2019b: 696).

С древних времен тувинцы-шаманы считали духов рек (родников) и озер, гор, горных хребтов и перевалов, высокогорной тайги и жертвенных курганов (Куулар и др., 2014: 65–67). Поэтому рассмотренные нами топонимы, связанные с шаманскими обрядами, являются названиями гор, тайги и реки, на которых совершались обряды освящения и поклонения духам этих природных объектов.

Топонимы с названиями шаманских атрибутов

Во время шаманских обрядов используются различные атрибуты — дүңгүр — 'бубен', орба — 'колотушка шаманского бубна', күзүңгү — 'бронзовое зеркало шамана', кымчы — 'кнут, плетень', бижек — 'нож', хомус — 'хомус (музыкальный инструмент)', игил — 'игил (смычковый музыкальный инструмент)', ээрен — 'идол (шаманский)' и т. д. (Куулар и др., 2014: 41–52). В собранных нами топонимах зафиксированы следующие наименования шаманских атрибутов:

Дүңгүр — 'бубен (шаманский)' (Тувинско-русский словарь, 1968: 189): лесная местность на территории с. Ээрбек Кызылского района (ПМА, 1999). История появления топонима: во время грозы, ее звук эхом отзывается в лесной местности вблизи с. Ээрбек, как звук бубна во время камлания шамана, поэтому местность получила такое название (ПМА, 1999).

Дүңгүр — странствующий топоним. Түңгүр — 'шаманский бубен': река, гора, урочище, населенный пункт в Алтае (Молчанова, 1979: 320).

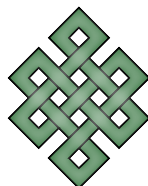
Чалама — 'разноцветные ленты (на шаманской одежде и на священных предметах)' (Тувинско-русский словарь, 1968: 513): местность, река, минеральный источник, гора, перевал в Улуг-Хемском, Кызылском, Тандинском, Дзун-Хемчикском районах (Ондар, 2007: 474). История появления топонима: как своеобразное жертвоприношение духу местности тувинцы развешивают разноцветные ленты на священных деревьях у истоков, на перевале, на приграничной зоне двух районов, поэтому эти местности называют Чалама (там же: 474). Также чалама развешивают на почитаемых местах в знак благодарности духам местности, в связи с рождением ребенка (ПМА, 2012).

Ээренниг-Тей буквально — 'холм или сопка, имеющая шаманский амулет' — гора в Чаа-Холском районе (Ондар, 2007: 537; ПМА, 2019). Ээренниг — собственно тувинское название: ээренниг — дериват¹ ээрен 'идол (шаманский)' (Тувинско-русский словарь, 1968: 623); тей — 'холм, сопка' (там же: 410). История появления топонима: на вершине горы шаман данной местности проводил обряд окуривания с использованием ээрена 'шаманского амулета' (Ондар, 2007: 537).

Ээренниг-Хөл буквально — 'озеро, имеющее шаманский амулет' — озеро в Тоджинском районе (Ондар, 2007: 537). Ээренниг — собственно тувинское название: ээренниг дериват ээрен 'идол (шаманский)' (Тувинско-русский словарь, 1968: 623); хөл — 'озеро / озерный' (там же: 489). История появления топонима: у озера шаман местности проводил обряд окуривания с использованием ээрена 'шаманского амулета' (Ондар, 2007: 537).

Таким образом, три топонима, связанные с названиями шаманских атрибутов, являются названиями местности (Дүңгүр), горы (Ээренниг-Тей) и озера (Ээренниг-Хөл), за исключением вторичного топонима Чалама, который зафиксирован на территории многих районов Тувы и одновременно является названием местности, реки, минерального источника, горы, перевала — пример топонимической

¹ Дериват — производное слово (Розенталь, Теленкова, 2001: 102).

метонимии. *Дүңгүр* — странствующий топоним, который в Алтае является вторичным топонимом, так как одновременно является названием нескольких географических объектов.

Топонимы с названиями буддийских строений

Первые монастыри Эрзинский и Самагалтайский были построены на территории Тувы, примыкающей с Северо-Западной Монголией в 1772 и 1773 гг. Вслед за ними с начала XIX века стали строиться и другие храмы (Монгуш, 2001: 55–56). Это отразилось в названиях следующих топонимов:

Дуганды — буквально ‘имеющая монастырь, храм’: гора в Эрзинском районе (Ондар, 2007: 204). *Дуганды* — дериват *дуган* — ‘храм, собор, церковь’ (Тувинской-русский словарь, 1968: 180). История появления топонима: у подножия горы в 1772 г. был построен Эрзинский монастырь, который был одним из первых в Туве. Впоследствии он был перенесен на подножие горы *Мандал*: совет лам посчитал, что место для хурээ было выбрано неудачно (Монгуш, 2001: 55–56), но гора так и осталась называться *Дуганды*, т. е. «гора с монастырем или храмом» (ПМА, 1999; Ондар, 2007: 204).

Дуганныг-Чарык — буквально ‘ущелье с монастырем, храмом’: местность в Дзун-Хемчикском районе (там же: 204). *Дуганныг-Чарык* — собственно тувинское название: *дуганныг* — ‘имеющая монастырь’, дериват *дуган*; *чарык* — ‘ущелье’. История появления топонима: в местности вблизи современного поселка Хорум-Даг был монастырь, построенный в начале XX века (Монгуш, 2001: 56), его уничтожили в 30-е годы XX столетия — в годы культурной революции в Тувинской Народной Республике (ПМА, 2005).

Устүү-Хүрээ — буквально ‘верхняя церковь’: местность в Дзун-Хемском районе (Ондар, 2008b: 194), на котором с 2008 по 2012 гг. восстановили один из крупнейших храмовых комплексов Тувы. *Устүү-Хүрээ* — собственно тувинское название: *үстүү* — ‘верхний’ (Тувинско-русский словарь, 1968: 453), *хүрээ* — ‘церковь, монастырь’ (там же: 498). История появления топонима: под руководством хемчикского правителя Хайдыша в 1905–1907 гг. по проекту тибетского ламы Кундана Ринпоче построили *Устүү-Чадаан хүрээзи* — Верхнечаданское хурээ¹. В 1937 г. он был разрушен. С тех пор местность, где остались высокие глинобитные стены разрушенного храма, местные жители стали называть *Устүү-Хүрээ* (ПМА, 1999). В 1999 г. Правительство России, признавая историческую и архитектурную ценность Устуу-Хурээ, приняло решение о его восстановлении. В том же году для привлечения внимания к храму и сбора средств на его восстановление по инициативе музыканта И. Дулуша был проведен первый Международный благотворительный фестиваль живой музыки и веры «Устуу-Хурээ», который с тех пор проводится ежегодно². Восстановление храма началось в 2008 г. при поддержке С. К. Шойгу, российского министра по чрезвычайным ситуациям, и закончено в 2012 г. Церемония открытия Устуу-Хурээ состоялась 23 июля 2012 г.³ В настоящее время *Устүү-Хүрээ* — и название местности, и название храмового комплекса, куда приезжают паломники-буддисты.

Так, топонимы, связанные с названиями буддийских строений, являются названиями местностей и горы, где были возведены первые буддийские храмы.

Топонимы с духовными званиями священнослужителей

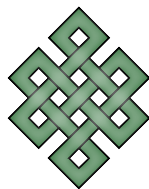
Священнослужители имеют определенные духовные и должностные звания или сан. И они отразились в названиях некоторых топонимов, называющих горы и местности вокруг этих гор.

Кегээн-Булак — буквально ‘геген-долина (горная)’: местность, минеральный источник вблизи населенного пункта Чадаан в Дзун-Хемчикском районе (Ондар, 2007: 250; 2008: 194). *Кегээн-Булак* — собственно тувинское название: *кегээн* — ‘геген (духовное звание)’ (Тувинско-русский словарь, 1968: 234), смотри монгольское *эгээн* — ‘светлый; святой, чистый; ясный’, ‘один из высших санов буддийского духовенства; титул перерожденца’ (Большой академический ... , 2001a: 477); *булак* — ‘горная долина’, ‘исток; ручей (в степи), родник’ (Тувинской-русский словарь, 1968: 121). История появления топоним-

¹ Лачугина А. Устуу-Хурээ — храм и фестиваль: подумать о своем месте в жизни // Центр Азии. 2012. № 28 (20–26 июля). С. 1.

² С 1999 г. до 2019 фестиваль проходил каждый год непрерывно — 21 раз. В 2020 г. из-за пандемии COVID-19 фестиваль отменили, а в 2021 г. на брифинге об ограничениях на проведение майских праздников и фестиваля «Устуу-Хурээ» рекомендовано перенести на следующий год.

³ Лачугина А. Устуу-Хурээ — храм и фестиваль... С. 1.

ма: по воспоминаниям одного из наших информаторов¹, минеральный источник был освящен ламой с высшим духовным званием *гегээн*; по другой версии, гегээн-лама из Монголии, который побывал в этой местности, при отъезде наказал: «Срубите единственную лиственницу в ложбине, и на его месте забьет родник, и станет минеральным источником»². И действительно, когда срубили лиственницу, появился родничок, которому дали название *Көгээн-Булак*. Впоследствии родничок стал святым минеральным источником (ПМА, 2019), см. монгольское *гегээн* — ‘светлый, святой’ (Большой академический ... , 2001а: 477).

Лама-Даг — буквально ‘лама гора’: гора, местность вблизи поселка Баян-Кол Кызылского района (Ондар, 2007: 291). *Лама-Даг* — собственно тувинское название: *лама* — ‘лама, монах’ (Тувинско-русский словарь, 1968: 281); *даг* — ‘гора’ (там же: 140). История появления топонима: у подножия горы жил лама-монгол (ПМА, 2003), которого местные жители прозвали *Чаштыг-Лама*, буквально «лама с косичкой» (Ондар, 2007: 291).

Лама-Чуглур — буквально ‘лама скатывается’: гора и местность в Сут-Холском районе (там же: 291). *Лама-Чуглур* — собственно тувинское название: *лама* — ‘лама, монах’; *чуглур* — ‘катиться, скатываться’ (Тувинско-русский словарь, 1968: 545). История появления топонима: в начале XX века, во времена распространения буддизма в Сут-Хольском кожууне с горы свалился лама и с тех пор гору и местность вокруг этой горы стали называть *Лама-Чуглур* (Ондар, 2007: 291).

Хуурак-Хая — буквально ‘послушник скала’: гора в Тес-Хемском районе (там же: 452). *Хуурак-Хая* — собственно тувинское название: *хуурак* — ‘послушник, ученик (в буддийских монастырях)’ (Тувинско-русский словарь, 1968: 495; курсив источника. — Л. К.); *хая* — ‘скала’ (там же: 471). История появления топонима: на горе стоит скала, внешне напоминающая послушника, который сидя читает сутру — религиозную книгу, содержащую проповеди Будды (ПМА, 2006; Ондар, 2007: 462).

Хуурак-Чайлыр — буквально ‘послушник перевернулся’: гористая местность вблизи с. Сесерлиг в Бий-Хемском районе (ПМА, 1999). *Хуурак-Чайлыр* — собственно тувинское название: *хуурак* — ‘послушник, ученик’; *чайлыр* — ‘сваливаться, падать сверху’ (Тувинско-русский словарь, 1968: 512). История появления топонима: один из первых шоферов Тувы по имени Хуурак однажды на машине перевернулся на этом месте, поразив односельчан, так как он считался опытным шофером. И после этого случая местность стали называть *Хуурак-Чайлыр* (ПМА, 1999).

Топонимы, связанные с духовными званиями священнослужителей, в основном являются названиями гор, за исключением вторичного *Көгээн-Булак*, который зафиксирован как название местности и минерального источника.

Топонимы, связанные с буддийскими понятиями

Бумба — ‘банка (медицинская)’ (Тувинско-русский словарь, 1968: 122); гора, степь в Эрзинском районе (Ондар, 2007: 175). История появления топонима: известный в народе лама освящал местность и горы, в монгольском *бумба* ‘посуда лам, в которую наливают аржаан для окропления’ (там же: 175). По другой версии, в данной местности жил лама врачеватель, который лечил людей, используя медицинские банки (ПМА, 2019).

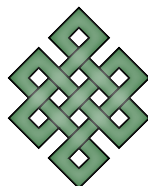
Бурган-Даиш — буквально ‘божественный камень’: местность в Сут-Холском районе (Ондар, 2007: 176). *Бурган-Даиш* — собственно тувинское название: *бурган* — ‘бог; божество; бурхан, идол’ (Тувинско-русский словарь, 1968: 123), *даиш* — ‘камень / каменный’ (там же: 149). История появления топонима: на местности есть большой камень с изображением бурханов со змеиной головой. На этом месте был храм (Ондар, 2007: 176), построенный в начале XX века (Монгуш, 2001: 56).

Бурганныг-Хая — буквально ‘божественная скала’: гора в Дзун-Хемчикском районе (Ондар, 2007: 176). *Бурганныг-Хая* — собственно тувинское название: *бурганныг* дериват *бурган* — ‘бог; божество; бурхан, идол’ (Тувинско-русский словарь, 1968: 123), *хая* — ‘скала’ (там же: 471). История появления топонима: на горе есть скала с изображением Будды (Ондар, 2007: 176).

Канчыырлыг буквально — ‘имеющий буддийский отличительный знак’ — перевал в Дзун-Хемчикском районе (ПМА, 2019). *Канчыыр* — 1) ‘отличительный знак на крыше храма’; 2) ‘сборник буддийских

¹ Ооржак Билзеймаа Барын-ооловна, 45 лет, родилась в с. Баян-Тала Дзун-Хемчикского района.

² Донгак А. Көгээн-Булак // Шын. 2007. 10 ноября. С. 8.

текстов из 108 томов, относящихся к разным областям знаний' (Толковый словарь ... , 2011: 60), см. три монгольское слово *ганжир* — 'отличительный знак на крыше храма' (Большой академический ... , 2001a: 376). История появления топонима: на этом перевале побывал гегээн-лама, который предсказал появление минерального источника *Кегээн-Булак* на месте срубленной лиственницы, см. выше (ПМА, 2019).

Мандал — гора в Эрзинском районе (Ондар, 2007: 294): *мандал* 'возрождение, расцвет; подъем', 'круглое блюдо с символическими изображениями, употребляемое при жертвоприношениях' (Большой академический ... , 2001b: 319). История появления топонима: в 1772 г. Эрзинский монастырь был построен у горы *Дуганды*, но спустя некоторое время по решению совета лам его перенесли на подножие горы *Мандал* (Монгуш, 2001: 55). Совет посчитал, что выбрано неудачное место — якобы хозяйкой местности является женское божество, оказывающее разлагающее влияние на лам, которые перестали заучивать тексты буддийских книг, начали вести себя безнравственно и разнузданно (там же: 56). Совет лам, скорее всего, верил в то, что с переездом на новое место в монастыре возродится учение Будды.

Топонимы, связанные с православием

Появление русских в Урянхайском крае относится к 1838–1839 гг., в верховьях реки Сыстыг-Хем основывались первые русские прииски (Родевич, 2007: 378). Край привлекал русских крестьян, золотоискателей, купцов своими природными богатствами и массой незанятых земель (там же: 354–363): с 1840 гг. началась меновая торговля между сойотами и казаками, стали появляться первые фактории русских купцов, велись работы по исследованию и изучению края, организовывались большие экспедиции (там же: 389–395), а с объявлением протектората царской России над Урянхаем в 1914 г., процесс переселения русских крестьян в Туву приобрел интенсивный характер, и вместе с ним начал складываться русский пласт топонимии Тувы. Первые деревни в центральных районах Тувы — Бий-Хемском, Каа-Хемском и Тандинском, в основном назывались именами, прозвищами первопоселенцев¹ (Ондар, 2007: 268; см. также: Родевич, 2007: 474–511; Ховалыг, Даржа, 2020: 108), например, *Германовка* — село *Сесерлиг* в Бий-Хемском районе,

Даниловка — село *Дерзиг-Аксы* в Каа-Хемском районе,

Федоровка — село *Кундустуг* в Каа-Хемском районе,

Огневка — село *Сайлыг* в Чеди-Хольском районе,

Верхне-Никольский — село *Бай-Хаак*, центр Тандинского район и т. д.

До недавнего времени эти села имели два названия — тувинское и русское, но в настоящее время официальными являются тувинские, а русские названия помнят только старожилы сел.

Среди деревень есть несколько населенных пунктов, которые названы по мемориальному принципу, т. е. в память о православных святых, а также в честь религиозных праздников — *Успенка*, *Знаменка*, *Ильинка*.

Успенка — поселок в Тандинском районе (Ондар, 2007: 421).

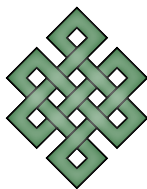
Первыми жителями деревни Успенка были русские переселенцы. По воспоминаниям современных жителей села, она называлась по-разному — Нахаловка, Забегаловка (ПМА, 2018). По архивным данным, деревня была основана в 1918 г. русскими переселенцами в 55 км от Белоцарска (Кызыла)² и названа Успенкой в честь религиозного праздника Успения Пресвятой Богородицы (15 августа): первые переселенцы заехали в Урянхайский край как раз в Успение (Ондар, 2011; ПМА, 2020).

Тувинское название местности, где первые русские переселенцы построили деревню Успенка — *Кара-Булуң*, которое не используется как название деревни, но на территории других районов Тувы встречается как название местности, реки, урочища, стоянки (Ондар, 2007: 235).

Знаменка — первое название села Сарыг-Сеп, районного центра Каа-Хемского района (Ондар, 2008b: 268; ПМА, 2002). Основателями села были русские переселенцы-старообрядцы. Поселок основан

¹ Списки населенных пунктов Енисейской губернии и Урянхайского края. Часть 1. Списки, итоги и алфавитный указатель. Составлены по данным Всероссийской сельско-хозяйственной и городской переписи 1917 года и по другим исследованиям 1916–1919 гг. Красноярск: Типография Енисейского Губернского Союза кооперативов, 1921. 174 с. С. 146; Список поселков урянхайского края. Апрель 1918 г. (Национальный архив Республики Тыва, ф. 112, оп. 1, д. 84, л. 2).

² Списки населенных пунктов Енисейской губернии и Урянхайского края. Часть 1. ... С. 148.

в 1904 г.¹ По воспоминаниям старожилов (ПМА, 2002), название одной из крупных деревень Тувы того времени связано с почитаемой иконой Знамени Пресвятой Богородицы, считавшейся чудотворной: *знамение* — ‘знак, признак, примета; явление природы или чудо, для ознаменованья, доказательства, предвещанья чего’ (Даль, 2003: 610).

Ильинка — село в Каа-Хемском районе (Ондар, 2011: 112; ПМА, 2002). Семья первых переселенцев обосновалась на месте села в Ильин день — 2 августа (20 июля), в день памяти пророка Ильи, а также традиционного народного праздника народов, принявших православие (Ондар, 2011: 113). По архивным данным, деревню основали также в 1918 г.²

Таким образом, топонимов с духовно-религиозным значением православия немного. Это, скорее всего, объясняется тем, что, хотя в свое время произошло массовое переселение представителей православной культуры, местное население не было вовлечено в православие, как, например, в соседних регионах. В настоящее время из трех топонимов сохранились названия сел — *Успенка* и *Ильинка* в Тандинском районе. Есть предположение, что названия *Нижне-Никольское* и *Верхне-Никольское* тоже связаны с православием, но на основе материалов, собранных нами, они не подтвердились, поэтому требуют дальнейшего исследования.

Этимологические и структурные особенности топонимов

В этимологическом отношении в качестве первого или второго компонента сложных и простых топонимов с религиозным содержанием выступают:

1) общетюркские лексемы: *хам* — ‘шаман / шаманский’ (Древнетюркский словарь, 1969: 413; Этимологический словарь ..., 1997: 240–241); *чалама* — ‘разноцветные ленты (на шаманской одежде и на священных предметах), ‘флаг, знамя’, ‘священная лента, священный флажок (в шаманизме и бурганизме)’ (Рассадин, 1995: 83; Бутанаев, 1999: 208; Этимологический словарь ..., 1989: 99–100); *дүңгүр* — ‘шаманский бубен’, зафиксирован в тюркских языках Сибири (Татаринцев, 2002: 295); *ээрэн* — ‘шаманский амулет’ (Рассадин, 1971: 184);

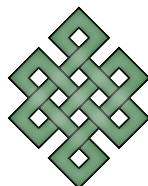
Вторые компоненты, выраженные общетюркскими лексемами: *адыр* — ‘приток’ или ‘развилина’, см. *айыр* — ‘развилина’, ‘ответвление’ (Севортян, 1974: 114–116; Татаринцев, 2000: 61); *дыт* — ‘лиственница’ (Древнетюркский словарь, 1969: 569; Татаринцев, 2002: 322–325); *тей* — ‘холм, сопка’, см. *теј* — ‘холм’, ‘темя’ (Сравнительно-историческая грамматика ..., 2001: 201); *салыр* см. *сал-* — ‘класть, положить’, ‘ставить, поставить’ и под. (Этимологический словарь ..., 2003: 173–177; Татаринцев, 2018: 51); *хем* ‘река’, см. *кем* — ‘река’ (Древнетюркский словарь, 1969: 297); *чеди* — ‘семь’ см. *йеди* — ‘семь’ (Этимологический словарь ..., 1989: 167); *үстүү* — ‘верхний’, см. *үст* — ‘верх’ (Севортян, 1974: 638); *булак* — ‘горная долина’, ‘исток; ручей (в степи)’ (Севортян, 1978: 257); *даг* — ‘гора’ (Севортян, 1980: 117; Татаринцев, 2002: 35); *чуглур* — ‘катиться, скатываться’, см. *јүү-* — ‘уронить, опрокинуть’ (Рассадин, 1971: 198); *хая* — ‘скала’, см. *гаја* — ‘скала’ (Древнетюркский словарь, 1969: 406); *ой* — ‘низина, лощина’ (Татаринцев, 2008: 271), *сүүр* — ‘сопка, пик; острый’ (Татаринцев, 2018: 151), *сыра* ‘засохшее дерево; жердь’ (там же: 163–165); *өөс* (тодж.) — ‘небольшая река, текущая в теснине’, этимология слова отсутствует (Татаринцев, 2008: 402).

2) монгольские заимствования: *дагыыр* ~ *дагы-* — ‘освящать; совершать религиозный обряд’ (там же: 40), см. монг. *тахил* — ‘обряд жертвоприношения’ (Большой академический ..., 2001с: 203); *саң* — ‘обряд окуривания можжевельника’, монголизм, см. *сан(г)* — ‘курение ладаном’ (там же: 84); *мандал* — ‘возрождение, расцвет; подъем’, ‘круглое блюдо с символическими изображениями, употребляемое при жертвоприношениях’ (Большой академический ..., 2001b: 319); *хүрээ(н)* — ‘крупный монастырь’ (Большой академический ..., 2002: 193); *хуурак* см. монгольский *хувраг* — ‘ученик ламы’, ‘послушник дацана, духовное лицо, монах’ (там же: 156), *бумба* — ‘кувшин, ваза, сосуд; урна’ (Большой академический ..., 2001a: 287); *бурган* — *бурхан* — ‘бог, божество; будда, бурхан’ (там же: 291).

3) тибетские заимствования посредством монгольского, как, например, *Дуганды* дериват *дуган* — ‘храм, собор, церковь’, см. монг. *дуган* — ‘небольшой монастырь, храм’ (Большой академический ..., 2001b: 66); *кегээн* (уст. рел.) — ‘теген (духовное звание)’ см. монгольское *эгээн* — ‘светлый; чистый; ясный’, ‘один из высших санов буддийского духовенства; титул перерожденца’ (Большой академический ..., 2001a: 477); *лама* — ‘лама, буддийский монах’, см. монгольский *лам* (Большой академический ... , 2001a: 477);

¹ Списки населенных пунктов Енисейской губернии и Урянхайского края. Часть 1. ... С. 146.

² Там же. С. 148.

кий ... , 2001b: 300); *канчыырлыг* — ‘имеющий отличительный знак на крыше храма’, см. монгольское *ганжир* — ‘отличительный знак на крыше храма: фигура в форме вазы’ (там же: 376);

4) русские лексические заимствования: Успенка — *успение*, церк. *Успение богородицы*, древне-русское *успение* — ‘засыпание, сон; смерть, кончина; церковный праздник’ (Фасмер, 2004b: 172); Знаменка — старо-славянское *знаменье* — ‘признак’ — древне-русское *знамя* — ‘знак, печать’ (Фасмер, 2004a: 100); Ильинка — *Илья*, имя собственное, древне-русское (там же: 128).

В структурном отношении значительную часть топонимов с конфессиональной лексикой составляют собственно тувинские сложные слова, образованные из двух основ (22): *Хам-Дыт*, *Хам-Сыра*, *Дыгыр-Тей*, *Чеди-Саң*, *Ээрен-Тайга*, *Үстүү-Хүрээ* и т. д. И несколько простых топонимов с производной: *Дүңгүр*, *Канчыырлыг*, *Дуганды*; *Успенка*, *Знаменка*, *Ильинка* и непроизводной основой — *Чалама*, *Мандал*, *Бумба*.

Заключение

Таким образом, в географических названиях Тувы выделены топонимы, выражающие религиозно-культурные представления тувинцев и первых русских переселенцев. Если тувинские топонимы, связанные с шаманизмом и буддизмом указывают на обрядовую деятельность, ритуальные атрибуты, статус служителей вероисповедания, разновидности строений, то топонимы, связанные с православием, образованы по принципу мемориальности — в память о православных святых, а также в честь религиозных праздников.

В структурном и этимологическом отношении значительную часть топонимов с религиозно-духовным содержанием составляют собственно тувинские сложные слова. В качестве первого компонента сложных топонимов или простых топонимов выступают конфессиональная общетюркская лексика, лексические заимствования из монгольского, из тибетского языка посредством монгольского, а также из русского языка, а вторые компоненты сложных слов выражены общетюркскими словами. Наличие в составе топонимов с духовно-религиозным содержанием следующих формантов — гидронимических (*хем* — ‘река’, *хөл* — ‘озеро’), фитонимических (*дыт* — ‘лиственница’, *сыра* — ‘засохшее дерево или жердь’), оронимических (*тайга* — ‘тайга’, *тей* — ‘холм’, *сүүр* — ‘вершина’, *ой* — ‘низина’) — указывают на то, что они увязывались с природно-географическими особенностями Тувы.

Населенные пункты, названные в память о православных святых, а также в честь православных религиозных праздников, зафиксированы в Каа-Хемском и Тандинском районах, в которые интенсивно расселялись первые русские переселенцы.

Среди топонимов с конфессиональной лексикой зафиксированы два странствующих тюркских названия — *Хам-Дыт* и *Дүңгүр*. Ареалом распространения данных топонимов являются Тува и Алтай.

В целом надо отметить, что в системе топонимов Тувы собственные имена с духовно-религиозным содержанием, хотя образуют достаточно интересную группу, весьма раритетны, по сравнению с другими лексико-семантическими группами, как растительный или животный мир Тувы, цветообозначения, природно-климатические особенности региона и т. д. Но, тем не менее, можно заключить, что шаманизм, буддизм и православие оставили своеобразный след в топонимической системе Тувы, подтверждая уникальность региональной географической среды, без которой невозможно создать целостную картину топонимического пространства Центральной Азии.

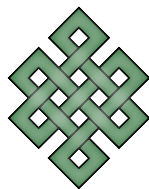
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бавуу-Сюрюн, М. В., Куулар, Ч. К. (2005) Структура топонимов монгольского происхождения на территории Тувы // Тыва дылдың лексиказынга факультативтер [Факультативы по лексике тувинского языка] / науч. ред. Е. Б. Салзынмаа. Кызыл : Аныяк. 116 с. С. 111–115.

Бавуу-Сюрюн, М. В. (2018) Топонимы как маркеры диалектов и говоров тувинского языка // Новые исследования Тувы. № 3. С. 18–32. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2018.3.2>

Большой академический монгольско-русский словарь (2001a) / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М. : ACADEMIA. Т. I. А–Г. 520 с.

Большой академический монгольско-русский словарь (2001b) / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М. : ACADEMIA. Т. II. Д–О. 514 с.

Большой академический монгольско-русский словарь (2001с) / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М. : ACADEMIA. Т. III. Ө–Ф. 440 с.

Большой академический монгольско-русский словарь (2002) / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М. : ACADEMIA. Т. IV. X–Я. 510 с.

Бутанаев, В. Я. (1999) Хакасско-русский историко-этнографический словарь. Абакан : УПП «Хакасия». 240 с.

Даль, В. И. (2003) Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М. : ОЛМА-ПРЕСС ; ОАО ПФ «Красный пролетарий». Т. 1. А–З. 640 с.

Древнетюркский словарь (1969) / ред. В. М. Наделяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак. Л. : Наука. 676 с.

Дулов, В. И. (1956) Социально-экономическая история Тувы. XIX — начало XX в. / отв. ред. С. А. Токарев. М. : Изд-во Академии наук СССР. 609 с.

Кара-оол, Л. С. (2018) Лексические особенности топонимов Овюрского района Тувы // Новые исследования Тувы. № 3. С. 162–189. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2018.3.11>

Кара-оол, Л. С. (2019а) Лексика родильных обрядов в топонимах Тувы // Мир науки, культуры, образования. Вып. 3 (76). С. 368–369.

Кара-оол, Л. С. (2019b) Числительные в топонимах Тувы // Oriental Studies. № 4. С. 691–706. DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2019-44-4-691-706>

Кара-оол, Л. С. (2020) Зоокомпоненты в тувинской топонимии // Мир науки, культуры, образования. № 5 (84). С. 280–284.

Кенин-Лопсан, М. Б. (1987) Обрядовая практика и фольклор тувинского шаманизма. Конец XIX — начало XX в. Новосибирск : Наука. 168 с.

Куулар, Х., Куулар, Ө., Куулар, Д.-Д., Куулар, Л.-Д. (2014) Хам болгаш делегей [Шаман и мир]. Кызыл : Типография КЦО «Аныяк». 132 с.

Молчанова, О. Т. (1979) Топонимический словарь Алтая / под ред. А. Т. Тыбыковой. Горно-Алтайск : Горно-Алтайское отделение Алтайского книжного издательства. 398 с.

Монгуш, М. В. (1992) Ламаизм в Туве. Историко-этнографическое исследование. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 144 с.

Монгуш, М. В. (2001) История буддизма в Туве (вторая половина VI — конец XX в.). Новосибирск : Наука. 200 с.

Ондар, Б. К. (2007) Топонимический словарь Тувы. 2-е изд., перераб. Кызыл : ТувКИ. 552 с.

Ондар, Б. К. (2008а) Тувинская топонимика: проблемы, поиски, решения. Проблемы преподавания русского языка в вузе и в школе. Кызыл : РИО ТувГУ. 233 с.

Ондар, Б. К. (2008b) Тувинская топонимия. Сопоставительный анализ топонимии Тувы с топонимией Южной Сибири и других тюркоязычных территорий. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 304 с.

Ондар, Б. К. (2011) Русская топонимия Тувы. Кызыл : РИО ТувГУ. 168 с.

Рассадин, В. И. (1971) Фонетика и лексика тофаларского языка / отв. редактор Ц. Б. Цыдендамбаев. Улан-Удэ : Бурятское книжное издательство. 252 с.

Рассадин, В. И. (1995) Тофаларско-русский словарь. Русско-тофаларский словарь / отв. ред. И. Д. Бураев. Иркутск : Восточно-Сибирское книжное издательство. 288 с.

Родевич, В. М. (2007) Очерк Урянхайского края // Урянхай. Тыва дептер. Антология научной и просветительской мысли о древней тувинской земле и ее насельниках, об Урянхае — Танну-Туве, урянхайцах — тувинцах, о древностях Тувы : в 7 т. / сост. С. К. Шойгу. М. : Слово / Slovo. Т. 3: Урянхайский край. Тувинско-русские отношения (начало XVII — начало XX вв.). 608 с. С. 342–542.

Розенталь, Д. Э., Теленкова, М. А. (2001) Словарь-справочник лингвистических терминов. М. : ООО «Издательство «Астрель»» ; ООО «Издательство «АСТ»». 624 с.

Сат, Ш. Ч. (1969) Заметки по топонимии Тувы // Материалы конференции «Этногенез народов Северной Азии» / отв. ред. Е. И. Убрятова. Вып. 1. Новосибирск : б/и. 247 с. С. 232–234.

Севортян, Э. В. (1974) Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основы на гласные / ред. Р. М. Залесковская. М. : Наука. 768 с.

Севортян, Э. В. (1978) Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основы на букву «Б» / отв. ред. Н. З. Гаджиева. М. : Наука. 352 с.

Севортян, Э. В. (1980) Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основы на буквы “В”, “Г”, “Д” / отв. ред. Н. З. Гаджиева. М. : Наука. 390 с.

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика (2001) / отв. ред. Э. Р. Тенишев. М. : Наука. 822 с.

Сувандии, Н. Д. (2013) Современное состояние изучения ономастики тувинского языка // Мир науки, культуры, образования. Вып. 6 (43). С. 362–364.

Сувандии, Н. Д. (2018) Вклад Бичен Кыргысовны Ондар в развитие топонимики Тувы // Новые исследования Тувы. № 3. С. 4–17. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2018.3.1>

Сувандии, Н. Д. (2019) Топонимы-цветообозначения в тувинском языке // Новые исследования Тувы. № 4. С. 195–206. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.4.16>

Сувандии, Н. Д., Кара-оол, Л. С., Болармаа, Б. (2019) Барыын Моолдуң Цэнгэл сумузунуң топонимнери [Топонимы сумона Цэнгэл Западной Монголии]. Кызыл : КИТувГУ. 86 с.

Сувандии, Н. Д., Кара-оол, Л. С. (2020) Словарь странствующей ономастики тувинского языка. Кызыл : Редакция ТувГУ. 64 с.

Татаринцев, Б. И. (1973) Об особенностях топонимии Северо-Восточной Тувы // Происхождение аборигенов Сибири и их языков : мат. всесоюз. конф. 14–16 июня 1973 г. / ред. коллегия: Э. Г. Беккер [и др.]. Томск : Изд-во Томского университета. 235 с. С. 142–144.

Татаринцев, Б. И. (1977а) Местные географические термины Северо-Восточной Тувы // Советская тюркология / гл. ред. М. Ш. Ширалиев. Баку : Тип-я им. 26 бакинских комиссаров. Вып. 5. 112 с. С. 18–26.

Татаринцев, Б. И. (1977b) О топонимии бассейна р. Каа-Хем // Тувинский язык и литература в послеоктябрьский период / ред. коллегия: Д. А. Монгуш (отв. ред.) [и др.]. Кызыл : Тип-я управления по делам издательств, полиграфии и книжной торговли Совета Министров Тув. АССР. 192 с. С. 88–98.

Татаринцев, Б. И. (1993) О некоторых древних топонимах тюркского происхождения на территории Тувы // Вопросы тувинского языкознания / ред. Д. А. Монгуш, Б. И. Татаринцев. Кызыл : Новости Тувы. 128 с. С. 105–113.

Татаринцев, Б. И. (2000) Этимологический словарь тувинского языка. Новосибирск : Наука. Т. I. А–Б. 341 с.

Татаринцев, Б. И. (2002) Этимологический словарь тувинского языка. Новосибирск : Наука. Т. II. Д–Й. 388 с.

Татаринцев, Б. И. (2004) Этимологический словарь тувинского языка. Новосибирск : Наука. Т. III. К–Л. 440 с.

Татаринцев, Б. И. (2008) Этимологический словарь тувинского языка. Новосибирск : Наука. Т. IV. М–П. 442 с.

Татаринцев, Б. И. (2018) Этимологический словарь тувинского языка. Новосибирск : Наука. Т. V. С. 180 с.

Татаринцева, М. П. (2006) Старообрядцы в Туве: историко-этнографический очерк. Новосибирск : Наука. 216 с.

Толковый словарь тувинского языка (2011) : в 2 т. / ред. Д. А. Монгуш. Новосибирск : Наука. Т. II: К–С. 798 с.

Тувинско-русский словарь (1968) : 22 000 слов / ред. Э. Р. Тенишев. М. : Советская энциклопедия. 648 с.

Фасмер, М. (2004а) Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. 4-е изд., стер. М. : ООО «Издательство “Астрель”» ; ООО «Издательство “АСТ”». Т. 2. (Е–Муж). 671 с.

Фасмер, М. (2004б) Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / пер. с нем. доп. О. Н. Трубачева. 4-е изд., стер. М. : ООО «Издательство “Астрель”» ; ООО «Издательство “АСТ”». Т. 4. (Т–Ящур). 860 с.

Ховалыг, С. С., Даржа, У. А. (2020) Архивные документы по именованию муниципальных образований Тувы (1759–2005 гг.) // Новые исследования Тувы. № 2. С. 103–119. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.2.7>

Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы “К” (-Г) и “Қ” (-К) ~ “К”) (1997) / отв. ред. Г. Ф. Благова. М. : Языки русской культуры. Вып. 1. 368 с.

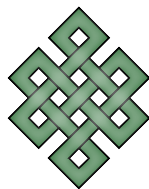
Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы “Ж” и “Ж”, “Й” (1989) / отв. ред. Л. С. Левитская. М. : Наука. 294 с.

Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские лексические основы на буквы “Л”, “М”, “Н”, “П”, “С” (2003) / отв. ред. А. В. Дыбо. М. : Восточная литература. 446 с.

Дата поступления: 14.04.2021 г.

REFERENCES

Bavuu-Surun, M. V. and Kuular, Ch. K. (2005) Struktura toponimov mongol'skogo proiskhozhdeniia na territorii Tuvy [Structure of toponyms of Mongolian origin in the territory of Tuva]. In: *Tuva dyldyñ leksikazynga fakul'tativter [Electives in the vocabulary of the Tuvan language]* / ed. by E. B. Salzynmaa. Kyzyl, Anyiak. 116 p. Pp. 111–115. (In Russ.).

Bavuu-Surun, M. V. (2018) Toponimy kak markery dialektov i govorov tuvinskogo iazyka [Place names as markers of the dialects and sub-dialects of Tuvan language]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 18–32. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2018.3.2>

Bol'shoi akademicheskii mongol'sko-russkii slovar' [The large academic Mongolian-Russian dictionary] (2001a) : in 4 vols. / executive editor G. Ts. Piurbeev. Moscow, Academia. Vol. 1. 520 p. (In Russ.).

Bol'shoi akademicheskii mongol'sko-russkii slovar' [The large academic Mongolian-Russian dictionary] (2001b) : in 4 vols. / executive editor G. Ts. Piurbeev. Moscow, Academia. Vol. 2. 536 p. (In Russ.).

Bol'shoi akademicheskii mongol'sko-russkii slovar' [The large academic Mongolian-Russian dictionary] (2001c) : in 4 vols. / executive editor G. Ts. Piurbeev. Moscow, Academia. Vol. 3. 440 p. (In Russ.).

Bol'shoi akademicheskii mongol'sko-russkii slovar' [The large academic Mongolian-Russian dictionary] (2002) : in 4 vols. / executive editor G. Ts. Piurbeev. Moscow, Academia. Vol. 4. 532 p. (In Russ.).

Butanaev, V. (1999) *Khakassko-russkii istoriko-etnograficheskii slovar'* [A Khakas-Russian historical and ethnographic dictionary]. Abakan, UPP Hakasiya. 240 p. (In Russ.).

Dal, V. I. (2003) *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo iazyka* [Explanatory dictionary of the living great Russian language] : in 4 vols. Moscow, OLMA-PRESS ; Krasnyi proletarii. Vol. 1. 640 p. (In Russ.).

Drevneturkskii slovar' [An old Turkic dictionary] (1969) / ed. by V. M. Nadeliaev, D. M. Nasilov, E. R. Tenishev and A. M. Shcherbak. Leningrad, Nauka. 679 p. (In Russ.).

Dulov, V. I. (1956) *Sotsial'no-ekonomicheskaya istoriya Tuvy. XIX — nachalo XX v.* [The socio-economic history of Tuva. 19th — early 20th centuries]. Moscow, Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR. 608 p. (In Russ.).

Kara-ool, L. S. (2018) Leksicheskie osobennosti toponimov Oviurskogo raiona Tuvy [Lexical features of microtoponyms of Ovyur rayon of Tuva]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 162–189. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2018.3.11>

Kara-ool, L. S. (2019a) Leksika rodil'nykh obriadov v toponimakh Tuvy [Vocabulary of maternity rites in toponyms of Tuva]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia*, no. 3, pp. 368–369. (In Russ.).

Kara-ool, L. S. (2019b) Chislitel'nye v toponimakh Tuvy [Numerals in toponyms of Tuva]. *Oriental Studies*, no. 4, pp. 691–706. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2019-44-4-691-706>

Kara-ool, L. S. (2020) Zookomponenty v tuvinskoj toponimii [Animal-related names in Tuvian toponymy]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia*, no. 5 (84), pp. 280–284. (In Russ.).

Kenin-Lopsan, M. B. (1987) *Obriadovaya praktika i fol'klor tuvinskogo shamanstva. Konets XIX — nachalo XX v.* [Ritual practice and folklore of Tuvian shamanism. Late 19th — early 20th century]. Novosibirsk, Nauka. 165 p. (In Russ.).

Kuular, Kh., Kuular, Ö., Kuular, D.-D. and Kuular, L.-D. (2014) *Kham bolgash delegei* [Shaman and the world]. Kyzyl, Printing House of the Kyzyl Educational Center “Anyiak”. 132 p. (In Russ.).

Molchanova, O. T. (1979) *Toponimicheskii slovar' Altaia* [A toponymic dictionary of Altai] / ed. by A. T. Tybykova. Gorno-Altaysk, Gorno-Altaysk Branch of the Altai Book Publishing House. 398 p. (In Russ.).

Mongush, M. V. (1992) *Lamaizm v Tuve : istoriko-etnograficheskoe issledovanie* [Lamaism in Tuva: A historical and ethnographic study]. Kyzyl, Tuvan Book Publisher. 144 p. (In Russ.).

Mongush, M. V. (2001) *Istoriya buddizma v Tuve (vtoraia polovina VI — konets XX v.)* [The history of Buddhism in Tuva (Latter half of the 6th — late 20th cc.)]. Novosibirsk, Nauka. 200 p. (In Russ.).

Ondar, B. K. (2007) *Toponimicheskii slovar' Tuvy* [A toponymic dictionary of Tuva]. 2nd ed. Kyzyl, Tuvan Book Publisher. 550 p. (In Russ.).

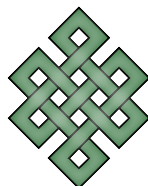
Ondar, B. K. (2008a) *Tuvinskaia toponimika: problemy, poiski, resheniia* [Tuvan toponyms: Problems, investigations, solutions]. Kyzyl, Editorial and Publishing Unit at Tuvan State University. 233 p. (In Russ.).

Ondar, B. K. (2008b) *Tuvinskaia toponimiia. Sopostavitel'nyi analiz toponimii Tuvy s toponimami Iuzhnoi Sibiri i drugikh tiurkoiazыchnykh territorii* [Tuvan toponyms. A comparative analysis of toponyms of Tuva with those of southern Siberia and other Turkic-speaking territories]. Kyzyl, Tuvan Book Publisher. 296 p. (In Russ.).

Ondar, B. K. (2011) *Russkaia toponimiia Tuvy* [Russian placenames in Tuva]. Kyzyl, Editorial and Publishing Unit at Tuvan State University. 168 p. (In Russ.).

Rassadin, V. I. (1971) *Fonetika i leksika tofalarskogo iazyka* [Phonetics and lexics of the Tofalar language]. Ulan-Ude, Buryat Book Publisher 252 p. (In Russ.).

Rassadin, V. I. (1995) *Tofalarsko-russkii slovar'. Russko-tofalarskii slovar'* [Tofalar-Russian dictionary. Russian-Tofalar Dictionary] / ed. by I. D. Buraev. Irkutsk, East Siberian Book Publishing House. 288 p. (In Russ.).

Rodevich, V. M. (2007) Ocherk Uriankhaiskogo kraia [An outline of the Uriankhai region]. In: *Uriankhai. Tyva depter [Uriankhai. Tyva depter]* : in 7 vols. / comp. by S. K. Shoigu. Moscow, Slovo. Vol. 3: Uriankhaiskii kraj. Tuvinsko-russkie otnosheniia (nachalo XVII — nachalo XX vv.) [Uriankhai region. Tuvan-Russian relations (early 17th — early 20th centuries)]. 608 p. Pp. 342–542. (In Russ.).

Rosenthal, D. E. and Telenkova, M. A. (2001) *Slovar'-spravochnik lingvisticheskikh terminov [Dictionary-reference of linguistic terms]*. Moscow, Astrel ; AST. 624 p. (In Russ.).

Sat, Sh. Ch. (1969) Zametki po toponimii Tuvy [Notes on the toponymy of Tuva]. In: *Materialy konferentsii «Etnogenez narodov Severnoi Azii» [Proceedings of the conference "Ethnogenesis of the Peoples of North Asia"]* / ed. by E. I. Ubriatova. Vol. 1. Novosibirsk, s. n. 247 p. Pp. 232–234. (In Russ.).

Servortian, E. V. (1974) *Etimologicheskii slovar' tiurkskikh iazykov: obshchetiurkskie i mezhtiurkskie osnovy na glasnye [An etymological dictionary of Turkic languages: Common Turkic and inter-Turkic vowel bases]* / ed. by R. M. Zaleskovskaia. Moscow, Nauka. 768 p. (In Russ.).

Servortian E. V. (1978) *Etimologicheskii slovar' tiurkskikh iazykov: obshchetiurkskie i mezhtiurkskie osnovy na bukvu "B" [An etymological dictionary of Turkic languages: Common Turkic and inter-Turkic bases with the letter "B"]* / ed. by N. Z. Gadzhieva. Moscow, Nauka. 352 p. (In Russ.).

Servortian E. V. (1980) *Etimologicheskii slovar' tiurkskikh iazykov: obshchetiurkskie i mezhtiurkskie osnovy na bukvy "V", "G", "D" [An etymological dictionary of Turkic languages: Common Turkic and inter-Turkic bases with the letters "V", "G", "D"]* / ed. by N. Z. Gadzhieva. Moscow, Nauka. 390 p. (In Russ.).

Sravnitel'no-istoricheskaia grammatika tiurkskikh iazykov. Leksika [A comparative historical grammar of Turkic languages. Vocabulary] (2001) / ed. by E. R. Tenishev. Moscow, Nauka. 800 p. (In Russ.).

Suvandii, N. D. (2013) Sovremennoe sostoianie izucheniia onomastiki tuvinskogo iazyka [Current state of studying onomastics of the Tuvan language]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia*, no. 6, pp. 362–364. (In Russ.).

Suvandii, N. D. (2018) Vklad Bichen Kyrgyzovny Ondar v razvitie toponimiki Tuvy [Bichen Kyrgyzovna Ondar and her contribution to the study of the toponymy of Tuva]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 4–17. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2018.3.1>

Suvandii, N. D. (2019) Toponimy-tsvetooboznachenii v tuvinskom iazyke [Place names of color designation in Tuvan language]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 195–206. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.4.16>

Suvandii, N. D., Kara-ool, L. S. and Bolarmaa, B. (2019) *Baryyn Moolduᠭ Tsengel sumuzunuᠭ toponimneri [Toponyms of Sumon Tsengel in Western Mongolia]*. Kyzyl, Tuvan State University. 86 p. (In Russ.).

Suvandii, N. D. and Kara-ool, L. S. (2020) *Slovar' stranstvuiushchei onomastiki tuvinskogo iazyka [A dictionary of wandering onomastics of the Tuvan language]*. Kyzyl, Tuvan State University. 64 p. (In Russ.).

Tatarintsev, B. I. (1973) Ob osobennostiakh toponimii severo-vostochnoi Tuvy [About the peculiarities of toponyms of North-Eastern Tuva]. In: *Proiskhozhdenie aborigenov Sibiri i ikh iazykov [The origin of aboriginal peoples of Siberia and their languages]* : Proceedings of All-Union conference, June 14–16, 1973. Tomsk, Tomsk University Publ. 236 p. Pp. 142–144. (In Russ.).

Tatarintsev, B. I. (1977a) Mestnye geograficheskie terminy severo-vostochnoi Tuvy [Local geographical terms of North-Eastern Tuva]. In: *Sovetskaia tiurkologiia [Soviet Turkology]*. Vol. 5 / ed. by M. Sh. Shiraliev. Baku, 26 Baku Commissars Printing House. 112 p. Pp. 18–26. (In Russ.).

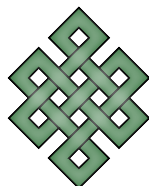
Tatarintsev, B. I. (1977b) O toponimii basseina r. Kaa-Khem [On the toponyms of the river Kaa-Khem]. In: *Tuvinskii iazyk i literatura v posleoktiabr'skii period [Tuvan language and literature in the post-October period]* / ed. by D. A. Mongush. Kyzyl, Printing House of the Department for Publishing, Printing and Book Trade of the Council of Ministers of the Tuvan ASSR. 192 p. Pp. 88–98. (In Russ.).

Tatarintsev, B. I. (1993) O nekotorykh drevnikh toponimakh tiurkskogo proiskhozhdeniia na territorii Tuvy [On some ancient toponyms of Turkic origin in the territory of Tuva]. In: *Voprosy tuvinskogo iazykoznanii [Questions of Tuvan linguistics]* / ed. by D. A. Mongush and B. I. Tatarintsev. Kyzyl, Novosti Tuvy. 128 p. Pp. 105–113. (In Russ.).

Tatarintsev, B. I. (2000) *Etimologicheskii slovar' tuvinskogo iazyka [An etymological dictionary of the Tuvan language]*. Novosibirsk, Nauka. Vol. I. 339 p. (In Russ.).

Tatarintsev, B. I. (2002) *Etimologicheskii slovar' tuvinskogo iazyka [An etymological dictionary of the Tuvan language]*. Novosibirsk, Nauka. Vol. II. 388 p. (In Russ.).

Tatarintsev, B. I. (2004) *Etimologicheskii slovar' tuvinskogo yazyka [An etymological dictionary of the Tuvan language]*. Novosibirsk, Nauka. Vol. III. 440 p. (In Russ.).

Tatarintsev, B. I. (2008) *Etimologicheskii slovar' tuvinskogo iazyka [An etymological dictionary of the Tuvan language]*. Novosibirsk, Nauka. Vol. IV. 442 p. (In Russ.).

Tatarintsev, B. I. (2018) *Etimologicheskii slovar' tuvinskogo iazyka [An etymological dictionary of the Tuvan language]*. Novosibirsk, Nauka. Vol. V. 180 p. (In Russ.).

Tatarintseva, M. P. (2006) *Staroobriady v Tuve: istoriko-etnograficheskii ocherk [Old believers in Tuva: A historical and ethnographic essay]*. Novosibirsk, Nauka. 216 p. (In Russ.).

Tolkovyi slovar' tuvinskogo iazyka [An explanatory dictionary of the Tuvan language] (2011) / ed. by D. A. Mongush. Novosibirsk, Nauka. Vol. II. 798 p. (In Russ. and Tuv.).

Tuvinsko-russkii slovar' [A Tuvan-Russian dictionary] (1968) : c. 22 000 words / ed. by E. R. Tenishev. Moscow, Sovetskaia entsiklopediia. 465 p. (In Russ. and Tuv.).

Fasmer, M. (2004a) *Etimologicheskii slovar' russkogo iazyka [An etymological dictionary of the Russian language]* : in 4 vols. / transl. from Germ. and ed. by O. N. Trubacheva. 4nd ed. Moscow, Astrel ; AST. Vol. 2. 671 p. (In Russ.).

Fasmer, M. (2004b) *Etimologicheskii slovar' russkogo iazyka [An etymological dictionary of the Russian language]* : in 4 vols. / transl. from Germ. and ed. by O. N. Trubacheva. 4nd ed. Moscow, Astrel ; AST. Vol. 4. 860 p. (In Russ.).

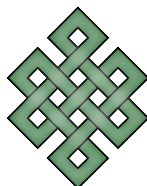
Khovalyg, S. S. and Darzha, U. A. (2020) Arkhivnye dokumenty po imenovaniiam munitsipal'nykh obrazovaniy Tuvy (1759–2005 gg.) [Archival documents on placenames of Tuvan municipalities (1759–2005)]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 103–119. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.2.7>

Etimologicheskii slovar' tiurkskikh iazykov: Obshchetiurkskie i mezhtiurkskie leksicheskie osnovy na bukvy «K», «K» [An etymological dictionary of Turkic languages: Common Turkic and inter-Turkic lexical bases with the letters “K”, “K”] (1997) / comp. by L. S. Levitskaia et al. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury. Vol. V. 368 p. (In Russ.).

Etimologicheskii slovar' tiurkskikh iazykov: Obshchetiurkskie i mezhtiurkskie osnovy na bukvy “Zh” i “Zh”, “I” [An etymological dictionary of Turkic languages: Common Turkic and inter-Turkic bases with the letters “Zh” and “Zh”, “I”] (1989) / ed. by L. S. Levitskaia. Moscow, Nauka. 294 p. (In Russ.).

Etimologicheskii slovar' tiurkskikh iazykov: obshchetiurkskie i mezhtiurkskie leksicheskie osnovy na bukvy “L”, “M”, “N”, “P”, “S” [An etymological dictionary of Turkic languages: Common Turkic and inter-Turkic lexical bases with the letters “L”, “M”, “N”, “P”, “S”] (2003) / ed. by A. V. Dybo. Moscow, Vostochnaia literatura. 446 p. (In Russ.).

Submission date: 14.04.2021.

DOI: 10.25178/nit.2021.2.6

Article

The influence of language learner's Buddhist background on non-native written language processing

Liubov V. Darzhinova

The Education University of Hong Kong, People's Republic of China

In today's digitalized world, discovering approaches to enhance written language processing is crucial for successful non-native language acquisition. Whereas psycholinguistic literature suggests that background knowledge generally facilitates written language processing, hardly anything is known about whether religious affiliation as a part of language learner's background affects non-native written language processing.

Consequently, the current paper addresses the gap by conducting a small-scale web-based self-paced reading study. It explores whether English language learners with Buddhist background process the Buddhist-related and religiously neutral texts similarly to those with the same proficiency level but with no religious affiliation. Thus, the experiment involved 20 Buddhist and non-religious learners of English from Russia's regions of Kalmykia, Tuva, and Buryatia.

The results of the experiment suggest that the Buddhist background of English language learners contributes to faster processing and better recall of Buddhist-related texts in the target language. The paper argues for the need to supply written materials related to religion in a target language with notes and glossaries in order to hasten processing and improve recall in non-religious language learners.

Keywords: *language learner; Buddhism; Buddhist background; non-native language; written language processing; reading; recall; reading time; idea unit*

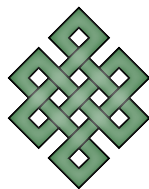

For citation:

Darzhinova L. V. The influence of language learner's Buddhist background on non-native written language processing. *New Research of Tuva*, 2021, no. 2, pp. 67-78. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.2.6>

DARZHINOVA, Liubov Vladimirovna, PhD candidate, Department of Linguistics and Modern Language Studies, PhD fellow, Centre for Research on Linguistics and Language Studies, The Education University of Hong Kong, 10 Lo Ping Rd, Tai Po, New Territories, Hong Kong SAR. Tel.: +001 (852) 2948 7546. Email: liubov@s.eduhk.hk

Даржинова Любовь Владимировна — докторант кафедры лингвистики и исследований современных языков, научный сотрудник Центра лингвистических исследований и изучения языка Университета образования Гонконга САР Китая. Адрес: 10 Lo Ping Rd, Tai Po, New Territories, Hong Kong SAR. Тел.: +001 (852) 2948 7546. Эл. адрес: liubov@s.eduhk.hk

Влияние буддийского мировоззрения обучающегося на обработку неродной письменной речи

Любовь В. Даржинова

Университет образования Гонконга, Китайская Народная Республика

В сегодняшнем цифровом мире поиск подходов к совершенствованию обработки письменной речи имеет решающее значение для успешного освоения неродного языка. В то время как психолингвистическая литература предполагает, что фоновые знания обычно облегчают обработку письменной речи, мало известно о том, влияет ли религиозное мировоззрение, как часть знаний обучающегося, на обработку неродной письменной речи.

В настоящей статье выявленный пробел устраняется путем проведения небольшого Интернет-эксперимента в форме чтения с регулировкой скорости. Целью эксперимента является ответ на вопрос о том, аналогична ли обработка текста, связанного с буддизмом, а также религиозно нейтрального текста у буддистов со средним уровнем владения английским и у нерелигиозных с аналогичным уровнем владения. Так, в эксперименте приняли участие 20 буддийских и нерелигиозных студентов, изучающих английский язык, из российских регионов – Калмыкия, Тува и Бурятия.

Результаты эксперимента показали, что буддийское мировоззрение изучающих английский язык способствует более быстрой обработке и лучшему запоминанию связанных с буддизмом текстов на целевом языке. В статье также утверждается, что письменные материалы на изучаемом языке, касающиеся религии, необходимо обеспечить примечаниями и глоссариями для ускорения их обработки и улучшения запоминания у нерелигиозных читателей.

Ключевые слова: обучающийся; буддизм; буддийское мировоззрение; неродной язык; обработка письменной речи; чтение; извлечение из памяти; время чтения; идейная единица

Для цитирования

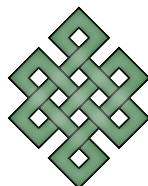
Darzhinova L. V. The influence of language learner's Buddhist background on non-native written language processing // Новые исследования Тувы. 2021. № 2. С. 67-78. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.2.6>

Introduction

The massive information flow, being the result of digitalization, has been instigating fragmentary understanding of written language and poor consolidation of the received information (cf. Delgado, Salmerón, 2021; Kekeeva, Darzhinova, Abdiraimova, 2020).

In view of the situation, finding approaches to accelerate reading instruction and teach efficient processing and comprehension strategies is of paramount importance for the fields of language pedagogy and language acquisition, respectively. The more words and concepts readers hold prior to be subjected to a certain input, the better they can read and understand it, as well as make some inferences to clarify the putative uncertainty. Hence, one of the feasible ways to augment written language processing and comprehension in students and language learners is to help them activate and apply previously learned information and experiences.

By conducting a mixed-method study, the paper initiates the literature review, with the following research question: What are the ideas presented in the literature about the background of language learners in a non-native language processing? Besides, the paper presents the small-scale web-based self-paced reading experiment conducted in December 2020 among intermediate English learners with the Buddhist background (Group 1) and intermediate English learners with no religious affiliation (Group 2). Next, the paper furnishes

the results of both groups in the form of overall reading times (RTs) measured in milliseconds per each text as well as cumulative recall summary scores. Thus, the experiment aimed at finding out whether or not Buddhist religious background, as a part of language learner’s prior knowledge, is a driving force behind written input understanding in a target language.

Background knowledge in written language processing

Written language processing constitutes the three-fold cognitive process, namely word recognition, parsing, and semantic integration. At the stage of word recognition, lexical information of individual words, e. g., meanings, morphological structures, lexical associations, becomes available (Carreiras et al., 2014). Parsing of an input is then built on the account of the activated lexical information, morphosyntactic cues, e. g., word order and case marking, and reader’s syntactic knowledge (Henry, 2015). In this vein, the sentence plausibility judgment study of Russian-English bilinguals suggested that in the temporal flow, there is no significant difference between word recognition, i.e., semantic processing, and parsing, i. e., syntactic processing (Navracsics, Darzhinova, 2020).

At the semantic integration (final stage), mental representations of the sentence meaning are assembled on the basis of the information derived from the input and an individual’s preparedness (Ferreira, Chantavarin, 2018). As seen from Figure 1, the written sentence may be split into given and new information. The given information interacts with the knowledge and experiences obtained before, as well as with the earlier received context to form the semantic representation. Concurrently, this representation is utilized to predict the forthcoming information, or initiate the state of preparedness in the form of a set of semantic characteristics, which may turn out to be enough for pinpointing a specific lexical candidate.

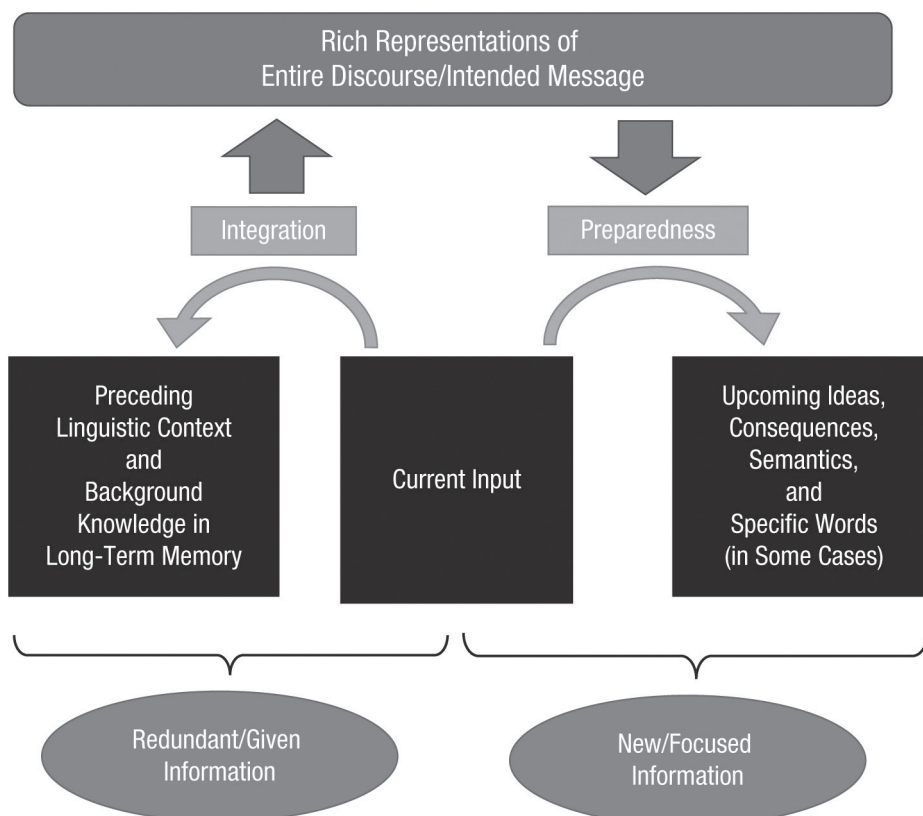
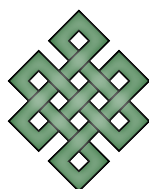

Figure 1. The interface of preceding context, prior knowledge, and experiences in written language processing for “preparedness”, i. e., predicting forthcoming information, adapted from Ferreira & Chantavarin (2018).

The literature has been labeling such preparedness diversely over the years, for instance, expectation (e. g., Smith, Levy, 2013), schema (e. g., An, 2013; Rumelhart, 1980), forward-inferencing (e. g., Graesser, Singer, Trabasso, 1994; Murray, Klin, Myers, 1993), knowledge activation and integration (e. g., Long, Lea, 2005), and prediction (e. g., Kuperberg, Jaeger, 2016; Dell, Chang, 2014), inter alia.

Early research (Rumelhart, 1980) proposed the Schema Theory suggesting that written language processing is an interface between the reader’s background knowledge and the actual reading material (Figure 2). In essence, schemata labels reader’s background knowledge and past experiences, which make inferences from the events described in written language input. Since schemata signify a reader’s experience and prior knowledge, they can be culturally specific.

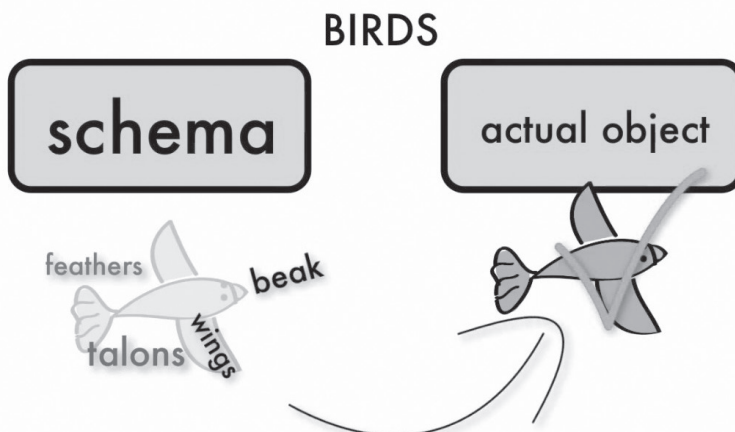

Figure 2. The illustration of the cognitive pattern, or schema “birds” used as the means to compare the input against prior information, adapted¹.

In the same framework, An (An, 2013) illustrated written language processing as a two-fold path, from bottom to the top and from the top to the bottom, known as the bottom-up and top-down approaches, respectively. Bottom-up processing is stimulated by certain data from the written language material, while top-down launches in conjunction with general data to confirm some expectations. Both processes happen simultaneously and interactively and are guided by different types of schemata (Figure 3), organized in a tiered fashion, with the broadest at the top-down level to the most particular at the bottom-up.

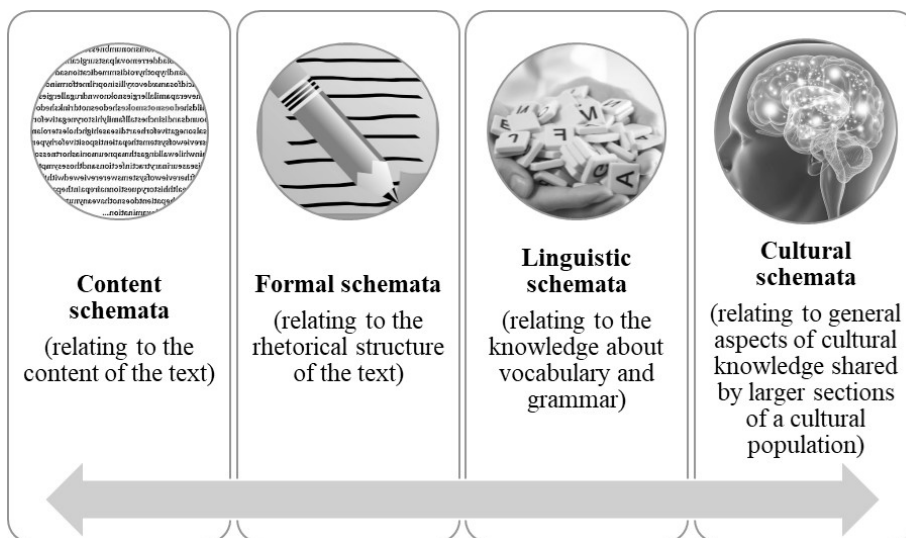
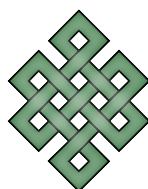

Figure 3. Types of schemata from An (2013), elaborated by the author.

Murray, Klin, and Myers (Murray, Klin, Myers, 1993) instituted an on-line naming time task to test whether English-speaking readers make inferences while reading different text types. Experiment 1 presented the extensive passages comprised of the so-called causal coherence break, i. e., prior information related to the consequently inferred scenario. Experiment 2 compared reading behaviors for shorter versions of passages

¹ Tinoco-Giraldo, H. (2016, May 17). *Schema Theory and Cognitive Load Theory* [Video file]. Retrieved from <https://www.youtube.com/watch?v=R9uOgYneh8g>

from Experiment 1 but ending with actions of predictable consequence (and devoid of coherence breaks) and the same passages but with coherence breaks (and no predictable consequence). The dependent variable for both experiments was the response latency time (naming time) for keywords from targeted inferences. The major finding for Experiment 1 was that response latency for prediction items is shorter than for control items, suggesting that passages with the focus on the targeted inference and the causal coherence break prompt readers to draw forward inferences. With regard to Experiment 2, naming times were shorter for the predictable consequence passages than the passages containing causal coherence breaks. In sum, the study argues for the idea that readers draw forward inference even from two-sentence passages, and the passage length is not crucial. What is more, causal coherence break robustly triggers readers to forward-inferencing, but its presence in the text is not essential for drawing inferences.

Graesser, Singer, and Trabasso (Graesser, Singer, Trabasso, 1994) proposed the so-called Constructionist Theory of Narrative Text Comprehension, according to which readers constantly pursue meaning of what is written, as there is no input that is completely clear, by applying their own knowledge in order to construct and interpret incoming information. The researchers differentiated between the two inferencing processes that underlie the facilitation of written language processing. Thus, a bulk of inferences is usually drawn while reading at the local level (e. g., understanding of that “her” in “Kate nailed her exams” corresponds to Kate) and the global level (e. g., understanding of the whole plot of a story). Nevertheless, readers’ interpretations do not anticipate a thorough and coherent illustration of the actually described scenario, but rather depict their biased representation that is meaningful to them.

Long and Lea (Long, Lea, 2005) suggested that once readers process some written material, they implicitly integrate their knowledge, experiences, and contextual information with it to either filter out the information that does not make sense or match these with the material. The authors pointed out that this process is not only useful for maintaining general understanding about the read material, but also facilitates the disambiguation of uncertain texts or sentences, formulates reading predictions and creates some tacit links between the conveyed ideas. When the written material is inconsistent with what readers have in their background, re-reading as well as strategic memory retrieval typically take place and therefore would result in the inflation of total RTs, i. e., the sum of all fixations per sentence or word-chunks in an eye-tracking experiment or button-presses in a self-paced reading experiment.

Concerning RTs, Smith and Levy (Smith, Levy, 2013) reported that the complex integration process, which contributes to understanding of a written stimulus, functions incrementally, that is, on a word-by-word basis. In other words, readers constantly construct and revise their expectations about the incoming units based on the available context and their prior knowledge. From a quantitative point of view, this means the processing speed displayed for the incoming word is “an inverse logarithmic function of its contextual predictability yielding graded effects” (Veldre, Andrews, 2018: 12). In psycholinguistics, this processing speed is a measure of processing impediment, which is expressed in response latency time per word, chunk of words, or a region as in self-paced reading tasks, and RTs in eye-tracking research (typically, in milliseconds in both cases). Overall, real-time written language processing in human parsers is led by their previous knowledge, so that the stronger their expectations for each read chunk, the less difficult they are incorporated into the contextual framework of the written material.

Dell and Chang (Dell, Chang, 2014) put forward the so-called P-chain, the psycholinguistic framework encompassing all three psycholinguistic domains- comprehension, production, and acquisition. To illustrate the proposed framework (Figure 4), the researchers portrayed interlinks between the phenomena in review as a chain routing from language processing and post-processing, that is comprehension, over five P-concepts at most, including notably, production, to language acquisition in the end. Through the same illustration, the chain’s loop goes from production back to processing, thus displaying the prominence of language production. One of the central P-concepts in the framework is prediction implying reader’s expectations regarding impending information, e. g., anticipation of the semantic properties of upcoming words.

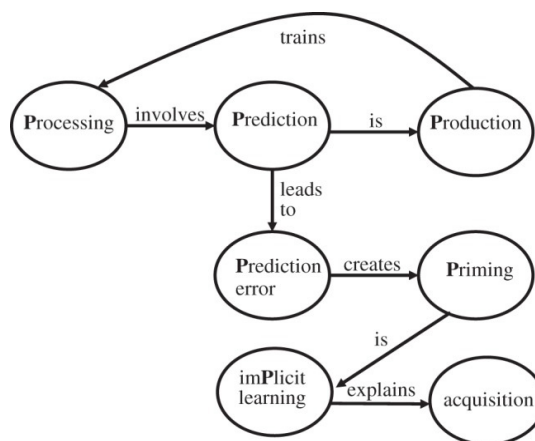
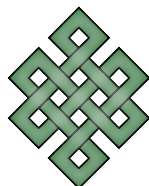

Figure 4. The P-chain adapted from Dell and Chang (2014).

More lately, Kuperberg and Jaeger (Kuperberg, Jaeger, 2016) examined potential ways, in which prediction had been discussed in the literature. The authors claimed that nominally prediction is the process of how human parsers apply high-level information through their contextual representation to probabilistically surmise the impending information. This means that several possible readings are triggered simultaneously, which may be given different plausibility power at any time point. Further, they suggested that even prior to encountering a single word further in written language processing, the context wields its impact in a bottom-up manner within the initiation of assumptions concerning the subsequent information via syntactic, semantic and, possibly, lexical constraints. In other words, contextual predictability of a word is likely to be the predictor of how fast and precise that word will be understood. In sum, the real-world knowledge about concepts and potential scenarios holds the key place in language processing.

Thus, taking into account the same underlying meaning in the reviewed labels (“preparedness”, “schema”, “expectation”, “forward-inferencing”, “prediction”, and “knowledge activation and integration”), it seems that they all imply the same phenomenon in one way or another. For convenience, the paper will employ the overarching term “background knowledge” to refer information and experiences that are pertinent to the processed written stimulus. Based on the reviewed literature, the linkage between reader’s background knowledge and written language processing has been recognized for over forty years. One strand of research (e. g., Long, Lea, 2005) indicates that the reader’s competence to structure the incoming material and link it with the already held knowledge is a *concomitant* part of written input interpretation. Other studies (e. g., Kuperberg, Jaeger, 2016) claim an efficient understanding of written language *obliges* readers to correlate the inbound material with their prior knowledge and rely on it correspondingly.

While the literature clearly argues for the facilitating effect of a prior knowledge on written language processing, there is not much evidence for its effect on non-native reading, namely L2. The review above lacks research on whether religious affiliation, being a part of language learner’s background, is a driving force behind L2 reading. In this regard, the existing conclusions on the broad issue of the role of background in reading are non-exhaustive. At the same time, having spotted one study related to the phenomenon, this paper will further examine it by pursuing to establish whether or not there is the clear interrelationship among religious background and L2 written language processing.

Markham (Markham, 2001) investigated into how religious background knowledge influences processing of a religion-specific material in students. The author particularly scrutinized how Buddhist, Muslim as well as religiously neutral student groups processed the available written language supplementation in watching religious videos in a L2 English medium. The number of idea units produced by each student in written summaries was the reliant measure in the study. The results demonstrated that earlier knowledge about the relevant religions impacted the first two groups in a way that, e. g., the Buddhist group achieved a higher unit score upon processing the Buddhist passage than the Muslim and religiously neutral counterparts. Similarly, the Muslim group did better than the other groups at the processing of written supplementation of the Islam-related video. The study, however, affords evidence only for the facilitating effect of religious background on the processing of spiritually related video material with integrated captions and not standalone written language stimuli.

The web-based experiment

Participants

Twenty adult learners of English ($M_{\text{age}} = 21.65$) took part in the experiment. The snowball technique (Nilsson, 2015) was utilized for participant sampling. To balance the sample size, Group 1 consisted of those who reportedly practice Buddhism, whereas Group 2 comprised of non-religious language learners.

The participants of *Group 1* (Table 1) are the Buddhist representatives of Kalmykia, Tuva, and Buryatia, which are Russia’s traditionally Buddhist republics (Badmaev et al., 2020) and mostly the eponymous representatives of the designated regions. All of them are born and/or reside in Kalmykia.

At the time of the experiment, the representatives of both groups were studying for their undergraduate ($n=15$), graduate ($n=4$), and postgraduate degree ($n=1$) at Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov.

Both groups reported roughly the same proficiency level of English, that is, intermediate. Their first language (L1) backgrounds are either Russian or/and Kalmyk, or Russian or/and Tuvan, Russian or/and Buryat, respectively. However, the majority of participants acknowledged that Russian is the dominant language in their daily communication. They all reported normal or corrected-to-normal vision and no neurological disorders.

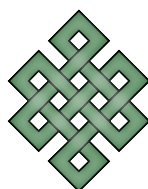

Table 1. The demographic data for Group 1.

ID	Birthplace	Sex	Age	Occupation	Major	L1
1	Kalmykia	F	19	Bachelor's student	Chemistry	Russian, Kalmyk
3	Kalmykia	M	20	Bachelor's student	Chemistry	Russian
4	Buryatia	F	18	Bachelor's student	Mathematics	Russian, Buryat
5	Kalmykia	F	19	Bachelor's student	Pharmacy	Russian, Kalmyk
7	Kalmykia	F	20	Bachelor's student	Kalmyk Studies	Russian, Kalmyk
9	Kalmykia	F	20	Bachelor's student	Biology	Russian
10	Kalmykia	F	20	Bachelor's student	Psychology	Russian, Kalmyk
13	Tuva	F	20	Bachelor's student	Life safety	Russian, Tuvan
14	Tuva	M	24	Master's student	Construction	Russian, Tuvan
17	Kalmykia	F	21	Bachelor's student	Psychology	Russian

The participants of Group 2 (Table 2) are born and reside in Kalmykia and reportedly do not practice Buddhism and do not affiliate themselves with any other spiritual practices or religions.

Table 2. The demographic data for Group 2.

ID	Birthplace	Sex	Age	Occupation	Major	L1
2	Kalmykia	M	21	Bachelor's student	Physics	Russian
6	Kalmykia	M	19	Bachelor's student	Veterinary	Russian, Kalmyk
8	Kalmykia	F	20	Bachelor's student	Biology	Russian, Kalmyk
11	Kalmykia	F	38	Postgraduate student	Pedagogy	Russian
12	Kalmykia	M	25	Master's student	Zootechnics	Russian
15	Kalmykia	M	24	Master's student	Law	Russian
16	Kalmykia	F	23	Master's student	Law	Russian, Kalmyk
18	Kalmykia	F	21	Bachelor's student	Psychology	Russian
19	Kalmykia	F	21	Bachelor's student	Psychology	Russian
20	Kalmykia	M	20	Bachelor's student	Psychology	Russian

Material and method

The study took the form of the self-paced reading task (Marinis, 2010). The name of the task itself is attributable to the manner how parsers read stimulus and regulate its presentation pace. They are typically invited to read word chunks or whole sentences by pressing a specified key. In the background, each key press is automatically documented with the objective to furnish quantitative insights into stimuli processing. Longer processing times are considered to reveal difficulties in the course of processing (Roberts, Liszka, 2013).

Pertinent to this study, non-cumulative word-by-word (White, Palmer, Boynton, 2020) manner of presentation was opted for owing to its resemblance to natural reading. The IbeX Farm platform, ver. 0.39¹ was used for designing and hosting the Internet-based experiment.

As the study controls for the effect of English proficiency, it was critical to compose the English-medium texts that are adequate for intermediate proficiency in the target language. Accordingly, the study generated the two short texts, with the length of 52 words each. Based on the Flesch Reading Ease formula (Crossley, Greenfield, McNamara, 2008), the mean score of 88.5 was computed, signaling about the reading suitability of texts for intermediate learners.

¹Drummond, A., von der Malsburg, T., Erlewine, M. Y., Yoshida, F. and Vafaie, M. (2016) IbeX farm. <https://github.com/addrummond/ibex>. GitHub

In terms of the thematic area, one of the texts was related to Buddhism, while the other was about recycling, therefore, religiously neutral. The custom-made web-based script collected RT per each word of both texts and gathered metalinguistic data at the stage of post-processing.

Prior to the experiment, following the existing recall summary protocols (Alderson, 2000; Riley, Lee, 1996), the total number of idea units per each text was determined. Every new content word or phrase was regarded as a single idea unit. So, the Buddhism-related text had four units or pieces of new information in its first sentence, as well as three and five idea units in the second and third sentences, respectively. The first sentence of the religiously neutral text consisted of four idea units, whereas five and three units were found in the second and third sentences, respectively. Overall, each text had 12 idea units.

The obtained recall summaries were therefore broken down into idea units and then matched with the content of both texts to ascertain whether the summaries were accurate and give inasmuch as the information from the texts.

Procedure

Due to COVID-19, the participants took part in the study remotely, at the place of their residence. They were requested to be seated in front of their laptop or desktop computers at a comfortable chair and in a well-lit area.

Before the actual task, the on-screen message was appearing (Figure 6) to inform the participants about the experimental procedure. They were notified that their involvement is voluntary and their withdrawal from the experiment at any stage cannot impinge negatively upon them. To secure confidentiality of the results, the participants inserted only their unique identification number (ID), which was given by the investigator prior to the experiment, in the same window as well as provided their informed consent.

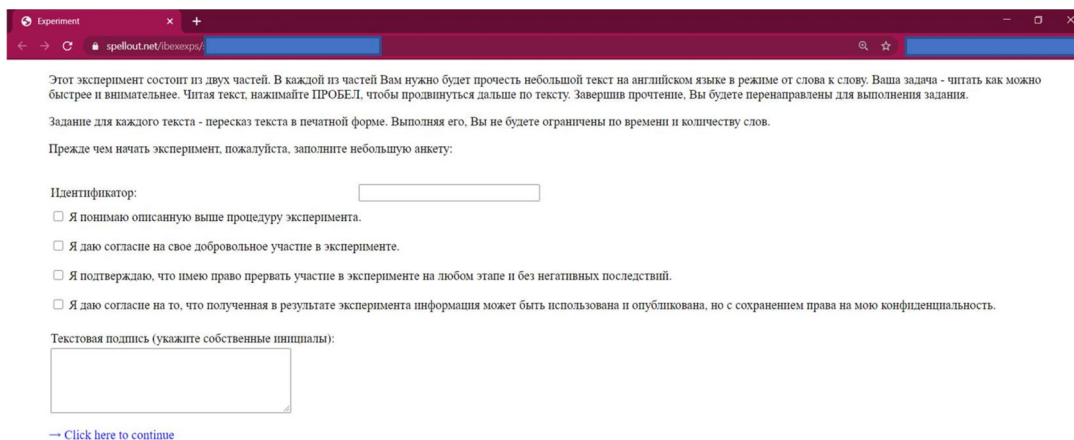

Figure 5. The welcome page that includes information about the experimental procedure and collects an informed consent.

The task of the participants was to read the two short texts one after the other. Each text was separated into three sentences, whereas each sentence was displayed word-by-word on a separate screen at a non-cumulative fashion (Figure 7). At the initial stage, the sentences were introduced in the form of dashes. Pressing the space key was triggering the first word to appear instead of dashes, whereas the next space keypresses made the first word to revert into dashes and opened the next word accordingly.

Upon the end of each text’s reading and in a separate page window, the participants were required to type-in their recall summary of what they have just read. This protocol has been regarded (Bernhardt, 1983) as the measure for assessing language learner’s reading competence by targeting at the interface between the stimulus and the reader. The participants were confined to the use of any external help (e. g., Internet, friends, etc.) and were time-unrestricted and had no word limit. RTs per each word and typed-in free recall summaries were coded and stored for further analyses.

After the task completion, the participants were invited to fill out the brief questionnaire for the purpose of demographic data collection. The entire experiment, including the time spent for taking informed consent and questionnaire, lasted roughly 15 minutes.

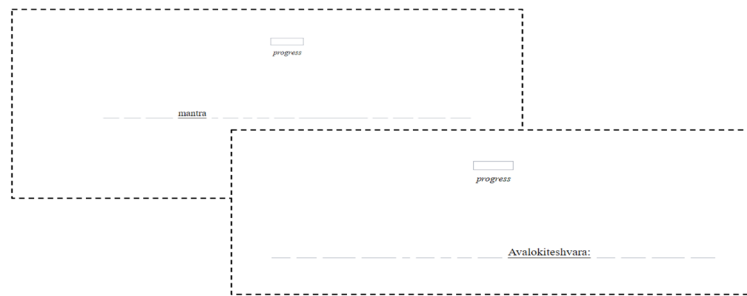
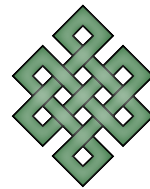

Figure 6. The example of the non-cumulative and word-by-word stimuli presentation through Ibx. It particularly demonstrates the fourth and tenth words of the second sentence of the Buddhist-related text.

Results

The aggregate number of idea units elicited correctly and overall RTs per each text were the dependent variables of the study.

The obtained data was filtered according to the filtering criteria (Prasad, Linzen, 2019). In the questionnaire, one of the participants stated that German is their target language and not English, despite the fact that all the potential participants were informed about the prerequisite to have English as a target language so as to be eligible for the study. The trial number 15 was therefore excluded from further analyses.

All trials were then checked for any length effect, so that if RT per word was longer than 2000 milliseconds (ms), they had to be excluded. This was not relevant to any of the participants. After the preliminary check of typed-in recall summaries, the trial number 2, in which the participant did not put any recall summaries, was excluded. These instances led to the elimination of 10% of trials, totaling the trials for analyses to 18 (Tables 3 and 4). Both of these trials were from Group 2.

Table 3. The overall reading time (B_RTs ; N_RTs) and the cumulative number of idea units (B_U ; N_U) per each text for Group 1

ID	B_RTs	N_RTs	B_U	N_U
1	11342	12543	10	9
3	12894	13063	8	8
4	11584	12329	9	5
5	14089	14876	6	5
7	11201	11458	12	10
9	12544	14235	11	8
10	11097	11802	10	7
13	12045	12784	11	9
14	13611	15328	9	7
17	15326	15122	8	5
Mean	12573.3	13354	9.4	7.3

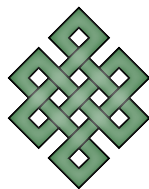

Table 4. The overall reading time (B_RTs ; N_RTs) and the cumulative number of idea units (B_U ; N_U) per each text for Group 2.

ID	B_RTs	N_RTs	B_U	N_U
6	14872	13213	7	8
8	13298	14983	8	9
11	15982	15022	4	7
12	16384	15991	6	6
16	13004	12537	8	8
18	16091	14302	3	6
19	15487	13871	4	6
20	14786	13039	6	8
Mean	14988	14119.75	5.75	7.25

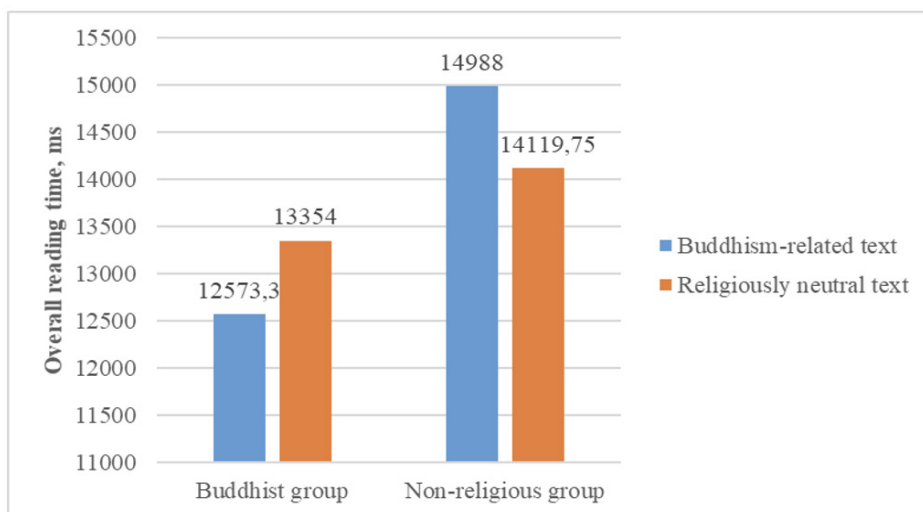

Figure 7. The overall reading times in milliseconds per each text of both groups.

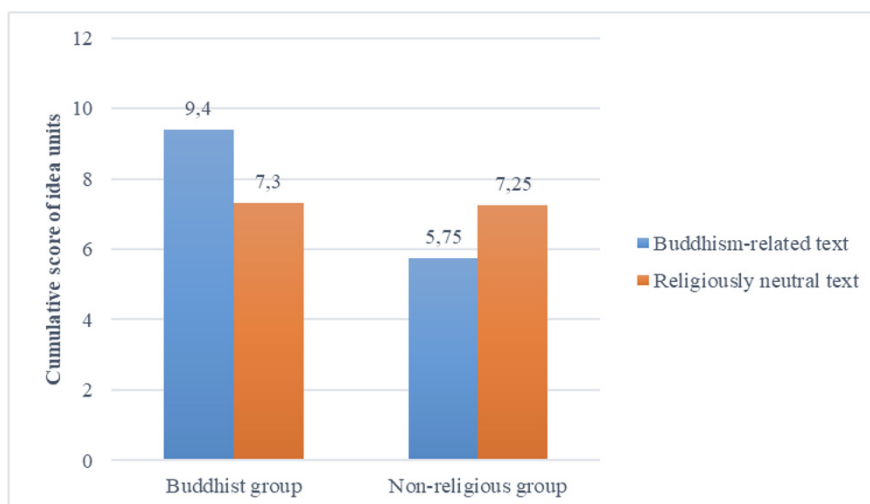
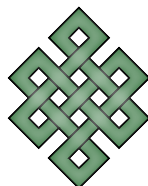

Figure 8. The cumulative recall summary scores per each text of both groups.

Based on *Figure 8*, Group 1 processed the Buddhism-related text more rapidly than Group 2, 12573.3 ms vs. 14988 ms respectively. The text with no reference to religions was read faster by Group 1 than the participants from Group 2, 13354 ms vs. 14119.75 ms. So, Group 2 performed somewhat contrary to anticipations because it actually did worse on the religiously neutral text than Group 1. In sum, for each text's processing, Group 2 spent more time than the counterparts from Group 1.

As observed from *Figure 9*, Group 1 generated higher number of idea units than the second one after reading of Buddhism-related short text in English, 9.4 vs. 5.75, respectively. Notably, one of the participants from Group 1 managed to recall the Buddhism-related text verbatim. As of the religiously neutral text, both groups showed quite similar results in their post-processing recall, 7.3 vs 7.25.

Discussion and conclusion

The results of the small-scale study clearly indicate that religious background of language learners has a considerable influence on the real-time processing and its further recall. Particularly, it reduces the processing load and therefore makes the reading material in the target language easier to process and remember.

Remarkably, Buddhism-affiliated language learners with intermediate English performed just as well in the processing of Buddhism-related and religiously neutral texts. The number of idea units is higher in Group 1 than Group 2, again, owing to the knowledge from their religious background. Perhaps, one way to interpret this result is that spiritually close texts are in general remembered well and retrieved from memory better owing to the fact that they introduce the ideas, facts, and information from the native spiritual background or tradition.

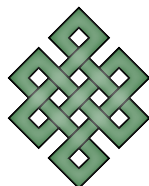
The non-religious group experienced processing difficulties while reading both religiously neutral and Buddhism-related texts. These findings would be justified by the two possible explanations. This group was either not homogenous in language proficiency or did not produce rigid results merely because of the small sample size as it eventually had contributed less trials for analyses due to data filtering. Regarding the number of idea units, the participants with no religious affiliation managed to recall the processed text quite well, but slightly worse than the Buddhist counterparts. Once again, this result would either suggest that the proficiency level of the target language was inconsistent within the group, or the group did not provide stable results due to filtering.

Based on these findings, the study posits that the Buddhist background of non-native readers is a contributing factor to faster processing of Buddhist-specific texts in the target language and their better recall. The obtained results may generalize that the usefulness of knowledge from religious background leads to faster and better understanding of religiously related written material in a target language.

The findings of the conducted study also inform language pedagogy with regard to the mindfulness of the interface arising between the learner's background and the text. Educators may need to focus on the use of it to the learner's benefit, thus, enhance their student's language acquisition. Likewise, language instructors need to be conscious of the efficacy of providing supplementary resources such as notes and glossary to augment processing and recall of texts related to religion in atheist and religiously neutral language learners.

REFERENCES

- Alderson, J. (2000) *Assessing Reading* (Cambridge Language Assessment). Cambridge, Cambridge University Press. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511732935>
- An, S. (2013) Schema Theory in Reading. *Theory & Practice in Language Studies*, 3(1). DOI: <https://doi.org/10.4304/TPLS.3.1.130-134>
- Badmaev, V. N., Ulanov, M. S., Lamazhaa, Ch. K., Bicheldey, U. N., Antonov, V. I. and Ochirova, O. A. (2020) Russia and the Buddhist world through the eyes of the youth in Tuva, Buryatia, and Kalmykia: a sociological survey and its outcomes. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 36–49. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.1.3>
- Bernhardt, E. B. (1983) Three approaches to reading comprehension in intermediate German. *The Modern Language Journal*, no. 67(2), pp. 111–115. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1540-4781.1983.tb01478.x>
- Carreiras, M., Armstrong, B. C., Perea, M. and Frost, R. (2014) The what, when, where, and how of visual word recognition. *Trends in Cognitive Sciences*, no. 18(2), pp. 90–98. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.tics.2013.11.005>
- Crossley, S. A., Greenfield, J. and McNamara, D. S. (2008) Assessing text readability using cognitively based indices. *TESOL Quarterly*, no. 42(3), pp. 475–493. DOI: <https://doi.org/10.1002/j.1545-7249.2008.tb00142.x>

Delgado, P. and Salmerón, L. (2021) The inattentive on-screen reading: Reading medium affects attention and reading comprehension under time pressure. *Learning and instruction*, no. 71. DOI: <https://doi.org/10.1016%2Fj.learninstruc.2020.101396>

Dell, G. S. and Chang, F. (2014) The P-chain: Relating sentence production and its disorders to comprehension and acquisition. *Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences*, no. 369(1634). DOI: <https://doi.org/10.1098/rstb.2012.0394>

Ferreira, F. and Chantavarin, S. (2018) Integration and prediction in language processing: A synthesis of old and new. *Current Directions in Psychological Science*, no. 27(6), pp. 443–448. DOI: <https://doi.org/10.1177%2F0963721418794491>

Graesser, A. C., Singer, M. and Trabasso, T. (1994) Constructing inferences during narrative text comprehension. *Psychological Review*, no. 101(3). DOI: <https://doi.org/10.1037/0033-295X.101.3.371>

Henry, N. A. (2015) *Morphosyntactic processing, cue interaction, and the effects of instruction: An investigation of processing instruction and the acquisition of case markings in L2 German*. Doctoral dissertation. Pennsylvania State University.

Kekeeva, Z., Darzhinova, S. and Abdiramova, E. (2020) Development of the reading culture in pre-service teachers amid digitalization of education. In: *E3S Web of Conferences* (Vol. 210, p. 18083). EDP Sciences. DOI: <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202021018083>

Kuperberg, G. R. and Jaeger, T. F. (2016) What do we mean by prediction in language comprehension? *Language, Cognition and Neuroscience*, no. 31(1), pp. 32–59. DOI: <https://doi.org/10.1080/23273798.2015.1102299>

Long, D. L. and Lea, R. B. (2005) Have we been searching for meaning in all the wrong places? Defining the “search after meaning” principle in comprehension. *Discourse processes*, no. 39(2–3), pp. 279–298. DOI: https://doi.org/10.1207/s15326950dp3902&3_10

Marinis, T. (2010) Using on-line processing methods in language acquisition research. In: Unsworth, S. and Blom, E. (Eds.) *Experimental Methods in Language Acquisition Research*. Amsterdam, John Benjamins Publishing Company. 292 p. Pp. 139–162. DOI: <https://doi.org/10.1075/llt.27.09mar>

Markham, P. (2001) The influence of culture-specific background knowledge and captions on second language comprehension. *Journal of Educational Technology Systems*, no. 29(4), pp. 331–343. <https://doi.org/10.2190/15TA-GX8P-74XP-YUA1>

Murray, J. D., Klin, C. M. and Myers, J. L. (1993) Forward inferences in narrative text. *Journal of Memory and Language*, no. 32(4), pp. 464–473. DOI: <https://doi.org/10.1006/jmla.1993.1025>

Navracsics, J. and Darzhinova, L. (2020) The Use of PsychToolbox-3 for Tracking Bilingual Sentence Processing and Comprehension. In: *CEUR Workshop Proceedings*. Aachen, RWTH Aachen University Publishing. Vol. 2780, Pp. 123–131.

Nilsson, P. (2015) *A Snowball Sampling Approach for Studying Digital Minority Languages*. Doctoral dissertation. Swarthmore College.

Prasad, G. and Linzen, T. (2019) Do self-paced reading studies provide evidence for rapid syntactic adaptation. Prepr. *PsyArXiv*. DOI: <https://doi.org/10.31234/osf.io/9ptg4>

Riley, G. L. and Lee, J. F. (1996) A comparison of recall and summary protocols as measures of second language reading comprehension. *Language testing*, no. 13(2), pp. 173–189. DOI: <https://doi.org/10.1177%2F026553229601300203>

Roberts, L. and Liszka, S. A. (2013) Processing tense/aspect-agreement violations on-line in the second language: A self-paced reading study with French and German L2 learners of English. *Second Language Research*, no. 29(4), pp. 413–439. DOI: <https://doi.org/10.1177/0267658313503171>

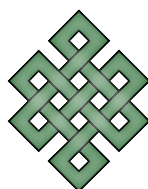
Rumelhart, D. (1980) Schemata: The Building Blocks of Cognition. In: Spiro, R., Bruce, B. and Brewer, W., Eds. *Theoretical Issues in Reading Comprehension*, Erlbaum Associates, Mahway. Pp. 33–58. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315107493>

Smith, N. J. and Levy, R. (2013) The effect of word predictability on reading time is logarithmic. *Cognition*, no. 128(3), pp. 302–319. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.cognition.2013.02.013>

Veldre, A. and Andrews, S. (2018) Beyond cloze probability: Parafoveal processing of semantic and syntactic information during reading. *Journal of Memory and Language*, 100, pp. 1–17. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jml.2017.12.002>

White, A. L., Palmer, J. and Boynton, G. M. (2020) Visual word recognition: Evidence for a serial bottleneck in lexical access. *Attention, Perception, & Psychophysics*, no. 82(4), pp. 2000–2017. DOI: <https://doi.org/10.3758/s13414-019-01916-z>

Submission date: 02.02.2021.

DOI: 10.25178/nit.2021.2.7

Статья

Социальный портрет буддиста-паломника Бурятии: от традиционного к онлайн формату (по результатам социологического исследования)

Оюна А. Очирова, Владимир И. Антонов

Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, Российская Федерация,
Валерий Н. Бадмаев

Калмыцкий государственный университет имени Б. Б. Городовикова, Российская Федерация,
Пурэвсурэн Бямбахишиг

Институт философии Монгольской академии наук, Монголия,
Арюна А. Петрова

Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, Российская Федерация

В статье представлены результаты социологического исследования современного портрета буддийского паломника-онлайн Бурятии. В январе 2021 г. было опрошено 28 наиболее активных паломников, которые участвовали в буддийских ритуалах и учениях в онлайн-формате. Была произведена трехступенчатая выборка респондентов по критериям: место жительства — Бурятия; участие в реальных путешествиях к объектам поклонения; участие в виртуальном религиозном действии в онлайн-формате в период 2020–2021 гг.

Буддист как паломник-онлайн Бурятии начала 2021 г. — это, по большей части, женщина от 40 до 60 лет, с высшим образованием, представитель непроизводственной сферы деятельности. Современный паломник-онлайн — буддист по традиции, он приобщен к буддизму с детства, большей частью пребывает в традиционном паломничестве, но, тем не менее, участвует и в виртуальном религиозном действии, например, в паломничестве к Учителям в режиме онлайн.

Доход респондентов в основном — средний и ниже среднего. Представители этого социального среза буддистов Бурятии побывали в среднем в 2–3-х паломнических поездках (более 4-х раз в такие поездки отправлялись 57,1% респондентов), а в их планах на будущее — еще не менее 4-х таковых.

Состав опрошенных преимущественно женский — 92,9%. Причем среди такой категории людей особо можно выделить возрастной период — от 55 до 60 лет. Они продолжают планировать новые поездки. Монголия, Индия и Тибет являются наиболее важными направлениями, которые паломники выбирают обязательно помимо Бурятии.

Ключевые слова: буддизм; паломник; паломник-онлайн; социальный портрет; Бурятия; буряты

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и МОКНСМ в рамках научного проекта № 20-511-44006.

Для цитирования:

Очирова О. А., Антонов В. И., Бадмаев В. Н., Пурэвсурэн Б., Петрова А. А. Социальный портрет буддиста-паломника Бурятии: от традиционного к онлайн формату (по результатам социологического исследования) // Новые исследования Тувы. 2021, № 2. С. 79-91. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.2.7>

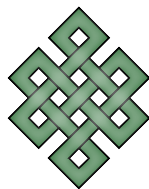
Очирова Оюна Анатольевна — доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социальных технологий Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления. Адрес: 670013, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Ключевская, д. 40В, стр. 1. Тел.: +7 (3012) 43-14-15. Эл. адрес: sociologm@mail.ru

Антонов Владимир Иосифович — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, истории и культурологии Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления. Адрес: 670013, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Ключевская, д. 40В, стр. 1. Тел.: +7 (3012) 43-14-15. Эл. адрес: wlanto50@mail.ru

Бадмаев Валерий Николаевич — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и культурологии Калмыцкого государственного университета имени Б. Б. Городовикова, Адрес: 358000, Россия, г. Элиста, ул. Пушкина, д. 11, каб. 111. Тел.: +7 (961) 844-37-73. Эл. адрес: badmav07@yandex.ru

Пурэвсурэн Бямбахишиг — доктор философии (Ph.D), профессор, директор Института философии Монгольской академии наук. Адрес: Монголия, 15141, г. Улан-Батор, район Чингэлтэй, улица Баруун Сэлбэ, 15. Тел.: (976-11) 33-08-47. Эл. адрес: b.puuigee@gmail.com

Петрова Арюна Анатольевна — кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии, истории и культурологии Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления. Адрес: 670013, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Ключевская, д. 40В, стр. 1. Тел.: +7 (3012) 43-14-15. Эл. адрес: petrova.aryuuna@mail.ru

Social portrait Buddhist pilgrim of Buryatia: from traditional to online format (based on the results of a sociological study)

Oyuuna A. Ochirova, Vladimir I. Antonov

East Siberian State University of Technology and Management, Russian Federation,

Valeriy N. Badmaev

Gorodovikov Kalmyk State University, Russian Federation,

Purevsuren Byambakhishig

Institute of Philosophy of the Mongolian Academy of Sciences,

Aryuna A. Petrova

East Siberian State University of Technology and Management, Russian Federation

The article presents the results of a sociological study of the modern portrait of a Buddhist "online pilgrim" in Buryatia. In January 2021, we interviewed 28 pilgrims who participated in Buddhist rituals and study sessions online. The respondents were selected through a three-stage process and had to match the following criteria: Buryatia as the place of residence; participation in real-life pilgrimages to places of worship; taking part in a virtual religious event in 2020 or 2021.

As of now, an online Buddhist pilgrim in Buryatia is, in most cases, a woman aged 40 to 60 who has a higher education degree, and a non-manufacturing job. The contemporary online pilgrim is a Buddhist by tradition, following Buddhism since childhood. She mostly gets involved in a traditional pilgrimage, but, nevertheless, chooses to participate in a virtual religious events - e.g., an online pilgrimage to the Teachers.

Despite having an average or below average income, representatives of this social cross-section of Buryatia Buddhists made the average two or three pilgrimage trips (57.1% of respondents went on four or more), and plan to take at least another four.

The composition of the respondents is predominantly female (92.9%). While those aged 40 to 60 years remained the most active participants, those aged 55 to 60 had a formidable presence, Members of the latter group keep planning new trips. The most important destinations that pilgrims must choose in addition to Buryatia, are Mongolia, India and Tibet.

Keywords: Buddhism; pilgrim; online pilgrime; social portrait; Buryatia; Buryats

Financing

The study was funded by RFBR and MECSS, project number 20-511-44006.

For citation:

Ochirova O. A., Antonov V. I., Badmaev V. N., Purevsuren B. and Petrova A. A. Sotsial'nyi portret buddista-palomnika Buriatii: ot traditsionnogo k onlain formatu (po rezul'tatam sotsiologicheskogo issledovaniia) [Social portrait Buddhist pilgrim of Buryatia: from traditional to online format (based on the results of a sociological study)]. *New Research of Tuva*, 2021, no. 2, pp. 79-91 (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.2.7>

OCHIROVA, Oyuuna Anatolievna, Doctor of Sociology, Professor, Department of Social Technologies, East Siberian State University of Technology and Management. Postal address: 40B Bldg.1 Klyuchevskaya St., 670013 Ulan-Ude, Russian Federation. Tel.: +7 (3012) 43-14-15. E-mail: sociologm@mail.ru *ORCID ID: 0000-0002-8376-4086*

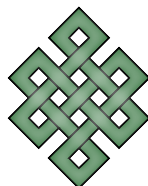
ANTONOV, Vladimir Iosifovich, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy, History and Cultural Studies, East Siberian State University of Technology and Management. Postal address: 40B Bldg.1 Klyuchevskaya St., 670013 Ulan-Ude, Russian Federation. Tel.: +7 (961) 844-37-73. E-mail: wlanto50@mail.ru *ORCID ID: 0000-0001-9920-0667*

BADMAEV, Valery Nikolaevich, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy and Cultural Studies, Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov. Postal address: 11 Pushkin St., 358000, Elista, Russian Federation. Tel.: +7 (961) 844-37-73. E-mail: badmav07@yandex.ru *ORCID ID: 0000-0003-1066-8314*

PUREVSUREN, Byambakhishig, Doctor (Ph.D), Professor and Director, Institute of Philosophy, Mongolian Academy of Sciences. Postal address: 15 Baruun Selbe St. 15141 Chingeltei district, Ulaanbaatar, Mongolia. Tel.: +976 (11) 33-08-47. E-mail: b.puuigee@gmail.com *ORCID ID: 0000-0003-1325-9743*

PETROVA, Aryuna Anatolievna, Candidate of History, Associate Professor, Department of Philosophy, History and Cultural Studies, East Siberian State University of Technology and Management. Postal address: 40B Bldg.1 Klyuchevskaya St., 670013 Ulan-Ude, Russian Federation. Tel.: +7 (3012) 43-14-15. E-mail: petrova.aryuuna@mail.ru *ORCID ID: 0000-0001-7455-416X*

ORCID ID: 0000-0001-7455-416X

Введение

На современном этапе развития общества актуализируется проблема удовлетворения духовно-религиозных потребностей населения России. Это относится и к такой специфической группе из числа буддистов как паломники, основной формой существования которой является религиозное путешествие, преодоление физического расстояния в поездке либо пешим ходом. Однако в период пандемии COVID-19 на повестку дня как жизненно важные требования ко всему человечеству, позволяющие противостоять любым новым угрозам, выносятся вопросы социальных дистанций и виртуализации сфер деятельности, в том числе интенсивное развитие путей дистанционного паломничества и адаптации паломников к стремительно меняющимся условиям.

В этой связи, на наш взгляд, все более четкие очертания приобретает слой паломников, который удовлетворяет религиозные потребности на основе быстро развивающегося цифрового мира. Во-первых, посредством, например, социальных сетей такие паломники устанавливают между собой более устойчивую взаимосвязь «паломник — паломник», во-вторых, они производят акты поклонения, как в физическом, так и в виртуальном пространстве, тем самым по-новому расширяя связь «паломник — объект поклонения».

Выбор и описание современного портрета буддистов-паломников Бурятии связаны с несколькими аспектами, которые необходимо учитывать. Это:

— богатая и длительная паломническая практика, которая берет здесь свое начало со времен проникновения буддизма на территорию нынешней Бурятии с начала XVII в.;

— Бурятия сегодня стала одним из уникальных мест паломничества в мире буддизма, приобретает свои особенные черты в мировом масштабе, благодаря, прежде всего, феномену Итигэлова¹. Он, несомненно, способствовал усилению предпочтений паломников в выборе направления в сторону Бурятии, её священных буддийских объектов поклонения (Дондуков, Дондукова, 2019: 124; Содномпилова, Амголонова, 2020: 50).

Такое расширение диапазона паломнических потребностей населения Бурятии дает возможность для религиозных путешествий не только за пределы Бурятии, но и для активного внутреннего паломничества.

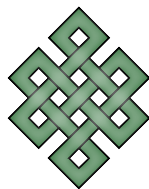
Все это происходит здесь и сейчас и требует консолидации усилий ученых для более тщательного исследования сущности паломничества и современного образа паломника, отражением которого будет являться его социальный портрет. Данная проблема как раз исследуется в рамках представляемой статьи на примере паломников одного из уникальных регионов буддизма не только в российском, но и в мировом масштабах — Республики Бурятия.

Определяя сущность социального в портрете, ученые отмечают, что он представляет собой портрет общества, или «интегральную характеристику социума, выражающуюся в наиболее существенных чертах восприятия и отображения социальной реальности, основанных на преобладающих ценностных ориентациях и образе жизни» (Социальный портрет..., 2014: 17–18).

Целью данной статьи является составление портрета паломника-онлайн Бурятии по непосредственно наблюдаемым признакам (явным переменным), полученным в ходе социологического исследования. Объектом нашего исследования является участник буддийских виртуальных действий и учений в онлайн-формате из Бурятии на период 2020–2021 гг. Этот период как раз характеризуется началом императивного дистанцирования и перехода на онлайн-платформы в условиях пандемии.

Для достижения цели нами решены следующие задачи: рассмотрена связь между историческими, духовно-религиозными и социальными аспектами исследований в области виртуализации, медиатизации религии, выделена особая группа паломников-онлайн из числа буддистов Бурятии, на основе теоретической и эмпирической интерпретации понятий выявлены переменные и показатели

¹ Об этом явлении, которое произошло в сентябре 2002 г. один из соавторов статьи В. И. Антонов написал так: «... по официальному разрешению хамбо-ламы Дамбы Аюшеева и в целом с одобрения Буддийской Традиционной Сангхи России тело Д. Д. Итигэлова было поднято, затем со всеми необходимыми обрядами перевезено в Иволгинский дацан и помещено в том состоянии, в котором он находился изначально (в позе лотоса), в стеклянный саркофаг. За 75 лет его не тронул тлен» (Антонов, 2010: 31). «Согласно двум актам судебно-экспертизы, никаких следов бальзамирования на теле не обнаружено. Состояние летаргического сна исследовавшие его ученые также исключают и свидетельствуют, что тело хамбо-ламы Д. Д. Итигэлова производит впечатление тела живого человека...» (там же: 32).

социального портрета, разработан инструментарий (анкета), собраны и обработаны первичные данные, на базе полученного эмпирического материала описан социальный портрет паломника-онлайн Бурятии.

Опрошенные являются носителями информации об опыте таких учений, виртуального путешествия. Обработаны ответы 28 паломников из Бурятии, которые участвовали в буддийских ритуалах и учениях в онлайн-формате¹. Анкета состояла из 14 вопросов, отобранных в результате операционализации понятий и выявления маркеров состояния паломников. Сроки анкетирования — январь 2021 года. Анкета создана и распространена через приложение Microsoft Forms. Полученные ответы обработаны на компьютерной программе для статистической обработки данных IBM SPSS Statistics 22.

Социально-исторические и духовно-ценностные аспекты

Научный интерес к паломникам Бурятии как к объекту исследования неразрывно связан с необходимостью рассмотрения социально-исторических и духовно-ценностных аспектов проблемы. Это обусловлено тем, что немаловажными для определения характеристик портрета являются мировоззренческие позиции изучаемого социума, взгляды на мир и отношение к жизни, ценностные ориентиры и предпочтения (*Социальный портрет ...*, 2014: 19–20).

Рассматривая и определяя в целом процессы исторического развития паломничества, необходимо иметь в виду границы «этнической Бурятии», под которой подразумеваются не только сама республика, но и территории традиционного проживания бурятского населения за ее пределами. Она включает в себя Агинский Бурятский округ Забайкальского края, Усть-Ордынский Бурятский округ Иркутской области и некоторые другие районы в этих регионах. Поэтому паломничество бурят так или иначе связано с характерными для этнической Бурятии пятью основными этапами развития буддизма: зарождение буддизма; его институционализация; запрет и преследование; восстановление; расцвет, которые так или иначе нашли отражение в исследованиях ученых (*Абаева, 2004: 400; 2008; Чимитдоржиев, 2001: 5; Янгут, 2009: 5*).

Паломничество к буддийским святыням в эпоху глобализации и виртуализации становится одной из важнейших практик для самоидентификации паломников. На современном этапе объекты религиозного поклонения становятся более доступными, а паломническое движение заметно расширяется. Обзоры современных исследований буддийского паломничества в России и мире сделаны в работах российских ученых (*Ламажаа, Бичелдей, Монгуш, 2020; Уланов, Бадмаев, 2020*). При изучении же сущности и современного состояния паломничества невозможно, на наш взгляд, обойтись без составления социального портрета самого субъекта и актора действия — паломников.

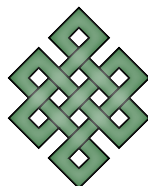
Несомненно, сегодня паломник приобрел новые черты в своем образе и нельзя отрицать того факта, что в связи с медиатизацией религия претерпевает качественные изменения в формах своего взаимодействия с верующими. Это еще одна, по существу, следующая ступень развития субъекта паломничества, а именно: способность адаптироваться к новым возможностям, переход паломников на интернет-площадки, то есть на дистанционные отношения и в виртуальные пространства.

В верованиях паломников Бурятии ключевое место, безусловно, занимает духовно-религиозная составляющая, связанная с осознанием индивидом ценности сакральных мест. В Бурятии таких святынь можно назвать множество. Авторы статьи связывают это с поиском самими представителями бурятского этноса духовных начал в окружающем мире и готовностью принять их на уровне интериоризации. Как носитель веры в объекты поклонения паломник является главной движущей силой развития паломничества. Именно он, как актер действия, наделяет сверхъестественной силой определенные объекты.

Особо посещаемыми паломниками объектами поклонения в Бурятии являются: нетленное тело Итигэлова (Иволгинский район), лик богини Янжимы (Баргузинский район), статуя Будды Зандан Жуу (Еравнинский район) и многие другие.

Социологический подход рассматривает состояние сознания личности как «субъективный образ объективного мира», скрытый от других (*Аверин, 2014: 198–199*). Могут ли паломники-буддисты произвести самооценку своего духовного состояния в форме представлений о сакральных объектах?

¹ Следует отметить, что было опрошено 89 паломников, из которых отобраны 28 анкет тех паломников из Бурятии, кто участвовал в паломничестве, учениях в онлайн-формате.

Почему сакральные объекты имеют для буддистов колоссальное духовно-ценностное значение и к ним никогда не иссякает поток паломников?

Одним из соавторов данной статьи В. И. Антоновым так описывается духовно-ценностное состояние сознания при соприкосновении со статуей Будды Зандан Жуу:

«В канонической его позе отражены глубочайшее спокойствие, невозмутимость, внутренняя, глубинная сосредоточенность... Поэтому живое созерцание Зандан-Жуу способствует “переключению” и на уровень самосозерцания, заставляет внутренне “расслабиться”, “уйти в себя”, отвлечься от мирских забот и моральных тревожений. “Приобщение” к нему постепенно приводит к особому психологическому состоянию – душевному спокойствию, равновесию, ощущению небытия» (Антонов, 1993: 9),

или дается философская интерпретация ощущения ирреального при встрече с феноменом нетленного тела Итигэлова:

«... в феномене нетленного тела есть что-то такое, что сокрыто извне, что недоступно для человеческого чувственного познания, для разумного осмысления и понимания, что составляет область трансцендентного. В том, что от прикосновения (мысленного и телесного) к нетленному телу Итигэлова можно действительно получить какой-то позитивный импульс... Каждый раз после такого “общения” внутренне ощущалось трудно выражимое в словах духовно-ментальное очищение...» (Антонов, 2010: 32-33).

Буддизм воспринимается позитивно и современной молодежью — потенциальными паломниками. Как показал опрос 2019 г., проведенный группой российских ученых, членами которой были и авторы данной статьи, современная молодежь Бурятии, независимо от вероисповедания, видит в буддизме реальную часть истории России. Так, на вопрос: «Как Вы относитесь к утверждению, что буддизм — это органичная, неотъемлемая часть российской истории, исторического наследия народов России?» ответы распределились между «да, согласен», «нет, не согласен», «свой вариант ответа» как 71,3%, 24,7% и 3,25% — соответственно (Бадмаев и др., 2020: 42).

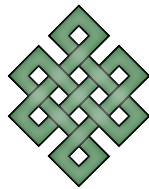
Таким образом, изучение социальных характеристик и признаков паломника требует тщательного изучения и комплексного учета многих аспектов проблемы: социально-исторических, духовно-ценностных, культурных и других.

Теоретические аспекты исследования

Следует назвать отдельные исследования портрета паломников в историческом, психологическом, культурологическом, филологическом, социологическом аспектах, представленные в научной литературе и в средствах массовой информации¹. Так, например, учеными-исследователями воссозданы портреты сибирских иудеев-паломников конца XIX — начала XX вв. (Шаповалов, 2019); исследованы состав, мотивы, поведенческие формы, гендерные различия паломнической практики мусульман Южного Урала на основе метода индивидуального глубокого интервью (Хабибуллина, 2019); определены религиозные ценностно-смысловые ориентации и типы паломников, обладающих различными смысложизненными и ценностными ориентациями с помощью диагностических методик изучения мотивации современного православного паломничества (Манойлова, Секретарев, 2016); описан социальный портрет паломников в контексте современного китайского религиозного туризма (Пелевина, 2020); проведены интерпретации образов мусульманских паломников с помощью компаративного метода в русской классической паломнической литературе (Сафиулина, 2019); выявлены некоторые характерные черты православных и мусульман методом опроса для составления социального портрета верующих (Мчедлов, Гаврилов, Шевченко, 2002).

При этом отметим, что паломничество уже достаточно давно и довольно активно осваивает пространство Интернета (Павличенко, 2018). Однако, поскольку указанные выше исследования проводились до 2020 г. — года начала пандемии, они не затрагивали тему перехода паломничества в онлайн формат и аспекты социального портрета паломников онлайн. В то же время в условиях пандемии COVID-19 становятся актуальными исследования перемещения паломничества в киберпространство.

¹Сеньчукова М. Портрет современного паломника: опрос в очереди к Поясу Пресвятой Богородицы [Электронный ресурс] // Правмир. URL: <https://www.pravmir.ru/portret-sovremennogo-palomnika-opros-v-ocheredi-k-poyasu-presvyatoj-bogorodicy/> (дата обращения: 10.01.2021).

Качественный обзор зарубежных подходов к «процессу взаимодействия религиозных акторов с медиа, т. е. включенность медиа в различного рода социальные и религиозные практики» (Гришаева, Шумкова, 2020: 9) проведен Е. Гришаевой и В. Шумковой (там же: 8, 36–37).

При рассмотрении определенного социального среза паломников нами использован подход К. Хелланда к изучению влияния цифровых медиа на религиозное поведение в обществе (Helland, 2005). Он сформулировал такие понятия, как «религия онлайн» (*religion online*) и «онлайн религия» (*online religion*), которые отличаются между собой (там же, 2005), но отличаются, скорее, глубиной проникновения в медиaprостранство. Так, «религия онлайн» больше находится в физическом пространстве (возможно, поэтому «религия» на первом месте в словосочетании), а «онлайн религия» — почти полное виртуальное существование. По аналогии с «религией онлайн» (*religion online*) в паломнической среде нами выделены «паломники-онлайн», которые как физически преодолевают путь для реального соприкосновения с объектами поклонения, так и дистанционно участвуют в виртуальных паломнических действиях, например, в онлайн-формате.

Еще одной важной методологической предпосылкой для нашего исследования является социальный подход к Интернет-пространству, примененный известным социологом М. Кастельсом. Он ссылается на социологическое исследование 2001 г., которое показало положительное влияние Интернета на социальное взаимодействие. Оказалось, что пользователи Интернет участвуют в реальных мероприятиях (кино, книги, спорт и др.) чаще тех, кто им не пользуется (Кастельс, 2004: 75).

Поэтому основная гипотеза, выдвинутая нами, заключается в следующем: участники виртуальных религиозных действий являются одновременно наиболее активными паломниками и в реальном паломничестве. Следовательно, виртуализация, медиатизация религиозного пространства не нарушают саму суть паломничества как физического прикосновения к сакральному, но в то же время они привносят в традиционные способы паломничества новые формы ощущений и восприятий объектов поклонения и развивают тем самым духовные уровни познания.

Все это обуславливает необходимость зафиксировать появление новых черт в портрете современного паломника, в том числе, социологическими методами. Это соответствует и классификации переменных при измерении социальных явлений и используемых при построении социологических исследований. Так, например, к их явным переменным относят:

- социально-демографическое положение индивида по полу, возрасту и семейному положению,
- социально-трудовое положение индивида по профессии, должности, квалификации;
- социально-политическое и социально-общественное положение индивида;
- социально-материальное положение индивида;
- социально-образовательное положение индивида (Аверин, 2014: 360–365).

К скрытым же переменным относят следующие:

- переменные, характеризующие состояние сознания личности;
- переменные, характеризующие активность сознания личности (там же: 360–365).

Таким образом, при составлении социального портрета следует учитывать системные характеристики не только составляющих его компонентов, но и связанных с ним социальных процессов и отношений. Только на базе интегрированного описания социальной сущности конкретной группы индивидов формируется её портрет.

Результаты

В результате теоретической интерпретации, данной выше, мы сформулировали следующие маркеры или эмпирические составляющие интегральной характеристики социального портрета, в том числе применительно к современному паломнику: возраст; пол; мировоззренческие, идеологические и ценностные ориентиры и предпочтения; экономическое благополучие / неблагополучие, материальное благосостояние; социальные проблемы; образование; социально-политические предпочтения.

В рамках данной статьи мы представим результаты относительно явных переменных, полученные в ходе исследования — портрет, созданный по непосредственно наблюдаемым признакам. В соответствии с представленной выше классификацией переменных разработан инструментарий опроса, сконструирована анкета (табл. 1).

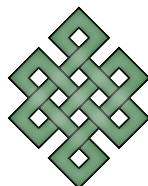

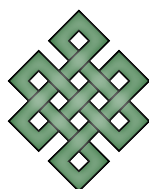
Таблица 1. Соответствие эмпирических показателей социального портрета паломника и классификации явных, наблюдаемых признаков.
 Table 1. The correlation between empirical characteristics of the pilgrim's social portrait and the classification of the portrait's explicit features.

№ вопроса	Признаки социального портрета (явные, наблюдаемые)	Эмпирические показатели социального портрета паломника
1	Социально-демографическое положение индивида	Пол
2		Возраст
3		Тип населенного пункта
4	Социально-трудовое положение индивида	Род занятий
5	Мировоззренческие, идеологические и ценностные ориентиры и предпочтения	Участие в буддийских виртуальных сакральных действиях / учениях (когда учение или ритуалы проводятся с помощью интернета)
6		Количество поездок на буддийские учения, в другое религиозное путешествие (паломничество)
7		Регионы, страны, которые уже посещены с целью совершения паломничества
8		Регионы, страны, которые планируются для посещения в целях паломничества
9		Объекты поклонения, которые посещены паломником
10		Объекты поклонения, к которым планируется совершить паломничество:
11		Возраст, когда осуществлено первое паломничество
12		Считает ли респондент себя буддистом
13	Социально-материальное положение индивида	Уровень дохода семьи в целом
14	Социально-образовательное положение	Уровень образования

Была произведена трехступенчатая выборка респондентов по следующим критериям: 1) место жительства — Бурятия; 2) участник реальных путешествий к объектам поклонения; 3) участник виртуального религиозного действия в онлайн-формате.

Отсутствие статистических данных по паломникам в дальнейшем определило целевой характер исследования, а также метод отбора и опроса респондентов как метод «снежного кома». Для этого были выбраны следующие направления: а) личные знакомые среди паломников; б) организаторы туров как распространители анкеты уже среди своих знакомых; в) для опроса был выбран самый популярный мессенджер в Бурятии¹ — Viber и действующие в нем социальные круги интересующего нас направления: «Ретрит на Байкале», Паломнический центр «Доншуур».

¹ «Яндекс» назвал самый популярный мессенджер в Бурятии [Электронный ресурс] // Байкал-Daily. URL: <https://www.baikal-daily.ru/news/45/377729/> (дата обращения: 01.12.2019).

Состав опрошенных преимущественно женский — 92,9%.

В Бурятии от 40 до 60 лет — самый активный период паломничества. Причем среди такой категории людей особо можно выделить возрастной период — от 55 до 60 лет, 28,6% (см. распределение по возрасту респондентов на *рис. 1*).

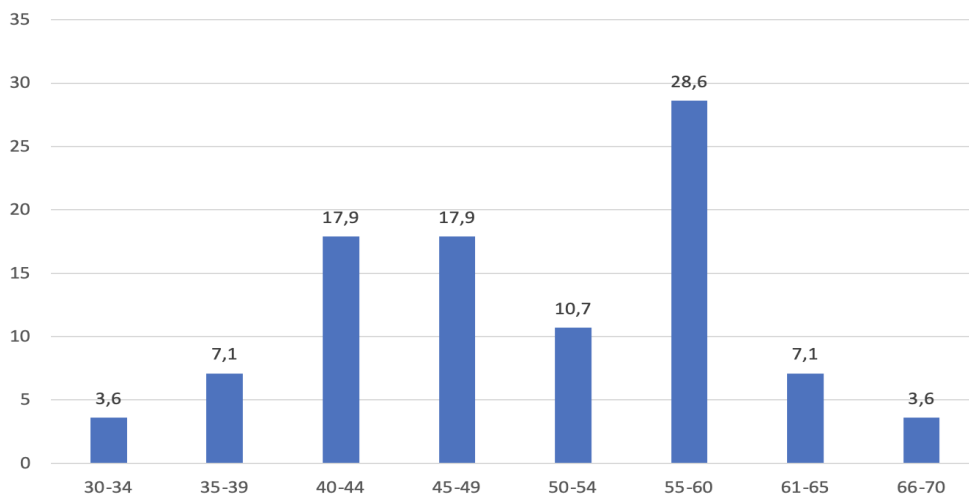

Рисунок 1. Распределение по возрасту респондентов, в % от числа опрошенных.
Fig. 1. Age breakdown of the respondents, % of total.

К сферам деятельности, в которых заняты опрошенные, относятся: образование — 17,8%, здравоохранение — 14,3%, служащие — 14,3%, предприниматели — 14,3%, сферы услуг — 17,9%, неработающие (пенсионеры, домохозяйки) — 21,4%. Большинство виртуальных паломников проживает в городах (64,2%), основная часть из которых (57,1%) — в г. Улан-Удэ, 35,7% опрошенных — из поселений городского и сельского типа.

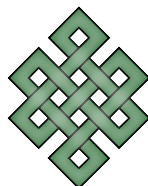
Все опрошенные паломники не раз ездили в паломнические путешествия. Более 4-х раз в них отправлялись 57,1% респондентов, что свидетельствует о регулярности производимых актов поклонения и сформировавшейся потребности людей в них.

Ответы на вопрос: «В каком возрасте Вы стали буддистом?» показали интересное их распределение по возрастам. До 18 лет — 57,14%, до 30 лет — 10,71%, старше 30 лет — 32,15%. Как показал опрос, буддистами становятся, по большей части, или по традиции, или уже осознанно, в более зрелом возрасте. Так, 57,14% респондентов написали «с рождения», «с детства», «с малых лет», «по рождению», «по семейной традиции» и др., а 32,15% почувствовали себя буддистами, накопив уже определенный жизненный опыт.

В *таблице 2* перечислены все объекты поклонения, которые были названы респондентами в качестве своего религиозного поклонения, и регионы их расположения.

Таблица 2. Объекты поклонения паломников и регионы их расположения.
Table 2. Objects of worship and the regions of their location.

Объекты поклонения опрошенных паломников (даны в кавычках, без редакции, в формулировках респондентов)	Регионы расположения объектов поклонения
«Статуя Будды Шакьямуни Джо»	Тибет, Китай
«Нетленное тело Хамбо-ламы Итигэлова»	Республика Бурятия, РФ
«Лик Богини Янжимы»	Республика Бурятия, РФ
«Зандан Жуу в Эгитуйском дацане»	Республика Бурятия, РФ
«Священная гора Алханай»	Забайкальский край, РФ

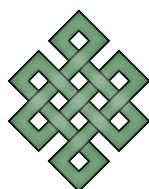
«Далай-лама»	Индия
«Статуя Будды в Монголии»	Монголия
«Статуя Будды в Тайланде»	Таиланд
«Кижингинская статуя Будды»	Республика Бурятия, РФ
«Озеро Байкал»	Республика Бурятия, Иркутская область РФ
«Дацаны Бурятии»	Республика Бурятия, РФ
«Дацаны в Калмыкии»	Республика Калмыкия, РФ
«Дацаны Тывы ¹ »	Республика Тыва, РФ
Объекты «Непала»	Непал
«Ступа Огой на Байкале»	Иркутская область, РФ
«Гора желаний Сагаан Убгэна на Халюте»	Республика Бурятия, РФ
«Скала с самопроявляющейся молитвой Арьябаала»	Республика Бурятия, РФ
«33- х метровое изображение Будды Шакьямуни в местности Баян- Хонгор Хоринского района»	Республика Бурятия, РФ
«Джарун Хашор»	Республика Бурятия, РФ
Объекты «Кореи»	Республика Корея
«Храмы Джокханг и Рамоче»	Тибет, Китай
«Статуи 17 пандит Наланды в Калмыкии»	Республика Калмыкия, РФ
«Одинокий тополь в Калмыкии»	Республика Калмыкия, РФ
«Дацан в Санкт-Петербурге»	Санкт-Петербург, РФ
«Ступа Арьябаала в Санагинском дацане»	Республика Бурятия, РФ
«Ступа Аюша Бурхан в Кижингинском дацане»	Республика Бурятия, РФ
«Ступа Содой ламы в Курумканском дацане»	Республика Бурятия, РФ
«Святыни Цугольского дацана»	Забайкальский край, РФ
Объекты «Китая»	Китай

На вопрос о наиболее, на их взгляд, важных направлениях буддийского паломничества, ответы паломников-онлайн распределились следующим образом: Индия (32,1%), Тибет (20,8%), Бурятия (11,3%), Монголия (7,5%), Непал (7,5%), Забайкальский край (5,7%), Тыва и Калмыкия по 1,9%.

Эти ответы коррелируются и с их уже совершенными или желаемыми / планируемыми паломническими поездками (см. табл. 3).

Таким образом, из представленной таблицы видно, что Монголия, Индия и Тибет являются наиболее важными направлениями, которые паломники выбирают обязательно помимо Бурятии (см. в табл. 2 столбец 4). Среди других стран респондентами были отмечены Япония, Сингапур, Бутан, Вьетнам («другое» — 4,3%).

¹ Правильно склонять «Тувы». — ред.

Что касается уровня дохода семьи, то «высоким» доход своей семьи не назвал никто, «скорее высоким, чем средним» — 4%, 71% опрошенных назвали его «средним», 18% — «скорее низким, чем средним», 7% — «низким» (см. уровень дохода семьи в целом на рис. 2).

Таблица 3. Распределение ответов по убыванию по географическим направлениям паломничества респондентов, в % от числа опрошенных.

Table 3. Distribution of responses to the question on pilgrimage destinations, % of the total

Регионы, страны, куда совершили паломничество	Распределение ответов, в % от числа опрошенных	Регионы, страны, куда хотели бы / планируют паломничество	Распределение ответов, в % от числа опрошенных
Бурятия	33,3	Монголия	20,5
Индия	15,3	Индия	17,1
Монголия	15,3	Тибет	17,1
Забайкальский край	11,1	Бурятия	10,3
Непал	6,9	Непал	8,5
Латвия	6,9	Калмыкия	6,8
Калмыкия	4,2	Санкт-Петербург	6,8
Тибет	2,8	Тыва	4,3
Тыва	2,8	Латвия	4,3
Таиланд	1,4	другое	4,3

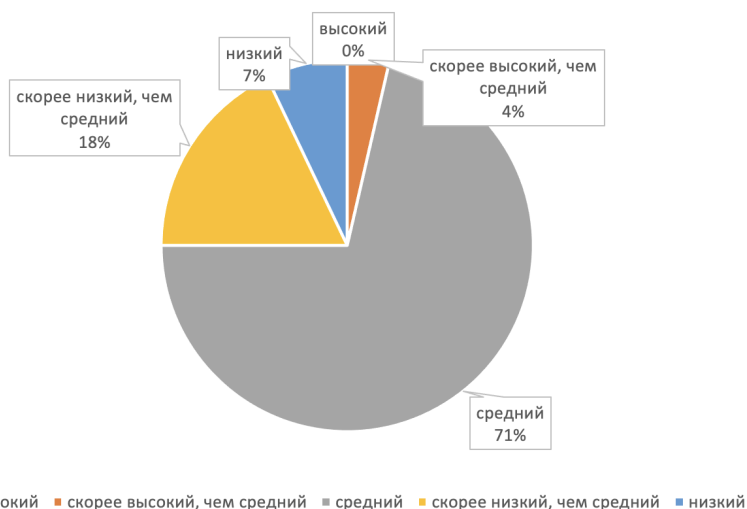
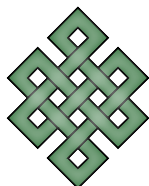

Рисунок 2. Уровень дохода семьи в целом, в % от числа опрошенных.

Fig. 2. The overall income level of the pilgrim's family, % of the total.

Несмотря на доход средний и ниже среднего, опрошенные вели и ведут возможными способами и сейчас, в период пандемии, активную паломническую жизнь. Они обозначили 72 поездки на 28 человек (примерно 2,5 поездки на 1 чел.). Запланировано еще больше — 117 различных поездок (примерно 4 поездки на 1 человека). Это свидетельствует о том, что современное паломничество стало более доступным как в транспортном, так, соответственно, и в финансовом планах.

Большинство из опрошенных паломников — люди с высшим образованием. Так, закончили специалитет (67,9%), бакалавриат (3,6%), магистратуру (10,7%), аспирантуру (7,1%). Необходимо отметить, что основу респондентов составляют люди, получившие образование в советский период. Этим можно объяснить наличие у них по большей части дипломов специалиста. Меньшее количество с уровнем бакалавриата объясняется (подтверждается) также возрастной категорией опрошенных паломников. Ведь, согласно исследованию, 67,5% опрошенных — люди старше 45 лет (см. распределение по возрасту респондентов на рис. 1).

По результатам проведенного опроса можно выделить основные данные, характеризующие портрет паломника-онлайн Бурятии на 2020 — начало 2021 гг. Так, кого же можно назвать паломниками-онлайн? Это паломники, которые большей частью пребывают в традиционном паломничестве, но, тем не менее, участвуют и в виртуальном религиозном действии, например, в паломничестве к Учителям в режиме онлайн.

Паломники-онлайн являются наиболее мобильной группой паломников, которые открыты новым форматам общения, находят наиболее доступные пути к удовлетворению своих религиозных потребностей. Это люди, характеризующиеся ценностно-рациональным поведением, имеющие, как правило, опыт реального паломничества, воспринимающие инновации, владеющие компьютерной грамотой, пользующиеся мессенджерами, социальными сетями, услугами интернета в целом.

Буддист как паломник-онлайн Бурятии начала 2021 года — это, по большей части, женщина от 40 до 60 лет, с высшим образованием, имеющая диплом по специальности, представитель непродуцированной сферы деятельности. Современный паломник-онлайн — буддист по традиции, он приобщен к буддизму с детства. Монголия, Индия, Тибет и Бурятия являются наиболее важными направлениями для паломничества.

Заключение

В ходе анализа полученных эмпирических данных была подтверждена гипотеза о том, что паломники-онлайн активны и в реальности. Несмотря на доходы средние и ниже среднего, представители этого социального среза буддистов Бурятии побывали в среднем в 2–3-х паломнических поездках (более 4-х раз в такие поездки отправлялись 57,1% респондентов), а в их планах на будущее — еще не менее 4-х таковых. Все это свидетельствует о регулярности производимых актов поклонения и сформировавшейся потребности в них.

Следовательно, виртуализация, медиатизация религиозного пространства не нарушают саму суть паломничества как физического прикосновения к сакральному, но в то же время органично дополняют традиционные формы паломничества, обогащая акты поклонения и почитания религиозных объектов новыми духовными ощущениями и восприятиями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абаева, Л. Л. (2004) История распространения буддизма в Бурятии // Буряты / отв. ред. Л. Л. Абаева, Н. Л. Жуковская. М. : Наука. 633 с. С. 397–415.

Абаева, Л. Л. (2008) История формирования этноконфессиональной ситуации в Бурятии // Религия в истории и культуре монголоязычных народов России / сост. и отв. ред. Н. Л. Жуковская. М. : Восточная литература. 319 с. С. 37–57.

Аверин, Ю. П. (2014) Теоретическое построение количественного социологического исследования: учебное пособие для вузов / ред. коллегия: В. И. Добренков, Е. Н. Новоселова и др. М. : Академический проект. 432 с.

Антонов, В. И. (1993) Возвращение Зандан-Жуу // Буддизм. № 1. С. 9–10.

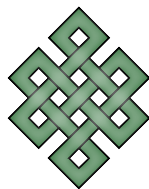
Антонов, В. И. (2010) Феномен нетленного тела, или реальность ирреального // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. № 1. С. 26–34.

Бадмаев, В. Н., Уланов, М. С., Ламажаа, Ч. К., Бичелдей, У. П., Антонов, В. И., Очирова, О. А. (2020) Россия и буддийский мир глазами молодежи Тувы, Бурятии и Калмыкии (по материалам социологического опроса) // Новые исследования Тувы. № 1. С. 35–49. DOI: 10.25178/nit.2020.1.3

Гришаева, Е., Шумкова, В. (2020) Теории среднего уровня в исследовании религии и медиа: медиатизация, медиация и RSST // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. Т. 38. № 2. С. 7–40. DOI: <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2020-38-2-7-40>

Дондуков, Б. Ц., Дондукова, Г. П. (2019) Буддизм в Бурятии: современное состояние и религиозная идентичность // Религия в России и мире: политика и конструирование религиозной идентичности / отв. ред. Е. И. Аринина. Владимир : Аркаим. 256 с. С. 114–132.

Кастельс, М. (2004) Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе ; пер. с англ. Екатеринбург : У-Фактория. 328 с.

Ламажаа, Ч. К., Бичелдей, У. П., Монгуш, А. В. (2020) Тувинское буддийское паломничество: от традиции к вере // Новые исследования Тувы. № 4. С. 135–155. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.4.10>

Манойлова, М. А., Секретарев, А. Н. (2016) Эмпирическое исследование портрета современного паломника // Вестник Псковского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». № 4. С. 183–189.

Мчедлов, М. П., Гаврилов, Ю. А., Шевченко, А. Г. (2002) О социальном портрете современного верующего // Социологические исследования. № 7. С. 68–77.

Павличенко, З. Ю. (2018) Паломничество и другие ритуалы в киберпространстве // Религиоведение. № 1. С. 52–57. DOI: <https://doi.org/10.22250/2072-8662.2018.1.52-57>

Пелевина, О. В. (2020) Социокультурные основы китайского религиозного туризма // Россия и Китай: вектор развития : материалы международной научно-практической конференции (18–19 ноября 2019, Благовещенск) : в 2 ч. / отв. ред. О. А. Цепелев. Благовещенск : Амурский госуниверситет. Ч. 2. 280 с. С. 226–228. DOI: <https://doi.org/10.22250/RC.2019.2.84>

Сафиулина, Р. М. (2019) Образы паломников в Мекку в интерпретации И. Бунина, Н. Гумилева, В. Набокова // Филология и культура. № 3(57). С. 176–181. DOI: <https://doi.org/10.26907/2074-0239-2019-57-3-176-181>

Содномпилова, М. М., Амоголонова, Д. Д. (2020) Традиционные и новые места религиозного паломничества в Бурятии // Этнографическое обозрение. № 2. С. 47–60. DOI: <https://doi.org/10.31857/S086954150009604-4>

Социальный портрет населения: методология, основные характеристики (2014) / Ермолаева П. О., Носкова Е. П., Зайнуллина М. Р. и др. Казань : Артифакт. 92 с.

Уланов, С. У., Бадмаев, В. Н. (2020) Феномен буддийского паломничества в истории и культуре калмыков // Былые годы. Т. 56. Вып. 2. С. 398–406. DOI: <https://doi.org/10.13187/bg.2020.2.398>

Хабибуллина, З. Р. (2019) Гендерный аспект паломничества (хаджа) в исламе // Культура и искусство. № 12. С. 46–51. DOI: <https://doi.org/10.7256/2454-0625.2019.12.31776>

Чимитдоржиев, Ш. Б. (2001) Бурят-монголы: история и современность. Раздумья монголоведа. Улан-Удэ : Республиканская типография. 158 с.

Шаповалов, М. С. (2019) Сибирский иудей конца XIX — начала XX вв. на пути в святую землю // Евреи России, Европы и Ближнего Востока: история, культура и словесность / отв. ред. В. Г. Вовина, М. О. Мельцин. СПб. : Петербургский институт иудаики. 395 с. С. 24–30.

Янгутов, Л. Е. (2009) О социальной и политической востребованности буддизма в период его распространения в Монголии и Бурятии // Вестник Бурятского государственного университета. № 14. С. 5–14.

Helland, C. (2005) Online religion as lived religion methodological issues in the study of religious participation on the internet [Электронный ресурс] // Heidelberg Journal of Religions on the Internet: Volume 01.1 Special Issue on Theory and Methodology. P. 1–16. URL: <http://archiv.ub.uni-heidelberg.de/volltextserver/5823/> (дата обращения: 21.12.2020).

Дата поступления: 05.02.2021 г.

REFERENCES

Abaeva, L. L. (2004) Istoriia rasprostraneniia buddizma v Buriatii [The history of the spread of Buddhism in Buryatia]. In: *Buriaty [Buryats]* / ed. by L. L. Abaeva and N. L. Zhukovskaia. Moscow, Nauka. 633 p. Pp. 397–415. (In Russ.)

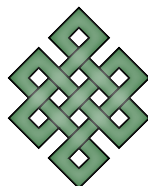
Abaeva, L. L. (2008) Istoriia formirovaniia etnokonfessional'noi situatsii v Buriatii [The history of the ethnoconfessional situation in Buryatia]. In: *Religiia v istorii i kul'ture mongoloiazychnykh narodov Rossii [Religion in the history and culture of the Mongolian-speaking peoples of Russia]* / comp. and ed. by N. L. Zhukovskaia. Moscow, Vostochnaia literatura. 319 p. Pp. 37–57. (In Russ.)

Averin, Yu. P. (2014) *Teoreticheskoe postroenie kolichestvennogo sotsiologicheskogo issledovaniia [Theoretical construction of quantitative sociological research]: a textbook for universities* / ed. by V. I. Dobren'kov, E. N. Novoselova et al. Moscow, Akademicheskii proekt. 432 p. (In Russ.)

Antonov, V. I. (1993) Vozvrashchenie Zandan-Zhuu [The return of Zandan-Zhuu]. *Buddhizm*, no. 1, pp. 9–10. (In Russ.)

Antonov, V. I. (2010) Fenomen netlennogo tela, ili real'nost' irreal'nogo [The phenomenon of the incorruptible body, or the reality of the unreal]. *Vestnik Moskovskogo universiteta*, Issue 7: Philosophy, no. 1, pp. 26–34. (In Russ.)

Badmaev V. N., Ulanov, M. S., Lamazhaa, Ch. K., Bicheldei, U. P., Antonov, V. I. and Ochirova, O. A. (2020) Rossiia i buddiiskii mir glazami molodezhi Tuvy, Buriatii i Kalmykii (po materialam sotsiologicheskogo oprosa) [Russia and the Buddhist world through the eyes of the youth in Tuva, Buryatia and Kalmykia: a sociological survey and its outcomes]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 35–49. (In Russ.) DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2020.1.3>

Grishaeva, E., Shumkova, V. (2020) Teorii srednego urovnia v issledovanii religii i media: mediatizatsiia, mediatsiia i RSST [Middle-Range Theories in Religion and Media Studies: Mediation, Mediatization and RSSTTM]. *Gosudarstvo, religiia, Tserkov' v Rossii i za rubezhom*, vol. 38, no. 2, pp. 7–40. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2020-38-2-7-40>

Dondukov, B. Ts. and Dondukova, G. P. (2019) Buddizm v Buriatii: sovremennoe sostoianie i religioznaia identichnost' [Buddhism in Buryatia: the current state and religious identity]. In: *Religiia v Rossii i mire: politika i konstruirovaniie religioznoi identichnosti [Religion in Russia and the World: politics and the Construction of religious identity]* / ed. by E. I. Arinina. Vladimir, Arkaim. 256 p. Pp. 114–132. (In Russ.)

Castells, M. (2004) *Galaktika Internet: Razmyshleniia ob Internete, biznese i obshchestve [The Internet galaxy : Reflections on the Internet, business, and Society]*, transl. from Engl. Ekaterinburg, U-Faktoriia. 328 p. (In Russ.)

Lamazhaa, Ch. K., Bicheldei, U. P. and Mongush, A. V. (2020) Tuvinskoe buddiiskoe palomnichestvo: ot traditsii k vere [Tuvan Buddhist pilgrimage: from tradition to the faith]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 135–155. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.4.10>

Manoilova, M. A., Sekretarev, A. N. (2016) Empiricheskoe issledovanie portreta sovremennogo palomnika [An empirical study of modern pilgrim's image]. *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriiia «Sotsial'no-gumanitarnyi nauki»*, no. 4, pp. 183–189.

Mchedlov M. P., Gavrilov Yu. A. and Shevchenko A. G. (2002) O sotsial'nom portrete sovremennogo veruiushchego [On the social portrait of a modern believer]. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 7, pp. 68–77.

Pavlichenko, Z. Yu. (2018) Palomnichestvo i drugie ritualy v kiberprostranstve [Pilgrimage and Other Rituals in Cyberspace]. *Study of Religion*, no. 1, pp. 52–57. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.22250/2072-8662.2018.1.52-57>

Pelevina, O. V. (2020) Sotsiokul'turnye osnovy kitaiskogo religioznogo turizma [Socio-cultural foundations of Chinese religious tourism]. In: *Rossiiia i Kitai: vektor razvitiia [Russia and China: vectors of development]* : proceedings of an international (November 18–19, 2019, Blagoveshchensk) : in 2 parts / ed. by O. A. Tsepelev. Blagoveshchensk, Amurskii gosuniversitet. Part 2. 280 p. Pp. 226–228. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.22250/RC.2019.2.84>

Safulina R. M. (2019) Obrazy palomnikov v Mekku v interpretatsii I. Bunina, N. Gumileva, V. Nabokova [The images of pilgrims to Mecca as interpreted by Ivan Bunin, Nikolai Gumilev, and Vladimir Nabokov]. *Philology and Culture*, no. 3(57), pp. 176–181. DOI: <https://doi.org/10.26907/2074-0239-2019-57-3-176-181> (In Russ.)

Sodnompilova, M. M. and Amogolonova, D. D. (2020) Traditsionnye i novye mesta religioznogo palomnichestva v Buriatii [Traditional and New Places of Religious Pilgrimage in Buryatia]. *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 2, pp. 47–60. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.31857/S086954150009604-4>

Sotsial'nyi portret naseleniia: metodologiia, osnovnye kharakteristiki [Social portrait of the population: methodology and main characteristics] (2014) / Ermolaeva P. O., Noskova E. P., Zainullina M. R. et al. Kazan', Artifakt. 92 p. (In Russ.)

Ulanov, S. U. and Badmaev, V. N. (2020) Fenomen buddiiskogo palomnichestva v istorii i kul'ture kalmykov [The Phenomenon of Buddhist Pilgrimage in the History and Culture of Kalmyks]. *Bylye Gody*, vol. 56, issue 2, pp. 398–406. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.13187/bg.2020.2.398>

Khabibullina, Z. R. (2019) Gendernyi aspekt palomnichestva (khadzha) v islame [Gender aspect of pilgrimage (Hajj) in Islam]. *Culture and Art*, no. 12, pp. 46–51. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.7256/2454-0625.2019.12.31776>

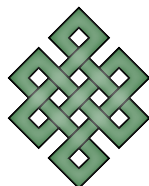
Chimitdorzhiev, Sh. B. (2001) *Buriat-mongoly: istoriia i sovremennost'. Razdum'ia mongoloveda [Buryat-Mongols: History and Modernity. Reflections of a scholar]*. Ulan-Ude, Republican Printing House. 158 p. (In Russ.)

Shapovalov, M. S. (2019) Sibirskii iudei kontsa XIX — nachala XX vv. na puti v sviatuiu zemliu [A Siberian Jew of the late 19th — early 20th centuries on the way to the Holy Land]. In: *Evrei Rossii, Evropy i Blizhnego Vostoka: istoriia, kul'tura i slovesnost' [Jews of Russia, Europe and the Middle East: history, culture and literature]* / ed. by V. G. Vovina and M. O. Mel'tsin. St. Petersburg, Peterburgskii institut iudaiki. 395 p. Pp. 24–30. (In Russ.)

Yangutov, L. E. (2009) O sotsial'noi i politicheskoi vostrebovanosti buddizma v period ego rasprostraneniia v Mongolii i Buriatii [On the social and political relevance of Buddhism during its spread through Mongolia and Buryatia]. *Vestnik Buriatskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 14, pp. 5–14. (In Russ.)

Helland C. (2005) Online religion as lived religion methodological issues in the study of religious participation on the internet. *Heidelberg Journal of Religions on the Internet: Volume 01.1 Special Issue on Theory and Methodology*, pp. 1–16 [online] Available at: <http://archiv.ub.uni-heidelberg.de/volltextserver/5823/> (access date: 21.12.2020).

Submission date: 05.02.2021.

DOI: 10.25178/nit.2021.2.8

Статья

Проблема статуса «я» как антропологической категории в буддийской философии

Сергей А. Нижников

*Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова;
Российский университет дружбы народов, Российская Федерация*

Валерий В. Воробьев

Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова, Российская Федерация

Опираясь на результаты современной российской буддологической науки, авторы проблематизируют такие устоявшиеся представления как статус «я», понимание нирваны, отрицание абсолюта и др. Показано, что данные концепты не столь однозначны, требуют своего уточнения и углубления, могут носить противоречивый диалектический характер, особенно это касается таких школ махаяны, как татхагатагарбха и ваджраяна. Анализ данных проблемных концептов и их уточнение необходимы для адекватного понимания как буддизма в его историческом развитии, так и истории философии в целом.

Выявляется общность взглядов современных российских буддологов на необходимость различения эмпирического и возможного абсолютного «Я» в буддизме, различия в их онтологическом статусе. Проводится также сравнение с концепциями «Я» в западных философских течениях, прежде всего критицизме И. Канта. Отмечается как общность трансцендентальной установки в буддизме и кантианстве, так и различие в отношении к метафизике, пониманию духовного и этического. Рассматривается апофатизм в определении нирваны и трансцендентно-имманентный характер буддизма в сравнении с другими учениями, прежде всего христианством. Вскрытая проблемность в определении фундаментальных принципов и понятий махаяны требует дальнейшего углубленного изучения истории развития философии буддизма.

Ключевые слова: антропология буддизма; анатмавада; российская буддология; нирвана; татхагатагарбха; ваджраяна; трансцендентализм

Подготовлено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта «Россия и буддийский мир в дискурсе философского востоковедения» (грант № 19-18-00118).

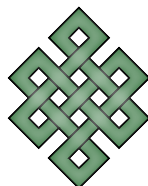

Для цитирования:

Нижников С. А., Воробьев В. В. Проблема статуса «я» как антропологической категории в буддийской философии // Новые исследования Тувы. 2021. № 2. С. 92-99. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.2.8>

Нижников Сергей Анатольевич — доктор философских наук, приглашенный исследователь Калмыцкого государственного университета имени Б. Б. Городовикова; профессор кафедры истории философии факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов. Адрес: 358000, Россия, г. Элиста, ул. Пушкина, д. 11, каб. 111; 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая д. 10/2. Тел.: +7 (495) 433-20-00. Эл. адрес: nizhnikov_sa@rudn.ru

Воробьев Валерий Владимирович — аспирант кафедры философии и культурологии Калмыцкого государственного университета имени Б. Б. Городовикова. Адрес: 358000, Россия, г. Элиста, ул. Пушкина, д. 11, каб. 111. Тел.: +7 (988) 685-71-54. Эл. адрес: aristoteleus@yandex.ru

The Problem of the Status of “Self” as an Anthropological Category in Buddhist Philosophy

Sergei A. Nizhnikov

B. B. Gorodovikov Kalmyk State University; Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Russian Federation,

Valeriy V. Vorobiev

B. B. Gorodovikov Kalmyk State University, Russian Federation

Drawing on the results of contemporary Russian Buddhist studies, the authors problematize such well-established ideas as the status of “I”, understanding of nirvana, the denial of the absolute, etc. It is shown that these concepts are not so unambiguous, they need to be clarified and deepened; they can have a contradictory dialectical character, this is especially true of such Mahayana schools as the Tathagatagarbha and the Vajrayana. The analysis of these problematic concepts and their clarification are necessary for an adequate understanding of both Buddhism in its historical development and the history of philosophy as a whole.

The authors reveal the unanimity of views of contemporary Russian Buddhologists on the need to distinguish between the empirical and the possible absolute “Self” in Buddhism, as well as to outline the difference in their ontological statuses. The article also provides a comparison with the concepts of “Self” in Western philosophical schools of thought, especially in the criticism of Immanuel Kant. The researchers note both the commonality of transcendental beliefs in Buddhism and Kantianism, and the difference in attitude to metaphysics, understanding of the spiritual and ethical. They consider apophatism in definition of nirvana and the transcendent and immanent nature of Buddhism in comparison with other teachings, primarily Christianity. The revealed problematicity of determining the fundamental principles and concepts of Mahayana requires further in-depth study of the history of the development of the philosophy of Buddhism.

Keywords: anthropology of Buddhism; anatmavada; Russian Buddhism; nirvana; Tathagatagarbha; Vajrayana; transcendentalism

Financing

The article was prepared with support from the Russian Science Foundation, grant no. 19-18-00118, “Russia and the Buddhist World in the Discourse of the Philosophy of Oriental Studies”.

For citation:

Nizhnikov S. A. and Vorobiev V. V. Problema statusa «ia» kak antropologicheskoi kategorii v buddiiskoi filosofii [The Problem of the Status of “Self” as an Anthropological Category in Buddhist Philosophy]. *New Research of Tuva*, 2021, no. 2, pp. 92-99. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.2.8>

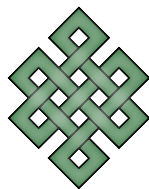

NIZHNIKOV, Sergei Anatolyevich, Doctor of Philosophy, Visiting Researcher, B. B. Gorodovikov Kalmyk State University; Professor, Department of the History of Philosophy, Faculty of Humanities and Social Sciences, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). Postal address: Office 111, 11 Pushkin St., 358000 Elista, Russian Federation; 10/2 Miklouho-Maclay St., 117198 Moscow, Russian Federation. Tel.: +7 (495) 433-20-00. E-mail: nizhnikov_sa@rudn.ru

ORCID ID: 0000-0002-3456-2445

VOROBIEV, Valeriy Vladimirovich, Post-graduate Student, Department of Philosophy and Cultural Studies, B. B. Gorodovikov Kalmyk State University. Postal address: Office 111, 11 Pushkin St., 358000 Elista, Russian Federation. Tel.: +7 (988) 685-71-54. E-mail: aristoteleus@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0002-7444-6094

Введение

Буддизм родился на северо-востоке Индии, регионе, который считался «слабым звеном брахманизма», где возвысилась варна кшатриев и где князья заняли сторону нового учения. В связи с этим буддизм иногда называют «царской религией» и даже формой древнеиндийского свободомыслия. Как отмечает Е. А. Торчинов, «старая ведическая религия жертвоприношений и ритуалов переживала острейший кризис ..., что выразилось в появлении новых неортодоксальных аскетических движений... Будда может считаться не только основателем религии и мудрецом, обретшим свою мудрость практикой созерцания, но и одним из первых индийских философов, участвовавшим в дискуссиях с другими шраманами...» (Торчинов, 2013: 11). Буддизм также интересен тем, что в нем «...никогда не выступал на сцену раскол между теологией и философией, между свободой разума и религиозным авторитетом... Философия сама была религиозным деянием» (Ясперс, 2007: 117; см. также: Рудой, 1990: 12). Таким образом, и это существенно для многих восточных духовных традиций, в буддизме почти воедино слиты «откровение» философское и религиозное, особенно это касается определения понятия нирваны.

Ряд исследователей, и в их числе К. Ясперс, полагают, что учение Будды на протяжении веков зачастую менялось до неузнаваемости. Большинство современных направлений буддизма проповедуют как раз то, что якобы отрицал Будда: он отрицал воплощение богов, а его самого сделали воплощенным богом; он порицал идолопоклонство, но его образу стали поклоняться как идолу; он отрицал всякую мистику, чудеса и молитвы, но все эти элементы заняли первостепенное место в некоторых поздних направлениях буддизма. Это отчуждение первоначальных идей в развитии буддизма как религии связывают с антропоморфизацией и натурализацией духовных философских идей.

По К. Ясперсу, «Будда преподает не систему познания, а путь спасения» (Ясперс, 2007: 98), но постепенно «сам Будда становится Богом» (там же: 114), хотя сам он хотел поставить свое «учение на место личных учителей» (там же). Ясперс отмечает, как само понятие Будды начинает выполнять теистическую функцию, заполняя все поле мировоззрения, отвечая на те вопросы, которые сам Будда игнорировал — о бытии Бога, души и др. метафизические вопросы. Также субстантивируется понятие «Я», якобы отрицая базовый принцип буддизма — *анатмаваду*. Особенно явно эта эволюция связана с появлением «пятой» школы — *татхагатагарбхи*, в которой, по словам Е. Торчинова, получил развитие «онтологический трансцендентализм и метафизика» (Торчинов, 2013: 155). Затем возникает тантрический (*ваджраяна*) и дальневосточный буддизм, где тоже можно обнаружить подобные модификации. Имеют свою специфику и направления буддизма, получившие распространение в России: в республиках Бурятия, Туве, Калмыкии и ряде других регионов и общин.

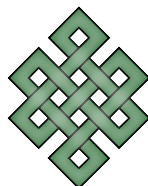
Отметим в этой связи, что в многообразии направлений буддизма может быть и можно найти нечто похожее. Однако Е. Торчинов отмечает, что основополагающие принципы буддизма сохранились при всей его модификации (там же: 86). При этом, необходимо адекватно понимать, в чем же заключаются эти основополагающие принципы.

Попытаемся рассмотреть эти вопросы, связанные прежде всего с трактовкой «Я» и духовного идеала в буддизме в его сравнении с, прежде всего, христианством и некоторыми западноевропейскими философскими традициями (И. Кант, М. Хайдеггер, К. Ясперс), что, несомненно, будет способствовать поиску сходных идей западной и восточной философии в понимании внутреннего мира человека, решению вопросов диалогической герменевтики — переводу и пониманию текстов одной культуры другой, диалогу философских культур Востока и Запада в целом.

Трансцендентное и имманентное в буддизме

Буддизм, как христианство и ислам, принадлежит к числу мировых религий, общность которых — в главном достижении «осевого времени» — открытию трансцендентного (Ясперс, 1994: 458). Только в буддизме это трансцендентное представлено не в личностной форме, а рассматривается как состояние, имманентное сознанию как таковому в его чистоте. Вместе с тем оно и трансцендентно, ибо внеположно эмпирическому опыту сознания и недоступно ему: *истинная имманентность трансцендентна*. Понятие духа в христианстве, например, также носит имманентно-трансцендентный характер, ибо раскрывается он, будучи трансцендентным, в сердце человека. Так Симеон Новый Богослов восклицает в своих гимнах: «сущий над всеми Бог, сделался единым духом со мною неслитно, непреложно, неизменно, и Сам стал для меня всем во всем»¹.

¹ Симеон Новый Богослов. Творения : в 3-х т. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1993. Т. 3. Божественные гимны. 280 с. С. 14.

Родившимися в результате прорыва к «трансцендентному источнику» в «осевую эпоху» (Гайденко, 1997: 311), буддизм в высшей степени использует метод диалектической апофатики. Так в «Сутре сердца праджня-парамиты»¹ сказано: «Нет неведения и нет прекращения неведения... Нет страдания, причины страдания, уничтожения страдания и пути, ведущего к прекращению страданий. Нет мудрости, и нет обретения, и нет ничего обретаемого»². Но этот же метод мы находим и в христианской традиции. Так, определяя Божество, Псевдо-Дионисий Ареопагит пишет: «Он — Причина всякого сущего, хотя в то же время Он совершенно не причастен сущему, поскольку превосходит все сущее и сверхсущее... Он превосходит любое отрицание и любое утверждение»³.

С. В. Дмитриев, проведший компаративное исследование антропологических категорий в буддизме и суфизме, говорит в этой связи о «метафизике отрицательного Абсолютизма», присущей буддизму махаяны, в отличие от положительно метафизических теорий в теизме и традиционной метафизике (Дмитриев, 2006: 148). Вспомним в этой связи и о высказывании М. Хайдеггера, согласно которому невозможно избежать метафизики, ведь даже ее отрицание есть форма метафизического утверждения другой позиции. По сути он отождествляет метафизику с философствованием вообще, ибо сам человек является продуктом метафизического мышления. Трансцендирование у него есть «выдвинутость нашего бытия в Ничто» (Хайдеггер, 2007: 38).

Если христианство и ислам являются авраамическими⁴, теистическими, основанными на откровении и Священном Писании религиями, ориентирующимися на спасение человека всемогущим Богом, то буддизм — не теистическая, не авраамическая, не основанная на откровении и священном писании религия, акцентирующая внимание на освобождении как своей цели, характеризующемся достижением состояния чистого сознания — *нирваны*. Однако, эти различия не приводят к разнице в моральных основоположениях, ибо все мировые религии основаны на прорыве в трансцендентное, породившем новую, общечеловеческую гуманистическую мораль, в отличие от политеистического партикуляризма.

Трансцендентальная философия И. Канта и буддизм

Буддизм учит не только о трансцендентном, но и трансцендентальном; в религии присутствует и первое, и второе: *трансцендентное дано трансцендентально*. Уже Ф. Щербатской стал называть буддизм «трансцендентальным или критическим идеализмом» (см.: Торчинов, 2013: 158). Про буддизм можно сказать в этой связи, что он объединил в себе достоинства как философии трансцендентного начала, так и философию трансцендентальную. По сути любая развитая религиозно-философская концепция представляет собой такой трансцендентно-имманентный синтез. В буддизме осуществилось то, что позднее не смог реализовать Кант: буддийская онтология моральна в своей основе, у Канта же она зиждется лишь на постулатах разума.

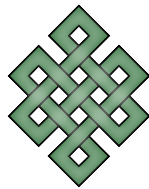
Рассматривая буддистскую антропологию, учение о человеке в буддистской философии, вновь невозможно не вспомнить трансцендентализм И. Канта, разработавшего концепцию «я» в качестве «трансцендентального единства апперцепции». Но чтобы возникло такое соединение (единство, определяемое как сознание), считает Кант, необходимо «представление посредством *синтетического единства многообразного*» (Кант, 1994: 109), которое не только не возникает из соединения, но наоборот, впервые делает возможным понятие соединения. Это единство должно априорно предшествовать всем понятиям соединения. Из этого Кант делает вывод, что должна «*быть возможность того, чтобы выражение: я мыслю сопровождало все мои представления*» (там же: 126; курсив источника. — С. Н., В. В.). Это самосознание, производящее представление «я мыслю», Кант называет «*чистой*» или «*первоначальной апперцепцией*», а также «*трансцендентальным единством самосознания*» (там же: 127; курсив источника. — С. Н., В. В.). Это надындивидуальная схема, «чистое самосознание» или «сознание вообще», благодаря которому возникает возможность самого познания, и именно она априорно

¹ Ее переводят как «Сутра сердца совершенной мудрости», или кратко — «Сутра сердца». Она представляет собой первоначально написанный на санскрите первоисточник махаянской традиции. Особое распространение получила в восточноазиатском буддизме: Китае (чань или дзэн), Японии, Корее и Вьетнаме.

² Сутра сердца праджня-парамиты // Торчинов Е. Введение в буддизм. СПб.: Амфора, 2013. 430 с. С. 347.

³ Мистическое богословие. Киев: Путь к Истине, 1991. 392 с. С. 6.

⁴ К авраамическим относят монотеистические религии (иудаизм, христианство и ислам), берущие исток в деятельности патриарха семитских племён Авраама, который, согласно Книге Бытия, заключил завет (союз) с Богом (Быт. 15:18).

лежит в основании всех понятий. Вместе с тем Кант отнюдь не онтологизирует данное понятие, — это было бы вторжением в его систему все той же метафизики, против которой направлена его «Критика чистого разума». По Канту нет, и не может быть метафизики духовной жизни, ибо невозможно учение о душе как вещи в себе. За психологией остается лишь метод описания, а не объяснения.

Исходя из того, что рассудок «не *находит* во внутреннем чувстве» (Кант, 1994: 142; курсив источника. — С. Н., В. В.) уже готовую связь многообразного, а «*порождает ее, воздействуя* на внутреннее чувство» (там же, 142; курсив источника. — С. Н., В. В.), следует, что «мы познаем свой собственный субъект только как явление, а не по тому, как он существует сам по себе» (там же: 143). Субъект, поэтому, может только сказать, что он *есть*, но не *что* и *каков* он. Кант формулирует эту мысль следующим образом: «*я познаю себя только как я себе являюсь, а не как я существую*» (там же: 144; курсив источника. — С. Н., В. В.). Поэтому и сознание о самом себе (которое объективно, ибо основывается на первоначальном синтетическом единстве апперцепции), еще вовсе не есть самопознание.

Буддизм задолго до Юма и Канта десубстантивировал человеческое «я», при этом поставив этот тезис на службу своеобразной «психологической метафизики» религии. Поэтому между буддизмом и новоевропейскими критическими антиметафизическими теориями существует принципиальная разница. Во-первых, буддизм умалчивает об «абсолютном Я», а в некоторых течениях даже говорит о нем. Кант же радикально отрицает все метафизическое. Буддизм представляет собой духовное учение, базирующееся на весьма своеобразной и неповторимой «метафизике нирваны». Кант же, во-вторых, отрицает все духовное, основанное на метафизике, стремясь утвердить лишь постулативную мораль. И если посмотреть на историю развития буддизма, то мы все больше будем видеть разницу между его десубстантивацией, нигилизмом Юма и критицизмом Канта. Торчинов поясняет, что

«...буддизм стоял на позициях “срединного воззрения”, отрицая крайности и нигилизма, и этернализма. При этом крайность нигилизма, сводившая нирвану к чистому “ничто”, рассматривалась как даже более опасная, чем крайность этернализма, поскольку лишала ценности стремление к освобождению и обесценивала сотериологическую перспективу как таковую. Согласно палийским текстам, и сам Будда отказывался признать, что в нирване не будет никого, кто мог бы осознать себя пребывающим в нирване, храня “благородное молчание” в ответ на соответствующий вопрос. Поэтому уже в раннем буддизме развилась тенденция к положительному описанию нирваны как высшего и вечного блаженства, и эта тенденция к “катафатике”, применительно к описанию реальности, всегда сосуществовала в буддизме с “апофатикой” и описанием природы реальности в отрицательных терминах» (Торчинов, 2013: 113).

«Я» эмпирическое и абсолютное

В российской буддологической науке присутствует интересная тема и проблема, связанная с определением статуса «я» в буддизме.

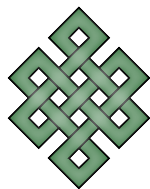
Всем, знакомым с буддизмом и историей философии известна прописная истина, что буддизм отрицает всякую субстанциальность бытия, отрицает концепцию Брахмана-Атмана, т. е. отказывается десубстантивировать человеческое «я» (Рудой, 1990: 23–24). Об этом же пишет и Е. Торчинов:

«бессубстанциальные дхармы в своей совокупности образуют поток, или континуум (сантана), который эмпирически и обнаруживается как “живое существо”. Таким образом, любое существо, в том числе и человеческая личность, понимается в буддизме не как неизменная сущность (душа, Атман), а как поток постоянно меняющихся элементарных психофизических состояний. Онтология буддизма — это онтология бессубстратного процесса» (Торчинов, 2013: 35).

Однако если мы глубже вчитаемся в тексты известных российских буддологов, то все окажется не так просто.

Так, например, неадекватность некоторых расхожих представлений заключается еще и в том, как отмечает И. С. Урбанаева, что, например, критицизм Нагарджуны¹ нередко ошибочно трактуют как онтологический нигилизм, отождествляющий шуньяту с ничто (*nothingness*), понимаемым просто как «небытие». Такое нигилистическое понимание ведет к уничтожению «не только онтологии, но даже вообще философии» (Урбанаева, 2018: 181). На самом деле, подчеркивает И. С. Урбанаева, «нагарджуновский критицизм относится не ко всякой онтологии и не ко всему концептуальному познанию, а... к субстанциализирующим вариантам философии, приписывающим субъектам и объек-

¹ Нагарджуна (II–III века н. э.) является выдающийся индийским буддистским мыслителем, представителем махаяны, учившем о «пустотности» дхарм, основателем школы мадхьямаки.

там собственные характеристики, свойства, признаки и прочие качества реального субстанционального существования» (там же). Не избежал этого и К. Ясперс, верно отмечая вначале, что «Нагурджуна отрицает метафизическое мышление в целом», затем говоря, что на место отвергнутой метафизики у того обнаруживается, идущее от Будды, «продуманное до конца отклонение онтологических постановок вопроса...» (Ясперс, 2007: 207).

На деле же смысл нагурджуновского учения о пустоте и цель созерцания пустотности носит прагматический характер, состоит в освобождении от привязанностей и, соответственно, страданий.

Рассматривая дебаты о «я» и «не-я» К. Козеру отмечает, что диалектическая позиция Нагурджуны переработана Васубандху и приводит, «в конечном итоге, к отказу от постоянного “я”, но не к отказу от реальности сознания как феномена, подразумевающего самого себя (self-intimating phenomenon)... Эти первые тысячелетия дискуссии свидетельствуют о процветающей философии сознания, которая продолжает развиваться в буддийских интеллектуальных кругах и по сей день» (Козеру, 2017: 130, 131).

Согласно А. М. Пятигорскому, отрицая абсолютное «Я», атман¹, буддистская философия «...не говорит, что “ты” (“Я”, “он” и так далее) не есть атман. Она утверждает, что любой феномен, дхарма, приписываемый твоему (“моему”, “его”) эмпирическому Я, менее всего само это эмпирическое Я (являющееся всего лишь лингвистической условностью, звуком, названием), не есть атман, или — что здесь философски особенно важно — есть не-атман» (Пятигорский, 2007: 25; курсивы и подчеркивания источника. — С. Н., В. В.). Атман является «иным, нежели что бы то ни было» (там же: 26). Пятигорский поясняет, что «...различие между буддийским и брахманистским философствованием проявилось не столько в начальных постулатах, утверждавших (в брахманизме) и отрицавших (в буддизме) “Я”, сколько в характере и правилах вывода из этих начальных постулатов» (там же). Кроме того, пишет Пятигорский, «...в отношении “Не-Я” невозможен никакой феноменологический (так же, впрочем, как и в отношении абсолютного “Я” — атмана Упанишад) подход» (там же: 28).

А. Е. Торчинов также останавливается на проблеме понимания «я» в буддизме. Первоначально он соглашается, что анатмавада отличает буддизм «как от большинства неиндийских религий, так и от других религий Индии (индуизм, джайнизм), признающих учение о “я” (атман) и душе (джива)» (Торчинов, 2013: 41). При этом он приходит к выводу, что «буддизм ничего не говорит об Атмане, описанном в Упанишадах, то есть об абсолютном субъекте» (там же), как

«некоем высшем надличностном Я, едином для всех существ и в конечном итоге тождественном Абсолюту (Брахману). Этот Атман не признается и не отрицается буддизмом. О нем (по крайней мере, в ранних текстах) вообще ничего не говорится. Отрицается именно индивидуальное “я”, личность как сущность, простая и вечная, тождественная самой себе субстанция. Таковой в нашем опыте буддизм не находит и рассматривает ее как иллюзорный продукт ментального конструирования. Фактически буддизмом отрицается то, что в брахманской и джайнской традициях получило название джива (душа) или пудгала (личность)» (там же: 42).

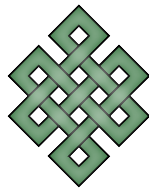
Дальнейшее развитие буддизма шло как раз по пути своеобразной субстантивации² в определении изначального первоначала, архэ, как мыслили древнегреческие философы, но буддизм помещает его в само сознание, при этом стремясь его не натурализировать и не объективировать. Пятигорский обнаруживает данную тенденцию уже в Ланкаватаре-сутре³, в которой «Зародыш Татхагаты представляется как априорно синтетическая категория. В своей первоначальности и вездесущности он довольно близок к Святому Духу и другим теологемам раннего христианского гностицизма» (Пятигорский, 2007: 252).

Ваджраяну Пятигорский определяет как «явление философски невероятное в истории не только буддизма, но и индийской философской мысли в целом» (там же: 283). Тантрическую же концепцию Ваджрасаттвы он называет «случаем объективного ограниченного теизма» (там же: 282). Хотя в целом Пятигорский и признает «методологически неправильным говорить о концепции Ваджрасаттвы в понятиях теизма (так же как и «монотеизма», «политеизма» и так далее)» (там же). Тем не менее, анализируя далее представление в философии Ваджраяны о «я», он отмечает интереснейшую мысль:

¹ Атман — одно из центральных понятий индийской философии, берущая исток в Упанишадах, вечная духовная сущность человека.

² Субстантивацию можно рассматривать как приобретение некоего автономного состояния или качества. В лингвистике это переход в разряд имён существительных других частей речи, вследствие приобретения ими способности непосредственно указывать на предмет.

³ Букв. «Сутра явления [Благого Закона] на Ланке», является почитаемой священной сутрой буддизма махаяны, передающей, по преданию, слова самого Будды.

«Это — момент, скажем так, покидания равно брахманистского постулата о “Я” и буддийского постулата о “Не-Я” и перехода от атмана, “Я”, к личности, или, говоря другими словами, перехода от эгологии к персонологии. В основе тантристской персонологии лежит концепция особого “Я”, так сказать, “Ваджра Я” садхаки. Садхака есть личность, персона оттого, что это его “Я” — одно с “Ваджра Я” созерцаемых им Будд и Бодхисаттв... Но ведь эта концепция, рассматриваемая в индийской философской ретроспективе, почти равнозначна столь невероятному для буддизма признанию трансцендентного “Я”, атмана Упанишад и Веданты...» (там же: 283).

И далее:

«Если рассматривать Ваджраяну как религиозную (культовую, ритуалистическую) философию, то приходится согласиться с тем, что от относительного персонализма ваджрового индивидуального “Я” созерцателя, абсолютно тождественного Ваджра Я Ваджрасаттвы, только один шаг до чисто теистической концепции Бога в поздних брахманистских религиозных философиях» (там же: 283).

Резюмируя проблему определения статуса «я», Торчинов заключает, что

«исходя из доктрины анатмана, отрицающей существование индивидуальной простой и вечной субстанциональной души, буддийские школы в процессе своего развития предложили различные концепции “я”: “я” как имя, обозначающее совокупность групп элементов (дхарм); “я” как одновременно и пустота — *шуньята* и реальность как она есть — *татхата*; “я” как иллюзорная проекция трансцендентального сознания, коррелирующая с иллюзорными объектами; “я” как абсолютная реальность, Великое Я всех существ, тождественное Абсолюту»¹.

Заключение

Обычно полагают, что буддизм является нетеистической религией, а философия буддизма отрицает всякую субстанциональность бытия, концепцию Брахмана-Атмана, т. е. субстанциональность «Я», Бога и мира. Однако российские буддологи (Е. Торчинов, А. Пятигорский и др.) указывают, что все не так однозначно. Что касается понимания «я», то в буддийской антропологии отрицается его эмпирический образ, сводимый к потоку изменчивых дхарм, но умалчивается о статусе «Я» абсолютного. В этом — прагматизм буддизма и его сотериологичность².

Если же рассматривать более поздние версии махаяны (татхагатагарбху³ и тантрический буддизм ваджраяны), то мы увидим удивительные тенденции утверждению «Абсолютного Я» и «природы Будды» в качестве фактически субстанциональных категорий. Представляется чрезвычайно интересным предметно рассмотреть, как статус данных понятий, так и те потребности внутри развития буддизма, которые привели его к данной трансформации, — ведь она во многом кажется противоречащей изначальным установкам буддизма.

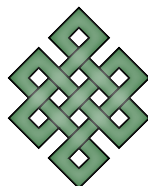
Подводя итоги, можно прийти к выводу: согласно буддизму, то, что мы воспринимаем за «я», вовсе таковым не является, ибо мы отождествляем наши эмоции, привязанности, страсти с метафизической инстанцией — душой, что в корне неверно. Однако такое представление о «я» присутствует во всех развитых духовных традициях и соответствующей метафизике. В Упанишадах «Атман скрыт в тайнике сердца», и «лишь мудрецы его прозревают». Это мы находим и в веданте-индуизме, и в других теистических религиях. Так в христианстве действительно онтологично лишь первозданное божественное «Я», а не брешное, искаженное грехом. Эта позиция отражена и в творчестве И. Канта, где речь идет о «единстве трансцендентальной апперцепции» в противовес несубстанциональному эмпирическому «я».

Таким образом, опираясь на современную российскую буддологическую науку, мы остановились на ряде проблемных тем, анализ которых показывает, что расхожие представления о буддизме, такие как представления о статусе «я», нирване, отрицании Абсолюта как минимум требуют своего

¹ Торчинов, Е. А. Учение о «Я» и личности в классическом индийском буддизме. [Электронный ресурс] // Познание за пределами. Современное востоковедение и духовные традиции Востока. URL: <https://www.torchinov.com/работы/статьи/учение-о-я-в-классическом-индийском-буддизме/> (дата обращения: 30.04.2021).

² Сотериология — обычно это теологическое учение о спасении души. В буддизме, который является нетеистическим, данная концепция может быть представлена как освобождение от перерождений («колеса сансары») в результате достижения нирваны.

³ Татхагатагарбху — полисемантический термин махаянского буддизма, толкуемый как «семена Будды», «сокровище Татхагаты», «вместилище учения Будды», «внутренняя причина или потенция достижения «буддовости».

уточнения и углубления, они не так однозначны, а носят, возможно, противоречивый диалектический характер. В любом случае, данные вопросы требуют своего дальнейшего развития и углубления в рамках как буддологии, так и истории философии в целом, современной компаративистики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

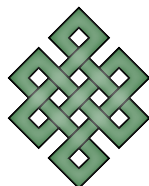
- Гайденко, П. П. (1997) Прорыв к трансцендентному : Новая онтология XX века. М. : Республика. 495 с.
- Дмитриев, С. В. (2006) О некоторых аспектах компаративного анализа буддийской и суфийской антропологии // Третьи Торчиновские чтения. Религиоведение и востоковедение: Материалы научной конференции. С-Петербург, 15–18 февраля 2006 г. / сост. и отв. ред. С. В. Пахомов. СПб. : Изд-во С.-Петербургского ун-та. 355 с. С. 145–150.
- Кант, И. (1994) Сочинения : в 8 т. М. : Чоро. Т. 3. 741 с.
- Козеру, К. (2017) Сознание, личная идентичность и дебаты о «я» / «не-я» // Вопросы философии. № 10. С. 130–140.
- Пятигорский, А. П. (2007) Введение в изучение буддийской философии (девятнадцать семинаров). М. : Новое литературное обозрение. 288 с.
- Рудой, В. И. (1990) Введение в буддийскую философию // Васубандху. Абхидхармакоша / пер. с санскрита, введ., коммент., историко-философское исслед. В. И. Рудого. М. : Наука. 318 с. С. 5–42.
- Торчинов, Е. А. (2013) Введение в буддизм. СПб. : Амфора. 430 с.
- Урбанаева, И. С. (2018) Буддийская медитация и феноменологический метод: основания и смысл сравнения // Вопросы философии. № 2. С. 177–187.
- Хайдеггер, М. (2007) Что такое метафизика? М. : Академический Проект. 303 с.
- Ясперс, К. (1994) Философская вера // Ясперс К. Смысл и назначение истории. М. : Республика. 527 с. С. 420–508.
- Ясперс, К. (2007) Великие философы. Будда, Конфуций, Лао-цзы, Нагарджуна. М. : ИФ РАН. 303 с.

Дата поступления: 01.02.2021 г.

REFERENCES

- Gaidenko, P. P. (1997) *Proryv k transtsendentnomu : Novaia ontologiia XX veka [Breakthrough to the transcendent : A new ontology of the 20th century]*. Moscow, Respublika. 495 p. (In Russ.).
- Dmitriev, S. V. (2006) O nekotorykh aspektakh komparativnogo analiza buddiiskoi i sufiiskoi antropologii [On some aspects of comparative analysis of Buddhist and Sufi anthropology]. In: *Tret'i Torchinovskie chteniia. Religiovedenie i vostokovedenie [Third Torchinov Readings. Religious studies and Oriental studies]* : Proceedings of the scientific conference. St. Petersburg, February 15–18, 2006 / comp. and ed. by S. V. Pakhomov. St. Petersburg, St. Petersburg University Publishing House. 355 p. Pp. 145–150. (In Russ.).
- Kant, I. (1994) *Sochineniia [Works]* : in 8 vols. Moscow, Choro. Vol. 3. 741 p. (In Russ.).
- Coseru, C. (2017) Soznanie, lichnaia identichnost' i debaty o «ia» / «ne-ia» [Consciousness, personal identity, and the self/no-self debate]. *Voprosy filosofii*, no. 10, pp. 130–140. (In Russ.).
- Piatigorsky, A. P. (2007) *Vvedenie v izuchenie buddiiskoi filosofii (deviatnadsat' seminarov) [Introduction to the study of Buddhist philosophy (Nineteen seminars)]*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 288 p. (In Russ.).
- Rudoi, V. I. (1990) *Vvedenie v buddiiskuiu filosofiiu [Introduction to Buddhist philosophy]*. In: *Vasubandkhu. Abkhidkharmaakosha [Vasubandhu. Abhidharmakosha]* / transl. by V. I. Rudoi. Moscow, Nauka. 318 p. Pp. 5–42. (In Russ.).
- Torchinov, E. A. (2013) *Vvedenie v buddizm [Introduction to Buddhism]*. St. Petersburg, Amfora. 430 p. (In Russ.).
- Urbanaeva, I. S. (2018) Buddiiskaia meditatsiia i fenomenologicheskii metod: osnovaniia i smysl sravneniia [Buddhist meditation and phenomenological method: The grounds for comparison and its meaning]. *Voprosy filosofii*, no. 2, pp. 177–187. (In Russ.).
- Heidegger, M. (2007) *Chto takoe metafizika? [What is metaphysics?]* Moscow, Akademicheskii Proekt. 303 p. (In Russ.).
- Jaspers, K. (1994) *Filosofskaia vera [Philosophical faith]*. In: Jaspers, K. *Smysl i naznachenie istorii [The origin and goal of history]*. Moscow, Respublika. 527 p. Pp. 420–508. (In Russ.).
- Jaspers, K. (2007) *Velikie filosofy. Budda, Konfutsii, Lao-tszy, Nagardzhuna [The great philosophers. Buddha, Confucius, Lao Tzu, Nagarjuna]*. Moscow, Institute of Philosophy, RAS. 303 p. (In Russ.).

Submission date: 01.02.2021.

Буддизм и донские калмыки-казаки в социокультурном пространстве России

Мерген С. Уланов, Арья А. Андреева

Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова, Российская Федерация

В данной статье рассматриваются особенности истории буддизма у донских калмыков-казаков. Тем самым отмечается, что среди казаков традиционно исторически были представители разных религий. Сама же ситуация становления калмыков-буддистов казаками рассматривается как не типичная.

Исторические события в регионе проживания калмыков в составе российской империи привели к тому, что часть из них в XVII в. переселилась к берегам Дона, где они получили статус казачьих войск. Несмотря на географическую оторванность от основной массы калмыцкого народа и вхождение в состав донского казачества, калмыки-казаки смогли сохранить свою этническую и конфессиональную идентичность. Более того, буддизм стал ключевым фактором сохранения национальной идентичности у калмыков. Именно он выделял их из состава других народов Области Войска Донского, став символом их этнической самобытности и консолидации.

Казачья администрация Дона была в свою очередь заинтересована в калмыках, как значительной военной силе, в силу чего религиозные отличия отходили на второй план. Несмотря на попытки ограничить количество хурулов и калмыцкого духовенства, а также поставить под контроль буддийскую церковь донских калмыков, последняя представляла собой достаточно сплоченную и организованную силу, влияние которой на калмыцкое население было значительным.

Ключевые слова: буддизм; буддийская церковь; буддийское духовенство; буддизм России; хурул; калмыки; Калмыкия; донские калмыки; калмыцкое казачество; Область Войска Донского; Дон; буддийская идентичность

Подготовлено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта «Россия и буддийский мир в дискурсе философского востоковедения» (грант № 19-18-00118).

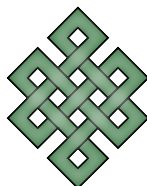
Для цитирования:

Уланов М. С., Андреева А. А. Буддизм и донские калмыки-казаки в социокультурном пространстве России // Новые исследования Тувы. 2021. № 2. С. 100-114. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.2.9>

Уланов Мерген Санджиевич — доктор философских наук, кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры философии и культурологии Калмыцкого государственного университета имени Б. Б. Городовикова. Адрес: 358000, Россия, г. Элиста, ул. Пушкина, д. 11, каб. 111. Тел.: +7 (961) 541-11-38. Эл. адрес: ulanov1974@mail.ru

Андреева Арья Александровна — старший преподаватель кафедры калмыцкой литературы и журналистики Калмыцкого государственного университета имени Б. Б. Городовикова. Адрес: 358000, Россия, г. Элиста, ул. Пушкина, д. 11, каб. 111. Тел.: +7 (960) 899-98-88. Эл. адрес: lovely-arya@mail.ru

Buddhism and the Don Kalmyk Cossacks in the Sociocultural Space of Russia

Mergen S. Ulanov, Aria A. Andreeva

B. B. Gorodovikov Kalmyk State University, Russian Federation

This article examines the features of the history of Buddhism among the Don Kalmyk Cossacks. Thus, it is noted that among the Cossacks there were traditionally and historically followers of different religions. The very situation of the formation of the Kalmyk Buddhists as the Cossacks is considered as atypical.

Historical events in the region inhabited by the Kalmyks as subjects of the Russian Empire resulted in a situation when some of them moved to the banks of the Don in the 17th century, where they received the status of Cossack troops. Despite their geographical isolation from the bulk of the Kalmyk people and integration into the Don Cossack society, the Kalmyk Cossacks managed to preserve their ethnic and confessional identity. Moreover, Buddhism became the overriding factor in retaining the national identity of the Kalmyks. It was Buddhism that was distinguishing them from the other peoples of the Province of the Don Cossack Host, having become a symbol of their ethnic identity and consolidation.

The Don Cossack administration was in turn interested in the Kalmyks as a significant military force, whereby religious differences were fading into the background. Despite attempts to limit the number of khuruls and the Kalmyk clergy, as well as to bring the Buddhist church of the Don Kalmyks under control, the latter was a considerably cohesive and organized force that had a significant influence on the Kalmyk population.

Keywords: *Buddhism; Buddhist church; Buddhist clergy; Buddhism of Russia; khurul; Kalmyks; Kalmykia; Don Kalmyks; Kalmyk Cossacks; province of the Don Cossack Host; Don; Buddhist identity*

Financing

The article was prepared with support from the Russian Science Foundation, grant no. 19-18-00118, "Russia and the Buddhist World in the Discourse of the Philosophy of Oriental Studies".

For citation:

Ulanov M. S. and Andreeva A. A. Buddizm i donskie kalmyki-kazaki v sotsiokul'turnom prostranstve Rossii [Buddhism and the Don Kalmyk Cossacks in the Sociocultural Space of Russia]. *New Research of Tuva*, 2021, no. 2, pp. 100-114. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.2.9>

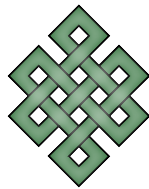

ULANOV, Mergen Sandzhievich, Doctor of Philosophy, Candidate of History, Professor, Department of Philosophy and Cultural Studies, B. B. Gorodovikov Kalmyk State University. Postal address: Office 111, 11 Pushkin St., 358000 Elista, Russian Federation. Tel.: +7 (961) 541-11-38. E-mail: ulanov1974@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-6749-7424

ANDREEVA, Aria Alexandrovna, Lecturer, Department of Kalmyk literature and journalism, B. B. Gorodovikov Kalmyk State University. Postal address: Office 111, 11 Pushkin St., 358000 Elista, Russian Federation. Tel.: +7 (960) 899-98-88. E-mail: lovely-arya@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-8326-5527

Введение

В современный период особое значение и остроту приобретают вопросы, связанные с духовно-нравственным возрождением народов, проживающих на территории России. В связи с этим особую роль играют казачество и его исконные традиции. Особенность казачества состоит в том, что ему на протяжении всей истории его формирования удалось организовать сплоченное демократичное вольнолюбивое общество с уникальными нормами и традициями, с благородной целью охраны государства. В последние три десятилетия набирает обороты процесс восстановления казачества, характер которого сегодня значительно преобразился. Сегодня казачество осуществляет огромную работу по патриотическому, духовно-нравственному воспитанию молодого поколения на фундаменте традиционных ценностей.

В современной научной литературе упрочилось мнение, что казачество имеет отношение только к одному религиозному течению — православному христианству. Нынешние предводители и участники казачьего движения также зачастую отождествляют понятия «казаки», «православие» и «православная церковь». Однако, это мнение ошибочно, если учитывать, что среди казаков всегда были представители разных религий, в значительном количестве. Полиэтничность и поликонфессиональность были характерными особенностями многих казачьих общин России в период их зарождения и становления. Довольно большими среди казаков были группы, связанные с народами, исповедовавшими ислам (башкиры, татары, горцы Кавказа), буддизм (калмыки, буряты), а также местные языческие верования (народы Поволжья, Урала, Сибири, Дальнего Востока). Среди данных этнических групп особо следует отметить донских калмыков, которым в 1694 г. администрация Войска Донского приписало статус казачьих войск.

Целью настоящего исследования является историко-религиоведческий анализ процесса становления и развития буддизма у донских калмыков. В ходе работы над данной темой были использованы как общенаучные, так и специально-исторические методы познания. Междисциплинарный характер предмета исследования с выраженной историко-религиоведческой детерминантой предопределил обращение к методологии, сложившейся в современном религиоведении. Все это позволило нам лучше рассмотреть процесс становления и развития буддизма у донских калмыков-казаков, проследить его взаимосвязь с другими историческими событиями.

Говоря об источниковой базе исследования, необходимо отметить, что одним из наиболее важных видов источников по истории буддизма у донских калмыков являются законодательные акты, опубликованные в Полном собрании законов Российской империи. Особый интерес для нас составляют и статистические материалы, многие из которых нашли отражение в таких сборниках, как «Область Войска Донского по переписи 1873 года»¹ и «Статистическое описание земли Донских казаков, составленное в 1822–1832 годах»². Некоторую информацию о духовенстве донских калмыков можно найти в дореволюционных справочных изданиях³ и региональном периодическом издании православной церкви «Донские епархиальные ведомости». К историческим источникам можно отнести и ряд работ дореволюционных авторов, которые будут рассмотрены в следующем разделе.

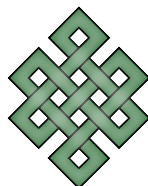
Обзор литературы

Определенный вклад в исследование религии донских калмыков внесли члены Области Войска Донского статистического комитета (1839–1917), которые активно занимались изучением истории и этнографии населения Дона, в том числе и калмыков. Так, несколько статей о жизни, традициях и обычаях донских калмыков принадлежат перу известного краеведа и члена статистического комитета Ф. К. Траилина. В 1872 г. материалы данных работ были объединены и изданы в его книге «Санскринкурэдэ. Священное калмыцкое изображение. Сведения о донских калмыках» (Траилин, 1872). Некоторые сведения о буддизме у донских калмыков содержатся и в книге члена-секретаря Донского статистического комитета С. Ф. Номикосова (Номикосов, 1884).

¹ Область Войска Донского по переписи 1873 года. Издание областного Войска Донского Статистического комитета / под ред. члена-секретаря С. Номикосова. Вып. 1. Новочеркасск: Областная Войска Донского Типография, 1879. 145 с.

² Статистическое описание земли Донских казаков, составленное в 1822–1832 годах. Новочеркасск: Тип. Войска Донского, 1891. 301 с.

³ Памятная книжка Области войска Донского на 1904 год. Новочеркасск: Областная Войска Донского типография и Частная Донская типография, 1904. 582 с.

В 1873 г. была издана статья члена Донского статистического комитета и преподавателя по классу богословских наук Донской духовной семинарии А. Л. Крылова «Умственное и нравственное развитие Донских калмыков и особенности их быта», вышедшая одновременно отдельным оттиском (Крылов, 1873). Работа Крылова знакомит с нравами и религиозным мирозерцанием донских калмыков.

Значительный интерес для нас представляет исследование помощника председателя Областного правления Войска Донского полковника Н. А. Маслаковца «Физическое и статистическое описание кочевья донских калмыков» (Маслаковец, 1874). Несмотря на то, что главное внимание в нем уделено состоянию сельского хозяйства и административному устройству донских калмыцких кочевий, здесь есть ценные сведения, касающиеся калмыцких хурулов и духовенства на Дону.

Сведения о религии донских калмыков и попытках их христианизации можно встретить в работе иеромонаха Гурия «Донские калмыки и история их христианского просвещения по трудам Казанского миссионерского съезда» (Гурий, 1911). Несмотря на то, что труд посвящен истории христианизации донских калмыков, в нем содержатся сведения и о положении местной буддийской церкви.

Некоторую информацию об истории буддизма у донских калмыков можно обнаружить также в работах В. Б. Броневского (Броневский, 1834), С. Браиловского и Н. Немцова (Браиловский, Немцов, 1901), С. Павловского (Павловский, 1911), И. И. Попова (Попов, 1919) и др.

В целом, авторы, связанные с православной церковью (А. Л. Крылов, Гурий) и царской администрацией (С. Ф. Номикосов, Н. А. Маслаковец), занимали достаточно жесткую позицию в отношении калмыцкого буддийского духовенства, критически отзываясь о его роли в жизни донских калмыков.

С другой стороны, авторы, представлявшие калмыцкую национальную интеллигенцию, выступали с иных позиций. Так, калмыцкий офицер и путешественник Н. Э. Уланов, описывая жизнь буддийского духовенства в труде «Буддийско-ламайское духовенство донских калмыков, его современное положение», обращает внимание на его просветительскую деятельность и позитивную роль в общественной жизни (Уланов, 1902). Калмыцкое буддийское духовенство, по его мнению, являлось носителем национального самосознания. Калмыцкие священнослужители в его работе предстают как просветители и наставники молодого поколения калмыков. В них он видел значительную силу, способную сохранить национальную культуру и противостоять ассимиляции калмыков. Лама-лекарь и путешественник Д. Ульянов в своей книге «Предсказания Будды о Доме Романовых и краткий очерк моих путешествий в Тибет в 1904–1905 гг.» (Ульянов, 1913), кроме повествования о своем паломничестве в Тибет, предоставляет здесь также некоторые данные о донских калмыках и их буддийском духовенстве.

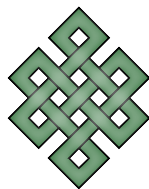
В советский период история буддизма у донских калмыков почти не изучалась. Некоторые сведения о роли буддизма в жизни донских калмыков и отдельные статистические данные о численности духовенства можно найти в работе Х. Б. Канукова «Будда-ламаизм и его последствия», посвященной критике данной конфессии (Кануков, 1928).

Из работ постсоветского периода можно выделить труды таких калмыцких ученых, как К. П. Шовунов, Г. Ш. Доржиева, К. Н. Максимов. В труде К. П. Шовунова «Калмыки в составе российского казачества» (Шовунов, 1992) рассматривается история появления калмыцких казачьих поселений и социально-экономическое состояние калмыков-казаков в дореволюционный период. Один из подразделов посвящен религии донских калмыков. В монографиях Г. Ш. Дорджиевой (Дорджиева, 1995, 2012), посвященных истории религиозной политики правительства Российской империи по отношению к буддизму в Калмыкии, затрагиваются и вопросы буддизма у донских калмыков. В монографии К. Н. Максимова «Калмыки в составе донского казачества (XVII — середина XX в.)» (Максимов, 2016) содержатся статистические сведения о численности калмыцкого буддийского духовенства и хурулов в разные периоды истории донских калмыков.

Материалы по истории буддизма у донских калмыков можно найти в специальных разделах трехтомной «Истории Калмыкии с древнейших времен до наших дней», посвященных калмыцким этническим группам на Дону и буддизму в Калмыкии, подготовленных соответственно У. Б. Очировым и Г. Ш. Дорджиевой (История Калмыкии ..., 2009ab), а также в работе Э. П. Бакаевой (Бакаева, 1994).

Из трудов зарубежных авторов можно отметить работу американского ученого калмыцкого происхождения А. Э. Борманджинова «Ламы калмыцкого народа: ламы донских калмыков» (Борманджинов, 1997), которая представляет собой краткий очерк жизни и деятельности духовных глав калмыков Дона.

Следует также отметить очерк американского калмыка Кольдоги Содмона (С. С. Кульдинова) «Судьба донских калмыков, их веры и духовенства» (Кольдонга Содном, 2018). Значительное место в работе

занимает материал, посвященный калмыцкому духовенству, в частности Бакше М. Борманджинову. В то же время часть фактов, изложенных здесь, основана на народных сказаниях и не имеет документального подтверждения.

Другой американский исследователь калмыцкого происхождения Е. С. Ремилева в книге «Ойрат-монголы. Обзор истории европейских калмыков» (Ремилева, 2010) затрагивает проблему борьбы буддийского духовенства против русификаторской политики царского правительства, уделяя особое внимание истории жизни таких известных иерархов донских калмыков, как А. Чубанов и М. Борманжинов.

Несмотря на немалое число научных работ, в которых рассматривается история донских калмыков, тема бытования буддизма на Дону остается малоисследованной. Сегодня ощущается настоятельная необходимость в систематизации, обобщении и анализе имеющихся эмпирических данных по данной тематике, что и определяет научную новизну работы.

Появление калмыков на Дону и оформление у них буддийской церковной организации

Говоря о появлении калмыков на Дону, необходимо отметить, что еще в середине XVII в. группа ойратов перекочевала на земли Поволжья, вошла в состав Российской империи и стала именоваться калмыками. Калмыки в социокультурном смысле представляли собой автономное, самостоятельное сообщество, сплоченное единым этническим полем и духовно объединенное на основе буддизма (подр.: Максимов, 2000, 2002; Цюрюмов, 2007).

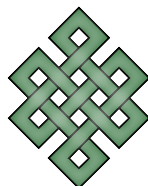
С увеличением населения в Калмыцком ханстве (XVII–XVIII) естественно возрастало и поголовье скота, в результате чего происходила деградация пастбищ и уменьшение пригодных для кочевий земель. В связи с этим отдельные группы калмыков, кочевавшие в западной части ханства, все чаще начали обращать свой взор на запад, в сторону донских степей, славившихся своим хорошим травостоем и изобилием водных источников. Как пишет К. П. Шовунов, первые кочевья калмыков на Дону появились в 1670-м году, когда здесь нашёл пристанище тогоутский улус тайши Бока (Шовунов, 1992: 36). После них на постоянное проживание сюда перекочевало еще некоторое количество групп калмыков. В 1690 г. после откочевки на Дон улусов Четеря и Батыр-Черкеса, донским калмыкам были переданы степные территории между реками Дон и Донец. Обживаясь на новой земле, калмыки организовали для отправления буддийского культа мобильный кибиточный хурул (Максимов, 2016: 45).

В 1694 г. Войско Донское приписало донским калмыкам статус казачьих войск. Теперь эти сообщества калмыков, получивших название «юртовых», должны были нести казачью службу, за что получали постоянное жалованье и территории под пастбища. Донские калмыки сохраняли традиционный кочевой уклад жизни и в большинстве своем приверженность буддийскому вероисповеданию, в отличие от большинства казаков (История Калмыкии..., 2009а: 626). При этом, по мнению К. Н. Максимова, калмыки были окончательно причислены к донскому казачьему войску в статусе военно-служилого сословия только почти через столетие, по именному указу Павла I от 16 февраля 1799 г. (Максимов, 2016: 82).

В 1803 г. на Дон были переселены калмыки, которые ранее кочевали на Новой Днепровской линии. Их общая численность в тот период достигала трех тысяч человек. Казаки из бывших Чугуевского и Беляевского поселений сформировали на Дону Балдырскую и Беляевскую сотни. Почти все эти калмыки открыто исповедовали буддизм, о чем свидетельствуют данные переписей (там же: 646). Так, Н. А. Маслаковец отмечает, что, по данным V ревизии¹ (1794–1796 гг.), из 406 мужчин-калмыков Беляевского поселения только 79 считались крещеными. После же переселения их на Дон к местным калмыкам все беляевские христиане постепенно перешли в буддизм (Маслаковец, 1874: 43). Даже калмыки Чугуевского поселения, в основном крещеные, после переселения стали открыто исповедовать буддизм (История Калмыкии..., 2009а: 646). Подобного рода примеры в Российской империи того времени были крайне редки.

Следует отметить, что до начала XIX в. казачья войсковая администрация не вмешивалась во внутренние дела калмыцкого населения, в том числе и в религиозную жизнь. В силу этого информации

¹ Подушные переписи («ревизии») — переписи, проводившиеся на основе новой учетной единицы — мужских душ вместо «тяглового двора», использовавшегося в Русском государстве в XVI–XVII веках. Подушные переписи стали проводить с 1718 г. при Петре I. Всего было проведено 10 ревизий.

об истории буддизма у донских калмыков в XVIII столетии крайне мало. Известно, однако, что большинство известных хурулов донских калмыков были основаны именно в XVIII в. Хурулы в этот период были кочевыми и кочевали вместе со своими прихожанами. Каждая сотня имела свой хурул, располагавшийся в кибитках. Подробные данные о хурулах донских калмыков стали появляться только в XIX в. в связи с реорганизацией их общественного устройства и управления (Дорджиева, 1995: 88).

Определенный контроль над религиозной жизнью донских калмыков был установлен только в начале XIX в., после того, как они в 1803 г., по решению атамана М. И. Платова, были переселены в Задонские степи, где в 1806 г. был сформирован специальный Калмыцкий округ, переименованный в 1884 г. в Сальский округ. Этот район, расположенный южнее Дона, стал для донских калмыков местом постоянного обитания. В трех калмыцких улусах (Верхнем, Среднем и Нижнем) было учреждено 13 сотен (аймаков), которые, в свою очередь, делились на хотоны.

Известно, что у донских калмыков был свой религиозный иерарх — Бакша (Лама), который не подчинялся Ламе калмыцкого народа, но был подотчетен царской администрации. Бакша, в частности, подчинялся войсковому атаману по вопросам, связанным с утверждением хурульных штатов.

Таким образом, особенность буддизма у донских калмыков на данном этапе состояла в том, что они обладали значительной самостоятельностью в религиозных делах и не были в духовной юрисдикции Ламы калмыцкого народа.

Установление контроля над буддийской церковью донских калмыков и политика ограничения количества духовенства

Войсковая казачья администрация пыталась препятствовать увеличению числа буддийских священнослужителей-калмыков, ссылаясь на то, что это значительно сокращает число казаков, несущих здесь военную службу. Так, в 1821 г. наказной атаман Донского казачьего войска А. В. Иловайский своим распоряжением сократил штат ламаистского духовенства до 52 человек (по 4 на сотню), но калмыцкое духовенство добилося отмены данного решения в Петербурге (История Калмыкии..., 2009а: 647).

В 30-е гг. XIX столетия вновь стал вопрос о сокращении численности буддийских храмов и духовенства. Войсковой администрацией было решено сократить количество буддийских священнослужителей в каждом хуруле до 12 человек, что понималось как необходимый минимум для совершения религиозных служб. При этом решение по каждому конкретному священнослужителю должен был выносить Бакша, который сам вынужден был сокращать штат местного духовенства. Кроме того, согласно новым предписаниям, обязательным условием для утверждения в сан калмыцкого духовенства стало знание русского языка (История Калмыкии ..., 2009б: 248).

В 1835 г. вышло «Положение об управлении Донского войска», в котором затрагивался вопрос о судебных полномочиях буддийского духовенства. Указывалось, что калмыцкие ламы могут рассматривать только вопросы, связанные с религиозными и внутрисемейными делами. Исключение составляли гражданские дела с недостатком улики и доказательств¹.

В 1843 г. император Николай II утвердил следующую процедуру избрания Бакши донских калмыков. Он постановил, чтобы калмыцкие сотни большинством голосов избирали трех кандидатов, из которых наказной атаман выбирал одного и утверждал на пост Бакши². Эта процедура избрания духовного первоиерарха сохранялась у донских калмыков до революционных событий XX в.

Следует отметить, что ограничения штата буддийского духовенства, введенные Войсковым правлением, не выполнялись строго. Так, например, в конце 40-х гг. XIX в. насчитывалось 236 духовных лиц, что значительно превышало максимальное число священнослужителей в расчете на один хурул (там же: 249).

В 1849 г. Военный совет Войска Донского вновь попытался ограничить количество буддийского духовенства, приказав наказному атаману не разрешать увеличения количества хурулов и священнослужителей сверх установленного количества в 12 человек. В результате принятых мер Бакше Д. Ганджикову удалось в течение 1850 г. привести штаты духовенства в соответствие с постановлением Военного совета (Максимов, 2016: 230–231).

¹ Полное собрание законов Российской империи. СПб. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1836. Собрание 2. Т. X. Отделение 1. 918 с. С. 633.

² Полное собрание законов Российской империи. СПб. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1844. Собрание 2. Т. XVIII. Отделение 1. 842 с. С. 771.

Согласно переписи 1859 г. в 5 калмыцких сотнях (аймаках) уже существовали крупные деревянные хурулы, в остальных 8 сотнях были только кочевые хурулы в форме кибиток. Общее количество штатных духовных лиц здесь насчитывало 176 человек (Максимов, 2016: 246–247).

В «Статистическом описании кочевьев донских калмыков» действительного члена статистического комитета Н. А. Маслаковца, со ссылкой на данные, собранные калмыцким правлением в 1870 г., отмечается, что кроме положенных по штату 167 духовных лиц у калмыков также было 67 заштатных (выслуживших срок) и 419 сверхштатных буддийских священников, т. е. всего 653 человека духовного звания (Маслаковец, 1874: 43). Естественно, что при таком положении дел религиозность калмыков была достаточно высока, а православной миссии у калмыков противостояла значительная сплоченная и организованная группа буддийских священнослужителей.

В 1873 г. после смерти Бакши К. Баджугинова по предложению наказного атамана с целью усиления контроля над буддийской общиной должность Бакши донских калмыков была упразднена, а его полномочия были переданы старшим гелюнгам (настоятелям) в аймачных хурулах (История Калмыкии ... , 2009b: 249).

По переписи 1873 г. в Калмыцком округе проживало 20997 человек. Примечательно, что в данных переписи по религиозному статусу среди коренного населения округа не нашлось православных, все были отнесены к «ламайцам», хотя ко времени проведения переписи на Дону находилось достаточно много крещеных калмыков-казаков, что, вероятно, говорит о формальном переходе в христианство (Максимов, 2016: 255).

В 1875 г. в Донском войске получил распространение новый способ организации калмыцкого духовенства, по которому оно вместе с казаками стало военнообязанным. Вопрос об уменьшении количества 13 сотен повлек за собой сокращение количества хурулов в 1877 г. Однако донские калмыки просили местную администрацию оставить им все 14 хурулов. В результате 17 декабря 1880 г. было принято компромиссное решение: калмыкам разрешили оставить уже 10 хурулов. В последующие годы благодаря усилиям ламы Аркада Чубанова количество хурулов увеличилось (История Калмыкии ... , 2009b: 249).

По данным секретаря Донского статистического комитета С. В. Номикосова, в 1881 г. население калмыков составляло 2% от общего числа жителей области. Собственно штатных духовных лиц, по официальным сведениям, насчитывалось 94 человека, «в действительности штатных и не штатных должно быть около 650 на 28 659 душ» (Номикосов, 1884: 221).

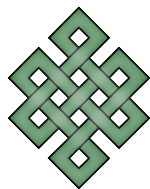
Согласно переписи 1897 г. на Дону проживало 32 283 калмыка (мужчин — 16 689, женщин — 15 594), из них 29 349 — в Сальском округе, где служили 137 человек духовного звания. В ходе переписи все калмыки Сальского округа признали, что владеют калмыцким языком и исповедуют буддизм (Максимов, 2016: 286). К этому времени в трех калмыцких улусах на Дону имелось 13 хурулов (Бакаева, 1994: 35).

К началу XX века основная масса донских калмыков перешла к оседлому образу жизни, но сохранила свою культуру и религию. Все донские калмыки являлись казаками, несли положенные обязанности и повинности, включая военные, и пользовались соответствующими привилегиями.

Положение буддийской церкви донских калмыков в начале XX века

Известно, что донские калмыки не единожды безрезультатно просили царское правительство об освобождении местного буддийского духовенства от военной повинности. «Однако начавшиеся революционные события, а также принятие Указа «Об укреплении начал веротерпимости» (17 апреля 1905 г.) и Манифеста «Об усовершенствовании государственного порядка» (17 октября 1905 г.) заставили правительство пойти на ряд уступок. Уже в 1905 г. калмыцкое духовенство Области Войска Донского освобождалось от несения воинской службы» (История Калмыкии ... , 2009b: 249).

Еще за несколько лет до этого, в 1903 г. буддийское духовенство донских калмыков получило разрешение на избрание Бакши. После проведения выборов Бакшой донских калмыков стал Менке Борманжинов (1855–1919), утвержденный на эту должность в 1902 г. с разрешения войскового наказного атамана, генерал-лейтенанта К. К. Максимовича. Он был главой буддийских священников донских калмыков до 1919 г. (Максимов, 2016: 302–303). В книгах встречается точка зрения, что он был назначен на эту должность самим императором Николаем II (Павловский, 1911: 1006), однако официальных документов, подтверждающих данный факт нет.

Известно, что Лама Борманжинов в 1908 г., в год 300-летия дома Романовых, на юбилейных торжествах в Петербурге возглавлял делегацию донских калмыков. Кроме того, М. Борманжинов посещал Северо-Восточный Тибет и несколько раз с целью изучения положений буддийской мысли и процесса постижения буддийской философии посещал ургинского ламу Джебзун Дамба-хутухту, который даровал ему титул Пандита.

Лама Борманжинов также основал в Денисовском хуруле школу буддийской философии Цанид Чооря и намеревался сделать доступными основы учения Будды не только для своих учеников, но и для простых людей, для чего издавал популярные брошюры о буддийском вероучении на калмыцком языке (А. М. Позднеев ..., 2017: 68).

Самым известным из его учеников был лама Лувсан-Шарап Тепкин (1875–1949), который, будучи настоятелем Денисовского хурула в 1909 г. отправился для учебы в Лхасу, где он пробыл до 1922 г. За более чем десятилетнее пребывание в Тибете Лувсан-Шарап прошел полный курс буддийской академии, достиг высокого уровня в изучении буддийской философии, монгольского и тибетского языков. Он также достиг довольно высокого положения при дворе Его Святейшества Далай-ламы XIII — состоял сойбуном (советником) по делам управления Тибета. В 1922 г., выполняя поручение Его Святейшества Далай-ламы XIII и помогая возвращению советской дипломатической миссии во главе с донским калмыком В. А. Хомутниковым из Тибета, Л.-Ш. Тепкин вернулся в Россию, где позже был избран Ламой калмыцкого народа (Алексеева, 2002: 52–53).

В 1911 г. вступило в силу «Временное Положение о службе Багши (Ламы) донских калмыков», утвержденное императором и одобренное Государственной Думой, которое регламентировало права и обязанности духовного иерарха калмыков-казаков Дона. Во Временном Положении определялись следующие полномочия Багши: следить за внешним видом хурулов и моральным обликом проживающих в них священников; наказывать священников, уличенных в недобросовестном исполнении своих обязанностей; определять в духовное звание; вести список калмыцкого духовенства; ходатайствовать о разрешении постройки новых хурулов; рассматривать, по правилам буддийского вероучения, семейно-брачные дела калмыков¹.

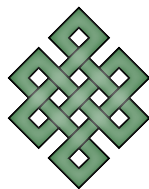
По свидетельству С. Браиловского и Н. Немцева, несколько раз посещавших земли донских калмыков в самом конце XIX в., хурулы к тому времени у них были стационарными. Духовенство донских калмыков представляло собой священнослужителей, принявших монашеские обеты. Исследователи отмечают, что духовенство донских калмыков, также, как и у их астраханских сородичей, делилось на манджиков (послушников), гецулов и гелюнггов. Каждый гелюнг жил на свои средства, которые составляли подаяния прихожан и помощь светских родных. Некоторые из них были достаточно зажиточными людьми и имели по несколько сот голов скота (лошадей и овец). Из среды наиболее богатых и почтенных гелюнггов избирались настоятели монастырей бакши, которые обладали большими полномочиями в хуруле и пользовались среди калмыков большим уважением. Бакши получали большую часть доходов хурула, при этом являясь ответственными за поведение монахов перед войсковым начальством. Манжики составляли своеобразную свиту или прислугу у бакшей и гелюнггов. Учась тибетской грамоте и правилам богослужения, они главным образом вели хозяйство гелюнггов, при которых и жили (Браиловский, Немцов, 1901: 724).

В целом же, период начала XX века был отмечен определенным религиозным подъемом у калмыков, что связано, как с политикой уступок со стороны властей, так и с активной просветительской деятельностью Бакши донских калмыков М. Борманжинова.

Буддизм в системе ментальности донских калмыков

Следует отметить, что буддизм как господствующая религия и кочевой быт сформировали у калмыков специфическую ментальность. По мнению некоторых исследователей начала XX в., донских калмыков отличали высокие морально-нравственные устои (Попов, 1919: 308). Православный миссионер А. Л. Крылов писал, что у калмыков нет примеров голодной смерти, в то время как подобные случаи имели место в тогдашней Европе. «У них нет даже нищих, — писал он, — тогда как в самой маленькой нашей деревне это неизбежно» (Крылов, 1873: 29). Даже такой распространенный порок, как пьянство, отмечал Л. Крылов, среди донских калмыков проявлялся в меньшей степени, чем у русских крестьян:

¹ Полное собрание законов Российской империи. СПб. : Государственная типография, 1911. Собрание 3. Т. XXXI. Отделение 1. 842 с. С. 355.

«...у калмыков не было примеров убийства в пьяном виде, как нередко у нас бывает, нет пьяниц в том смысле, как мы понимаем их» (там же: 33).

Сведений о миссионерской деятельности русской православной церкви среди донских калмыков до второй половины XIX века крайне мало. И известно, что она особых успехов не имела. Были лишь единичные случаи крещения. В 1871 г. был открыт Донской епархиальный комитет православного миссионерского общества, одним из направлений работы которого должна была стать христианизация калмыков. Так в 1880 г. в слободе Ильинка был открыт приют для детей донских калмыков, где в разное время проживало несколько мальчиков. Многие воспитанники приюта по разным причинам покидали его и не возвращались. Ни один из воспитанников данного заведения так и не стал миссионером (Дорджиева, 1995: 112–113). В 1888 г. в хуторе Плетнева была открыта церковно-приходская школа, где обучалось от 16 до 25 калмыцких мальчиков. Однако, вскоре школа была закрыта из-за нежелания родителей продолжать обучение детей. Подобная участь была и у других приходских школ, открытых для донских калмыков. Попытки приглашения готовых миссионеров также оказались неудачными. Несмотря на то, что в станице Платовской была открыта церковь и миссионерский стан, многие миссионеры, сталкиваясь с сопротивлением калмыцкого населения и местного буддийского духовенства, просто оставляли свой пост (там же: 113–114).

В условиях иноэтнического, инокультурного окружения буддизм стал важным фактором сохранения национальной идентичности у калмыков, особой формой трансляции этничности и национальных традиций. Неслучайно, современники отмечали высокую религиозность калмыков. Представитель калмыцкой национальной интеллигенции начала XX в. Н. Э. Уланов указывал на то, что донские калмыки по-прежнему оставались ревностными буддистами. Большая часть калмыков-казаков была «крайне привержена к вере своих предков и исполнена чувства благоговения к родному духовенству» (Уланов, 1902: 5).

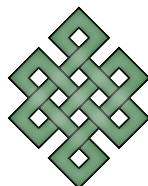
Этот же факт подтверждали и православные миссионеры. Так иеромонах Гурий отмечал особую привязанность донских калмыков

«к национальной религии, в которой хотя рядовые калмыки и мало что понимают по отсутствию средств к ознакомлению с истинами религиозного учения, — но тем не менее благоговейно пред духовенством — носителями религиозного сознания, пред номами, т. е. священными книгами, написанными на тибетском языке и частью в переводах на мало доступном пониманию калмыцком (язык подстрочных переводов), пред хурулами, наполненными изображениями бурханов, которых не только простой мирянин, калмык, но и редкий гелюн может назвать всех по именам. Все это дорого народу, потому что он веками сжился с этим, его быт и религия — плоть и кровь его» (Гурий, 1911: 7–8).

С. Павловский в «Кратких сведениях о донских калмыках» также отмечает преданность донских калмыков буддизму: донские калмыки, пишет он, «исповедуют ламаизм и своей вере очень преданы, хотя и мало ее знают, исполняя только обрядовую ее сторону. Случаи обращения калмыков в православную веру бывают очень редки и носят характер случайности» (Павловский, 1911: 1006).

В то же время современники подчеркивали, что при значительном числе духовенства на душу населения калмыки крайне плохо знали правила своей религии. Так, С. Ф. Номикосов отмечал, что донские калмыки считают духовенство обязанным читать молитвы за весь народ, который в ответ должен содержать их за это. Религиозная практика же заключалась главным образом в присутствии на праздничных молебнах и чтении несколько раз в день мантры «Ом мани падме хум». Поскольку священный канон калмыков написан на тибетском языке, доступном пониманию только ученых-лам, то простой народ мог усвоить религиозные понятия только через толкования лам, которые обычно ограничивались чтением молитв на непонятном народу тибетском языке (Номикосов, 1884: 571–572). Впрочем, подобное индифферентное отношение к религии автор отмечает и у значительной части православного населения региона (там же: 569).

Необходимо иметь в виду, что географическая удаленность территории кочевания донских калмыков от Тибета и Монголии не могла пройти бесследно для функционирования местной буддийской церкви. За века культурного отчуждения от буддийских центров, уровень познаний буддийским духовенством сильно упал, а само оно стало стремиться обладать в чрезмерной мере частной собственностью. Одно это уже противоречило монашескому уставу «Виная» и по статьям Монголо-ойратского права 1640 г. монах не имел права обладать ничем иным, кроме самых необходимых личных вещей, а все более ценное имущество, как например строения, являлось собственностью сангхи (подр.: Ulanov, Badmaev, Holland, 2017; Уланов, Бадмаев, 2017).

В то же время монголовед А. М. Позднеев, говоря о донских калмыках, отмечал, что «набожность составляет самую отличительную и характеризующую черту калмыка, и по этой своей особенности калмыки обыкновенно проводят свои “мацаки”, или дни поста, т. е. 8; 15 и 30-е число каждого месяца, в молитве о богомыслии, причем последнее чаще всего достигается чтением книги “Тарба-чэнбо” и “Дордже-джодба”» (А. М. Позднеев ... , 2017: 73). Здесь необходимо указать, что в начале XX века у донских калмыков происходил процесс духовного возрождения, связанный с просветительской деятельностью Ламы донских калмыков М. Борманжинова, благодаря чему значительно вырос уровень религиозного образования у священнослужителей и даже мирян.

Таким образом, можно отметить, что буддизм занимал важное место в системе ментальности донских калмыков, являясь значимым фактором этнической самоидентификации, специфической формой трансляции национальных обычаев и традиций. Роль религии как фактора сохранения этнической идентичности особо возрастала в связи с тем, что донские калмыки-калмыки казаки проживали в своеобразном анклав, окруженном почти со всех сторон иноязычным и иноконфессиональным населением.

Драматическая судьба буддизма донских калмыков в XX веке

Октябрьская революция 1917 г. и последовавшая Гражданская война имели трагические последствия как для донских калмыков вообще, так и для их буддийской церкви. Почти все хурулы на Дону пострадали от действий большевистских отрядов, многие представители духовенства были уничтожены, часть их эмигрировала за границу вместе с отступающей Белой гвардией. В то же время в период Гражданской войны в 1918 г. главой казачества Красновым был закреплён флаг Войска Донского, на котором синий цвет олицетворял донских казаков, желтый — казаков-калмыков, а красный — донских крестьян. Как известно, желтый цвет для калмыков связан с семантикой желтошапочной школы Гелуг, господствовавшей не только в Тибете, но и Монголии, а также у калмыков, бурят и тувинцев.

В 1920–1930-е годы почти все уцелевшие ранее ламы донских калмыков подверглись репрессиям. Боевые действия на Дону в годы Второй мировой войны и последовавшая депортация калмыков привели к полному упадку буддизма на Дону. После реабилитации калмыцкого народа и возвращения его на Родину, почти все донские калмыки обосновались на территории восстановленной Калмыцкой АССР.

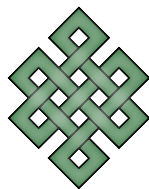
В условиях отсутствия буддийских храмов на территории республики среди выходцев из донских калмыков, прежде всего пожилых женщин, получила распространение практика *мацг*¹, проводившаяся в домах верующих. Данная практика включала в себя соблюдение в течение одного дня нескольких буддийских обетов и коллективное начитывание мантр и молитв во время буддийских праздников и в специальные дни по лунному календарю (Уланов, Бадмаев, 2020: 203). И хотя в общины, связанные с практикой *мацг*, входили представительницы разных этнических групп калмыцкого народа, ведущую роль здесь играли именно выходцы из донских калмыков.

Особое место в истории донских калмыков занимает их эмиграция на Запад. В годы Гражданской войны и Второй мировой значительная часть донских калмыков в силу разных причин вынуждена была эмигрировать на Запад, в Европу, а затем в Америку. Вместе с ними в эмиграцию попали и некоторые ламы, которым удалось сохранить религиозные тексты и утварь. В тяжелых условиях эмиграции буддизм стал важнейшей духовной опорой калмыцких беженцев с донских степей. Функцию хурулов нередко выполняли обустроенные под храмы квартиры или молельные дома (Гучинова, 2004: 238).

В 1929 г. в Белграде силами разных субэтнических групп калмыков был открыт буддийский храм, действовавший до 1944 г. В 1955 г. вскоре после перемещения большей части калмыцкой эмиграции в США силами выходцев из донских калмыков в г. Хауэлл был построен храм Барун-хурул или Олна газар (тиб. название *Таши-лумпо*), ставший культурным центром калмыцкой эмиграции (Бакаева, 2019). Настоятелем Барун-хурула до 1964 г. был Зодьба-бакша (Зодьба Бурульдинов), который оставил написанную им на *тодо бичиг* рукопись истории хурулов донских калмыков.

Судьба Зодьба-ламы очень интересна. Известно, что он был репрессирован, отбывал срок на строительстве Беломорско-Балтийского канала, был освобожден в 1935–1936 гг., затем перебрался в Элисту.

¹ *Мацг* (калм.) — пост, день поста. Принятие обетов *мацг* (тиб. *соджонг*) — явление, характерное для буддистов тибето-монгольского буддизма. В Калмыкии данную традицию сохраняли в основном пожилые женщины, которых в народе называли *мацгта эмгчуд* — «бабушки, соблюдающие обеты мацг».

Во время войны он оказался в лагере для перемещенных лиц в Германии, откуда переселился в США (Алексеева, 1997: 31).

В 1990-е годы уже на территории Калмыкии начался процесс возрождения традиций калмыцкого казачества. «В Уставе казачьего войска Калмыкии» утверждалось, что восстановление казачества осуществляется на основе равенства буддизма и православия, и в самом казачестве деятельность по нравственному воспитанию молодёжи происходит в союзе православной церкви и буддийского хурула» (Рвачева, 2016: 44). В 1994 г. у казачьего войска Калмыкии появился штатный войсковой лама Ринчен Дагва (Чуматов Владимир Очирович).

Современные калмыки стремятся возродить память о земле предков, посещая малую родину, возводя там культовые сооружения, субурганы (буддийские ступы) (Ламажаа, Намруева, 2018: 215). Среди выходцев из донских калмыков также получила широкое распространение практика посещения прежних калмыцких станиц, которая имеет характер паломничества, так как калмыки прежде всего посещают территории прежних хурулов и места захоронения наиболее уважаемых лам, в частности, Бакши М. Борманжинова.

Заключение

Таким образом, на Дону в XVIII–XIX веках сложился весьма интересный и, на первый взгляд, парадоксальный феномен в форме калмыцкого буддийского казачества. Может показаться удивительным, что люди, исповедующие столь миролюбивую религию, имели статус казаков — специфического военного сословия. В то же время разгадка этого любопытного факта кроется в самой истории калмыков и их предков ойратов, которые, несмотря на принятие буддизма, известны как один из самых воинственных народов мира. Известно, что калмыки принимали активное участие почти во всех военных конфликтах дореволюционной России и были известны как отважные и умелые воины, поэтому статус военного сословия не вступал в противоречие с их традиционной ментальностью.

Донские калмыки, несмотря на географическую оторванность от основной массы калмыцкого народа и вхождение в состав донского казачества, смогли сохранить свою национальную и конфессиональную идентичность. В условиях иноэтнического, инокультурного окружения буддизм стал ключевым фактором сохранения национальной идентичности у калмыков. Именно он выделял их из состава других народов Области Войска Донского, став символом их этнической самобытности и консолидации.

Среди других причин сохранения у донских калмыков буддийской религии можно выделить традиционный казачий менталитет, отличавшийся терпимостью к другим культурам, в силу чего среди казаков всегда были представители разных конфессий, в том числе и буддисты. Казачья администрация Дона была в свою очередь заинтересована в калмыках, как значительной военной силе, в силу чего религиозные отличия отходили на второй план. Несмотря на попытки ограничить количество хурулов и калмыцкого духовенства, а также поставить под контроль буддийскую церковь донских калмыков, последняя представляя собой достаточно сплоченную и организованную силу, влияние которой на калмыцкое население было значительным. И хотя за годы Советской власти буддизм в Калмыкии пришел в упадок, в 1990-е годы начался процесс его возрождения, в котором значительную роль играли и выходцы из донских калмыков.

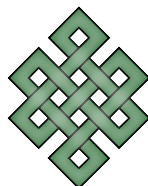
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеева, П. Э. (2002) Богшрахинский аймак и богшрахинцы: краткие исторические очерки. Элиста : Джангар. 255 с.

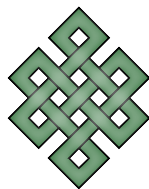
Алексеева, П. Э. (1997) Станица Граббевская (XVII век — декабрь 1943 г.) : исторический очерк. Элиста : Калмыцкое кн. изд-во. 191 с.

А. М. Позднеев (1851–1920) в память о Бакши-ламе донских калмыков Менке Борманжинове (1855–1919) (по материалам Архива востоковедов ИВР РАН) (2017) // *Mongolica-XIX* : сборник научных статей по монголоведению посвящается ведущим российским монголоведам, юбилярам 2017 года М. И. Гольману, В. В. Грайворонскому и К. Н. Яцковской. СПб. : Петербургское Востоковедение. 104 с. С. 68–75.

Бакаева, Э. П. (1994) Буддизм в Калмыкии. Историко-этнографические очерки. Элиста : Калмыцкое книжное издательство. 128 с.

- Бакаева, Э. П. (2019) Расширяющееся культурное пространство: пример калмыцкой диаспоры (буддизм и идентичность, миграции и современные технологии) // Новые исследования Тувы. № 3. С. 116–134. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.3.10>
- Борманджинов, А. (1997) Ламы калмыцкого народа: ламы донских калмыков. Элиста ; М. : Зеленоградский обыватель ; Зареалье. 60 с.
- Браиловский, С., Немцов, Н. (1901) Из поездки к донским калмыкам // Исторический вестник. Т. 86. № 11. С. 717–735.
- Броневский, В. Б. (1834) Описание Донской земли и Кавказских Минеральных вод : в 4 ч. СПб. : Тип. Экспедиции заготовления государственных бумаг. Ч. III. 217 с.
- Гурий, иеромонах (1911). Донские калмыки и история их христианского просвещения по трудам Казанского миссионерского съезда. СПб. : Издание В. М. Скворцова. 40 с.
- Гучинова, Э.-Б. М. (2004) Улица Kalmuk road. История, культура и идентичности калмыцкой общины в США. СПб. : Алетейя. 340 с.
- Дорджиева, Г. Ш. (1995) Буддизм и христианство в Калмыкии: Опыт анализа религиозной политики правительства Российской империи (середина XVII — начало XX вв.). Элиста : АПП «Джангар». 126 с.
- Дорджиева, Г. Ш. (2012) Буддизм в Калмыкии в вероисповедной политике государства (середина XIX — начало XX вв.). Элиста : Изд-во Калмыцкого ун-та. 203 с.
- История Калмыкии с древнейших времен до наших дней (2009a) / отв. ред. К. Н. Максимов, Н. Г. Очирова. Элиста : ГУ Издательский дом «Герел». Т. I. 848 с.
- История Калмыкии с древнейших времен до наших дней (2009b) / отв. ред. К. Н. Максимов, Н. Г. Очирова. Элиста : ГУ Издательский дом «Герел». Т. III. 752 с.
- Кануков, Х. Б. (1928) Будда-ламаизм и его последствия. Астрахань : Калмиздат «Красный калмык». 94 с.
- Крылов, А. Л. (1873) Умственное и нравственное развитие донских калмыков и особенности их быта. Этнографический очерк действ. чл. Обл. Войска Донского стат. ком. А. Крылова. Новочеркасск : Области Войска Донского типография. 58 с.
- Ламажаа, Ч. К., Намруева, Л. В. (2018) Субэтнические дифференциации российских этносов (на примере калмыков и тувинцев) // Новые исследования Тувы. № 2. С. 206–226. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2018.2.11>
- Максимов, К. Н. (2000) История национальной государственности Калмыкии (нач. XVII — XX вв.). М. : Профиздат. 312 с.
- Максимов, К. Н. (2002) Калмыкия в национальной политике, системе власти и управления России (XVII–XX вв.). М. : Наука. 524 с.
- Максимов, К. Н. (2016) Калмыки в составе донского казачества (XVII — середина XX в.). Ростов-на-Дону : Издательство Южного научного центра РАН. 584 с.
- Маслаковец, Н. А. (1874) Физическое и статистическое описание кочевья донских калмыков : в 2 ч. Новочеркасск : Области Войска Донского типография. Ч. 2: Статистическое описание. 95 с.
- Номикосов, С. Ф. (1884) Статистическое описание области войска Донского. Новочеркасск : Типография Области Войска Донского. 762 с.
- Павловский, С. (1911) Краткие сведения о донских калмыках // Донские епархиальные ведомости. № 36. С. 1001–1008.
- Попов, И. И. (1919) Донские калмыки-казаки // Очерки географии Всевеликого Войска Донского / автор-составитель В. В. Богачев. Новочеркасск : Отдел народного просвещения Всевеликого Войска Донского. 523 с. С. 284–329.
- Рвачева, О. В. (2016) Движение за возрождение казачества в Калмыкии в конце XX — начале XXI вв. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. № 2. С. 42–49.
- Ремилева, Е. (2010) Ойрат-монголы: Обзор истории европейских калмыков. Weiler : Бертуган. 690 с.
- Траилин, Ф. (1872) Санксрин-Курэдэ, священное калмыцкое изображение и сведения о донских калмыках. Новочеркасск : Типография Области Войска Донского. 58 с.
- Кольдонга Содном (2018) «Жить свободно по своим обычаям...» : духовное наследие калмыцкой эмиграции / сост., вступ. ст., коммент. Б. А. Бичеева. Элиста : КалМНЦ РАН. 440 с.
- Уланов, Н. Э. (1902) Буддийско-ламаистское духовенство донских калмыков, его современное положение. СПб. : Паровая скоропеч. «Восток» М. М. Гутзац. 16 с.

Уланов, М. С., Бадмаев, В. Н. (2017) Буддизм и право в Калмыцком ханстве (XVII–XVIII вв.) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. № 4. С. 76–81.

Уланов, М. С., Бадмаев, В. Н. (2020) Женское духовенство в истории буддизма у монгольских народов России // Диалог со временем. Вып. 72. С. 195–208.

Ульянов, Д. (1913) Предсказания Будды о доме Романовых и краткий очерк моих путешествий в Тибет в 1904-1905 гг. СПб. : Центральная типо-лит. 118 с.

Цюрюмов, А. В. (2007) Калмыцкое ханство в составе России: проблемы политических взаимоотношений. Элиста : АПП «Джангар». 462 с.

Шовунов, К. П. (1992) Калмыки в составе российского казачества. Элиста : Калмыцкий институт общественных наук. 317 с.

Ulanov, M. S., Badmaev, V. N., Holland, E. C. (2017) Buddhism and Kalmyk secular law in the seventeenth to nineteenth centuries // Inner Asia. No. 19. P. 297–314.

Дата поступления: 01.02.2021 г.

REFERENCES

Alekseeva, P. E. (2002) *Bogshrakhinskii aimak i bogshrakhintsy: kratkie istoricheskie ocherki [Bogshrakhinsky aimak and the Bogshrakhintsy: Brief historical essays]*. Elista, Dzhangar. 255 p. (In Russ.).

Alekseeva, P. E. (1997) *Stanitsa Grabbevskaia (XVII vek — dekabr' 1943 g.) : istoricheskii ocherk [The stanitsa of Grabbevskaia (the 17th century — December 1943) : A historical essay]*. Elista, Kalmyk Publishing House. 191 p. (In Russ.).

A. M. Pozdneev (1851–1920) v pamiat' o Bakshi-lame donskikh kalmykov Menke Bormanzhinove (1855–1919) (po materialam Arkhiva vostokovedov IVR RAN) [A. M. Pozdneev (1851–1920) in memory of the Bakshi Lama of the Don Kalmyks, Menka Bormanzhinov (1855–1919) (Based on the materials of the Archive of Orientalists at the Institute of Oriental Manuscripts of the RAS)] (2017). In: *Mongolica-XIX [Mongolica-XIX]: A collection of scientific articles on Mongol studies dedicated to the leading Russian Mongol scholars, anniversary celebrants of 2017, M. I. Gol'man, V. V. Graivoronskii and K. N. Iatskovskaia*. St. Petersburg, Peterburgskoe Vostokovedenie. 104 p. Pp. 68–75. (In Russ.).

Bakaeva, E. P. (1994) *Buddizm v Kalmykii. Istoriko-etnograficheskie ocherki [Buddhism in Kalmykia. Historical and ethnographic essays]*. Elista, Kalmyk Publishing House. 128 p. (In Russ.).

Bakaeva, E. P. (2019) *Rasshiriaiushcheesia kul'turnoe prostranstvo: primer kalmytskoi diaspory (buddizm i identichnost', migratsii i sovremennye tekhnologii) [The expanding cultural space: a case study of the Kalmyk diaspora (Buddhism and identity, migrations and modern technologies)]*. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 116–134. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.3.10>

Bormandzhinov, A. (1997) *Lamy kalmytskogo naroda: lamy donskikh kalmykov [Lamas of the Kalmyk people: Lamas of the Don Kalmyks]*. Elista; Moscow, Zelenogradskii obyvatel'; Zareal'e. 60 p. (In Russ.).

Brailovskii, S. and Nemtsov, H. (1901) *Iz poezdki k donskim kalmykam [From a trip to the Don Kalmyks]*. *Istoricheskii vestnik*, vol. 86, no. 11, pp. 717–735. (In Russ.).

Bronevskii, V. B. (1834) *Opisanie Donskoi zemli i Kavkazskikh Mineral'nykh vod [A description of the Don land and the Caucasian Mineral Waters]* : in 4 parts. St. Petersburg, Tip. Ekspeditsii zagotovleniia gosudarstvennykh bumag. Part III. 217 p. (In Russ.).

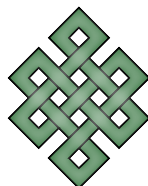
Gurii, ieromonakh (1911) *Donskie kalmyki i istoriia ikh khristianskogo prosveshcheniia po trudam Kazanskogo missiionerskogo s"ezda [The Don Kalmyks and the history of their Christian Enlightenment according to the works of the Kazan Missionary Congress]*. St. Petersburg, Izdanie V. M. Skvortsova. 40 p. (In Russ.).

Guchinova, E.-B. M. (2004) *Ulitsa Kalmuk road. Istorii, kul'tura i identichnosti kalmytskoi obshchiny v SShA [Kalmuk road Street. History, culture, and identities of the Kalmyk community in the USA]*. St. Petersburg, Aletheia. 340 p.

Dordzhieva, G. Sh. (1995) *Buddizm i khristianstvo v Kalmykii: Opyt analiza religioznoi politiki pravitel'stva Rossiiskoi imperii (seredina XVII — nachalo XX vv.) [Buddhism and Christianity in Kalmykia: The experience of analyzing the religious policy of the government of the Russian Empire (The mid-17th — early 20th centuries)]*. Elista, APP «Dzhangar». 126 p. (In Russ.).

Dordzhieva, G. Sh. (2012) *Buddizm v Kalmykii v veroispovednoi politike gosudarstva (seredina XIX — nachalo XX vv.) [Buddhism in Kalmykia in the religious policy of the state (The mid-19th — early 20th centuries)]*. Elista, Kalmyk University Publ. 203 p. (In Russ.).

Istorii Kalmykii s drevneishikh vremen do nashikh dnei [History of Kalmykia from ancient times to the present day] (2009a) / ed. by K. N. Maksimov and N. G. Ochirova. Elista, Publ. House "Gerel". Vol. I. 848 p. (In Russ.).

Istoriia Kalmykii s drevneishikh vremen do nashikh dnei [History of Kalmykia from ancient times to the present day] (2009b) / ed. by K. N. Maksimov and N. G. Ochirova. Elista, Publ. House "Gerel". Vol. III. 752 p. (In Russ.).

Kanukov, Kh. B. (1928) *Budda-lamaizm i ego posledstviia [Buddha-Lamaism and its consequences]*. Astrakhan, Kalm-izdat "Krasnyi kalmyk". 94 p. (In Russ.).

Krylov, A. L. (1873) *Umstvennoe i nravstvennoe razvitie donskikh kalmykov i osobennosti ikh byta. Etnograficheskii ocherk deistv. chl. Obl. Voiska Donskogo stat. kom. A. Krylova [Mental and moral development of the Don Kalmyks and features of their everyday life. An ethnographic essay by the full member of the Statistical Committee of the Province of the Don Cossack Host, A. Krylov]*. Novochoerkassk, Printing House of the Province of the Don Cossack Host. 58 p. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. and Namrueva, L. V. (2018) Subetnicheskii differentsiatsii rossiiskikh etnosov (na primere kalmykov i tuvintsev) [Sub-ethnic differentiations of Russian ethnic groups: the case of Kalmyks and Tuvans]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 206–226. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2018.2.11>

Maksimov, K. N. (2000) *Istoriia natsional'noi gosudarstvennosti Kalmykii (nach. XVII — XX vv.) [The history of the national statehood of Kalmykia (The early 17th — 20th centuries)]*. Moscow, Profizdat. 312 p. (In Russ.).

Maksimov, K. N. (2002) *Kalmykii v natsional'noi politike, sisteme vlasti i upravleniia Rossii (XVII–XX vv.) [Kalmykia in the national policy and the system of government and management of Russia (17th–20th centuries)]* Moscow, Nauka. 524 p. (In Russ.).

Maksimov, K. N. (2016) *Kalmyki v sostave donskogo kazachestva (XVII — seredina XX v.) [Kalmyks as part of the Don Cossacks (17th century — mid-20th century)]*. Rostov-on-Don, Publ. House of the Southern Scientific Centre of the RAS. 584 p. (In Russ.).

Maslakovets, N. A. (1874) *Fizicheskoe i statisticheskoe opisaniie kochev'ia donskikh kalmykov [Physical and statistical description of the Don Kalmyks' nomadism]* : in 2 parts. Novochoerkassk, Printing House of the Province of the Don Cossack Host. Part 2: Statisticheskoe opisaniie [Statistical description]. 95 p. (In Russ.).

Nomikosov, S. F. (1884) *Statisticheskoe opisaniie oblasti voiska Donskogo [Statistical description of the Province of the Don Cossack Host]*. Novochoerkassk, Printing House of the Province of the Don Cossack Host. 762 p. (In Russ.).

Pavlovskii, S. (1911) *Kratkie svedeniia o donskikh kalmykakh [Brief information about the Don Kalmyks]*. *Donskie eparkhial'nye vedomosti*, no. 36, pp. 1001–1008. (In Russ.).

Popov, I. I. (1919) *Donskie kalmyki-kazaki [The Don Kalmyk Cossacks]*. In: *Ocherki geografii Vsevelikogo Voiska Donskogo [Essays on the geography of the All-Great Don Host]* / author-compiler V. V. Bogachev. Novochoerkassk, Otdel narodnogo prosveshcheniia Vsevelikogo Voiska Donskogo [Department of Public Education of the All-Great Don Host]. 523 p. Pp. 284–329. (In Russ.).

Rvacheva, O. V. (2016) *Dvizhenie za vozrozhdenie kazachestva v Kalmykii v kontse XX — nachale XXI vv. [The Cossack restoration movement in Kalmykia in the late 20th — early 21st centuries]*. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniia RAN*, no. 2, pp. 42–49. (In Russ.).

Remileva, E. (2010) *Oirat-mongoly: Obzor istorii evropeiskikh kalmykov [Oirat-Mongols: A review of the history of the European Kalmyks]*. Weiler, Bertugan. 690 p. (In Russ.).

Trailin, F. (1872) *Sanksrin-Kurede, sviashchennoe kalmytskoe izobrazhenie i svedeniia o donskikh kalmykakh [Sanksrin-Kurede, the sacred Kalmyk image and information about the Don Kalmyks]*. Novochoerkassk, Printing House of the Province of the Don Cossack Host. 58 p. (In Russ.).

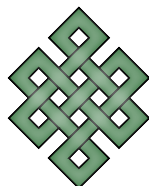
Kol'donga Sodnom (2018) «Zhit' svobodno po svoim obychaiam...» : *dukhovnoe nasledie kalmytskoi emigratsii [“To live freely according to their customs...”: The spiritual heritage of the Kalmyk emigration]* / comp. by B. A. Bicheev. Elista, Kalmyk Scientific Center of the RAS. 440 p. (In Russ.).

Ulanov, N. E. (1902) *Buddiisko-lamaiskoe dukhovenstvo donskikh kalmykov, ego sovremennoe polozenie [The Buddhist-Lamaist clergy of the Don Kalmyks, its current state]*. St. Petersburg, Parovaia skoropech. «Vostok» M. M. Gutzats. 16 p. (In Russ.).

Ulanov, M. S. and Badmaev, V. N. (2017) *Buddizm i pravo v Kalmytskom khanstve (XVII–XVIII vv.) [Buddhism and law in the Kalmyk Khanate (17th–18th centuries)]*. *Iuridicheskaiia nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii*, no. 4, pp. 76–81. (In Russ.).

Ulanov, M. S. and Badmaev, V. N. (2020) *Zhenskoe dukhovenstvo v istorii buddizma u mongol'skikh narodov Rossii [Female clergy in the history of Buddhism among the Mongolian peoples of Russia]*. *Dialog so vremenem*, vol. 72, pp. 195–208. (In Russ.).

Ulyanov, D. (1913) *Predskazaniia Buddy o dome Romanovykh i kratkii ocherk moikh puteshestvii v Tibet v 1904–1905 gg. [Buddha's predictions about the House of the Romanovs and a brief sketch of my travels to Tibet in 1904–1905]*. St. Petersburg, Tsentral'naia tipo-lit. 118 p. (In Russ.).

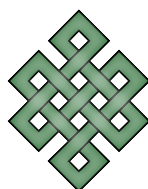

Tsiuriumov, A. V. (2007) *Kalmytskoe khanstvo v sostave Rossii: problemy politicheskikh vzaimootnoshenii* [The Kalmyk Khanate as part of Russia: Problems of political relations]. Elista, APP "Dzhangar". 462 p. (In Russ.).

Shovunov, K. P. (1992) *Kalmyki v sostave rossiiskogo kazachestva* [Kalmyks as part of the Russian Cossacks]. Elista, Kalmyk Institute of Social Sciences. 317 p. (In Russ.).

Ulanov, M. S., Badmaev, V. N. and Holland, E. C. (2017) Buddhism and Kalmyk secular law in the seventeenth to nineteenth centuries. *Inner Asia*, no. 19, pp. 297–314.

Submission date: 01.02.2021.

DOI: 10.25178/nit.2021.2.10

НОВЫЙ МИР — НОВЫЕ ПОДХОДЫ

Статья

Социальная культура тувинцев и онлайн-пространство

Чимиза К. Ламажаа

Тувинский государственный университет; Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, Российская Федерация

В статье анализируется проблема: как современные технологии стали для тувинцев, помимо всего прочего, своеобразными проводниками архаизации — процесса возвращения к архаическим социальным и культурным связям и смыслам. Источником данных являются результаты авторского опроса тувинцев, пользующихся социальными сетями, мессенджерами. Опрос состоялся в начале 2021 г. методом случайной выборки, охватил 205 человек, ответивших на вопросы анкеты в Google Forms.

Российская киберэтнография сегодня больше сконцентрирована на изучении презентации этничности в Интернете. Автор предлагает пойти дальше и рассмотреть сеть как новое пространство для функционирования социальной культуры этноса на примере тувинцев. В основе анализа — идеи антропологов К. Хайн и Г. Рейнгольда, что позволяет говорить о сетевой социальности как факте социальной реальности.

Развитие беспроводного Интернета в Туве привело к тем же результатам, что и во всем мире — люди научились действовать совместно в условиях, которые ранее этого не допускали. Значительное число тувинцев имеют группы (родственников, коллег, друзей) в мессенджерах, прежде всего Viber, общение в которых имеет различные социальные «последствия». Чаще всего Viber используется для связи со знакомыми, родственниками (90,2%). Родственные группы насчитывают от 13 до 70 человек, общение в них ведется почти постоянно, чаще всего на тувинском языке; участники обмениваются информацией, новостями и договариваются о совместных действиях. Использование интернет-коммуникаций как возможность сплочения, координации действий позволяет тувинцам максимально результативно участвовать в голосованиях в интернет-конкурсах разного масштаба.

Исторический экскурс позволяет увидеть, что пространство социальной культуры тувинцев подвергалась на протяжении истории изменениям, а социальная культура сохранила свои основные ценности — значимость социальных связей родственных групп.

Ключевые слова: тувинцы; Тува; социальная культура; пространство; понимание пространства; картина мира; социальная сеть; мессенджер; родственная группа

Подготовлено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта «Тезаурус этнической культуры в XXI веке: проблемы исследования и сохранения (на примере тувинской культуры)» (грант № 21-18-00246).

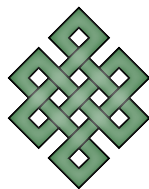
Для цитирования:

Ламажаа Ч. К. Социальная культура тувинцев и онлайн-пространство // Новые исследования Тувы. 2021, № 2. С. 115-129. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.2.10>

Ламажаа Чимиза Кудер-ооловна — доктор философских наук, заведующая лабораторией этнологии и лингвокультурологии Тувинского государственного университета; главный научный сотрудник отдела религиоведения и культурологии Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Ленина, д. 36; 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 4. Тел.: +7 (916) 413-33-85. Эл. адрес: lamazhaa@tuvva.asia

LAMAZHAA, Chimiza Kuder-oolovna, Doctor of Philosophy, Head, Laboratory of Ethnology and Linguoculturology, Tuvan State University; Chief Researcher, Department of Religious Studies and Cultural Studies, Tuvan Institute of Humanities and Applied Social and Economic Research under the Government of Tuva. Postal address: 36 Lenina St., 667000 Kyzyl, Russia; 4 Kochetova St., 667000 Kyzyl, Russian Federation. Tel.: +7 (916) 413-33-85. E-mail: lamazhaa@tuvva.asia

ORCID ID: 0000-0003-1813-3605

NEW WORLD — NEW APPROACHES

Article

Social Culture of Tuvans and Online Space

Chimiza K. Lamazhaa

Tuvan State University; Tuvan Institute of Humanities and Applied Social and Economic Research,
Russian Federation,

The article analyzes the issue of how modern technologies have become, among other things, a sort of vehicles of archaization for Tuvans, i.e. of the process of returning to archaic social and cultural ties and meanings. The source of the data is the author's survey of Tuvans who use social networks and messaging apps. The survey was conducted in early 2021 by random sampling, covering 205 people who answered the questionnaire published on Google Forms.

Today Russian cyberethnography is more focused on studying the presentation of ethnicity on the Internet. The author suggests going further and considering the network as a new space for the functioning of an ethnic group's social culture in the case of Tuvans. The analysis is based on the ideas of the anthropologists Ch. Hine and H. Rheingold. This allows us to talk about a network sociality as a fact of social reality.

The development of wireless Internet in Tuva has led to the same results as all over the globe — people have learned to act together in conditions that previously did not permit this. A significant number of Tuvans use chat groups (of relatives, colleagues, friends) in messaging apps, especially on Viber. Communication via them has various social "consequences". Most often, Viber is used to communicate with friends and relatives (90.2%). The groups of relatives number from 13 to 70 people, communication in them is flowing almost constantly, typically in the Tuvan language; participants exchange information, news, and arrange collective actions. The use of web communications as a tool for unity and coordination of actions allows Tuvans to vote in online contests of various kinds as effectively as possible.

A historical insight allows us to see that the space of the social culture of Tuvans has undergone changes throughout history, and the social culture has preserved its basic values — the significance of social ties among kin groups.

Keywords: Tuvans; Tuva; social culture; space; understanding of space; worldview; social network; messaging app; kin group

Financing

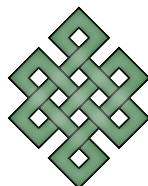
The article was prepared with financial support from the Russian Science Foundation within the framework of the research project "The-saurus of Ethnic Culture in the 21st Century: Problems of Study and Preservation (The Case of Tuvan Culture)" (grant No. 21-18-00246).

For citation:

Lamazhaa Ch. K. Sotsial'naia kul'tura tuvintsev i onlain-prostranstvo [Social Culture of Tuvans and Online Space]. *New Research of Tuva*, 2021, no. 2, pp. 115-129. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.2.10>

Введение

Не будет большим преувеличением сказать, что сегодня каждое утро большинства тувинцев начинается с приветствий с многочисленными родственниками и земляками. Причем вне зависимости от того, где они находятся: в столице Тувы Кызыле, в отдаленном селе, за пределами Тувы и даже России... Едва проснувшись, они обмениваются с помощью гаджетов с мобильным Интернетом пожеланиями доброго утра, свежими новостями, фотографиями. Собеседники сразу узнают о том, что делает в данный момент, что происходило у каждого накануне вечером и какие шалости вытворяет детвора. Они договариваются о встречах и совместных делах. Кому-то это нравится, кто-то удивляется тому, какие изменения произошли в жизни, кто-то раздражается от обилия сообщений. Можно говорить о том, какими модернизированными стали люди, какими современными стали тувинцы, как глубоко проникла глобализация и в этот когда-то закрытый край... Но эта ситуация доступности друг друга, нивелирования пространства между собеседниками каждый раз заставляет меня вспоминать архаические фольклорные сюжеты с путешествиями эпических героев, когда они преодолевают все

препятствия, «сжимаемая» пространственно-временные координаты до стремительно меняющихся ощущений: «зиму узнавал по снегу, лето — по росе». Мы вроде бы с помощью технических новшеств идем в ногу с прогрессом. Но, с другой стороны, в нашу жизнь вернулось нечто старое — наши родственные связи, не зависящие от каких-либо внешних обстоятельств, пространства и времени.

Тема общего между архаическими традициями и сверхсовременными скоростями человеческих реакций, которые передают информационные коммуникации, уже заинтересовала исследователей. Так, А. В. Головнев после экспедиции к оленеводам Кольского полуострова в 2018 г. выложил в Интернет смонтированный видеоролик эпизодов вращения оленьего стада, записанных с помощью парящего над ними коптера (Головнев, 2019). Последовавшая за этим бурная реакция замороженных зрелищем зрителей из самых разных стран, которую он назвал «бурлением Сети», ему показалась весьма интересной. Речь не шла о трактовке кругового хождения самих оленей, поскольку для зоологов это может объясняться инстинктивным желанием стада защититься от хищников. Интерес был именно к реакции людей, и он побудил ученого обратиться к анализу пространственного кружения, который А. В. Головнев расценил как универсальный прием физического и ментального охвата пространства. Людей не просто привлекла визуальная красота кругового движения огромных стад, синхронность действий, но включился некий универсальный механизм, заложенный в самой природе человеческого мышления и деятельности и увлекающий на подсознательном уровне. Движение в круге ученый назвал важным базовым влечением человека, который инстинктивно стремится к природной мим-адаптации (там же: 117).

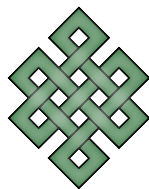
В данной работе мне хотелось бы рассмотреть на ином примере, как современные технологии не просто изменили нашу жизнь, но и стали проводниками архаизации — процесса возвращения к архаическим социальным и культурным связям и смыслам (Ламажаа, 2012). Поэтому я обращусь к анализу проблематики социальной культуры, трактуя ее как культурно обусловленные социальные нормы, социальные ценности, социальные связи. Функционирование норм, поддержание связей происходит не только в определенном социальном окружении, но, помимо этого, как мы сейчас видим, и в разных пространственных измерениях, формах — не только офлайн, но и онлайн. Но если сейчас появление онлайн-пространства для социальной культуры может считаться абсолютно новым, значит ли это, что и социальная культура также обновляется? Могут ли особенности культуры влиять на характер интернет-коммуникаций?

Для анализа нынешней ситуации, который предлагаю производить как исследование в русле антропологии современности, я опираюсь на данные моего опроса тувинцев, пользующихся социальными сетями, мессенджерами. Этот опрос состоялся в январе 2021 г. методом случайной выборки (приглашение для участия в опросе распространялось в тувинских группах в социальных сетях и мессенджерах), охватил 205 человек, ответивших на вопросы анкеты в Google Forms.

Антропология современности и Интернет как пространство социальной культуры

Распространение в последние годы в Рунете этнически ориентированных сообщений, сведений, определенных групп, чатов и пр., то есть появление национального Интернета, как пишут исследователи (Мартьянов, Мартьянова, 2012; Габдрахманова, Махмутов, 2018), привело к признанию того факта, что этничность приобрела особую виртуальную форму. Под словом «виртуальная» не подразумевается какая-то эфемерная, нереальная форма, нет: «воображением в киберпространстве создается вполне “реальная реальность”» (Головнев, Белоруссова, Киссер, 2018: 100).

Это вызывает необходимость менять исследовательские подходы (Головнев, Белоруссова, Киссер, 2018; Белоруссова, Головнев, 2019). Как ранее рассуждала американско-датская исследовательница теории информации А. Маркхэм, традиционные методы этнографии здесь уже не помогают, значит — надо критически изучить саму ситуацию, в которой оказался исследователь (Markham, 2013: 436). Более того, даже сами виртуальные миры, считает американский антрополог Дж. Маркус, «теперь доступны как “реальная” жизнь для полного этнографического исследования так, как этого не было раньше» (Marcus, 2012: XVIII). Поэтому онлайн-игры, анонимные форумы и пр. уже два десятилетия изучаются западными исследователями как объекты виртуальной этнографии — интерпретативной этнографии (Ethnography and virtual ... , 2012) — отрасли, в поле внимания которой входят общекультурные феномены безотносительно этнокультурной проблематики.

В российской науке пока виртуальная этнография только начала развиваться. Санкт-петербургскими учеными она названа веб-этнографией или кибер-этнографией (А. В. Головнев, С. Ю. Белоруссова и др.)¹. Однако, в отличие от подхода западной науки (рассматривающей этнографию прежде всего как метод), главным объектом ее остается этничность (см.: Головнев, 2018) и ее различные проявления в виртуальности. В числе недавних интересных работ, посвященных конкретным этносам, можно назвать исследования виртуальных татарских сообществ в социальной сети «ВКонтакте» (Махмутов, Габдрахманова, 2016), визуальных образов культуры кольских саамов в этой же социальной сети (Судлейманова, 2020), аспектов виртуальной идентичности российских немцев (Киссер, 2019) и др.; обзор подобных исследований также есть в работе Г. Ф. Габдрахмановой и З. А. Махмутова (Габдрахманова, Махмутов, 2018).

В целом, на мой взгляд, российская наука находится пока больше на начальном этапе изучения этнических особенностей цифровой среды, который одна из первых западных исследователей виртуальной этнографии К. Хайн назвала условно первопроходческим. Он подразумевает изучение игры идентичностей и распределения между онлайн и офлайн-идентичностями. Второй этап (легитимизированный) включает в себя исследования офлайн-методов в онлайн-сфере, а третий (мультимодальные подходы) — сочетает различные способы коммуникации².

Учитывая расширяющиеся возможности, которые обсуждаются западными коллегами и к которым, очевидно, придут и российские авторы, я добавлю к нашему дискурсу тему Интернета как нового пространства для функционирования социальной культуры этноса на примере тувинцев. То есть сохраняя в качестве объекта внимания этническую сторону виртуальной жизни, тем не менее, я полагаю интересным использовать идеи западной виртуальной или цифровой этнографии и смотреть на виртуальность как на новое пространство для разворачивания этносоциальных, этнокультурных процессов. Обращу внимание на идеи К. Хайн, которая предложила рассматривать Интернет как пространство социального взаимодействия, а не как простой инструмент, средство связи (Hine, 2000) и Г. Рейнольдса, сформулировавшего идею нового феномена — социальной самоорганизации с помощью высоких технологий (Rheingold, 2002). Мы можем говорить о сетевой социальности как факте социальной реальности.

При этом для анализа новой социальной реальности тувинской социокультурной жизни я ориентируюсь на идеи антропологии современности (как один из разделов социальной антропологии, обращенный непосредственно к сегодняшней реальности). По мнению А. Маркхэм, направление с таким названием «требует внимания к движению, течению и процессу, к намеренной попытке отойти от размышлений о поле как об объекте, месте или целостности»³. Главное, на мой взгляд, в исследовании антропологии современности, что «разделение онлайн и офлайн теперь не так важно, как взаимодействие между людьми, чьи жизни связаны или затронуты этими сетями»⁴. Но при этом, как подчеркивает А. В. Головнев, поскольку «российская традиция не противопоставляет, а сопоставляет “народ” и “человека” ...», «антропологический мотив человек не теснит этнографический мотив народа» (Головнев, 2018: 17).

Новая форма связи тувинцев с родственниками сегодня

Развитие беспроводного Интернета в Туве⁵ привело к тем же результатам, что и во всем мире. Как писал Г. Рейнольдс, первые признаки меняющейся социальной реальности он осознал в 2000 г., когда

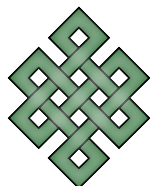
¹ В частности, их работы, а также статьи других авторов, недавно составили материалы специальной темы «Виртуальная этничность и киберэтнография» журнала «Сибирские исторические исследования» (№ 2 2019 г.: http://journals.tsu.ru/siberia/&journal_page=archive&id=1855).

² Christine Hine on virtual ethnography's E3 Internet [Электронный ресурс] // Ethnography matters. 2013, November 29. URL: <https://ethnographymatters.net/blog/2013/11/29/christine-hine-on-virtual-ethnographys-e3-internet/> (дата обращения: 20.03.2021).

³ Этнография в цифровую эпоху: от полей к потокам, от описаний к воздействию. Часть I [Электронный ресурс] // Системный Блок. 2019, 17 мая. URL: <https://sysblok.ru/society/ethnography-in-the-digital-internet-era-1/> (дата обращения: 20.03.2021).

⁴ Этнография в цифровую эпоху. Часть II: интернет как способ существования и Big Data как угроза [Электронный ресурс] // Системный Блок. 2019, 24 мая. URL: <https://sysblok.ru/society/ethnography-in-the-digital-internet-era-2/> (дата обращения: 20.03.2021).

⁵ В 2012 г. в структуре правительства региона появилось новое министерство — министерство информатизации и связи. Одной из задач ведомства стало обеспечение потребности населения, а также органов власти и

на улицах Токио заметил людей, не вслушивающихся в мобильные телефоны, а всматривающихся (Рейнгольд, 2006: 7). Обмен сообщениями, установление между ними связей, объединений по интересам стали повседневной реальностью. И технические средства, позволявшие все это делать, превратились «в нателные дистанционно управляемые устройства физического мира» (там же: 8). Люди научились действовать совместно в условиях, которые ранее этого не допускали (там же: 15).

Это наблюдение побудило автора дать название явлению социальной самоорганизации с помощью высоких технологий — «умная толпа» (*smart mob*), что и было вынесено в название монографии (оригинальное издание на английском языке: Rheingold, 2002). В российской науке его труды интересуют пока социологов, политологов, специалистов в области СМИ (Абрамов, 2006; Смирнов, 2008; Быльева, Лобатюк, 2017; Васильев, Коркия, Мамедов, 2019; и др.). А вот жизнь народов, этносоциальные процессы пока не увязывались с его идеями.

Летом 2019 г. в Тес-Хемском районе Тувы я приняла участие в обряде *дагылга* родственной группы со стороны мамы (Ламажаа, 2021). Обсуждение организации обряда началось за несколько месяцев в мессенджере Viber, в которой у нас есть группа для родственников. Мои расспросы земляков из самых разных районов республики показали, что и они имеют подобные группы в мессенджеры. И общение в этих группах также имеет различные социальные «последствия».

Чтобы охватить и обобщить типическое в этом явлении, в январе 2021 г. я сформулировала анкету с рядом вопросов о том, какими социальными сетями и мессенджерами пользуются тувинцы и для чего. Вопросы анкеты были перенесены в Google Forms, и информация об этом опросе была распространена через мессенджеры, сообщества в социальных сетях, в которых присутствовали тувинцы, в основном интеллигенция, т. е. опрос проходил методом «снежного кома». В итоге он охватил 205 человек.

Основные сведения респондентов¹ говорят нам о том, что мы получили сведения от тувинцев, в основном, среднего возраста, работающих, представителей интеллигенции, проживающих в самых разных местах, с опытом миграции (внутренней и за пределы Тувы), имеющих родственников почти во всех районах республики², причем своих кровных, а также по линии супруги/супруга, с родственниками которых они также поддерживают связи. Мои респонденты стали пользоваться социальными сетями и мессенджерами несколько лет назад. Многие затруднились назвать точный год, указывая лишь «с самого начала», «как только все появилось» (т. е. с появления этих ресурсов).

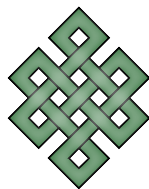
Вопрос о ресурсе, чаще всего используемом для общения, подтвердил, что Viber является самым популярным среди тувинцев мессенджером³, причем его основная цель — «для связи со знакомыми,

организаций в доступе к информационным ресурсам. Действительно, стремительно развивающийся глобальный цифровой мир уже охватил и этот уголок мира, в котором еще в начале 2000-х годов велись общественные дискуссии относительно открытия республики для железнодорожного сообщения из-за опасений самых разных утрат — экологических, культурных и пр. Увеличилось число жителей республики, которые не просто пользовались мобильными телефонами (уже в середине 2012 г. сотовой связью покрывалось 82% территории Тувы), но и тех, которые хотели пользоваться расширенными возможностями связи — социальными сетями, мессенджерами, доступ к которым они получали в мобильных гаджетах — смартфонах. В 2019 г. мобильный интернет был запущен в одном из самых отдаленных уголков республики — с Мугур-Аксы, административном центре Монгун-Тайгинского кожууна.

¹ По полу — 70,2% женщин, 29,8% мужчин. По возрастам самые значимые доли респонденты оказались у следующих групп: 35,1% — 40–49 лет, 21,5% — 30–35 лет, 18% — 36–39 лет, 12,7% — 50–60 лет. По роду занятий наиболее многочисленные группы составили: работники сферы образования — 23,4%, работники сферы культуры — 18,5%, научные сотрудники — 12,2% и предприниматели — 10,2%. Большая часть ответивших проживают в столице Тувы г. Кызыле — 66,8%, 16,1% оказались сельчанами, и третья значимая группа проживает за пределами Тувы — 10,7%. Состоящих в браке — 60%, в гражданском браке назвали себя 10,2%, и 18% — холосты, не замужем.

² Мои респонденты указали, что их родственники — как по линии матери, так и по линии отца — почти одинаково ровно поделились в местоживании: 39–45% живут в столице Тувы, 42–43% остались в прежних местах, остальные или переехали в другой район, или за пределы Тувы. Ожидается больше оказалась доля тех, кто поддерживает связи преимущественно с родственниками по линии матери (47,5%), чем по линии отца (7,4%), хотя стараются быть в равных отношениях с обеими линиями еще 44,1%. Наши женатые / замужние собеседники и собеседницы сообщили, что в большинстве своем поддерживают связи с родственниками своих половинок (40,1% — постоянно, 19,2% — часто, и 26,7% — эпизодически, 14% — практически не поддерживают).

³ Мои респонденты чаще всего (по несколько раз в день) пользуются Viber (175 чел.), Instagram (125 чел.) и «ВКонтакте» (87 чел.). По 1–2 раза в день они смотрят YouTube (59 чел.), «ВКонтакте» (49 чел.), WhatsApp (44 чел.).

родственниками» (90,2% всех респондентов). Вторая важная задача мессенджеров — «связь с коллегами по работе» (82%). А социальные сети в основном используются одинаково для получения информации, новостей (76,8%) и для связи со знакомыми и родственниками (76,4%)¹. Почти две трети опрошенных входят в мессенджерах в группы родственников по матери (69,6%), чуть меньше — по отцу (53,4%), большинство общается в группах по работе с коллегами (85,5%).

Родственные группы в мессенджерах насчитывают разное число участников, от 13 до 70 человек. Самые распространенные названия для подобных групп звучат или на тувинском языке «Төрелдер» («Родственники»), с вариациями «Эргим Төрелдер» («Дорогие родственники»), «Угбашкылар» («Сестры») и пр., или на русском — «Семья», «Родня», «Родные». Названия могут быть связаны с фамилиями (напр., «Байкаралар»), или районом («Төрелдер Улуг-Хем»). В основном такие группы появились лет пять назад, в промежутке между 2015 и 2019 гг.

Общение в группах происходит с целью обмена новостями, для поздравлений друг друга. Приведу несколько развернутых описаний, которые дали мои респонденты и в которых содержатся все типичные сюжеты и появляются схожие ситуации, связанные с подобным общением²:

«Родственники делятся фотографиями семьи, поздравляют друг друга с праздником, советы спрашивают друг у друга по поводу разных ситуаций в жизни»;

«Поздравление (день рождения), разные вопросы, домашние дела, рецепты, информация о семье (кто что делает, как работает, как дети, события дня)»;

«Болталка (привет-пока). События в семье, например ребенок принял участие в каком-то мероприятии, открытия (где-то скидка полезных вещей, какой-то экзотический рецепт дома, как в ресторане). Обсуждение предстоящих больших мероприятий или просьбы о помощи»;

«Каждый день друг друга приветствуют, здороваются. Поздравляют с днем рождения, с юбилеем именинников. Отправляют свои фотографии. А остальные комментируют. Советуются. Иногда взрослые родственники рассказывают историю рода молодым. Иногда обсуждают ситуации в республике. Иногда играют в игры, отгадывают загадки»;

«Общаемся, шутим, желаем каждый день добра, удачи, интересуемся делами друг друга, иногда все начинаем свои фото и видео отправлять; выкладываем, что приготовили, советы просим. Иногда ругаемся. Один раз из-за конфликта и стар, и млад удалились с группы, создали отдельные группы, но со временем вновь создали единую группу»;

«Утренний и вечерние приветствия, благопожелания. Жизнь здесь и сейчас, то есть реальные ситуации в поддержке друг друга. Делимся с радостями. Планируем, когда ходить в гости, провести родовое мероприятие за год вперед; определяем место проведения, программу согласовываем, также определяем тему для проведения родового праздника. А в *хылбык дой*³, свадьбе и др. мероприятиях, даже не обсуждая, все принимаем участие друг у друга. Бывает иногда советуемся, что дарить. А похороны это без обсуждения... Не только родственники, а всем, кому помог или был дорог, знаком человек, то все приходят и провожают на последний путь».

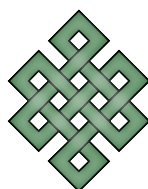
Поскольку два, три или более десятков человек в течение дня находят разные поводы поделиться чем-то, то группы в мессенджерах пополняются сообщениями практически все время в течение дня (49,7% респондентов указали именно на такую частоту). 19% написали о сообщениях несколько раз в день, 25,1% — «по-разному». В зависимости от уровня владения гаджетом люди могут отключать звуковые оповещения, чтобы постоянные сигналы не отвлекали. Но некоторых раздражает сама эта ситуация постоянного онлайн и звуковых оповещений (особенно если она из-за значительных часовых расхождений для проживающих за рубежом кажется почти круглосуточной) и мне отдельно писали о том, что кто-то вышел из подобных групп («надоело, что телефон все время тренькает»).

Чаще всего сообщения выкладывают женщины старше 40 лет (сестры, тети, бабушки, см. *фото 1*), а то и вовсе пожилого возраста, у которых больше свободного времени. В одном из чатов, например,

¹ По данным на январь 2021 г., в России самой популярной социальной сетью является «ВКонтакте» (запущенная с 2006 г.). Ею пользуется 46,6% пользователей, тогда как второй по популярности является Facebook — 27,4%. Тувинских сообществ в самой популярной российской социальной сети «ВКонтакте» на сегодня чуть более 5 тыс., численность их участников колеблется от нескольких человек до 95 тыс.

² Цитаты даются с редакторскими правками.

³ Семейный праздник первой стрижки волос ребенка в 3 года. *Хылбык* — «волосинка», *дой*, или *той* — «праздник», «обряд».

участвуют несколько бабушек в возрасте 70–80 лет, которые специально просили детей поменять им простые кнопочные телефоны на смартфоны, чтобы пользоваться социальными сетями и мессенджерами.

Фото 1. Внук объясняет бабушке, как пользоваться мобильными приложениями на смартфоне.

Фото автора, 2020 г.

Photo 1. The grandson is explaining to the grandmother how to use mobile applications on the smartphone.

Photo by the author, 2020.

Учитывая то, что хозяйки встают рано, то и с утра пораньше чаты наполняются именно их приветствиями, различными мотивирующими фотографиями (рис. 1 и 2).

Общение ведется в основном на тувинском языке (в группах у 32% респондентов), или в равной мере на русском и тувинском языках (у 33,7%). Но есть и определенные группы (у 22%), где принято переписываться только на тувинском языке. В комментариях мне писали, что это не обязательно четко установленное правило, но его соблюдают. В некоторых группах есть и специальные правила: «лайкать» то, что понравилось и комментировать, не писать на русском языке, не ссориться, не материться, уважать старших; обязательно приветствовать, поздравлять друг друга и пр.

На вопрос «Как вы считаете, а нужны ли правила в подобных группах и какие именно?» отвечали по-разному. Здесь я получила достаточно много рассуждений, тема явно наболела:

«Правила должны быть. Например, не нужно всякий раз отправлять спам, картинки с пожеланиями (с добрым утром, хорошего дня и т. д.)»;

«Хочу, чтобы все мы общались на тувинском языке, т. к. внуки не знают родной тувинский язык»;

«Правила нужны, т. к. в группе есть представители старшего, среднего и младшего поколения родственников»;

«Да нужны: не пересылать одни и те же длинные информации по гороскопу, типу людей, советы, рецепты, приколы, новости, прогнозы и т. д.» и др.

Большинство респондентов считает подобные группы важными, поскольку их наличие позволяет узнавать о жизни родственников (85%), оповещать их о новостях из своей жизни (81%) и наличие такого чата позволяет быстро принимать коллективные решения (71%). В целом поддерживать связи тувинцев с их родственниками важными считают 86%, и использование социальных сетей, мобильных мессенджеров позволяет распространять важную информацию (76,6%).

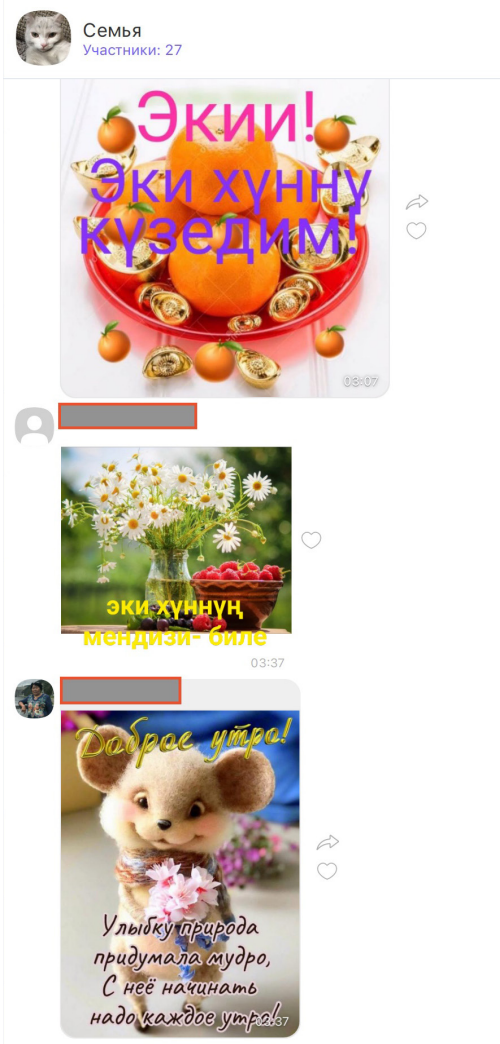
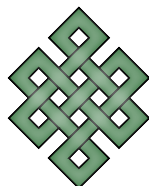

Рис. 1. Скриншот страницы группы «Семья» (одной из родственных групп западных тувинцев) в Viber с утренним обменом приветствиями.
Fig 1. Screenshot of the group page “Family” (one of the kin groups of Western Tuvans) on Viber presenting the exchange of morning greetings.

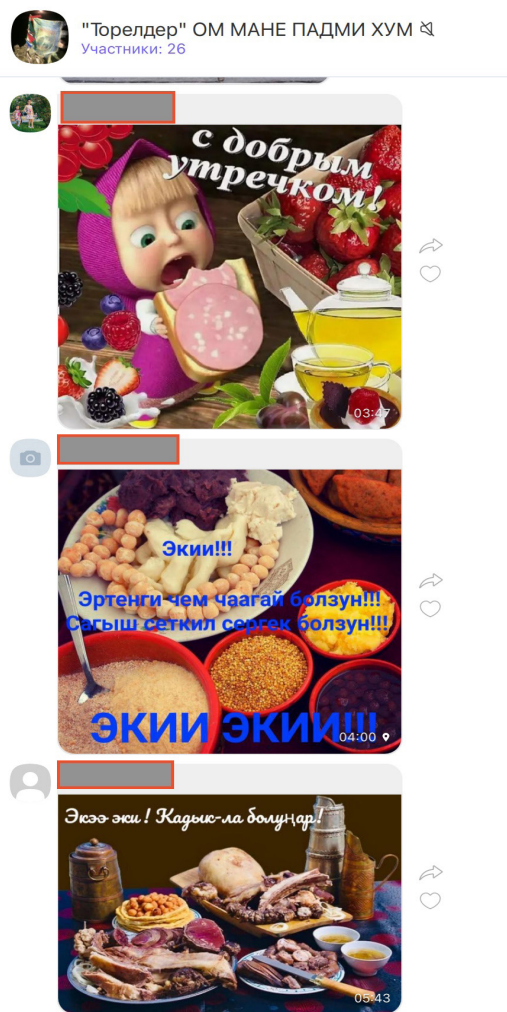
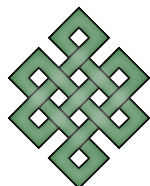

Рис. 2. Скриншот страницы группы «“Торелдер”. ОМ МАНИ ПАДМИ ХУМ» (одной из родственных групп южных тувинцев) в Viber с утренним обменом приветствиями.
Fig. 2. Screenshot of the group page ““Torelder”. OM MANI PADMI KHUM” (one of the kin groups of South Tuvans) on Viber presenting the exchange of morning greetings.

Разумеется, родственники, проживающие в одном поселении, городе, имеют возможности для регулярных личных встреч и общения. Однако, многие осознали удобство мессенджеров для веерных оповещений вне зависимости от местонахождения друг друга, с экономией сил и времени. В чатах рассылают приглашения на семейные мероприятия, оповещают о дате, месте и времени встреч. Там же составляют списки, распределяют обязанности, договариваются. Это средство для мгновенного оповещения, для синхронизации действий родственных групп было оценено в период пандемии и многомесячного вынужденного заточения людей по домам в 2020 г. 57,4% респондентов сообщили, что тувинцы однозначно стали больше использовать социальные сети и мессенджеры в этот период, 23,5% — «возможно стали больше использовать». Но интересен также тот факт, что еще 23% значительной разницы в степени использования не ощутили.

Этническая солидарность и Интернет-конкурсы

Надо сказать, что использование интернет-коммуникаций именно как возможность сплочения, координации общих действий позволяет тувинцам максимально результативно участвовать во всевозможных всероссийских и даже международных голосованиях в Интернет-конкурсах. Основной

контингент голосующих обеспечивается именно за счет земляков, поскольку организаторам важно только общее количество голосов и географических ограничений они не делают.

Приведу несколько примеров подобных успешных земляческих «штурмов»:

— на конкурсе красоты «Мисс Россия 2018», финал которого состоялся 14 апреля 2018 г., победителем номинации «Народный выбор» после активного голосования пользователей интернет-партнера конкурса стала финалистка из Тувы Норгьянмаа Монгуш. За нее проголосовало 54799 человек¹;

— в январе 2019 г. в финале всероссийского вокального конкурса «Новая звезда 2019» телеканала «Звезда» было объявлено смс-голосование на приз зрительских симпатий. Победителями стала музыкальная семья Айыжы (три сестры и брат) из Тувы. Они получили наибольшее число голосов — 95313²;

— в итоге интернет-голосования сайта «Скульптура» на выбор самого необычного памятника России, который прошел осенью 2020 г., памятник тувинской письменности в музее-заповеднике «Белдир-Кежик» (скульпторы А. Ойдуп и А. Миронов, 2016) занял первое место с суммой голосов 31577³;

— на международном конкурсе красоты «Лицо Азии 2020», который проходил в условиях пандемии в онлайн-режиме (хотя основная организация была в Южной Корее), по итогам суммы голосов экспертного мнения (50%) и голосования людей в мобильном приложении (50%), победительницей была признана участница из Тувы Чечена Кыргыз⁴;

— третье место в интернет-голосовании Первого национального конкурса региональных брендов продуктов питания 2020 г., организованного Министерством сельского хозяйства РФ, заняла тувинская баранина в номинации «Попробуй, полюбишь»⁵.

Подобных результатов позволяет добиваться не только массовая рассылка призыва голосовать, но и действительно важная для тувинцев земляческая, этническая солидарность. Она побуждает и голосовать (предпринимая целый ряд технических действий: включить устройство, заходить на определенный ресурс каждый день, нажимать на соответствующие кнопки), и с азартом следить за ходом голосования, подбадривать друг друга и призывать голосовать других людей. Такое поведение демонстрирует даже глава республики Ш. В. Кара-оол⁶, который также делает в соцсетях репосты, пишет обращения к землякам и болеет за «своих»⁷.

Очевидно, что увлеченность представителей этнических групп подобными голосованиями приводит к тому, что эта земляческая активность и солидарность становятся объектом внимания интернет-маркетинга различных бизнес-проектов. Но, похоже, членов этнической общности, население региона это не волнует. Призывы к интернет- и смс-голосованию, к увеличению количества голосов «за своих» звучат как в социальных сетях, распространяются в мессенджерах, так и передаются в местных СМИ, распространяются от членов правительства региона.

Повышенная интернет-активность тувинцев также выявилась в ходе опроса моей коллеги Н. Д. Сувандии по вопросам празднования тувинцами Шагаа — Нового года по лунному календарю. Он был

¹ Финал конкурса «Мисс Россия 2018» [Электронный ресурс] // Мисс Россия. Национальный конкурс. 2018, 14 апреля. URL: <http://www.missrussia.ru/press-center/news/inside-210> (дата обращения: 12.04.2021).

² Музыкальная семья Айыжы из Тувы объединила земляков, получила мощную поддержку и выиграла зрительский приз в телеконкурсе «Новая звезда» и 1 млн. рублей [Электронный ресурс] // ИА Тува-онлайн. 2019, 14 января. URL: <https://www.tuvaonline.ru/2019/01/14/muzykalnaya-semya-ayyzy-iz-tuvy-obedinila-zemlyakov-poluchila-moschnuyu-podderzhku-i-vyigrala-zritelskiy-priz-v-telekonkurse-novaya-zvezda-i-1-mln-rubley.html> (дата обращения: 12.04.2021).

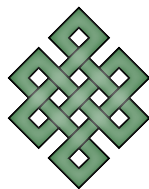
³ Россияне выбрали самый необычный памятник [Электронный ресурс] // РИА Новости. 2021, 14 января. URL: <https://ria.ru/20210114/pamyatnik-1592953992.html> (дата обращения: 12.04.2021).

⁴ Россиянка Чечена Кыргыз (Тува) выиграла Международный конкурс «Лицо Азии» [Электронный ресурс] // ИА Тува-онлайн. 2020, 7 декабря. URL: <https://www.tuvaonline.ru/2020/12/07/rossiyanka-chechena-kyrgys-tuva-vyigrala-mezhdunarodnyy-konkurs-lico-azii.html> (дата обращения: 12.04.2021).

⁵ Вкусы России: <https://russiantastes.ru/>. См. также: Голосуем за тувинскую баранину! [Электронный ресурс] // Тувинская правда. URL: <https://tuvpravda.ru/post/golosuem-za-tuvinskuju-baraninu> (дата обращения: 12.04.2021).

⁶ 7 апреля 2021 г. подал в отставку: <https://ria.ru/20210407/tuva-1727211586.html>. — *ред.*

⁷ Глава Тувы Ш. В. Кара-оол признан одним из самых активных российских губернаторов — пользователей социальных сетей. См.: Шолбан Кара-оол назван самым популярным губернатором в Сибири и ДФО [Электронный ресурс] // Золотая орда. 2019, 4 февраля. URL: <https://zolord.ru/новости/шолбан-кара-оол-назван-самым-популярным-губернатором-в-сибири-и-дфо> (дата обращения: 12.04.2021).

проведен также в Google Forms накануне очередного праздника — в январе и феврале 2021 г.¹ Сама анкета была составлена на тувинском языке, и информация о ней распространялась схожим путем — рассылкой по социальным сетям тувинцев, группам в мессенджерах. Менее чем за месяц было собрано методом «снежного кома» 858 заполненных анкет от тувинцев самых разных возрастов и местожительства.

Социальная культура тувинцев и типы пространства

Как пишет К. Хайн, Интернет, «убивающий» расстояние, позволяет поддерживать отношения по всему миру, независимо от местоположения и часового пояса (Hine, 2000: 84). Ссылаясь на идеи М. Кастельса о развитии цифрового общества (Castells, 1996), она подчеркивает, что произошла замена пространства мест на пространство потоков. И в пространстве потоков, который обеспечивает альтернативный способ ведения социальных отношений, акцент делается на связи, а не на местоположении (Hine, 2000: 85).

Рассмотрим, как этот процесс происходил у тувинцев.

Их социокультурная жизнь имела свои особенности в разные времена и складывались в определенных условиях в зависимости от социальной политики государства — по периодам: традиционный (с середины XVIII в. до начала XX в.), советский (1930–1990 гг.) и кризисно-архаизационный (1990–2010 гг.). В 2010-х годах, очевидно, появился и продолжает развиваться новый период.

Особенности в целом традиционной культуры тувинцев, как уже сформировавшегося этноса², в этнографической литературе часто рассматривают с момента включения Тувы в состав Маньчжурской империи Китая в середине XVIII в. Китай установил ту систему административно-территориального устройства края, которая упорядочила общественную жизнь огромного числа племен. Тувинцы получили систему централизованного управления, социальная дифференциация была выстроена по линии совмещения и богатств, и соподчиненности иноземным властям (История Тувы, 2001: 266–273). Это повлияло на дальнейшее формирование социальной идентичности кочевников. Если сначала они объединялись в родоплеменные группы и идентифицировали себя именно в связи с этим фактором, то, как отмечают исследователи, в конце XIX века тувинцы уже идентифицировали себя скорее по административному делению (см.: Дулов, 1956: 116).

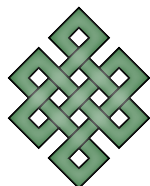
Тем не менее, хошуны (основные единицы административного деления во времена маньчжурского правления) состояли из сумонов и арбанов, которые объединяли, как правило, близких родственников, сородичей (Потапов, 1969: 43). Впоследствии маньчжурско-китайская политика замены родственной солидарности территориальной идентификацией была продолжена советской политикой. Однако, полной замены не произошло ни в китайское время, ни в советское. Родственные связи для тувинцев остались очень важными.

Дело в том, что значимость социальных связей тувинцев была основана на правилах аальной общины — аала (История Тувы, 2001: 273), прежде всего традиционного типа, когда общность была на кровном родстве семей. Помимо этого, также были и аллы типа соседских общин, а также аальные байские хозяйства. В целом хозяйственная деятельность любого типа аалов подразумевала существенные внутренние экономические связи, различные формы взаимопомощи, круговую поруку, обычаи делиться охотничьей добычей и пр. (там же: 274). Идентификация «своих» основывалась на том, что эти «свои» жили рядом. И вся социальная культура была «привязана» к определенной территории, разворачивалась на знакомом пространстве. Картина мира с ее членением на зоны (свое пространство — свои люди, чужое пространство — чужие люди) имеет древние корни и ее общие характеристики известны для тюркоязычных народов всего региона Южной Сибири (Традиционное мировоззрение..., 1988).

Социальная политика советского типа, которая начала разворачиваться в Тувинской Народной Республике во главе с С. К. Тока с 1930 г. и развивалась далее в русле эволюции советского государства (в который Тува вошла в 1944 г.), считается кардинальной и в ряде случаев даже радикальной. Это была силовая мобилизация советского типа, когда государство формировало новый — прогрессивный — тип советского человека и, в том числе избавляло народы от «темного прошлого». Кочевые народы в

¹ Благодарю Надежду Дарьевну Сувандии за любезное согласие озвучить эти данные в моей статье. Результаты самого исследования коллега готовит в виде авторской научной статьи.

² О формировании тувинцев как этноса в XVII — начале XVIII в. см. Маннай-оол, 2004: 100–101.

этом случае переводили на оседлость, им прививали «прогрессивный» образ жизни (Ламажаа, 2011: 68–85). Расселение тувинцев в стационарных жилищах, формирование совхозов, образование, работа в определенных отраслях экономики в соответствии с новыми профессиями — всё это привело к тому, что прежние родовые группы распались. Их члены разъехались и пространство социальной культуры локальных групп в виде конкретной местности (место-пространство) потеряло свою прежнюю значимость. Там остались жить лишь отдельные семьи животноводов.

Родственные группы, помня об общем месте исхода, месте-пространстве, которое их единило, все же сохранили и, возможно, даже укрепили связи. Пространство социальной культуры «растянулось» в географическом смысле, став регион-пространством. В конце 1970-х гг., в период «развитого социализма», социологи зафиксировали материальную взаимопомощь тувинцев-родственников: сельские жители оказывали своим родным в городе помощь сельхозпродуктами, а те — предметами культурно-бытового назначения, одеждой, обувью, деньгами (Очерки социального ... , 1983: 79). И, как выяснилось совсем недавно, эта же стратегия взаимопомощи домохозяйств родственников — сельчан и горожан — сохранилась и до сегодняшнего дня (Социально-стратификационные ... , 2020: 85, 87–88).

Ш. Степановф отмечал, что парадоксальный результат коммунистической политики был связан с русской системой фамилий в жизни тувинцев, которая позволила «заморозить» систему широких родственных групп в представлениях людей, поскольку фамилии были присвоены в соответствии с «родовой» принадлежностью (Степановф, 2009: 131–132). Но, полагаю, что это был лишь один из комплекса факторов, который в целом еще необходимо изучать.

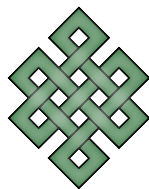
Когда советский образ жизни был отвергнут, то Тува вместе с остальными постсоветскими территориями, с российскими регионами, оказалась вовлеченной в модернизационный процесс, ставший неотъемлемой частью мировых процессов в глобальном мире. Однако кризис реформирования на всем постсоветском пространстве привел к разворачиванию ответного социального механизма — процессу архаизации, когда люди в отсутствие социальных гарантий, в условиях экономического кризиса, политической неустойчивости и отказа от прежней идеологии стихийно обратились к архаическим социальным связям, социальным институтам, позволявшим им выживать в сложных условиях (Ламажаа, 2012). Этот процесс охватил все сферы жизни общества, в политической области он выразился в расцвете клановости во власти (Ламажаа, 2010).

В том числе обращение к стратегии взаимопомощи общин, поддержание связей между родственниками у тувинцев на регион-пространстве также стало одним из проявлений архаизации. В 1990-е годы обмен продуктами питания, непродовольственными товарами, наличными деньгами между городскими и сельскими тувинцами стал одним из важнейших средств для выживания. По дорогам республики активно курсировал транспорт для перевозки людей, продуктов, товаров. Тема связи между родственниками, взаимопомощи стала как никогда актуальной и в значительной степени семейные торжества (праздники стрижки детей, свадьбы, юбилеи), также как и похороны, стали проводиться для сбора средств одной семье силами расширенной семьи родственников¹.

Улучшение социально-экономической ситуации по всей стране в 2000-е годы, а также появление нового пространства для связей между людьми, который образовался благодаря мобильной связи, беспроводному Интернету — онлайн-пространства, или пространства потока (по К. Хайн) — способствовали тому, что социальная культура тувинцев получила дополнительное поле, более обширное, чем регион-пространство, в целом нивелирующее географическую основу пространства. А 2020 год, год начала пандемии COVID-19, вынудивший человечество разрывать социальные связи для предотвращения распространения опасного вируса, способствовал еще большему его освоению. Разумеется, эти тенденции глобальны, но локальные сообщества могут демонстрировать их разные местные вариации.

Исторический экскурс позволяет увидеть, что пространство социальной культуры тувинцев подвергалась на протяжении истории изменениям, а социальная культура сохранила свои основные ценности — значимость социальных связей родственных групп.

¹ Тот факт, что родственные связи для тувинцев остались очень важными, был показан в нашей общей с филологами работе на примере обширной терминологии производных слов от слова *tөрөл* (родственник) в тувинском языке и в целом в языковой картине мира (Кужугет и др., 2019).

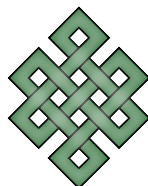
Заклучение

Распространенное пользование социальными сетями, мессенджерами рядом авторов может рассматриваться с точки зрения их негативного воздействия — для разобщения людей (когда говорят об одиночестве в сети, отчуждении и потере общества, изоляции друг от друга и пр.). Но очевидно, что у этого современного канала коммуникаций есть и другая сторона, когда она действительно помогает поддерживать и даже укреплять связи общностей — этнических, локальных, земляческих. Однако, сами эти связи не являются чем-то новым. Я попыталась показать, как родственные отношения тувинцев, не утратившие своей актуальности и важности более чем за век трансформационных перемен самого тувинского общества, стали актуальными как часть архаизационного процесса конца XX в. Их пространство местоживания родовой общности стало больше ментальным образом, маркером идентификации; само пространство социального взаимодействия сначала расширилось в географическом плане, а потом географическое измерение перестало быть существенным. Тувинцы, как и остальной мир, успешно перешли в социальных связях на пространство онлайн-потока. И в этом переходе для них наиболее важным стало то, что онлайн-пространство позволяет им поддерживать значимые известные связи — связи со своими родственниками, земляками. Если в целом методы пользования интернет-коммуникациями людей подобны общемировым тенденциям, то этническое измерение выражается именно в этносоциальной солидарности и самоорганизации.

Разумеется, тема онлайн-пространств социальных общностей, нивелирующих проблему места, вызывает новые вопросы. Упомянувшийся Г. Рейнгольд в своей еще более ранней работе «Виртуальная община» (Rheingold, 1993; второе издание: Rheingold, 2000), констатируя углубление социального воздействия через Интернет, уже в 1990-х гг. подчеркивал, что технология не должна предопределять направленность динамики социальных отношений (Рейнгольд, 2013: 244). Но в случае с этническими особенностями пространств потока, мы можем говорить, что здесь возможны совмещения процессов: социальная культура не изменилась из-за технологий, а лишь нашла в них свой путь дальнейшего развития. Очевидно, что строго возврата к прошлому все равно не будет, новации могут внести свои коррективы в социальную эволюцию этнических сообществ и этнические идентификации. Поэтому список вопросов для анализа будет еще пополняться.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамов, Р. Н. (2006) Мобильные коммуникационные технологии и повседневность. Рейнгольд Г. Умная толпа: новая социальная революция. М.: Фаир-Пресс, 2006. — 416 с. // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 9, № 4. С. 185–192.
- Белоруссова, С. Ю., Головнев А. В. (2019) Виртуальная этничность и киберэтнография // Сибирские исторические исследования. № 2. С. 36–40. DOI: <https://doi.org/10.17223/2312461X/24/2>
- Быльева, Д. С., Лобатюк, В. В. (2017) Смартмоб: социально-философский анализ // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. Т. 8, № 4. С. 96–107. DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.8410>
- Васильев, А. В., Коркия, Э. Д., Мамедов А. К. (2019) Культура коммуникаций в условиях информационной глобализации. М.: Макс-Пресс. 160 с.
- Габдрахманова, Г. Ф., Махмутов, З. А. (2018) Национальный интернет России: к постановке проблемы // Oriental Studies. Т. 11. № 3. С. 142–151. DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2018-37-3-142-151>
- Головнёв, А. В. (2018) Этнография в российской академической традиции // Этнография. № 1. С. 6–39. DOI: <https://doi.org/10.31250/2618-8600-2018-1-6-39>
- Головнёв, А. В. (2019) Кружение в кочевом и виртуальном пространстве-времени // Сибирские исторические исследования. № 2. С. 108–131. DOI: <https://doi.org/10.17223/2312461X/24/6>
- Головнев, А. В., Белоруссова, С. Ю., Киссер, Т. С. (2018) Виртуальная этничность — новация на фоне традиции? (Введение в тему) // Уральский исторический вестник. № 1. С. 100–108. DOI: [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2018-1\(58\)-100-108](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2018-1(58)-100-108)
- Дулов, В. И. (1956) Социально-экономическая история Тувы. XIX — начало XX в. М.: Изд-во Академии наук СССР. 595 с.
- История Тувы (2001) / под ред. С. И. Вайнштейна, М. Х. Маннай-оола. 2-е изд. Новосибирск: Наука. Т. 1. 371 с.
- Киссер, Т. С. (2019) Виртуальная идентичность российских немцев // Сибирские исторические исследования. № 2. С. 64–84. DOI: <https://doi.org/10.17223/2312461X/24/4>

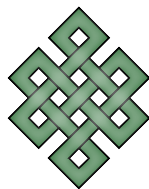

- Кужугет, Ш. Ю., Сувандии, Н. Д., Дамбаа, Ш. В., Ламажаа, Ч. К. (2019) Концепт *төрөл* 'родственник' в языковой картине мира тувинцев // Новые исследования Тувы. № 3. С. 149–157. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.3.12>
- Ламажаа, Ч. К. (2010) Клановость в политике регионов России. Тувинские правители. СПб. : Алетейя. 206 с.
- Ламажаа, Ч. К. (2011) Тува между прошлым и будущим. 2-е изд. СПб. : Алетейя. 368 с.
- Ламажаа, Ч. К. (2012) Архаизация общества. Тувинский феномен. М. : Книжный дом «Либроком». 270 с.
- Ламажаа, Ч. К. (2021) Тувинские обряды *дагылга* в XXI веке // Этнографическое обозрение. № 2. С. 125–143. DOI: <https://doi.org/10.31857/S086954150014811-2>
- Маннай-оол, М. Х. (2004) Тувинцы: Происхождение и формирование этноса. Новосибирск : Наука. 166 с.
- Мартьянов, Д. С., Мартьянова, Н. А. (2012) Дискурсивные аспекты этнической идентичности в интернете // Вестник СГУТиКД. № 2 (20). С. 233–238.
- Махмутов, З. А., Габдрахманова, Г. Ф. (2016) Особенности этнической идентичности виртуальных татарских сообществ в социальной сети ВКонтакте // Историческая этнология. Т. 1, № 2. С. 276–292.
- Очерки социального развития Тувинской АССР (1983) / В. И. Бойко, В. Н. Белошапкина, Г. Ч. Ширшин и др. Новосибирск : Наука. 264 с.
- Потапов, Л. П. (1969) Очерки народного быта тувинцев. М. : Наука. 402 с.
- Рейнгольд, Г. (2006) Умная толпа : новая социальная революция / пер. с англ. М. : Фаир-Пресс. 416 с.
- Рейнгольд, Г. (2013) Переосмысляя феномен виртуального сообщества // Studia Culturae. № 15. С. 243–250.
- Смирнов, Д. Н. (2008) Политическое манипулирование и технология «умных толп» как средства борьбы за гегемонию // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. № 67. С. 247–251.
- Социально-стратификационные процессы в Республике Тыва (2020) / З. Т. Голенкова и др.; отв. ред. З. Т. Голенкова, Ю. В. Голиусова, П. Е. Сушко; ФНИСЦ РАН. М. ; Кызыл : ФНИСЦ РАН. 128 с. DOI: <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-332-4.2020>
- Степановф, Ш. (2009) Метаморфозы родства у тувинцев // Этнографическое обозрение. № 4. С. 129–145.
- Сулейманова, О. А. (2020) Презентация культуры кольских саамов в социальной сети «ВКонтакте»: динамика визуальных образов материальной культуры // Этнография. № 3. С. 169–199. DOI: [https://doi.org/10.31250/2618-8600-2020-3\(9\)-169-199](https://doi.org/10.31250/2618-8600-2020-3(9)-169-199)
- Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир (1988) / Э. Л. Львова, И. В. Октябрьская, А. М. Сагалаев, М. С. Усманова. Новосибирск : Наука. 226 с.
- Castells, M. (1996) *The rise of the network society*. Cambridge, MA : Blackwell. 625 p.
- Ethnography and virtual worlds: A handbook of method* (2012) / Т. Boellstorff, B. Nardi, C. Pearce, T. L. Taylor. Princeton ; Oxford : Princeton University Press. 264 p. DOI: <https://doi.org/10.2307/j.cttq9s20>
- Hine, C. (2000) *Virtual ethnography*. London ; Thousand Oaks ; New Delhi : Sage Publications Ltd. 192 p.
- Marcus, G. (2012) Foreword // *Ethnography and virtual worlds: A handbook of method* / Т. Boellstorff, B. Nardi, C. Pearce, T. L. Taylor. Princeton ; Oxford : Princeton University Press. P. XIII–XX. DOI: <https://doi.org/10.2307/j.cttq9s20.4>
- Markham, A. N. (2013) Fieldwork in social media. What would Malinowski do? // *Qualitative Communication Research*. Vol. 2, No. 4, Winter. P. 434–446. DOI: <https://doi.org/10.1525/qcr.2013.2.4.434>
- Rheingold, H. (1993) *The virtual community: Homesteading on the electronic frontier*. Reading, MA, Addison-Wesley. 325 p.
- Rheingold, H. (2000) *The virtual community: Homesteading on the electronic frontier*. 2 ed. Cambridge, MA, MIT Press.
- Rheingold, H. (2002) *Smart mobs: The next social revolution*. Cambridge, MA : Perseus Pub. 296 p.

Дата поступления: 26.04.2021 г.

REFERENCES

- Abramov, R. N. (2006) Mobil'nye kommunikatsionnye tekhnologii i povsednevnost'. Reingol'd G. Umnaia tolpa: novaia sotsial'naia revoliutsiia. M.: Fair-Press, 2006. — 416 s. [Mobile communicative technologies and everyday life. Howard Rheingold's "Smart Mobs: The Next Social Revolution" (Moscow, Fair-Press, 2006. 416 p.). *The Journal of Sociology and Social Anthropology*, vol. 9, no. 4, pp. 185–192. (In Russ.).]
- Belorussova, S. Yu. and Golovnev A. V. (2019) Virtual'naia etnichnost' — novatsiia na fone traditsii? (Vvedenie v temu) [Is virtual ethnicity a novel phenomenon in the context of tradition? (Introduction to the special issue theme)]. *Siberian Historical Research*, no. 2, pp. 36–40. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17223/2312461X/24/2>

Byl'eva, D. S. and Lobatiuk, V. V. (2017) Smartmob: sotsial'no-filosofskii analiz [Smart mob: A socio-philosophical analysis]. *Society. Communication. Education. Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University*, vol. 8, no. 4, pp. 96–107. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.8410>

Vasil'ev, A. V., Korkiia, E. D. and Mamedov A. K. (2019) *Kul'tura kommunikatsii v usloviakh informatsionnoi globalizatsii* [Culture of communications in the conditions of information globalization]. Moscow, Maks-Press. 160 p. (In Russ.).

Gabdrakhmanova, G. F. and Makhmutov, Z. A. (2018) Natsional'nyi internet Rossii: k postanovke problemy [National Internet of Russia: Problem statement revisited]. *Oriental Studies*, vol. 11, no. 3, pp. 142–151. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2018-37-3-142-151>

Golovnev, A. V. (2018) Etnografiia v rossiiskoi akademicheskoi traditsii [Ethnography in the Russian academic tradition]. *Etnografiia*, no. 1, pp. 6–39. DOI: <https://doi.org/10.31250/2618-8600-2018-1-6-39>

Golovnev, A. V. (2019) Kruzhenie v kochevom i virtual'nom prostranstve-vremeni [Circling in nomadic and virtual space-time]. *Siberian Historical Research*, no. 2, pp. 108–131. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17223/2312461X/24/6>

Golovnev, A. V., Belorussova, S. Yu. and Kisser, T. S. (2018) Veb-etnografiia i kiberetnichnost' [Web-ethnography and cyber-ethnicity]. *Ural Historical Journal*, issue 1, pp. 100–108. DOI: [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2018-1\(58\)-100-108](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2018-1(58)-100-108)

Dulov, V. I. (1956) *Sotsial'no-ekonomicheskaia istoriia Tuvy. XIX — nachalo XX v. [The socio-economic history of Tuva. The 19th — early 20th centuries]*. Moscow, Publ. House of the Academy of Sciences of the USSR. 608 p. (In Russ.).

Istoriia Tuvy [The history of Tuva] (2001) : in 2 vols. 2nd ed. / ed. by S. I. Vanshtein and M. Kh. Mannai-ool. Novosibirsk, Nauka. Vol. I. 367 p. (In Russ.).

Kisser, T. S. (2019) Virtual'naia identichnost' rossiiskikh nemtsev [The virtual identity of the Russian Germans]. *Siberian Historical Research*, no. 2, pp. 64–84. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17223/2312461X/24/4>

Kuzhuget, Sh. Yu., Suvandii, N. D., Dambaa, Sh. V. and Lamazhaa, Ch. K. (2019) Kontsept törel 'rodstvennik' v iazykovoii kartine mira tuvintsev [The concept of torel ('relative') in the Tuvan linguistic world picture]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 149–157. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.3.12>

Lamazhaa, Ch. K. (2010) *Klanovost' v politike regionov Rossii. Tuvinskie praviteli [The clan politics of Russia's regions. The leaders of Tuva]*. St. Petersburg, Aletheia. 208 p. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2011) *Tuva mezhdū proshlym i budushchim [Tuva between the past and future]*. St. Petersburg, Aletheia. 368 p. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2012) *Arkhaizatsiia obshchestva. Tuvinskii fenomen [Archaization of the society. Tuvan phenomenon]*. Moscow, Publ. House "Librokom". 272 p. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2021) Tuvinskie obriady *dagylga* v XXI veke [Tuvan rites *dagylga* in the 21st century]. *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 2, pp. 125–143. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.31857/S086954150014811-2>

Mannai-ool, M. Kh. (2004) *Tuvinty: proiskhozhdenie i formirovanie tuvinskogo etnosa [Tuvans: The origin and formation of the Tuvan ethnos]*. Novosibirsk, Nauka. 166 p. (In Russ.).

Mart'ianov, D. S. and Mart'ianova, N. A. (2012) Diskursivnye aspekty etnicheskoi identichnosti v internete [Discursive aspects of ethnic identity on the Internet]. *Vestnik SGUTiKD*, no. 2 (20), pp. 233–238. (In Russ.).

Makhmutov, Z. A. and Gabdrakhmanova, G. F. (2016) Osobennosti etnicheskoi identichnosti virtual'nykh tatarskikh soobshchestv v sotsial'noi seti VKontakte [Features of ethnic identity of Tatar virtual communities in the "VKontakte" social network]. *Istoricheskaiia etnologiia*, vol. 1, no. 2, pp. 276–292. (In Russ.).

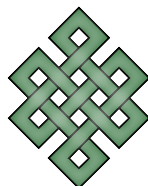
Ocherki sotsial'nogo razvitiia Tuvinskoi ASSR [Essays on social development of the Tuvan ASSR] (1983) / ed. by Yu. L. Aranchyn. Novosibirsk, Nauka. 262 p. (In Russ.).

Potapov, L. P. (1969) *Ocherki narodnogo byta tuvintsev [The Tuvans: Sketches of the folk lifestyle and related household activities]*. Moscow, Nauka, GRVL. 402 p. (In Russ.).

Rheingold, H. (2006) *Umnaia tolpa: novaia sotsial'naia revoliutsiia [Smart mobs: The next social revolution]* / transl. from Engl. Moscow, Fair-Press. 416 p. (In Russ.).

Rheingold, H. (2013) Pereosmysliia fenomen virtual'nogo soobshchestva [Rethinking virtual communities]. *Studia Culturae*, no. 15, pp. 243–250. (In Russ.).

Smirnov, D. N. (2008) Politicheskoe manipulirovanie i tekhnologiia «umnykh tolpe» kak sredstva bor'by za gegemoniiu [Political manipulation and smart mob technology as means of struggle for hegemony]. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, no. 67, pp. 247–251. (In Russ.).

Sotsial'no-stratifikatsionnye protsessy v Respublike Tyva [Socio-stratification processes in the Republic of Tuva] (2020) / Z. T. Golenkova et al., ed. by Z. T. Golenkova, Yu. V. Goliusova and P. E. Sushko. Moscow; Kyzyl, FCTAS RAS. 128 p. DOI: <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-332-4.2020>

Stépanoff, Ch. (2009) Metamorfozy rodstva u tuvintsev [Metamorphoses of kinship among Tuvans]. *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 4, pp. 129–145. (In Russ.).

Suleimanova, O. A. (2020) Prezentatsiia kul'tury kol'skikh saamov v sotsial'noi seti «Vkontakte»: dinamika vizual'nykh obrazov material'noi kul'tury [Presentation of the culture of the Kola Sami in VKontakte social network: The dynamics of the visual images of material culture]. *Etnografika*, no. 3, pp. 169–199. DOI: [https://doi.org/10.31250/2618-8600-2020-3\(9\)-169-199](https://doi.org/10.31250/2618-8600-2020-3(9)-169-199)

Traditsionnoe mirovozzrenie tiurkov Iuzhnoi Sibiri. Prostranstvo i vremia. Veshchnyi mir [The traditional worldview of Turkic peoples of South Siberia. Space and time. The material world] (1988) / E. L. L'vova, I. V. Oktiabr'skaia, A. M. Sagalaev and M. S. Usmanova. Novosibirsk, Nauka. 226 p. (In Russ.).

Castells, M. (1996) *The rise of the network society*. Cambridge, MA, Blackwell. 625 p.

Ethnography and virtual worlds: A handbook of method (2012) / T. Boellstorff, B. Nardi, C. Pearce, T. L. Taylor. Princeton; Oxford, Princeton University Press. 264 p. DOI: <https://doi.org/10.2307/j.cttq9s20>

Hine, C. (2000) *Virtual ethnography*. London ; Thousand Oaks ; New Delhi, Sage Publications Ltd. 192 p.

Marcus, G. (2012) Foreword. In: *Ethnography and virtual worlds: A handbook of method*, by T. Boellstorff, B. Nardi, C. Pearce, T. L. Taylor. Princeton; Oxford, Princeton University Press. Pp. XIII–XX. DOI: <https://doi.org/10.2307/j.cttq9s20.4>

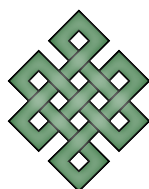
Markham, A. N. (2013) Fieldwork in social media. What would Malinowski do? *Qualitative Communication Research*, vol. 2, no. 4, Winter, pp. 434–446. DOI: <https://doi.org/10.1525/qcr.2013.2.4.434>

Rheingold, H. (1993) *The virtual community: Homesteading on the electronic frontier*. Reading, MA, Addison-Wesley. 325 p.

Rheingold, H. (2000) *The virtual community: Homesteading on the electronic frontier*. 2nd ed. Cambridge, MA, MIT Press.

Rheingold, H. (2002) *Smart mobs: The next social revolution*. Cambridge, MA, Perseus Pub. 296 p.

Submission date: 26.04.2021.

DOI: 10.25178/nit.2021.2.11

ТУВА ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Статья

Вопросы хранения и транслирования культурно-исторического наследия Тувы методами библиотечной работы (на примере деятельности Национальной библиотеки им. А. С. Пушкина Республики Тыва)

Чодураа В. Сарыглар

Национальная библиотека им. А. С. Пушкина Республики Тыва; Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения Российской академии наук, Российская Федерация

Ирина А. Эртине, Тамара М. Лундуп

Национальная библиотека им. А. С. Пушкина Республики Тыва, Российская Федерация

В статье анализируется деятельность библиотек Республики Тыва, связанная с хранением и транслированием культурно-исторического наследия Тувы за период 2011–2021 гг. В соответствии с российскими нормативно-правовыми актами, а также тувинскими государственными программами развития культуры, библиотечная сеть республики (173 библиотеки, в том числе три республиканских — Национальная библиотека РТ, Тувинская республиканская детская библиотека им. К. И. Чуковского, Тувинская республиканская специальная библиотека для незрячих и слабовидящих) реализует целый ряд проектов.

В том числе библиотеки проводят статистические и социологические исследования состава читателей, их запросов и интересов. В 2019 г. был составлен список самых читаемых книг. В 2011 г. началась работа по переводу документов в цифровой формат. В оцифровку включены книги по признаку исторической, художественной и музейной ценности изданий, с целью создания особых условий для хранения и использования произведений печати. Оцифрованные документы составляют комплексные библиографические и полнотекстовые базы данных, открытый доступ к ним организован на сайте Национальной библиотеки Тувы.

Образовательные проекты выполняются в партнерстве с учебными заведениями республики. В библиотечных отделах Национальной библиотеки РТ действует Малая академия наук и Школа аспиранта; работают проекты «Школа развития личности», «Библиотека. Информатика. Образование — Жизнь» и др. Социальные проекты направлены на поддержку творческого развития людей разных возрастов и категорий, в том числе «БиблиоЮрта» (выезды на чабанские стоянки), «Читает мама, читает папа» (видеозапись чтений книг родителей, отбывающих наказание в исправительных учреждениях, для последующей передачи их детям) и др. Популяризация краеведческого наследия республики (культурные проекты) выполняется в форме подготовки электронной библиотеки «Тува читающая», проекта «Открывая прошлое» и пр.

Ключевые слова: библиотека; культурное наследие; культура Тувы; Тува; Тува читающая; библиотечное дело; современная библиотека; электронная книга; культурный проект; социальный проект; образовательный проект

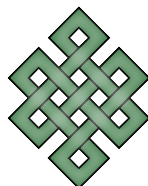
Для цитирования:

Сарыглар Ч. В., Эртине И. А., Лундуп Т. М. Вопросы хранения и транслирования культурно-исторического наследия Тувы методами библиотечной работы (на примере деятельности Национальной библиотеки им. А. С. Пушкина Республики Тыва) // Новые исследования Тувы. 2021, № 2. С. 130–144. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.2.11>

Сарыглар Чодураа Викторовна — ученый секретарь Национальной библиотеки им. А. С. Пушкина Республики Тыва; аспирант Государственной публичной научно-технической библиотеки Сибирского отделения Российской академии наук. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Ленина, д. 21; 630000, Россия, г. Новосибирск, ул. Восход, д. 15. Тел.: +7 (923) 266-62-53. Эл. адрес: choduraa-m@yandex.ru

Эртине Ирина Алексеевна — директор Национальной библиотеки им. А. С. Пушкина Республики Тыва. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Ленина, д. 21. Тел.: +7 (923) 382-72-62. Эл. адрес: nblibrary@mail.ru

Лундуп Тамара Монгушевна — заведующая сектором научно-исследовательской работы научно-методического отдела Национальной библиотеки им. А. С. Пушкина Республики Тыва. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Ленина, д. 21. Тел.: +7 (983) 369-34-19. Эл. адрес: tamaralundup@yandex.ru

TUVA YESTERDAY, TODAY, TOMORROW

Article

Preserving and promoting the cultural and historical heritage of Tuva by means of library work: the case of the A.S. Pushkin National Library of the Republic of Tuva

Choduraa V. Saryglar

A.S. Pushkin National Library of the Republic of Tuva;

State Public Research and Technology Library, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Irina A. Ertine, Tamara M. Liundup

A.S. Pushkin National Library of the Republic of Tuva, Russian Federation

The article examines the work of libraries in the Republic of Tuva which deals with storing and promoting Tuva's cultural and historical heritage in the second decade of the new millennium. In compliance with Russia's federal legislation and Tuvan state-run programs for supporting cultural development, a number of projects are carried on by the 173 libraries which comprise the region's library network. The network, among others, includes three regional-level libraries: the National Library of the Republic of Tuva, K.I. Chukovsky Regional Children's Library, and the Regional Library of Tuva for the Visually Impaired.

The network conducts a number of studies, including statistical and sociological research in the structure of their readership, their requests and interests. In 2019, a list of the most frequently checked-out books was compiled. Since 2011, library collections have been digitalized, with a special focus on books of considerable historical, artistic and museum value, in order to set up special conditions for storing and accessing books. Digitalized documents have been compiled into bibliographical and full-text databases, openly accessible at the site of the National Library.

For educational projects, libraries enter in partnerships with the region's educational institutions. The National Library hosts the Small Academy of Sciences and the School for Postgraduates; such projects as the School of Personal Development, and Library. Information. Education. – Life, use the library as their venue. Social projects aim to support creative development of people of different ages and groups. These projects include the BiblioYurt (outreach events at shepherds' stations, and "Mom and Dad Read" (filming book readings by parents currently doing their sentences, to be later given to their children). Among cultural initiatives promoting the region's local history are the "Tuva Reads" electronic library and "Discovering the Past" project

Keywords: library; cultural heritage; culture of Tuva; Tuva; Tuva reads; library work; contemporary library; e-book; cultural project; social project; educational project

For citation:

Saryglar Ch. V., Ertine I. A. and Liundup T. M. Voprosy khraneniia i translirovaniia kul'turno-istoricheskogo naslediiia Tuvy metodami biblioteknoi raboty (na primere deiatel'nosti Natsional'noi biblioteki im. A. S. Pushkina Respubliki Tyva) [Preserving and promoting the cultural and historical heritage of Tuva by means of library work: the case of the A.S. Pushkin National Library of the Republic of Tuva]. *New Research of Tuva*, 2021, no. 2, pp. 130-144. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.2.11>

SARYGLAR, Choduraa Viktorovna, Academic Secretary, A. S. Pushkin National Library of the Republic of Tuva; Postgraduate student, State Public Research and Technology Library, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Postal address: 21 Lenin St., 667000, Kyzyl, Russian Federation; 15 Voskhod St., Novosibirsk, 630000, Russian Federation. Tel.: +7 (923) 266-62-53. E-mail: choduraa-m@yandex.ru

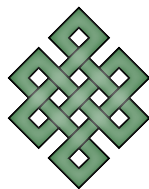
ORCID ID: 0000-0002-6338-5281

ERTINE, Irina Alekseevna, Director, A. S. Pushkin National Library of the Republic of Tuva. Postal address: 21 Lenin St., 667000, Kyzyl, Russian Federation. Tel.: +7 (923) 382-72-62. E-mail: nblibrary@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-9040-6367

LUNDUP, Tamara Mongushevna, Head, Sector of Research, Scientific and Methodological Department, A. S. Pushkin National Library of the Republic of Tuva. Postal address: 21 Lenin St., 667000, Kyzyl, Russian Federation. Tel.: +7 (983) 369-34-19. E-mail: tamaralundup@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0002-4662-1182

Введение

В деле хранения и транслирования культурно-исторического наследия Тувы используются разные методы. Среди них важен метод библиотечной работы, тесно связанный с общими задачами развития сферы культуры республики. Ведущей организацией в этом направлении является Национальная библиотека им. А. С. Пушкина Республики Тыва, отмечающая в текущем году 90-летний юбилей.

Библиотечное дело и его комплексный, интегральный характер, особенно на современном этапе, уже хорошо изучены российскими исследователями (Карташов, 2004; Ванеев, 2007; Столяров, 1991; Фирсов, 2000; Дворкина, 2009; Фонотов, 2002; Артемьева, 2012; Тюлина, 1989; Кукатова, 2010). Во многих публикациях библиотечное дело рассматривается в социокультурном комплексе региона (Пайчадзе, 1983; Посадсков, 2012; Ситников, 1985; Гузнер, 1995; Лукьянова, 2009; Маслова, 2010, и др.). Библиотечное и книжное дело Тувы также вошло в поле внимания авторов, в т. ч. авторов данной статьи (Фенцель, 1997ab, 2003, 2011, 2014; Подик, 2017; Чадамба, 2006; Люндуп, 2006; Кошкар-оол, 1990; Маадыр, 1997; Монгуш, 2007; Кравченко, Фенцель, 2017; Эргине, 2020; Сарыглар, 2020, 2021; Нанькпан, 2016 и др.).

Сегодня важно исследовать такую сторону деятельности тувинских библиотек, как хранение и транслирование культурно-исторического наследия Тувы, мало затронутую в упомянутых трудах. Также другим аспектом новизны статьи является тот факт, что указанную проблему мы проанализируем на примере деятельности Национальной библиотеки им. А. С. Пушкина РТ (далее — НБ РТ) за последние десять лет — 2011–2021 гг.¹

Соответственно, для достижения данной цели мы сначала проанализируем особенности транслирования культурно-исторического наследия Тувы, определим роль НБ РТ в сохранении историко-культурного наследия и рассмотрим ее проектную деятельность НБ РТ, в которой методами библиотечной работы решаются задачи хранения и транслирования культурно-исторического наследия республики.

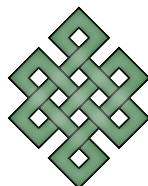
Методологической базой исследования являются труды известных библиотековедов, книговедов (Карташов, 2004; Артемьева, 2012; Кожевникова, 2012; Маслова, 2010; Кукатова, 2010; Фенцель, 2014). Источниковую базу составили нормативно-правовая документация, регулирующая деятельность библиотек, отчетные материалы библиотеки 2010–2020 гг., документный фонд и электронный каталог библиотеки, а также публикации в СМИ Тувы. Исследование выполнено на основе использования метода непосредственного статистического анализа, наблюдения за практикой деятельности библиотеки. На основе средового и пространственного подходов изучается взаимодействие библиотеки с социально-культурными учреждениями.

Научная исследованность

Различные аспекты деятельности национальных библиотек стали объектом пристального внимания таких библиотековедов, как А. Н. Ванеев (Ванеев, 2007), Ю. Н. Столяров (Столяров, 1991), В. Р. Фирсов (Фирсов, 2000), М. Я. Дворкиной (Дворкина, 2009), Г. П. Фонотова (Фонотов, 2002), Е. Б. Артемьевой (Артемьева, 2012). Серьезное исследование типологических особенностей национальных библиотек было проведено Н. И. Тюлиной (Тюлина, 1989). Систему центральных библиотек субъектов РФ и характер их развития определила Г. И. Кукатова (Кукатова, 2010). Во многих публикациях библиотечное дело рассматривается в социокультурном комплексе региона. Над историей библиотек региона много и плодотворно работали сибирские книговеды С. А. Пайчадзе (Пайчадзе, 1983), А. Л. Посадсков (Посадсков, 2012), Л. А. Ситников (Ситников, 1985), И. А. Гузнер (Гузнер, 1995) и библиотековеды Л. С. Лукьянова (Лукьянова, 2009), А. Н. Маслова (Маслова, 2010) и др.

Отдельное внимание уделяется и библиотечному делу отдельных территорий, в том числе национальных образований. Так, к библиотечному и книжному делу Тувы обращались многие ученые

¹ Выбор этого периода связан с реализацией Республиканской целевой программы «Модернизация библиотечной системы Республики Тыва», начиная с 2011 г., когда была проведена масштабная работа по модернизации библиотечных процессов Национальной библиотеки им. А. С. Пушкина Республики Тыва и в центральных районных библиотеках ЦБС республики. В республиканских библиотеках: Национальной библиотеке им. А. С. Пушкина, Тувинской республиканской специальной библиотеке для незрячих и слабовидящих, Тувинской республиканской детской библиотеке им. К. И. Чуковского и в семнадцати центральных районных библиотеках были созданы информационные центры.

библиотековеды и книговеды. В 1990 г. защитила диссертацию В. А. Кошкар-оол с темой «Библиотечное строительство в Тувинской АССР (История, современное состояние и перспективы развития)» (Кошкар-оол, 1990). В 1998 г. защищена диссертация М. С. Маадыр, посвященная истории книжной культуры, организации и совершенствованию в Туве книгоиздательского дела (Маадыр, 1997). История развития библиографии Тувы отражена в работе З. М. Монгуш (Монгуш, 2007). Изучению чтения среди населения республики посвящена диссертация И. В. Подик (Подик, 2017).

Особо следует отметить научно-исследовательский вклад О. В. Фенцель. В 1997 г. у нее вышла «История формирования фондов библиотек Тувы до 1917 г.» (Фенцель, 1997b). В 2003 г. она защитила кандидатскую диссертацию «Библиотечное краеведение в Республике Тува: прошлое, настоящее, перспективы» (Фенцель, 2003). Будучи уже директором НБ РТ, она продолжала заниматься изучением библиотечного дела Тувы, прежде всего в плане истории развития библиотеки. Итогом стали монографии: «История становления и развития Национальной библиотеки Республики Тыва (1914-2010 гг.)» (Фенцель, 2011), «Библиотечное дело Тувы в контексте историко-культурного пространства региона» (Фенцель, 2014). В целом ее труды посвящены достижениям, проблемам и перспективам библиотечного дела в контексте историко-культурного пространства региона.

Как мы видим, истории Национальной библиотеки Тувы уделено много внимания. Тем не менее, проходит время, десятилетия и уже встают новые исследовательские задачи.

Особенности транслирования культурно-исторического наследия Тувы

В соответствии со статьей 3 Закона Российской Федерации от 9 октября 1992 г. № 3612-1 «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» под культурным наследием народов Российской Федерации понимаются материальные и духовные ценности, созданные в прошлом, а также памятники и историко-культурные объекты и объекты, имеющие значение для сохранения и развития самобытности Российской Федерации и всех ее народов, их вклада в мировую цивилизацию¹.

На реализацию конституционной обязанности беречь памятники истории, культуры направлен Федеральный закон от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации»², а также закон Республики Тыва от 18 января 2013 г. № 1772 ВХ-1 «Об охране и использовании историко-культурного наследия народов Республики Тыва»³, которые регулируют отношения в области сохранения, использования и популяризации объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, устанавливают особенности владения, пользования и распоряжения указанными объектами, а также формируют общие принципы государственной охраны объектов культурного наследия.

Культурно-историческое наследие, вслед за рядом авторов, понимается нами как часть материальной и духовной культуры, созданная прошлыми поколениями, выдержавшая испытание временем и передающая следующим поколениям как нечно ценное и почитаемое (Библиотечное обслуживание ..., 2009: 49).

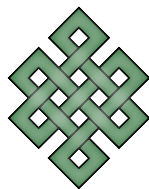
В «Концепции духовно-нравственного развития и воспитания детей и молодежи Республики Тыва до 2025 года»⁴ говорится, что проблема духовно-нравственного воспитания является одной из самых актуальных в образовательной сфере и воспитании молодежи. Библиотеки также вносят вклад в работу сохранности и транслирования культурно-исторического наследия, поскольку хранят и предоставляют доступ к книгам в первую очередь. Чтение книг и других печатных произведений остается одним из наиболее универсальных способов формирования духовно-нравственных основ личности у детей и молодежи через обычаи и традиции.

¹ «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» (утв. ВС РФ 09.10.1992 N 3612-1) (ред. от 01.04.2020) [Электронный ресурс] // Консультант.Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1870/ (дата обращения: 01.03.2021).

² Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации : федер. закон от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 26. Ст. 2519.

³ Об охране и использовании историко-культурного наследия народов Республики Тыва : закон Респ. Тыва [от 18 янв. 2013 г. № 1772 ВХ-1] // Тувинская правда. 2013. 31 января. С. 5.

⁴ Концепция духовно-нравственного развития и воспитания детей и молодежи республики Тыва до 2025 года: постановление Правительства Республики Тыва от 12 февраля 2019 г. N 73 [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <http://docs.cntd.ru/document/553106756> (дата обращения: 01.03.2021).

Сеть публичных библиотек Республики Тыва включает в себя 173 библиотеки: 3 республиканских — Национальная библиотека РТ, Тувинская республиканская детская библиотека им. К. И. Чуковского, Тувинская республиканская специальная библиотека для незрячих и слабовидящих, а также 170 муниципальных. По состоянию на 1 января 2021 г. общий фонд библиотек республики составил более трех миллионов экземпляров, в том числе около 400 тысяч экземпляров на тувинском языке (16% от основного фонда). Библиотечный фонд НБ РТ насчитывает более 580 тысяч экземпляров документов, на тувинском языке — 29063 тысяч экземпляров. В структуре библиотеки 17 подразделений, где трудятся 95 сотрудников. Ежегодно библиотека обслуживает более 17 тысяч читателей, книговыдача составляет свыше 400 тыс. экземпляров в год.

Национальная библиотека им. А. С. Пушкина РТ является членом Российской библиотечной ассоциации с 2017 г. В 2018 г. Советом директоров централизованных библиотечных систем республики под руководством И. А. Эртине был принят Устав Тувинской библиотечной ассоциации (БАРТ), которая находится при Национальной библиотеке. В Уставе прописано, что руководитель Ассоциации избирается из состава Совета. В настоящее время руководителем Ассоциации является директор Тувинской республиканской специальной библиотеки для незрячих и слабовидящих А. К. Дагба. Целью Тувинской библиотечной ассоциации является развитие информационных ресурсов библиотек республики и их интеграция в целях повышения качества информационного и библиотечного обслуживания населения на основе внедрения передовых информационно-коммуникационных технологий, в том числе корпоративных.

В 2019 г. приоритетным региональным проектом стал проект Министерства культуры Республики Тыва «Наследие предков (традиции и обычаи) в XXI веке», призванный стать инструментом социальной политики, средством воздействия и воспитания подрастающего поколения. Руководителем проекта является А. К. Аракчаа, заместитель директора по научной и издательской работе НБ РТ.

Для того, чтобы изучить своих читателей, их интересы, в 2019 г. две крупнейшие библиотеки Тувы — НБ РТ и Тувинская республиканская детская библиотека им. К. И. Чуковского — объединились и провели исследование «Популяризация народных традиций и обычаев в XXI веке». Собирались статистические данные, проводилось анкетирование на базе муниципальных библиотек республики. Анкетированием было охвачено 1600 человек, из них 1161 читателей и 70 библиотекарей, средний возраст участников — 27 лет.

Выяснилось, что в фондах библиотек республики насчитывается 1577 экз. книг художественной литературы 11 писателей, т. е. 0,4% от общего фонда на тувинском языке. В 2019 г. книговыдача детям до 14 лет составила 1512 экз. книг (18% от общей книговыдачи), молодежи 15–30 лет — 3796 экз. книг (45,7%) (Эртине, 2020: 7). Лидерами читательского спроса стали произведения доктора исторических наук, Народного писателя Тувы М. Б. Кенин-Лопсана. В течение 2019 г. его книги были выданы детям 698 раз, молодежи — 1913 раз. Пользовались повышенным спросом, в частности, такие его произведения: «Кара дээрниц тыныжы» («Дыхание черного неба»)¹, роман-эссе «Буян-Бадыргы»², «Мудрый ворон»³, исследования в области этнографии: «Тыва чоннуң бурунгу ужурлары» («Традиционная культура тувинцев»)⁴, «Тыва чаңчыл» («Тувинские обычаи»)⁵, «Тувинские шаманы»⁶, «Тыва хамнарнын торулгалары» («Мифы тувинских шаманов»)⁷.

Неугасающий интерес у читателей вызывает роман К.-Э. К. Кудажы «Улуг-Хем неугомонный»⁸ на тувинском языке. Он выдан читателям от 15 до 17 лет 138 раз, молодежи (18–35 лет) — 1425 раз.

¹ Кенин-Лопсан М. Б. Кара дээрниц тыныжы = Дыхание черного неба : мифологическое наследие тувинского шаманизма. Кызыл : Тув. кн. изд-во, 2010. 392 с.

² Кенин-Лопсан М. Б. Буян-Бадыргы : Ийи томнуг роман-эссе. Кызыл : Новости Тувы, 2000. 544 с. : портр.

³ Кенин-Лопсан М. Б. Мудрый ворон предсказывает : шаманское наследие тувинского народа : [авторский перевод]. Кызыл : Тываполиграф, 2011. 205 с.

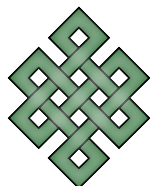
⁴ Кенин-Лопсан М. Б. Тыва чоннуң бурунгу ужурлары : ийи кезектиг : улусчу педагогиканың башкыларынга дузаламчы кылдар үндүрген. Кызыл : Тываполиграф, 2013. 528 с.

⁵ Кенин-Лопсан М. Б. Тыва чаңчыл : ийи кезектиг / Перераб. изд. Кызыл : Ю. Ш. Кюнзегеш аттыг Тываның ном үндүрер чери, 2017. 359 с.

⁶ Кенин-Лопсан М. Б. Тувинские шаманы. М. : Маска, 2009. 325 с. : цв. ил.

⁷ Кенин-Лопсан М. Б. Мифы тувинских шаманов = Тыва хамнарнын торулгалары . Кызыл : Новости Тувы, 2002. 543 с.

⁸ Кудажы, К.-Э. Улуг-Хем неугомонный : Роман / пер. с тув. А. Китайник. Кызыл : Тувин. кн. изд-во, 1976. Т. 1. 1976. 343 с.; Т. 2. 1977. 262 с.

Из наиболее читаемых авторов и книг были также: Степан Сарыг-оол «Ангыр-оолдун тоожузу» («Повесть о светлом мальчике»)¹, Чульдун Чап «Тевек» («Почекушки»)², Вячеслав Даржаа «Традиционные мужские занятия тувинцев»³ и Самбуу Иргит «Тыва оюннар = Тувинские игры»⁴. Очевидно, что произведения тувинских писателей, а также издания по традиционной тувинской культуре востребованы среди читателей (Эртинэ, 2020: 7).

Вопросы анкеты были направлены не только на читательские интересы, но и ставились шире: каких традиций и обычаев придерживаются тувинские семьи в повседневной жизни. Нам назывались: почитание взрослых, угощение чаем, празднование тувинского Нового года Шагаа; семейные обрядовые праздники, очищение помещения окуриванием можжевельника. Большинство опрошенных считают, что в семье должны быть свои традиции, которые перенимались бы будущими поколениями.

На последний открытый вопрос «Ваши рекомендации по совместной работе библиотеки, школы и семьи в приобщении детей к национальным традициям и обычаям» были получены ответы, которые подчеркивали роль и задачи библиотеки в этом направлении (там же).

Роль Национальной библиотеки Тувы в сохранении историко-культурного наследия

В настоящее время документные собрания библиотек, такие как газеты, редкие и ценные книги, претерпевают значительные изменения, в первую очередь под воздействием цифровизации (Давыдова, 2005: 60). Современные библиотеки учитывают изменившиеся интересы пользователей и способствуют получению ими информации, в том числе на основе новых информационных технологий (Матвеева, 2005: 24; Брескин, 2004: 32). Это соответствует основным направлениям развития библиотек, определенных Международной федерацией библиотечных ассоциаций и учреждений (ИФЛА) как переход библиотек от «хранилища книг» к «провайдерам информационных услуг» (Рябушева, 2004: 27).

НБ РТ является основным книгохранилищем республики и ее главной задачей в первые годы существования было обслуживание жителей столицы республики, проведение культурно-просветительской работы, методическое руководство библиотеками и красными юртами кожуунов (Моллеров, 1989: 119). Пополнение ее фонда краеведческой литературой полноценно начало развиваться с открытием в 1968 г. отдела краеведческой и национальной литературы в Республиканской библиотеке им. А. С. Пушкина. Фонд краеведческой литературы представлял собой часть библиотечного фонда, состоящую из изданий, содержащих сведения о Туве, раскрывающих ее историю, характеризующую выдающихся деятелей. Начальный фонд отдела составил 5120 экз. (Фенцель, 2005: 51). С открытием нового отдела особое внимание библиотеки начали уделять пропаганде краеведческой литературы. На сегодня этот фонд библиотеки составляет 586909 экз., из них: на русском языке — 554957 экз., на тувинском — 29063 экз.⁵

В 2011 г. по результатам проверки Средне-Сибирского управления Росохранкультуры по обеспечению сохранности библиотечных фондов, отнесенных к культурному наследию народов Российской Федерации, был создан утвержденный перечень изданий, названных книжными памятниками. К ним были отнесены 30 папок с рукописными нотами и 319 печатными изданиями XIX и первой половины XX вв. Они считаются охраняемыми, поскольку обладают «выдающимися духовными, эстетическими, полиграфическими и документирующими свойствами, представляющие общественно значимую научную, историческую и культурную ценность и охраняемые специальным законодательством»⁶.

В этой связи для всех библиотек, в том числе НБ РТ, встала задача перевода документов в цифровой формат. В этом же году в рамках Республиканской целевой программы «Модернизация библиотечной системы Республики Тыва» был приобретен планетарный книжный сканер ЭЛАР ПланСкан серии «А»⁷.

¹ Сарыг-оол, С. Ангыр-оолдун тоожузу : ийи номнуг чечен чугаалардан тургустунган. Кызыл : Ю. Ш. Кюнзегеш аттыгТывНУЧ, 2008. 439 с.

² Чульдун, Ч. М. Тевек : чечен чугаалар, литературлуг сайгарылгалар. Кызыл : ТывНУЧ, 1996. 176 ар.

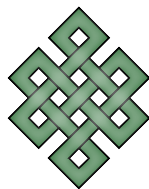
³ Даржа В. К. Традиционные мужские занятия тувинцев. Кызыл : Тувинское книжное изд-во, 2009. Т. 1 : Хозяйство. Охота. Рыбалка. 2009. 589 с.

⁴ Самбу И. У. Тувинские народные игры. Кызыл : Тув. кн. изд-во, 1978. 140 с.

⁵ Отчет о работе библиотеки за 2020 г. / ГБУ «Нац. б-ка им. А. С. Пушкина Респ. Тыва». Кызыл, 2020. С. 3.

⁶ ГОСТ 7.87-2003 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Книжные памятники»: принят 01.01.2005. М., 2005. С. 7.

⁷ Отчет о работе Национальной библиотеки за 2011 год / Нац. б-ка им. А. С. Пушкина Респ. Тыва. Кызыл, 2012. 20 с.

В оцифровку были включены книги по признаку исторической, художественной и музейной ценности изданий, с целью создания особых условий для хранения и использования произведений печати. Оцифрованные документы записываются на диски и передаются в сектор книжных памятников.

В 2014 г. был подготовлен выпуск комплексных библиографических и полнотекстовых баз данных, электронных коллекций краеведческой тематики: «Этнокультура старообрядцев Тувы», «История Тувы: к 100-летию установления протектората России над Тувой». Данные работы выполнены с целью изучения, сохранения и использования культурного наследия народов, проживающих в Республике Тыва. Электронные коллекции наряду с библиографической информацией содержат значительные массивы фактических данных и полные тексты: электронную библиотеку (монографии, статьи из научных сборников и периодических изданий). Если за первые два года было оцифровано 412 документов из редкого и краеведческого фондов, то к 01.01.2021 г. количество оцифрованных документов уже составило — 2972.

Открытый доступ для удаленных пользователей к оцифрованным изданиям организован на официальном сайте библиотеки <https://tuva-library.ru/>. Здесь сформирована и размещена полнотекстовая электронная библиотека «Тува читающая», составляющая 267 краеведческих изданий, из них 133 издания альманаха «Улуг-Хем» (с 1946 г.) и 24 выпуска «Ученых записок» Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (с 1953 г.), 110 отдельных редких и ценных изданий, например «Вестник императорского Русского географического общества» 1958 г.

В 2019 г. Тувинской библиотечной ассоциацией (БАРТ) и НБ РТ был разработан совместный проект «Открывая прошлое», поддержанный Фондом президентских грантов. Проект предусматривает оцифровку периодических изданий Республики Тыва XX века, хранящих на своих страницах официальные документы, сведения об исторических, социально-экономических, культурных событиях. На средства гранта приобретены планетарный сканер для оцифровки документов, а также сервер SUPERMICR 826-9 (при поддержке Министерства культуры Республики Тыва).

В рамках проекта «Открывая прошлое» на сайте Национальной библиотеки, в разделе «Ресурсы» собрана в открытом доступе коллекция периодических изданий, не только из своего фонда, но и других учреждений города Кызыла для сохранения и предоставления пользователям. Надо сказать, что не все периодические издания сохранились в полном комплекте. Газета «Красный пахарь» 1925 г., например, представлена из фонда Российской государственной библиотеки. На 01.03.2021 г. оцифровано 19 номеров таких газет, как: «Revolustug arat» («Революстуг арат» — «Революционный арат» 1937 г. №№ 1–2), «Ленин-Сталинниң тугунуң адаа-биле» («Под знаменем Ленина-Сталина» 1942 г., №№ 1–3, 1943 г., №№ 1–2, 5, 6), «Революстуг херели» («Лучи революции», 1941 г., № 4), «Красный пахарь» (1925 г., №№ 14, 20, 28, 29, 31, 32, 33, 37, 38), газета «Шын» («Тувинская правда») 22 комплекта (1936 г., 1951–1971 гг.). Данный список коллекции постоянно пополняется.

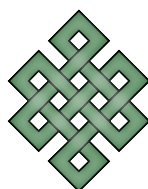
В рамках приоритетного ведомственного проекта «Наследие предков (традиции и обычаи) в XXI в.» для сайта библиотеки в разделе «Краеведение» разработана полнотекстовая рубрика «Тыва чоннуң алдын үжүзи» («Золотое наследие тувинского народа»): <https://tuva-library.ru/contents/117-tuvinskie-skazki.html>. Здесь можно ознакомиться с устным народным творчеством тувинцев: текстами героического эпоса, волшебных сказок, песен, загадок, поговорок и пословиц, а также благопожеланий, опубликованных в разных изданиях. На 1.03.2021 г. здесь предоставлено 15 изданий.

Таким образом, современные технологии мультимедиа активно используются в НБ РТ для сохранения и популяризации материального культурного наследия.

Образовательные проекты

Программно-проектная деятельность библиотек в современных условиях рассматривается как эффективный механизм развития творческой активности библиотечного сообщества, совершенствования форм и методов социального партнерства и привлечения новых источников финансовых ресурсов для развития библиотек.

В первую очередь образовательные проекты направлены на обеспечение доступа к традиционным и электронным источникам знаний и информации. Так, Национальная библиотека им. А. С. Пушкина Республики Тыва стала активным партнёром различных учебных заведений республики, поскольку по-прежнему основной по численности категорией читателей остаются студенты. В отделах социально-экономической и естественно-научной литературы студенты составляют, по данным на

1 января 2021 г., 66,5% от общего количества читателей, в общем читальном зале — 72,3%, в отделе национальной и краеведческой литературы — 65,8%, в отделе литературы по искусству — 75,1%¹.

Студенты активно участвуют в проводимых с 2009 г. Национальной библиотекой дней молодежной науки, а также научного работника. Мероприятия этих дней включают в себя научно-практические конференции, встречи школьников и студентов с учеными. Количество участников и слушателей этих образовательных мероприятий увеличивается с каждым годом. Так, если в 2014 г. было прочитано всего 18 докладов, слушателей было 48 человек, то в 2020 г. прозвучало уже более 56 докладов и слушателей стало более 200 человек. Участниками «Дней молодежной науки» стали старшеклассники городских школ, студенты, аспиранты, преподаватели образовательных учреждений.

Инициатива «Космический урок», начатая впервые в России научной библиотекой Томского государственного педагогического университета в 2007 г., продолжается теперь в разных городах страны. В 2019 г. «Космический урок» был проведен в онлайн-формате и в Туве. 19 июня в НБ РТ была организована трансляция одного из уроков Международной космической станции (МКС). Во время урока участники из разных городов задавали вопросы членам экипажа — командиру Олегу Кононенко и космонавту Алексею Овчинину (фото 1).

Фото 1. Командир экипажа Олег Кононенко и космонавт Алексей Овчинин во время «Космического урока», 2019 г.

Фото А. А. Чап.

Photo 1. Crew commander Oleg Kononenko and cosmonaut Alexey Ovchinin at the "Lesson from space", 2019.

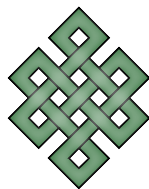
Photo by A. A. Chap.

Проект «Космический урок» — новый формат мероприятий для НБ РТ. Его просветительский характер полностью соответствует одному из направлений деятельности библиотеки — вовлечению школьников в техническое творчество, популяризацию новых научно-технических знаний. Это способствует развитию интереса к таким школьным предметам, как физика, химия, география, математика и др. и в итоге помогает ребятам из Тувы готовиться по ним и успешно сдавать экзамены, поступать в престижные вузы².

При отделах естественно-научной литературы и информационно-библиографической действуют с 2018 г. Малая академия наук и Школа аспиранта. Их работа легла в основу проекта «Библиотека — научной молодежи Тувы», который принял участие в благотворительном конкурсе «Новая роль библиотек в образовании» Фонда Михаила Прохорова. В 2019 г. на базе библиотеки открыта секция юных исследователей (руководитель — Ч. Сарыглар). Занятия секции проводятся ежегодно в День российской науки, юные исследователи — это учащиеся младших классов.

¹ Отчет о работе Национальной библиотеки за 2020 год / ГБУ «Нац. б-ка им. А. С. Пушкина Респ. Тыва». Кызыл, 2020. С. 12.

² «Космический урок» в Национальной библиотеке [Электронный ресурс] // Национальная библиотека Республики Тыва им. Александра Сергеевича Пушкина. URL: <https://tuvu-library.ru/novosti/2116-kosmicheskii-urok-v-natsionalnoy-biblioteke.html> (дата обращения: 25.02.2021).

В 2020 г. стартовал проект «Школа развития личности» (руководитель — Ч. Ондар, заведующая читальным залом, идейный вдохновитель — О. Балчирбай, Почетный работник общего образования РФ). В течение года организаторы провели несколько встреч подростков с творческими людьми разных профессий, реализовавших свои мечты. Это поможет школьникам раскрыть свои таланты и возможности. В рамках социального проекта «Школа развития личности» в Национальной библиотеке РТ планируется проведение занятий для учащихся по подготовке к ЕГЭ и ОГЭ по русскому языку и литературе.

Следующий актуальный проект «БИО-Vita» («Библиотека. Информация. Образование — Жизнь»). Руководитель проекта Л. Санарова, заведующая отделом естественно-научной литературы; научный консультант — д. б. н., проф. У. Н. Кавай-оол. Проект разработан с целью распространения научных знаний среди учащейся и студенческой молодежи. Первое занятие 2 октября 2020 г. было посвящено Николаю Тимофееву-Ресовскому¹, русскому ученому, биологу, генетику, которому 20 сентября исполнилось 120 лет со дня рождения. Биография ученого явилась основой документального романа Даниила Гранина «Зубр»². В фонде НБ РТ имеются издания его научного наследия в серии «Памятники отечественной науки»³, воспоминания соратников о нем, различные учебные пособия по биологии и справочные издания.

Главная задача образовательной деятельности НБ РТ заключается в обеспечении преемственности от школьных знаний к вузовским, а затем к самообразованию. Отметим, что данные проекты реализуются в режиме диалога. Данные направления работы библиотеки позволяют создавать площадки для перекрестного обсуждения реализующихся национальных проектов, идей и научных исследований.

Социальные проекты

С 2013 г. в НБ РТ также функционирует проект «Социальная школа “Твори добро”» (руководитель — Ч. Ондар). Проект направлен на поддержку творческого развития людей старшего возраста. Активисты социальной школы — постоянные участники различных экологических и благотворительных акций («Передай добро по кругу», «Чистые берега» и пр.). Слушатели посещают уроки основ английского разговорного языка и грамматики, занятия по лингвострановедению. Таланты раскрываются и в кружке «Умелые ручки». Совсем недавно в социальной школе открылось новое направление — уроки живописи. Основами рисования и профессиональными приемами с возрастными ученицами охотно делится художник О. Сат. Слушатели социальной школы ведут активный и здоровый образ жизни. По субботам в рамках направления «Активное долголетие» они посещают занятия по каратэ, которые проводит тренер, мастер спорта международного класса, руководитель Федерации каратэ Ч. Алиев. По действующему проекту «Я вырос в том краю, и край мне этот дорог...» продолжают организованные поездки по выходным дням в различные уголки Тувы. Они позволяют не просто посещать районы республики, но, прежде всего, в занимательной форме заниматься краеведением.

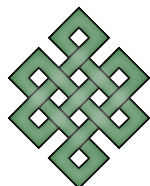
Следующим актуальным направлением просветительской деятельности НБ РТ явилось создание в 2019 г. региональной проектной школы «Проектория», инициатором которого стала к. и. н. В. С. Кан. Под её руководством сотрудники Управления проектной деятельности Администрации Главы и Аппарата Правительства Республики Тыва проводили занятия по общественному обсуждению национальных проектов, реализуемых на территории Тувы. Всего было проведено 10 занятий, в котором приняли участие 407 человек, это: учащиеся образовательных учреждений города, специалисты области культуры, образования и здравоохранения, а также представители проектных отделов министерств республики.

26 сентября 2019 г. стартовал просветительский проект «Выездная библиотека для чабанов» (автор — Ч. Ондар, заведующая читальным залом НБ РТ). Совместно с ведущим методистом научно-методического отдела Ч. Сат организовали выезд к участникам губернаторского проекта «Кыштаг для молодой семьи». Библиомобиль Национальной библиотеки отправилась по просторам Каа-Хемского кожууна на чабанскую стоянку, где живут Сылдыс Владимирович и Айсуу Олеговна Тамылан, в местечке Баян-Кол-Аксы сумона Суг-Бажы Каа-Хемского района.

¹ Занятие клуба «Био-Vita». «Зубр» не умел быть великим» (120 лет со дня рождения Н.Тимофеева-Ресовского, российского генетика, биолога) [Электронный ресурс] // youtube.com. URL: <https://youtu.be/bQ3503CkQmM>

² Гранин Д. А. Мой лейтенант. Зубр. М., 2017. 125 с.

³ Тимофеев-Ресовский Н. В. Избранные труды (1900-1981) / под ред. О. Г. Газенко и В. И. Иванова [сост.: В. И. Иванов, Н. А. Ляпунова]. М. : Наука, 2009. 510 с.

В 2020 г. по поручению Главы Республики Тыва об увеличении количества выездов для библиотечного обслуживания чабанских стоянок был разработан ведомственный проект с говорящим названием «БиблиоЮрта». На момент написания статьи совершено 65 выездов, охвачено библиотечным обслуживанием 4525 чел. Подобные выезды будут осуществляться для участников регионального проекта «Кыштаг для молодой семьи»¹. В 2020 г. также разработаны несколько образовательных и социально-значимых проектов, в том числе «Читает мама, читает папа», направленный на сохранение и укрепление родственных связей с помощью семейного чтения. Руководитель проекта — Р. Оюн. Он реализовывается в сотрудничестве с Управлением федеральной службы исполнения наказаний (УФСИН) по Республике Тыва при поддержке Фонда Президентских грантов. Осужденные-родители в исправительных учреждениях читают литературные произведения разных жанров, это чтение записывается на видео. Оператор проекта О. Ондар делает монтаж видеозаписей, в том числе заменяет фон, редактирует звук, убирает посторонние шумы. При первом же показе подготовленных видеороликов участники были приятно удивлены, увидев себя читающими на фоне юрты, природы и других фонов.

За год работы проекта проделана большая работа с участниками. Были отобраны 25 осужденных-родителей, проведено анкетирование по выявлению читательских интересов, разработаны памятки «Правила чтения», «Выразительное чтение», проведены занятия по технике выразительного чтения, произведена аудиовидеосъемка. По итогам вручены подарки — USB-флеш накопители детям. Результат проекта — видеозаписи, с помощью которых библиотека старалась помочь восстановить и укрепить семейные связи осужденных и их детей.

Реализация проектов сегодня также является лучшим способом самовыражения, повышения престижа Национальной библиотеки им. А. С. Пушкина РТ, подчеркивания ее роли и значения в местном сообществе.

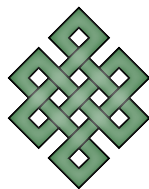
Культурные проекты

В 2019 г. в сфере культуры республики приоритетным проектом стал проект «Наследие предков (традиции и обычаи) в XXI в.», направленный на формирование у детей и молодежи духовно-нравственных основ личности через обычаи и традиции. Одним из направлений его является популяризация краеведческого наследия республики.

Для этого НБ РТ разработала и сформировала полнотекстовую электронную библиотеку «Тува читающая»: <https://tuva-library.ru/elektronnaya-biblioteka>. На сегодняшний день пользователи в свободном доступе могут ознакомиться с полными текстами более ста краеведческих изданий. Еще один схожий проект «Открывая прошлое» получил в 2019 г. поддержку Фонда Президентских грантов. Руководитель — Е. Ак-кыс, заведующая отделом национальной и краеведческой литературой НБ РТ. Оцифровываются периодические издания Тувы XX века, на страницах которых публиковались официальные документы, сведения об исторических, культурных событиях, повествования о выдающихся личностях. Смежный проект «Сохраняя память поколений» поддержан Министерством культуры РТ. Ряд отсканированных изданий уже доступен по адресу: <https://tuva-library.ru/contents/167-otkryivaya-proshloe.html>. Здесь выложены архивные издания: газета «Красный пахарь» (1925 г.), из фондов Российской государственной библиотеки (г. Москва), журнал «Под знаменем Ленина-Сталина», газета «Шын» 1936, 1951 гг., журнал «Революстун херели» 1941 г.

Проект Тувинской библиотечной Ассоциации и Национальной библиотеки Международного онлайн — форума «Через библиотеку — к развитию общества» в 2020 году получил поддержку Российского фонда культуры в рамках Федерального проекта «Творческие люди» — части Национального проекта «Культура». Целью проекта является развитие партнерства, международного и межрегионального сотрудничества библиотек, обмен опытом и эффективными библиотечными практиками. Всего участвовало более 300 человек: из них 100 человек офлайн, 204 — онлайн, включая представителей зарубежья Национальных библиотек Монголии и Казахстана. Организации — участники были представлены авторитетными библиотечными учреждениями страны: Российской государственной библиотекой, Государственной публичной научно-технической библиотекой Сибирского отделения

¹ В Тыве стартует губернаторский проект «Кыштаг для молодой семьи» [Электронный ресурс] // Официальный портал Республики Тыва. 2016, 11 января. URL: https://rtyva.ru/press_center/news/agriculture/22114/

Российской академии наук, представителями библиотечной отрасли различной ведомственной подчинённости Уральского федерального округа, Сибирского федерального округа. От Республики Тыва в форуме приняли участие представители трех республиканских библиотек (Национальной библиотеки им. А. С. Пушкина, Тувинской республиканской детской библиотеки им. К. Чуковского и Тувинской республиканской специальной библиотеки для незрячих и слабовидящих), а также ЦБС республики (централизованных библиотечных систем 19 муниципальных образований) и сотрудники научной библиотеки Тувинского государственного университета¹. Всего в рамках мероприятия прозвучало 30 докладов на следующие темы: библиотека в современном информационно-культурном пространстве; модельные библиотеки нового поколения; сохранение и изучение книжного наследия; библиотека в цифровой среде; краеведческая и издательская деятельность библиотек; библиотека и социальное партнерство; межбиблиотечное взаимодействие: региональный и международный аспект; непрерывное библиотечно-информационное образование. Итогом работы форума стало: удалось наладить дружеские и профессиональные отношения между библиотеками Монголии, Казахстана и России; удалось расширить представление о работе современных библиотек по различным направлениям деятельности, обменяться опытом; готовится к изданию сборник материалов форума.

Можно утверждать, что проектная деятельность необходима и важна для современной библиотеки. Это помогает выстроить взаимодействие с представителями разных сообществ и оценить качество этого взаимодействия, способствует развитию партнерских отношений, помогает привлечь в библиотеку свободные творческие силы и волонтеров.

Заключение

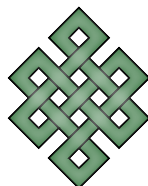
В статье представлены основные проекты Национальной библиотеки им. А. С. Пушкина Республики Тыва, которая активно участвует в социально-культурной жизни республики. В первую очередь, конечно, она функционирует как центр краеведческой библиографии, культурно-досуговый, информационный центр. Кроме того, она выступает методическим центром для 170 муниципальных библиотек республики. Одной из важных задач, решаемых сегодня библиотекой, является внедрение инновационных методов продвижения книги и чтения, продолжение традиционной работы по формированию у населения устойчивого интереса к чтению. По-прежнему активно ведется работа по пополнению библиотечного фонда исторической и краеведческой литературой, пропаганда книг местных ученых и писателей.

Перевод в цифровой формат историко-культурного наследия Тувы приобретает важную роль в обеспечении прав человека на свободный доступ к редким изданиям. Но все еще существуют проблемы, которые необходимо решать. Прежде всего, это обеспечение оборудованием, а также подготовка специалистов. Приходится учитывать качество конечного изображения, формат, в котором оно хранится, его описание, предназначение и условия сохранности. Требуются соответствующие мероприятия и сложное программное обеспечение.

При этом Национальная библиотека им. А. С. Пушкина Республики Тыва не ограничивается только выполнением своих традиционных задач, внедрением инновационных методов для нее. Библиотека реализует большое количество социальных культурных проектов. За 2018–2020 гг. здесь реализовано 14 проектов с охватом более 6800 человек: учащихся образовательных учреждений республики, молодых ученых и специалистов, даже заключенных; людей самых разных возрастов.

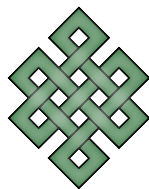
Библиотека как социальный институт выполняет важнейшие социальные функции, не только предоставляя доступ к социально значимым документам для удовлетворения информационных потребностей населения. Сегодня многие национальные библиотеки организуют отдельные лекции, проекты и создают «обратную связь» от пользователей информации. Социокультурные и технологические изменения в мире определили новую социальную роль библиотек и новые виды работ, благодаря которым библиотеки вносят вклад в развитие культуры региональных сообществ.

¹ Отчет о работе Национальной библиотеки за 2020 год / ГБУ «Нац. б-ка им. А. С. Пушкина Респ. Тыва». Кызыл, 2020. С. 12.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Артемьева, Е. Б. (2012) Эволюция библиотечной сети Сибири и Дальнего Востока в условиях культурно-исторических и социальных трансформаций (XVII–XX вв.). Новосибирск : ГПНТБ СО РАН. 422 с.
- Библиотечное обслуживание полиэтничного населения региона (2009) : культурная компетентность библиотекаря : справочное пособие / сост. : Л. Д. Данильянц, В. С. Крейденко. СПб. : Российская нац. б-ка. 166 с.
- Брескин, С. Н. (2004) Внедрение информационных технологий в библиотеках Краснодарского края // Через библиотеки — к будущему : сб. материалов по формированию детско-юношеской информ. политики: в 2 ч. / сост. А. Демидов, О. Старовойтова. М. : Школьная библиотека. Ч. 2. 236 с. С. 32–40.
- Ванеев, А. Н. (2007) Библиотекведение в России конца XX века : общетеоретические концепции и дискуссии : учебное пособие. СПб. : Профессия. 246 с.
- Гузнер, И. А. (1995) Материалы к истории горно-заводских библиотек. Новосибирск : ГПНТБ. 51 с.
- Давыдова, Н. Р. (2005) Фонды электронных документов в библиотеке // Научно-технические библиотеки. № 2. С. 60–70.
- Дворкина, М. Я (2009) Библиотечная среда: теория и организация. М. : Литера. 112 с.
- Карташов, Н. С. (2004) Региональное библиотековедение : науч.-практ. пособие. М. : Либерея. 224 с.
- Кожевникова, Л. А. (2007) Методика региональных библиотечных исследований: социально-экономический и культурологический подходы : учеб.-метод. пособие. Новосибирск : ГПНТБ СО РАН. 168 с.
- Кожевникова, Л. А. (2009) Методологические подходы к исследованию библиотечного пространства // Вестник Дальневосточной государственной научной библиотеки. № 2. С. 23–31.
- Кожевникова, Л. А. (2012) Методология регионального библиотековедения: проблемы и перспективы. Новосибирск : ГПНТБ СО РАН. 144 с.
- Кошкар-оол, В. А. (1990) Библиотечное строительство в Тувинской АССР : история, современное состояние и перспективы развития : дисс. ... к-та пед. н. Ленинград. 199 с.
- Кравченко, Е. В., Фенцель, О. В. (2017) Деятельность Национальной библиотеки им. А. С. Пушкина Республики Тыва по сохранению культурного наследия в традиционном и электронном форматах // Труды ГПНТБ СО РАН. Вып. 12. С. 427–437.
- Кукатова, Г. И. (2010) Центральная библиотека региона: современный этап развития : научно-практическое пособие. М. : Литера. 144 с.
- Лукьянова, Л. С. (2009) Народные чтения и общества попечения о народной трезвости Тобольской губернии : (вторая половина XIX — XX в.) // Восьмые Макушинские чтения : материалы науч. конф., 13-15 мая 2009 г., г. Красноярск / редкол.: И. В. Лизунова (отв. ред.) и др. Новосибирск: ГПНТБ СО РАН. 407 с. С. 160–164.
- Людуп, Т. М. (2006) История становления и развития методической службы Национальной библиотеки // Круг знания / сост. : О. В. Фенцель, Л. И. Разумова. Кызыл : РИО НБ РТ. Вып. 4. 158 с. С. 12–17.
- Маадыр, М. С. (1997) Книжное дело Тувы: Основные этапы и тенденции развития, 1921–1996 гг. : дисс. ... к. ист. н. Новосибирск. 217 с.
- Маслова, А. Н. (2010) Краеведение и библиотека : избранные статьи. СПб. : Профессия. 363 с.
- Матвеева, И. (2005) Новые черты старой работы // Библиотека. № 3. С. 24–27.
- Моллеров, Н. М. (1989) Истоки братства. Русская самоуправляющаяся трудовая колония в Тувинской Народной Республике. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 143 с.
- Монгуш, З. М. (2007) Книжная культура Республики Тыва в теоретико-историческом освещении. М. : Пашков дом. 286 с.
- Наныкпан, Н. Х. (2016) Основные направления совместной научной деятельности Национальной библиотеки им. А. С. Пушкина Республики Тыва и библиотек муниципальных образований // Труды ГПНТБ СО РАН. Вып. 10. С. 60–68.
- Пайчадзе, С. А. (1983) Книга Дальнего Востока: Очерк истории. Хабаровск : Кн. изд-во. 159 с.
- Подик, И. В. (2017) Чтение населения Республики Тыва : этнокультурные особенности : автореф. дисс. ... к. пед. н. М. 24 с.
- Посадсков, А. Л. (2012) Миноритарная национальная пресса в регионах современной России // Девятые Макушинские чтения: материалы научной конференции, 15–16 мая 2012 года / отв. ред. Е. Н. Савенко. Барнаул ; Новосибирск : ГПНТБ СО РАН. 372 с. С. 187–191.
- Рябушева Е. Ю. (2004) Юношеская — ориентир на будущее // Молодые в библиотечном деле / отв. ред. Е. Ю. Рябушева. Улан-Удэ : Изд. ГРЮБ РБ. 145 с. С. 27–32.
- Сарыглар, Ч. В. (2020) Роль национальной библиотеки Тувы в сохранении историко-культурного наследия // Наследие предков: традиции и обычаи в XXI веке : материалы респ. науч.-практ. конф. (12 февр. 2020 г., г. Кызыл) / сост. М. М. Бадыргы ; науч. ред. М. Б. Кунгаа ; отв. ред. И. А. Эргине. Кызыл : РИО НБ РТ. 82 с. С. 71–73.

Сарыглар, Ч. В. (2021) Социальные и образовательные проекты в библиотеке: от замысла к реализации // Через библиотеку — к развитию общества : материалы междунар. онлайн-форума (Респ. Тыва, г. Кызыл 15 окт. 2020 г.) / сост. М. М. Бадырғы ; отв. ред. И. А. Эртинe. Кызыл : РИО НБ РТ. 99 с. С. 44–48.

Ситников, Л. А. (1985) Книжные сокровища Сибири: Век восемнадцатый. По следам старин. сиб. б-к и их читателей. Новосибирск : Зап.-Сиб. кн. изд-во. 112 с.

Столяров, Ю. Н. (1991) Библиотечный фонд : учеб. для библиотеч. фак. ин-тов культуры, ун-тов и пед. вузов. М. : Кн. палата. 270 с.

Тюлина, Н. И. (1989) Национальная библиотека. Опыт типологического анализа : автореф. дисс. ... д-ра пед. н. М. 33 с.

Фенцель, О. В. (1997а) История и современное состояние комплектования фондов библиотек Тувы. Кызыл : РИО НБ РТ. 24 с.

Фенцель, О. В. (1997b) История формирования фондов библиотек Тувы до 1917 г. Кызыл : РИО НБ РТ. 12 с.

Фенцель, О. В. (2003) Библиотечное краеведение в Республике Тыва : прошлое, настоящее, перспективы : автореф. дис. ... канд. пед. наук. СПб. 18 с.

Фенцель, О. В. (2005) От общественной библиотеки — к Национальной библиотеке Республики Тыва // Люди и события : год 2006 / сост. : Л. М. Чадамба, Е. М. Ак-кыс. Кызыл : РИО НБ РТ. 98 с. С. 51–54.

Фенцель, О. В. (2011) История становления и развития Национальной библиотеки Республики Тыва (1914–2010 гг.). Кызыл : Нац. б-ка Респ. Тыва. 67 с.

Фенцель, О. В. (2014) Библиотечное дело Тувы в контексте историко-культурного пространства региона. Кызыл : РИО НБ РТ. 24 с.

Фирсов, В. Р. (2000) Государственное законодательное регулирование деятельности библиотек. СПб. : Изд-во Рос. нац. б-ки. 255 с.

Фонотов, Г. П. (2002) Библиотеки — общество — Россия : исслед. социокультур. среды. М. : Либерия. 192 с.

Чадамба, Л. М. (2006) Отдел национальной и краеведческой литературы — центр библиотечного краеведения Тувы // Круг знания / сост. : О. В. Фенцель, Л. И. Разумова. Кызыл : РИО НБ им. А. С. Пушкина РТ. Вып. 4. 78 с. С. 17–23.

Эртинe, И. А. (2020) Популяризация народных традиций и обычаев в XXI веке в библиотеках Республики Тыва // Наследие предков: традиции и обычаи в XXI веке : материалы респ. науч.-практ. конф. (12 февр. 2020 г., г. Кызыл) / сост. М. М. Бадырғы ; науч. ред. М. Б. Кунгаа ; отв. ред. И. А. Эртинe. Кызыл : РИО РТ. 82 с. С. 7–10.

Дата поступления: 08.12.2020 г.

REFERENCES

Artem'eva, E. B. (2012) *Evolutsiia bibliotечноi seti Sibiri i Dal'nego Vostoka v usloviakh kul'turno-istoricheskikh i sotsial'nykh transformatsii (XVII–XX vv.) [The evolution of the library network in Siberia and the Far East in the context of cultural, historical and social transformations in the 17th – 20th centuries]*. Novosibirsk, GPNTB SO RAN. 422 p. (In Russ.).

Bibliotечноe obsluzhivanie polietnicheskogo naseleniia regiona [Library services for the multi-ethnic population of a region] (2009): cultural competence of the librarian: a reference guide / comp. by L. D. Danil'iants and V. S. Kreidenko. St. Petersburg, Russian National Library. 166 p. (In Russ.).

Breskin, S. N. (2004) Vnedrenie informatsionnykh tekhnologii v bibliotekakh Krasnodarskogo kraia [Introduction of information technologies in libraries of the Krasnodar Krai]. In: *Cherez biblioteki — k budushchemu [Through libraries — to the future]: a collection of materials on the formation of children's and youth information policies: in 2 parts / comp. by A. Demidov and O. Starovoitova. Moscow, Shkol'naia biblioteka. Part 2. 236 p. Pp. 32–40. (In Russ.)*.

Vaneev, A. N. (2007) *Bibliotekovedenie v Rossii kontsa XX veka: obshcheteoreticheskie kontseptsii i diskussii [Library studies in Russia at the end of the twentieth century: general theoretical concepts and debates]: textbook. St. Petersburg, Professiiia. 246 p. (In Russ.)*.

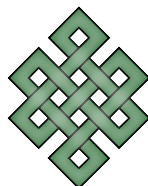
Guzner, I. A. (1995) *Materialy k istorii gorno-zavodskikh bibliotek [Materials for the history of libraries at mining factories]*. Novosibirsk, GPNTB. 51 p. (In Russ.).

Davydova, N. R. (2005) Fondy elektronnykh dokumentov v biblioteke [Electronic document collections in the library]. *Nauchno-tekhnicheskie biblioteki*, no. 2, pp. 60–70. (In Russ.).

Dvorkina, M. Ya. (2009) *Bibliotечnaia sreda: teoriia i organizatsiia [Library environment: theory and organization]*. Moscow, Litera. 112 p. (In Russ.).

Kartashov, N. S. (2004) *Regional'noe bibliotekovedenie [Regional library studies]: a guide for researchers and practitioners*. Moscow, Libereia. 224 p. (In Russ.).

Kozhevnikova, L. A. (2007) *Metodika regional'nykh bibliotekovedcheskikh issledovani: sotsial'no-ekonomicheskii i kul'turologicheskii podkhody [Methodology of regional library studies: socio-economic and cultural approaches]: a textbook and methodological guide. Novosibirsk, GPNTB SO RAN. 168 p. (In Russ.)*.

Kozhevnikova, L. A. (2009) Metodologicheskie podkhody k issledovaniuu bibliotechnogo prostranstva [Methodological approaches to the study of library space]. *Vestnik Dal'nevostochnoi gosudarstvennoi nauchnoi biblioteki*, no. 2, pp. 23–31. (In Russ.).

Kozhevnikova, L. A. (2012) *Metodologiya regional'noy bibliotekovedeniia: problemy i perspektivy* [Methodology of regional library studies: problems and prospects]. Novosibirsk, GPNTB SO RAN. 144 p. (In Russ.).

Koshkar-ool, V. A. (1990) *Bibliotechnoe stroitel'stvo v Tuvinskoj ASSR: istoriia, sovremennoe sostoianie i perspektivy razvitiia* [Library construction in the Tuvan ASSR: history, current state and prospects of development]: Diss. ... Candidate of Pedagogy. Leningrad. 199 p. (In Russ.).

Kravchenko, E. V. and Fentsel', O. V. (2017) Deiatel'nost' Natsional'noi biblioteki im. A. S. Pushkina Respubliki Tyva po sokhraneniuu kul'turnogo nasledii v traditsionnom i elektronnom formatakh [The work of the Pushkin National Library of the Republic of Tyva for the preservation of cultural heritage in traditional and electronic formats]. *Trudy GPNTB SO RAN*, vol. 12, pp. 427–437. (In Russ.).

Kukatova, G. I. (2010) *Tsentral'naia biblioteka regiona: sovremennyi etap razvitiia* [The central library of the region: the modern stage of development]: a scientific and practical guide. Moscow, Litera. 144 p. (In Russ.).

Luk'ianova, L. S. (2009) Narodnye chteniia i obshchestva popecheniia o narodnoi trezvosti Tobol'skoi gubernii : (vtoraia polovina XIX – XX v.) [Folk readings and temperance societies of the Tobolsk province: from the second half of the 19th to the end of the 20th century]. In: *Vos'mye Makushinskie chteniia* [Eighth Makushin Readings]: proceedings of a research conference, May 13–15, 2009, Krasnoyarsk / ed. by I. V. Lizunova et al. Novosibirsk, GPNTB SO RAN. 407 p. Pp. 160–164. (In Russ.).

Liundup, T. M. (2006) Istoriia stanovleniia i razvitiia metodicheskoi sluzhby Natsional'noi biblioteki [History of the formation and development of the methodological service of the National Library]. In: *Krug znaniia* [Circle of Knowledge] / comp. by O. V. Fentsel' and L. I. Razumova. Kyzyl, RIO NB RT. Vol. 4. 158 p. Pp. 12–17. (In Russ.).

Maadyr, M. S. (1997) *Knizhnoe delo Tuvy: Osnovnye etapy i tendentsii razvitiia, 1921–1996 gg.* [Book publishing in Tuva: The main stages and trends of development, 1921–1996]: Diss. ... Candidate of History. Novosibirsk. 217 p. (In Russ.).

Maslova, A. N. (2010) *Kraevedenie i biblioteka* [Local history and the Library]: selected articles. St. Petersburg, Professiiia. 363 p. (In Russ.).

Matveeva, I. (2005) Novye cherty staroi raboty [New features of the old work]. *Biblioteka*, no. 3, pp. 24–27. (In Russ.).

Mollerov, H. M. (1989) *Istoki bratstva. Russkaia samoupravliaiushchiasia trudovaia koloniia v Tuvinskoj Narodnoy Respublike* [The origins of the brotherhood. Russian self-governing labor colony in the Tuvan People's Republic]. Kyzyl, Tuvan book publisher. 144 p. (In Russ.).

Mongush, Z. M. (2007) *Knizhnaia kul'tura Respubliki Tyva v teoretiko-istoricheskom osveshchenii* [Book culture of the Republic of Tyva in theoretical and historical aspects]. Moscow, Pashkov dom. 286 p. (In Russ.).

Nanykpan, N. Kh. (2016) Osnovnye napravleniia sovместnoi nauchnoi deiatel'nosti Natsional'noi biblioteki im. A. S. Pushkina Respubliki Tyva i bibliotek munitsipal'nykh obrazovaniu [Joint research work by the A.S. Pushkin National of the Republic of Tyva and libraries of municipal formations: main aspects]. *Trudy GPNTB SO RAN*, vol. 10, pp. 60–68. (In Russ.).

Paichadze, S. A. (1983) *Kniga Dal'nego Vostoka: Ocherk istorii* [The Book of the Far East: An outline of history]. Khabarovsk, Book Publishing House. 159 p. (In Russ.).

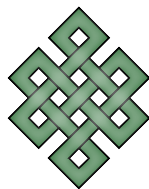
Podik, I. V. (2017) *Chtenie naseleniia Respubliki Tyva : etnokul'turnye osobennosti* [Reading of the population of the Republic of Tuva: ethnocultural features]: Abstract of Diss. ... Candidate of Pedagogy. Moscow. 24 p. (In Russ.).

Posadskov, A. L. (2012) Minoritarnaia natsional'naia pressa v regionakh sovremennoi Rossii [Ethnic minority ethnic press in the regions of contemporary Russia]. In: *Deviatye Makushinskie chteniia* [Ninth Makushin Readings]: proceedings of a research conference, May 15–16, 2012 / ed. by E. N. Savenko. Barnaul, Novosibirsk, GPNTB SO RAN. 372 p. Pp. 187–191. (In Russ.).

Riabusheva, E. Yu. (2004) Yunosheskaia — orientir na budushchee [Youth is a reference point for the future]. In: *Molodye v bibliotechnom dele* [Young people in the library business] / ed. by E. Yu. Riabusheva. Ulan-Ude, GRiUB RB Publ. 145 p. Pp. 27–32. (In Russ.).

Saryglar, Ch. V. (2020) Rol' natsional'noi biblioteki Tuvy v sokhraneniui istoriko-kul'turnogo nasledii [The role of the National Library of Tuva in the preservation of historical and cultural heritage]. In: *Nasledie predkov: traditsii i obychai v XXI veke* [Heritage of the ancestors: traditions and customs in the 21st century]: Proceedings of the republican research conference (February 12, 2020, Kyzyl) / comp. by M. M. Badyrgy, ed. by M. B. Kungaa and I. A. Ertine. Kyzyl, RIO NB RT. 82 p. Pp. 71–73. (In Russ.).

Saryglar, Ch. V. (2021) Sotsial'nye i obrazovatel'nye proekty v biblioteke: ot zamysla k realizatsii [Social and educational projects in the library: from concept to implementation]. In: *Cherez biblioteku — k razvitiuu obshchestva* [From the Library to the development of society]: proceedings of the International journal. online forum (Rep. Tuva, Kyzyl 15 Oct. 2020) / comp. by M. M. Badyrgy, ed. by I. A. Ertine. Kyzyl, RIO NB RT. 99 p. Pp. 44–48. (In Russ.).

Sitnikov, L. A. (1985) *Knizhnye sokrovishcha Sibiri: Vek vosemnadtsatyi. Po sledam starin. sib. b-k i ikh chitatelei* [Book treasure of Siberia: The eighteenth century. Tracing the ancient Siberian libraries and their readers]. Novosibirsk, Zap.-Sib. kn. izd-vo. 112 p. (In Russ.).

Stoliarov, Yu. N. (1991) *Bibliotchnyi fond* [Library Fund]: textbook for library departments of institutes of culture, universities and pedagogical universities. Moscow, Book Chamber. 270 p. (In Russ.).

Tiulina, N. I. (1989) *Natsional'naia biblioteka. Opyt tipologicheskogo analiza* [National Library: a typological analysis]: Abstract of Diss. ... Doctor of Pedagogy. Moscow. 33 p. (In Russ.).

Fentsel', O. V. (1997a) *Istoriia i sovremennoe sostoianie komplektovaniia fondov bibliotek Tuvy* [History and current state of acquisition of library collections in Tuva]. Kyzyl, RIO NB RT. 24 p. (In Russ.).

Fentsel', O. V. (1997b) *Istoriia formirovaniia fondov bibliotek Tuvy do 1917 g.* [The history of building the funds of the libraries of Tuva before 1917]. Kyzyl, RIO NB RT. 12 p. (In Russ.).

Fentsel', O. V. (2003) *Bibliotchnoe kraevedenie v Respublike Tuva : proshloe, nastoiashchee, perspektivy* [Local library studies in the Republic of Tuva: past, present, prospects]: Abstract of Diss. ... Candidate of Pedagogy. St. Petersburg. 18 p. (In Russ.).

Fentsel', O. V. (2005) *Ot obshchestvennoi biblioteki — k Natsional'noi biblioteke Respubliki Tuva* [From the public library to the National Library of the Republic of Tuva]. In: *Liudi i sobytiia : god 2006* [People and events : year 2006] / comp. by L. M. Chadamba and E. M. Ak-kys. Kyzyl, RIO NB RT. 98 p. Pp. 51–54. (In Russ.).

Fentsel', O. V. (2011) *Istoriia stanovleniia i razvitiia Natsional'noi biblioteki Respubliki Tyva (1914–2010 gg.)* [The history of the rise and development of the National Library of the Republic of Tuva (1914–2010)]. Kyzyl, National Library of the Republic of Tyva. 67 p. (In Russ.).

Fentsel', O. V. (2014) *Bibliotchnoe delo Tuvy v kontekste istoriko-kul'turnogo prostranstva regiona* [Library studies in Tuva in the context of the historical and cultural space of the region]. Kyzyl, RIO NB RT. 24 p. (In Russ.).

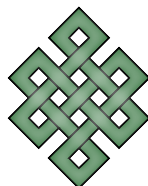
Firsov, V. R. (2000) *Gosudarstvennoe zakonodatel'noe regulirovanie deiatel'nosti bibliotek* [Legislative regulation of library activities]. St. Petersburg, Izd-vo Ros. nats. b-ki. 255 p. (In Russ.).

Fonotov, G. P. (2002) *Biblioteki — obshchestvo — Rossiia : issled. sotsiokul'tur. Sredy* [Libraries — society — Russia: a study of sociocultural environments]. Moscow, Libereia. 192 p. (In Russ.).

Chadamba, L. M. (2006) *Otdel natsional'noi i kraevedcheskoi literatury – tsentr bibliotchnogo kraevedeniia Tuvy* [Department of National and Local Literature as a center of local library studies in Tuva]. In: *Krug znaniia* [The Circle of Knowledge] / comp. by O. V. Fentsel' and L. I. Razumova. Kyzyl, RIO NB im. A. S. Pushkina RT nazvanie izdatel'stva. Vol. 4. 78 p. Pp. 17–23. (In Russ.).

Ertine, I. A. (2020) *Populiarizatsiia narodnykh traditsii i obychaev v XXI veke v bibliotekakh Respubliki Tyva* [Popularization of folk traditions and customs in the 21st century in the libraries of the Republic of Tuva]. In: *Nasledie predkov: traditsii i obychai v XXI veke* [Heritage of the ancestors: traditions and customs in the 21st century]: proceedings of a republican research conference (February 12, 2020, Kyzyl) / comp. by M. M. Badyrgy, ed. by M. B. Kungaa and I. A. Ertine. Kyzyl, RIO RT. 82 p. Pp. 7–10. (In Russ.).

Submission date: 08.12.2020.

DOI: 10.25178/nit.2021.2.12

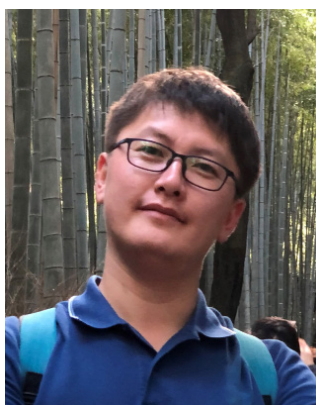
ДИАЛОГ КУЛЬТУР

Статья

Буддизм в Интернете: возможности и препятствия

Бато Ц. Дондуков, Галина П. Дондукова

Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, Российская Федерация

Данная статья посвящена изучению влияния принципов буддийских школ России (тибетской, дальневосточной, южной) на развитие и распространение буддийского учения в интернет-пространстве. Рассматривается активность буддийских сообществ в русскоязычном интернете от размещения текстового и медиаконтента до симуляции совместных практик посредством трансляций в режиме реального времени. Авторы пытаются выявить причины разной степени вовлеченности различных буддийских сообществ в процесс освоения Интернета. Так, в силу закрытости определенных тантрических учений тибетский буддизм препятствует использованию Интернета общинами данной традиции, в то время как дальневосточная традиция делает упор на живой контакт с учителем. В свою очередь южный буддизм в виду своих особенностей, заключающихся в приоритетности текстового познания, имеет преимущества в использовании интернет-пространства.

Авторы также рассматривают как буддийские сообщества России, включая традиционные, адаптировались к переходу в онлайн-среду в ответ на чрезвычайную ситуацию в мире, вызванную пандемией коронавируса. Подчеркивается, что лидеры буддизма сосредоточили внимание не столько на расширении круга последователей и распространении буддийских практик, сколько на глобальных проблемах, преимущественно связанных с экологией.

Ключевые слова: религия в Интернете; буддизм в Интернете; буддийские практики; тантра; дзен; Махаяна; Тхеравада; буддизм России

Статья подготовлена в рамках проекта РФФ № 19-18-00412.

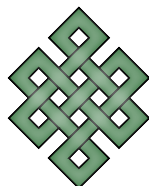
Для цитирования:

Дондуков Б. Ц., Дондукова Г. П. Буддизм в Интернете: возможности и препятствия // Новые исследования Тувы. 2021, № 2. С. 145-155. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.2.12>

Дондуков Бато Цыренович — доктор религиоведения и культурологии (PhD), старший научный сотрудник Управления научными исследованиями Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления. Адрес: 670013, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Ключевская, д. 40в. Тел.: +7 (3012) 43-14-15. Эл. адрес: dondukovb@gmail.com

Дондукова Галина Петровна — доктор литературоведения (PhD), кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Управления научными исследованиями Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления. Адрес: 670013, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Ключевская, д. 40в. Тел.: +7 (3012) 43-14-15. Эл. адрес: galina.dondukova11@gmail.com

DIALOGUE OF CULTURES

Article

Buddhism on the Internet: Opportunities and Obstacles

Bato Ts. Dondukov, Galina P. Dondukova

East Siberia State University of Technology and Management, Russian Federation

The article considers the principles of the Buddhist schools in Russia (such as the Tibetan, Far Eastern and Southern ones) and their influence on the development and dissemination of Buddhist teaching in the cyberspace. The authors discuss the activities of Buddhist communities in the Russian segment of the Internet that vary from uploading text and media content to simulation of joint practices through real-time streaming. They try to identify the reasons why various Buddhist communities have different degrees of involvement in assimilating the Web. For instance, due to the closed nature of certain tantric teachings, Tibetan Buddhism prevents the communities of this tradition from using the Internet, while the Far Eastern tradition focuses on live contact with the teacher. In turn, Southern Buddhism — as a result of its features, such as the priority of textual cognition — has advantages in using the Internet space.

The authors also examine how Russia's Buddhist communities, including traditional ones, have adapted to the transition to the online environment in response to the global emergency caused by the coronavirus pandemic. Moreover, the leaders of Buddhism have focused more on global (especially ecological) problems rather than increasing the number of followers or spreading Buddhist practices.

Keywords: religion on the Internet; Buddhism on the Internet; Buddhist practices; Tantra; Zen; Mahayana; Theravada; Buddhism of Russia

Financing

The article was prepared within the framework of the project no. 19-18-00412 supported by the Russian Science Foundation.

For citation:

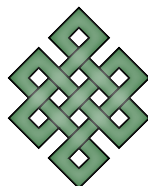
Dondukov B. Ts. and Dondukova G. P. Buddizm v Internetne: vozmozhnosti i prepiatstviia [Buddhism on the Internet: Opportunities and Obstacles]. *New Research of Tuva*, 2021, no. 2, pp. 145-155. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.2.12>

DONDUKOV, Bato Tsyrenovich, PhD in Culture and Religion Studies, Senior Research Assistant, Department of Organization and Management of Scientific Research, East Siberia State University of Technology and Management. Postal address: 40b, Klyuchevskaya St., 670013 Ulan-Ude, Russian Federation. Tel.: +7 (3012) 43-14-15. E-mail: dondukovb@gmail.com

ORCID ID: 0000-0001-5501-9858

DONDUKOVA, Galina Petrovna, PhD in Literary Studies, Candidate of Philology, Senior Research Assistant, Department of Organization and Management of Scientific Researches, East Siberia State University of Technology and Management. Postal address: 40b, Klyuchevskaya St., 670013 Ulan-Ude, Russian Federation. Tel.: +7 (3012) 43-14-15. E-mail: galina.dondukova11@gmail.com

ORCID ID: 0000-0002-4390-7556

Введение

Статья посвящена изучению особенностей освоения русскоязычного Интернета буддистскими общинами как локальными, так и глобальными, которые уже более 20 лет присутствуют в той или иной степени в цифровой среде. На сегодняшний день¹ можно обнаружить более 150 буддийских сайтов, а количество ресурсов в социальных сетях, учитывая высочайшую динамику их развития, и вовсе не поддается подсчету.

Говоря о буддизме в России, необходимо отметить широкое разнообразие сообществ, отличающихся не только формой существования, но и принадлежностью к различным направлениям и традициям буддизма. История буддизма в России насчитывает более четырехсот лет с момента включения в свой состав народов, исповедовавших тибетскую традицию буддизма: калмыки — в XVII в., буряты — в XVIII веке и тувинцы — в XX веке. Сегодня республики Бурятия, Калмыкия и Тува представляют традиционные буддийские регионы России. Помимо тибетской традиции, с которой Россия знакома давно, существуют также дальневосточная и южная традиции буддизма, широко распространившиеся по всей России в виде общин и так называемых дхарма-центров (Нестеркин, 2009: 18). Все эти буддистские сообщества действуют преимущественно обособлено, имеют принципиальные отличия и по-разному подходят к использованию Интернета: одни проявляют высокую активность, другие не уделяют ему большого внимания.

Цель данной статьи — изучить насколько буддизм, его особенности и сакральные практики помогают или препятствуют развитию и распространению буддийского учения в интернет-пространстве России, а также рассмотреть, как буддийские сообщества России адаптировались к переходу в онлайн-среду в связи с глобальной пандемией коронавируса.

Первая часть статьи будет посвящена анализу особенностей каждой из традиций буддизма, так как, по нашему мнению, именно эти внутренние особенности школ буддизма имеют высокое влияние на потенциал использования Интернета. Такой анализ позволит ответить на ряд вопросов: в каком объеме виртуальное пространство может удовлетворять религиозные потребности буддистов? С какими интернет-ресурсами мы имеем дело сегодня и какие религиозные особенности препятствуют или способствуют переносу буддийских практик в Интернет? Далее мы рассмотрим изменения, которым подвергся буддизм в Интернете в связи с пандемией коронавируса, и попытаемся осмыслить новые трансформации в рамках уже начавшегося процесса цифровизации буддизма в России.

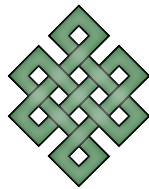
Тибетский буддизм: тантра как препятствие

На просторах Интернета опубликовано колоссальное количество буддийских книг, лекций как целиком, так и в виде выдержек, публикуемых в формате постов в социальных сетях. Также можно встретить огромное количество информации в виде объявлений о предстоящих мероприятиях или новостей буддийского мира. Однако, в рамках данной статьи мы не будем сосредотачивать внимание на подобном контенте, поскольку, на наш взгляд, это не сильно отличается от офлайн чтения общедоступных книг или публикации новостей в прессе. В гораздо большей мере нас интересует сторона переноса буддийских практик в онлайн-пространство (Campbell, 2013; Grieve, Veidlinger, 2014).

Рассматривая особенности тибетского буддизма, мы обратили внимание на веб-трансляции учений в режиме реального времени. Обычно, проводимые буддийскими гуру современные учения представляют собой не только лекции о буддийской философии, призванные повлиять на людей на уровне взглядов, но имеют и сакральное значение. Считается, что соприкосновение с учением и со святыми учителями само по себе приносит кармические заслуги, закладывая трансформации индивида на тонком уровне.

Перенос сакрального в виртуальную среду воспринимается неоднозначно, так как для многих, особенно последователей старшего поколения, переход в цифровую среду предполагает потерю сакрального времени и пространства (Aupers, Houtman, 2010). Однако, еще с начала 2000-х годов многие гуру, имеющие мировую известность, такие как Его Святейшество XIV Далай-лама, XVII Кармапа Оргъен Тинлей, Оле Нидал и другие, периодически практикуют онлайн-трансляцию своих учений. Это связано с большой территориальной разбросанностью многочисленных последователей по всему миру, которые в силу различных обстоятельств зачастую не могут физически присутствовать на

¹ По данным января 2021 г.

учениях. В декабре 2010 г. на официальном сайте Центра тибетской культуры и информации (*savetibet.ru*) была опубликована статья, в которой Далай-лама и Кармапа Оргъен Тинлей Дордже выразили свои мнения относительно трансляций учений. Далай-лама заявил следующее:

«Мы будем транслировать ... предварительное посвящение в тантру Гухьясамаджи до момента вступления в мандалу, так как я считаю неправильным транслировать основную часть посвящения. В самом тексте тантры сказано, что, прежде чем даровать это посвящение, наставник должен сперва проверить, восприимчивы ли его ученики к данному учению или нет»¹.

Из речи Далай-ламы мы видим, что лидеры буддизма намеренно ограничивают онлайн-трансляцию, когда речь заходит о тантрическом уровне тибетского буддизма. Подобный принцип наблюдается и у других буддийских учителей. Другими словами, краеугольным камнем онлайн-трансляции буддийских учений является тантра.

Путь тантры, который также именуется Ваджраяна, связан с эзотерическими мистическими практиками. С точки зрения тибетского буддизма, практика тантры считается наиболее эффективной для достижения просветления и в то же время наиболее опасной, поскольку без серьезного подхода и правильного понимания может привести к тяжелым негативным последствиям для практикующего в кармическом и даже физическом плане (Торчинов, 2000). Передача тантрических практик ученикам является ответственным шагом, поскольку несет риск как для неподготовленного человека — ученика, так и для кармы учителя. Поэтому в обеты практиков тантры включен запрет на свободное распространение тантрических учений, а его нарушение является одним из серьезнейших проступков (Berzin, 1997). В Ваджраяне существуют традиции, затрудняющие доступ к тантрическим практикам. Например, для доступа к определенным уровням тантры адепт должен завершить подготовительную практику «Нёндру», в рамках которой совершается 100 тысяч повторений определенных действий, таких как простирание, чтение мантр, подношение мандал и др. Такая практика требует высокой степени усердия и может длиться несколько лет. Помимо кармического очищения, на данном этапе отсекаются люди, не имеющие серьезных намерений практиковать тантру².

Следует отметить, что обряды инициации в тантрические практики, включающие совместную медитацию, визуализацию и устную передачу, подразумевают не только предоставление допуска, но и передачу энергии учителя, который в свою очередь получил ее от своего учителя. Так сохраняется линия преемственности, восходящая к самому Будде (Андросов, 2011: 265). Изначально в рамках монастырской системы практики передачи происходили между учителем и монахом индивидуально, однако современная деятельность множества буддийских учителей на Западе, создала тенденцию упрощения некоторых буддийских практик, где гуру дает посвящения множеству людей, собравшимся на учениях уже вне монастырей (Аюшеева, 2013: 124).

Существует ли возможность полноценной тантрической передачи посредством компьютерных сетей? В целом, на сегодня не существует единого мнения по поводу использования Интернета для подобных практик, и буддийские учителя подходят к данной возможности по-разному. В своем заявлении Кармапа XVII отмечает, что нельзя с уверенностью говорить о том, можно ли получить посвящение на расстоянии через современные средства коммуникации:

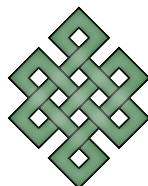
«Не стоит превращать получение посвящений через Интернет в устоявшуюся традицию. Вспомните о тех огромных трудностях, сопряженных с дальней дорогой, которые в давние времена приходилось преодолевать ученикам, желающим получить тантрическое посвящение. Перенесенные трудности закаляли сердце ученика, помогая ему упрочиться в преданности учителю, что имеет особый смысл. Едва ли это произойдет, если вы будете просто сидеть перед монитором»³.

Как видим, важным аспектом тантрических практик являются усилия, прилагаемые для получения учений, в то время как интернет-технологии, наоборот, применяются для упрощения и ускорения

¹ Далай-лама и Кармапа выразили мнение о трансляции буддийских посвящений в Интернет [Электронный ресурс] // Сохраним Тибет! Тибет, Далай-лама, буддизм. 2010, 13 декабря. URL: <http://savetibet.ru/2010/12/13/buddhism.html> (дата обращения: 12.07.2018).

² The Main Features of Tantra. [Электронный ресурс] // Study Buddhism by Berzin Archives. URL: <https://studybuddhism.com/en/advanced-studies/vajrayana/tantra-theory/the-main-features-of-tantra> (дата обращения: 20.11.2018).

³ Далай-лама и Кармапа выразили мнение о трансляции буддийских посвящений в Интернет [Электронный ресурс] // Сохраним Тибет! Тибет, Далай-лама, буддизм. 2010, 13 декабря. URL: <http://savetibet.ru/2020/05/18/dalai-lama.html> (дата обращения: 12.07.2018).

доступа. Таким образом, создается противоречивая ситуация, где, с одной стороны, многочисленные ученики со всего света получают доступный способ соприкосновения с учением, но в то же время в перспективе это грозит утратой важного аспекта духовного пути адепта, связанного с усердием в постижении буддизма.

В процессе изучения сайтов тибетского буддизма в русскоязычном интернете нам удалось выявить, что дальше остальных в осуществлении удаленных буддийских практик зашел известный буддийский учитель школы Ньингма, Намкай Норбу Ринпоче, основавший сеть международных буддийских общин Дзоччен. Еще в 2000-м году Намкай Норбу объявил об организации дистанционной «Всемирной практики гуру-йоги». Для организации мероприятия были подготовлены видеокассеты с инструкциями на разных языках, которые рассылались в представительства общины по всему миру, а практики по ним синхронизировались по времени. Свое решение Ринпоче аргументировал тем, что «учения существуют вне времени и пространства, поэтому территориальная отдаленность не является препятствием к совместным практикам... Мы устанавливаем связь, пребываем в одном состоянии в один и тот же миг — именно так бывает при получении передачи»¹.

Позже с развитием интернет-сервисов создается сайт веб-трансляций буддийских учений и ретритов². С тех пор количество практик через веб-трансляцию увеличивается, появляется традиция трансляций более серьезных уровней практики. Помимо трансляций на сайтах общины³ также публикуются тантрические тексты и изображения, однако доступ к ним имеют только зарегистрированные пользователи. Регистрация на сайте требует членства в общине, включающего членские взносы. Для полного доступа к контенту требуется непрерывное членство в общине на протяжении трех лет, что обеспечивает фильтрацию случайных людей.

Подобная организация доступа к тантрическим текстам онлайн обнаруживается и среди российских буддийских общин. Речь идет о сайте kalachakra.ru, созданном буддийским центром «Арьядэва» в г. Санкт-Петербург. Сайт содержит в себе тантрические тексты Калачакра тантры, и делится на 3 категории: «Общие», «Для посвященных» и «Для получавших наставления». Общие тексты находятся в свободном доступе, но для того, чтобы получить доступ к следующим разделам, требуется пройти регистрацию. Регистрация содержит специфические вопросы, призванные проверить уровень пользователя. Так, например, для «получавших наставления» представлены следующие вопросы:

- У кого, когда получали наставления?
- Как называется метод осуществления (дубтаб), соединенный с шестиразовой йогой в одну расширенную практику?
- Значение имени Круга Времени⁴.

Ответить на данные вопросы обывателю представляется невозможным. Важно отметить, что в данном случае хранение тайных текстов осуществляется функцией сервера, а доступ к нему предоставляется уже не учителем, а программным кодом. В связи с этим возникают вопросы, которые остаются на сегодняшний день открытыми: является ли знание ответов на вышеуказанные вопросы исчерпывающим критерием? Возможно ли создать алгоритмы оценки, которые обеспечат программы способностью принимать решение касательно предоставления доступа пользователей к тантрическим практикам?

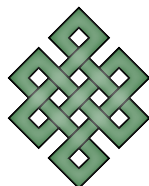
Говоря о тибетском буддизме, необходимо сказать и о традиционных буддийских общинах России. Так, у Буддийской традиционной сангхи России есть свой сайт — sangharussia.ru, khuruul.ru — сайт Объединения буддистов Калмыкии. У тувинских буддийских организаций также имеются свои сайты, такие как dharma.tuva.ru и tuvalobdon.com. Анализ этих сайтов показывает, что данные организации являются наименее активными в освоении интернет-среды (Дондуков, 2019). Это объяснимо, учитывая территориальную близость лам со своими последователями, что не стимулирует развитие удаленных коммуникаций. Традиционно сангха в буддийских регионах занимается развитием своих храмов, окружена многочисленной паствой и с прихожанами работает при личных

¹ Всемирная практика [Электронный ресурс] // Дзоччен община. URL: <http://www.kunsangar.org/vsemirnaya-praktika/> (дата обращения: 12.07.2018).

² <http://webcast.dzogchen.com/>

³ <http://kunsangar.org>, <http://rinchenling.ru/>

⁴ Регистрация [Электронный ресурс] // Калачакра — Круг времени. URL: <https://kalachakra.ru/registration/> (дата обращения: 24.04.2015).

встречах. Следует также учитывать, что посещение храма считается благотворным актом для мирян, тем более в регионах традиционного буддизма. К тому же, находясь в условиях восстановления после советского режима, традиционные буддийские сообщества России не тяготеют к экспансии.

Дальневосточный буддизм: истина вне текста

Помимо сайтов тибетского буддизма в русскоязычном Интернете также представлены сайты дальневосточного буддизма, преимущественно посвященные школе дзэн. Данная школа достаточно сильно отличается от других традиций буддизма, в первую очередь своим отношением к текстовому и аналитическому познанию. Дзэн имеет слабую связь со священными писаниями, считая философские рассуждения бесполезными. В рамках школы дзэн утверждается, что истина не может быть выражена в словах, которые являются лишь «намёком на истину» (Померанц, Миркина, 2006: 148). Один из ведущих мировых популяризаторов дзэн, профессор философии Дайсэцу Тэйтаро Судзуки отмечает: «...все буддийские учения, содержащиеся в сутрах и шастрах, с точки зрения дзэн не больше, чем макулатура, польза которой состоит лишь в том, что с её помощью можно только смахнуть пыль с интеллекта» (Судзуки, Кацуки, 1993: 25). Таким образом, в дзэн-буддизме роль учителя очень высока и опыт живой практики является ключевым, в отличие от лекций и текстов.

Описанный принцип дзэн-буддизма наиболее сильно оказывает влияние на степень использования виртуального пространства общинами данной школы. Создание ресурсов для распространения текстов дзэн не представляет особой важности, а веб-трансляции учений в современном виде вряд ли смогут воссоздать эквивалентные условия для эффективной работы с учениками.

Обзор русскоязычных сайтов, посвященных дзэн-буддизму, показал, что в России преимущественно развиты школы, являющиеся частью крупных международных общин, таких как Кван Ум. Сайты этих общин имеют схожие черты и преимущественно содержат оповещения о мероприятиях, происходящих в этих центрах. Анализ контента сайтов подтверждает гипотезу о влиянии основного принципа дзэн на степень использования Интернета. В разделах с теоретической информацией часто встречается упоминание о том, что текстовая информация не поможет овладеть пониманием дзэн и способна лишь мотивировать участников на поиск живого общения с учителем. Приведем несколько примеров.

На сайте общины Кван Ум в разделе текстов сказано следующее:

«Нижеприведенные статьи дадут некоторое представление о практике в Школе дзэн Кван Ум, но лучше осваивать практику и разбираться в деталях под руководством опытных практикующих в дзэн-центрах и на ретритах, так как текст не может осветить всех тонкостей и заменить живую практику»¹.

На сайте Санкт-Петербургского Дзэн-центра в разделе «Библиотека» приведена такая цитата:

«В книгах можно найти массу ценной информации и верных указаний. Однако, найти свою истинную природу невозможно без помощи живого учителя. В силу особенностей нашего ума, ученики смотрят на указывающий палец, а не на то, куда он указывает. Только учитель может увидеть, куда направлен взгляд ученика, взять его за подбородок и поднять ему голову, чтобы ученик смотрел не на палец, не на учителя, а на луну, куда палец указывал»².

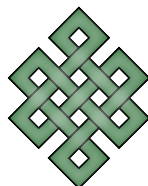
Таким образом, интернет-ресурсы общин дзэн-буддизма призваны побудить пользователей посетить их центры и соприкоснуться с живым общением с действующими там мастерами. В данном случае мы можем сказать, что принципы данной школы делают невозможным полный переход деятельности общин в виртуальное пространство, по крайней мере на данном этапе развития интернет-технологий.

Тхеравада: текст как истина

Буддизм Тхеравады, также известный как южный буддизм, фундаментально отличается от традиций тибетского и дальневосточного буддизма. В данной статье мы не будем углубляться в

¹ Начинаящим [Электронный ресурс] // Школа Дзэн Кван Ум. URL: <http://kwanumzen.ru/zen/forbeginners/> (дата обращения: 13.08.2018).

² Библиотека [Электронный ресурс] // Дзэн — путь к себе: О ZenDao, пути к себе и о себе. URL: <https://zendao.ru/library> (дата обращения: 13.08.2018).

разбор отличий данной традиции буддизма, а сосредоточимся на принципе Тхеравады, который наибольшим образом влияет на освоение интернет-пространства общинами данной школы.

В буддизме Тхеравады отсутствует тантра и другие эзотерические методы, отсутствует традиция внетекстового познания, в то время как тексты, напротив, представляют наивысший авторитет и ценятся выше учителей и методов практики. Неудивительно, что интернет-пространство используется российскими общинами Тхеравады в основном для публикации текстов Палийского канона, основы южного буддизма, нежели для медитации или трансляции сакральных учений гуру. Сайты Тхеравады¹ в большей степени наполнены буддийской информацией, чем сайты других школ буддизма. При этом, если тексты на сайтах других традиций преимущественно представляют собой публикации книг, основанных на адаптированных лекциях, читаемых учителями на Западе, то на сайтах Тхеравады основной упор делается на публикациях текстов из Палийского канона в структурированной форме.

Представлены три традиционных раздела — *сутта*, *виная* и *абхидхамма* — с множеством подразделов, в которых тексты представлены с пометками согласно системе нотаций цитат канона. В качестве примера приведем сутту из подраздела, «Ангуттара Никая»:

АН 1.22 Дутия сутта: Вторая

[Благословенный сказал]: «Монахи, я не вижу ни одной другой вещи помимо (1) ума, которая, будучи развитой, была бы настолько податливой. Развитый ум является податливым»².

Четкая структура и формулировка текстов буддийского канона на сайтах Тхеравады позволяет пользователям хорошо в них ориентироваться и дает возможность последовательного постижения вероучения. Можно утверждать, что буддизм Тхеравады не испытывает проблем с переходом в интернет-пространство в отличие от других традиций буддизма, например, с веб-трансляцией сакрального или публикациями тайных текстов. Однако, вместе с важностью изучения текстов Палийского канона, как наиболее аутентичного источника буддизма, буддизм Тхеравады подчеркивает значение монашеского пути как наиболее приближенного к пути Будды Шакьямуни. Поэтому невозможно сказать, что функционирование буддизма Тхеравады может быть полностью переведено в онлайн-режим.

Буддизм в Интернете в период пандемии COVID-19

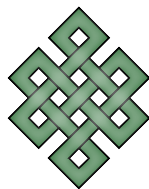
Описанное выше положение дел отражает ситуацию до пандемии COVID-19. В 2020 г. пандемия коронавируса затронула все группы людей, включая буддийские религиозные сообщества России. Сообщения о том, что буддийские ламы заболели коронавирусом, поступали из разных буддийских регионов страны. В июне 2020 г. буддийский мир потрясла новость о смерти от коронавируса Камбы ламы Тувы (глава буддизма Тувы) Башкы Джампел Лодоя, которому было 44 года. Данный случай напомнил как духовенству, так и мирянам об ответственном отношении к живым контактам. Когда посещение буддийских храмов и общественных мест стало рискованным, а в некоторых случаях попросту невозможным, общины и буддийские лидеры были вынуждены использовать интернет-технологии (Гаврилова, Жиронкина, 2020; Shoji, Matsue, 2020).

Сегодня, если зайти на сайт Центра тибетской культуры и информации *savetibet.ru*, являющимся одним из наиболее популярных новостных ресурсов тибетского буддизма, можно увидеть, что подавляющее число заголовков новостной ленты содержит оповещения об учениях и посвящениях онлайн, проводимых разными учителями. Просмотрев множество объявлений на сайте, мы не нашли дискуссий относительно возможности получения посвящения через Интернет. Такое состояние дел скорее всего говорит о том, что в новых условиях пандемии данный вопрос считается решенным. Более того, посвящение стало допускаться уже не в режиме трансляции, а в режиме просмотра записи в любое время.

В объявлении о посвящении Авалокитешвары, которое проводилось Далай-ламой 29–30 мая 2020 года, говорится следующее:

¹ <http://theravada.ru/>, <https://www.theravada.su/>

² Дутия сутта: Вторая Ангуттара Никая 1.42 [Электронный ресурс] // Буддизм южной традиции: Тхеравада.ру. URL: http://www.theravada.ru/Teaching/Canon/Suttanta/Texts/an1_42-dutiya-sutta-sv.htm (дата обращения: 30.08.2018).

«Самое важное для получения посвящения — это мотивация. Те, кто по какой-то причине не сможет принять участие в прямой трансляции, смогут получить посвящение, посмотрев трансляцию в записи, при условии правильной мотивации»¹.

В объявлении о посвящении Хеваджры, которое проводилось Гарченом Ринпоче 23–24 января 2021 г., также говорится, что получение любого посвящения через прямую трансляцию (и даже путем просмотра записанного видео), в сочетании с мотивацией бодхичитты, может быть благотворным². Таким образом, можно предположить, что в современной интерпретации энергия, передаваемая от учителя к ученику, не передается в рамках общего физического пространства и времени, а скорее является неким внутренним качеством, которое зарождается у созревшего к получению посвящения индивида при просмотре записи. Из приведенной цитаты можно заключить, что при неправильной мотивации посвящение не происходит, а значит, ответственность за получение онлайн-посвящения теперь возлагается на самих учеников.

Учителя дзэн-буддизма не сменили риторики касательно текстового познания и продолжают призывать к живому общению, однако теперь они говорят о том, что онлайн-трансляции могут считаться живым общением³. Тем не менее, в социальных сетях и на сайтах буддийских общин нам удалось обнаружить лишь два оповещения о трансляции учений. Можно предположить, что лишь некоторые учителя пытаются адаптироваться к сложившейся ситуации.

В общинах Тхеравады изменений не замечено, как и не замечено заявлений о ситуации с пандемией. Присутствуют объявления о закрытии центров, однако способы какой-либо адаптации учений к интернет-пространству в связи с пандемией коронавируса отсутствуют.

В процессе изучения удалось зафиксировать и другую сторону последствий глобального кризиса. Впервые на сайтах российских буддийских общин появились объявления об онлайн-сборах пожертвований на содержание дхарма-центров и храмов. Так, Санкт-Петербургский дацан Гунзэнчойнэй объявил о трудном положении из-за отсутствия посетителей в связи с пандемией, вследствие чего храм лишился средств на оплату коммунальных услуг⁴. Община буддизма Тхеравады «Буддавихара» также разместила объявление о сборе средств на содержание центра⁵. Данное обстоятельство свидетельствует о важности физического посещения центров и храмов, как источника финансирования. Чрезмерный уклон в онлайн-сервисы может привести к невозможности существования реальных центров, что, на наш взгляд, является сдерживающим фактором использования Интернета буддистскими сообществами. В целом, мы видим, что общины освоили методы онлайн-сбора средств и в объявлениях об онлайн-учениях, присутствуют реквизиты для пожертвований. Однако, очевидно, данные методы не могут в эквивалентном размере удовлетворять всем потребностям буддийских центров.

Другими словами, если до пандемии, использование Интернета допускалось, но подвергалось ограничениям со стороны разных лидеров, то новая ситуация спровоцировала резкий всплеск использования Интернета, сопровождающийся упрощением и адаптацией буддийских практик. С одной стороны, можно предположить, что адаптация происходит из-за потребности в постоянном контакте с последователями. С другой стороны, заявления буддийских лидеров касательно пандемии показывают и другой важный аспект. Продвигая онлайн-практики, буддийские учителя подчеркивают важность социальной дистанции и изоляции. Далай-лама отмечает, что «у сострадательного или созидательного поступка, — будь то работы в больницах или просто соблюдения социальной дистанции, — есть потенциал оказать помощь многим»⁶. Лама Сопа в своем обращении также под-

¹ Запись прямой трансляции. Далай-лама. Посвящение Авалокитешвары [Электронный ресурс] // Сохраним Тибет! Тибет, Далай-лама, буддизм. 2020, 18 мая. URL: <http://savetibet.ru/2020/05/18/dalai-lama.html> (дата обращения: 30.01.2021).

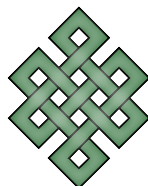
² Гарчен Ринпоче дарует посвящение Хеваджры и Учение о «Четырех Дхармах Гампопы» [Электронный ресурс] // Сохраним Тибет! Тибет, Далай-лама, буддизм. 2021, 22 января. URL: <http://savetibet.ru/2021/01/22/garchen-rinpoche.html> (дата обращения: 30.01.2021).

³ https://vk.com/sukoleg?w=wall144977461_2874

⁴ Дацан Гунзэчойнэй помог десяткам тысяч людей. Но сегодня храм сам нуждается в помощи! [Электронный ресурс] // ВКонтакте. URL: https://vk.com/dazanspb?w=wall-1142099_24469 (дата обращения: 30.01.2021).

⁵ Поддержите Буддавихару [Электронный ресурс] // Буддизм Тхеравада в России. 2020, 2 июня. URL: <https://www.buddhavihara.ru/поддержите-буддавихару/> (дата обращения: 30.01.2021).

⁶ «Молить недостаточно». Далай-лама о том, почему мы должны бороться с коронавирусом с состраданием [Электронный ресурс] // Сохраним Тибет! Тибет, Далай-лама, буддизм. 2020, 15 апреля. URL: <http://savetibet.ru/2020/04/15/dalai-lama.html> (дата обращения: 30.01.2021).

черкивает: «Благодаря своим усилиям по изоляции мы защищаем других людей, устраняя возможность распространения вируса. Не это ли воплощение бодхичитты!»¹ Другими словами, продвигая онлайн-формат учений, буддийские учителя пытаются призвать людей беречь свои и чужие жизни способствовать сохранению людьми социальной дистанции, что в данной ситуации становится необходимой мерой и допускает упрощение практик.

Данному выводу также способствует и то, что видные лидеры буддизма сегодня сосредотачивают внимание не столько на расширении круга последователей и распространении буддийских практик, сколько на глобальных проблемах, преимущественно связанных с экологией. Будучи неантропоцентричной религией, буддизм поддерживает этические принципы взаимодействия с миром природы, уважения и сострадания ко всем живым существам, что во многом соотносится с идеями современных экологических движений.

Далай-лама в своих обращениях по поводу пандемии подчеркивает обеспокоенность экологическим состоянием земли, в частности в связи с колоссальными изменениями климата². В своем интервью журналу *The Guardian* в ноябре 2020 г. Далай-лама упомянул, что одним из вопросов первостепенной важности для него стали экологические проблемы³. XVII Кармапа Орьян Тинлей прикладывает множество сил для продвижения созданного им экологического движения «Хорьюг»⁴.

Российские общины не остаются в стороне: буддистская ассоциация «Арья Сангха» обратила внимание на экологические проблемы и организовала в феврале 2021 г. Международную онлайн-конференцию «Байкал — чистая чаша планеты»⁵.

Другими словами, если до пандемии благоприятные условия в мире позволяли сосредоточить внимание на расширении общин и распространении буддийских практик, то в условиях глобального кризиса вопросы выживания и развития экологического сознания стали приоритетной задачей мировых буддийских лидеров. В данном случае, использование интернет-пространства для распространения экологических ценностей на широкие слои общества становится достаточно перспективным и важным путем духовного развития.

Заключение

Итак, мы видим, что перенос буддийских практик в онлайн-плоскость зависит от множества факторов, как внутренних, так и внешних. На сегодня не существует какой-либо общей позиции относительно использования Интернета и каждый буддийский лидер подходит к данному вопросу исходя из личных убеждений и сложившихся условий. Рассмотрев основные особенности каждой из традиций буддизма, влияющие на освоение Интернета, мы можем заключить, что он полезен для буддийских сообществ с точки зрения доступности, однако доступность не всегда является полезной для буддийских практик. В случае с тибетским буддизмом доступность несет в себе риски и приводит к утрате важных аспектов буддийского пути. С точки зрения дзэн-буддизма, использование Интернета не может предоставить условий, эквивалентных живому общению. С точки зрения Тхеравады отсутствуют разного рода препятствия для онлайн-деятельности, однако по причине важности монашеского пути, практика в Интернете не может претендовать на полноценную.

В целом проблема освоения интернет-пространства буддийскими сообществами — это преимущественно проблема глобализации буддизма. Вокруг видных буддийских деятелей создаются дхарма-центры по всему миру. При этом сами сообщества приспособливают монашеские религиозные практики для мирян. Последователи этих центров, как и сами учителя, не могут регулярно встречаться друг с другом и вынуждены прибегать к использованию интернет-технологий. Таким образом

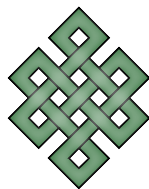
¹ COVID-19 [Электронный ресурс] // Ганден Тендар Линг. Московский буддийский центр ФПМТ. URL: <https://fpmt.ru/news/covid-19/> (дата обращения: 30.01.2021).

² Специальное послание Его Святейшества Далай-ламы в связи с пандемией коронавирусной инфекции [Электронный ресурс] // Сохраним Тибет! Тибет, Далай-лама, буддизм. 2020, 30 марта. URL: <http://savetibet.ru/2020/03/30/dalai-lama-news.html> (дата обращения: 30.01.2021).

³ 'Buddha would be green': Dalai Lama calls for urgent climate action [Электронный ресурс] // The Guardian. 2020, 11 ноября. URL: <https://www.theguardian.com/world/2020/nov/11/buddha-would-be-green-dalai-lama-calls-for-urgent-climate-action> (дата обращения: 30.01.2021).

⁴ <http://www.khoryug.info/>

⁵ <https://sangha.ru/baikalproject/>

буддийские лидеры оказались в ситуации, где существование религии в своем традиционном виде сохраняет множество важных аспектов, однако глобальный характер их деятельности не позволяет им обойтись без использования Интернета для поддержания функционирования сети дхарма-центров.

Нужно отметить, что религиозные правила оказались достаточно гибкими в условиях радикальных внешних перемен, вызванных пандемией коронавируса. Мы видим, что буддистские сообщества не консервативны, они готовы к трансформации традиционных практик, если это в какой-то мере способствует улучшению ситуации в мире. Тем не менее несмотря на то, что цифровизация буддизма в России за последний год резко выросла, многие изменения и распространение цифровой деятельности могут носить временный характер как способ преодоления социальной изоляции.

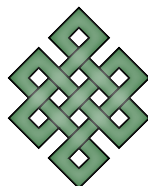
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андросов, В. П. (2011) Индо-тибетский буддизм. Энциклопедический словарь. М. : Ориенталия. 448 с.
- Аюшеева, Д. В. (2013) Тибетский буддизм на Западе: особенности и перспективы развития // Евразийство и мир. № 1. С. 120–125.
- Гаврилова, Ю. В., Жиронкина, М. А. (2020) Религии в условиях пандемии COVID-19: опыт России // Общество: философия, история, культура. № 6 (74). С. 36–40. DOI: <https://www.doi.org/10.24158/fik.2020.6.6>
- Дондуков, Б. Ц. (2019) Борьба за «истинность» буддизма: Интернет как пространство диалогов и конфликтов в буддийских сообществах России : дисс. ... PhD. Варшавский университет. 206 с.
- Нестеркин, С. П. (2009) Основные тенденции развития буддизма в социокультурном пространстве России // Вестник Бурятского государственного университета. Педагогика. Филология. Философия. № 6. С. 16–20.
- Померанц, Г. С., Миркина, З. А. (2006) Набирать снег серебряным кувшином (дзэн-буддизм) // Великие религии мира / науч. ред. тома Е. А. Жукова. М. : Издательский дом Международного университета в Москве. 256 с. С. 144–167.
- Судзуки, Д. Т., Кацуки, С. (1993) Дзэн-буддизм: основы дзэн-буддизма. Практика дзэн. Бишкек : МП «Одиссей». 672 с.
- Торчинов, Е. А. (2000) Введение в буддологию : курс лекций. СПб. : Санкт-Петербургское философское общество. 304 с.
- Aupers, S., Houtman, D. (2010) Religions of modernity: Relocating the sacred to the self and the digital. Leiden : Brill. 273 p.
- Berzin, A. (1997) Taking the Kalachakra initiation. Ithaca : Snow Lion Publications. 197 p.
- Campbell, H. (2013) Digital religion: Understanding religious practice in new media worlds. London : Routledge. 288 p.
- Grieve, G. P., Veidlinger, D. (2014) (eds.) Buddhism, the Internet, and digital media: The pixel in the lotus. New York ; London : Routledge. 232 p.
- Shoji, R., Matsue, R. (2020) Digital spirituality as paradigm shift? Religious change during the COVID-19 epidemics in Brazil [Электронный ресурс] // SSRN. July 13. URL: <https://ssrn.com/abstract=3650566> (дата обращения: 10.02.2021). DOI: <https://doi.org/10.2139/ssrn.3650566>

Дата поступления: 11.02.2021 г.

REFERENCES

- Androsov, V. P. (2011) *Indo-tibetskii buddizm. Entsiklopedicheskii slovar'* [Indo-Tibetan Buddhism. Encyclopedic dictionary]. Moscow, Orientalia. 448 p. (In Russ.).
- Ayusheeva, D. V. (2013) *Tibetskii buddizm na Zapade: osobennosti i perspektivy razvitiia* [Tibetan Buddhism in the West: peculiarities and perspectives of the development]. *Evraziistvo i mir*, no. 1, pp. 120–125. (In Russ.).
- Gavrilova, Yu. V. and Zhironkina M. A. (2020) *Religii v usloviakh pandemii COVID-19: opyt Rossii* [Religions in the context of the COVID-19 pandemic: Russia's experience]. *Society: Philosophy, History, Culture*, no. 6 (74), pp. 36–40. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.24158/fik.2020.6.6>
- Dondukov B. (2019) *Bor'ba za «istinnost'» buddizma: Internet kak prostranstvo dialogov i konfliktov v buddiiskikh soobshchestvakh Rossii* [The struggle for "trueness" of Buddhism: Internet as a space of dialogues and conflicts in Buddhist communities of Russia] : PhD Diss. University of Warsaw. 206 p. (In Russ.).

Nesterkin, S. P. (2009) Osnovnyye tendentsii razvitiia buddizma v sotsiokul'turnom prostranstve Rossii [The main trends in the evolution of Buddhism in sociocultural space of Russia]. *BSU Bulletin. Pedagogy, Philology. Philosophy*, no. 6, pp. 16–20. (In Russ.).

Pomerants, G. S. and Mirkina, Z. A. (2006) Nabirat' sneg serebrianyim kuvshinom (dzen-buddizm) [To collect snow with a silver jug (Zen Buddhism)]. In: *Velikie religii mira [Great religions of the world]* / ed. by E. A. Zhukova. Moscow, Publishing House of the International University in Moscow. 256 p. Pp. 144–167. (In Russ.).

Sudzuki D. T. and Katsuki S. (1993) *Dzen-buddizm: osnovy dzen-buddizma. Praktika dzen [Zen Buddhism: The basics of Zen Buddhism. Zen practice]*. Bishkek, MP "Odissei". 672 p. (In Russ.).

Torchinov, E. A. (2000) *Vvedenie v buddologiiu: kurs lektsii [Introduction to Buddhology: A course of lectures]*. St. Petersburg, St. Petersburg Philosophical Society. 304 p. (In Russ.).

Aupers, S. and Houtman, D. (2010) *Religions of modernity: Relocating the sacred to the self and the digital*. Leiden, Brill. 273 p.

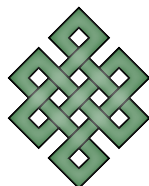
Berzin, A. (1997) *Taking the Kalachakra initiation*. Ithaca, Snow Lion Publications. 197 p.

Campbell, H. (2013) *Digital religion: Understanding religious practice in new media worlds*. London, Routledge. 288 p.

Grieve, G. P and Veidlinger, D. (2014) (eds.) *Buddhism, the Internet, and digital media: The pixel in the lotus*. New York, London, Routledge. 232 p.

Shoji, R. and Matsue, R. (2020) Digital spirituality as paradigm shift? Religious change during the COVID-19 epidemics in Brazil. *SSRN*, July 13. Available at: <https://ssrn.com/abstract=3650566> (accessed 10.02.2021). DOI: <http://doi.org/10.2139/ssrn.3650566>

Submission date: 11.02.2021.

DOI: 10.25178/nit.2021.2.13

Статья

Российские центры тибетской буддийской традиции: особенности и значение религиозных практик

Юлия Ю. Эрендженова

Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова, Российская Федерация

В статье анализируется субъективное значение религиозных практик тибетской традиции для самих российских буддистов. Рассмотрен историко-культурный контекст распространения тибетского буддизма на территории России, проанализировано функционирование современных буддийских организаций и проводимых ими религиозных практик.

Источниковой базой исследования выступил контент интернет-ресурсов, создаваемых и наполняемых самими буддистами, также в 2020 г. проведены авторские беседы с тремя авторитетными представителями российских центров тибетского буддизма: тулку (реинкарнацией святой личности) — Тэло Тулку Ринпоче, Шаджин-ламой Калмыкии; буддийским учителем — ламой Лопсан Чамзы, Кенсуром Управления Камбы-Ламы Республики Тыва, и практикующим мирянином — Д. А. Никифоровым, главным редактором издательства «Дже Цонкапа» (г. Москва).

Деятельность, осуществляемая в большинстве российских буддийских организаций (монастырей и дхарма-центров), характеризуется сильным влиянием тибетской буддийской культуры. Все буддисты в равной степени совершают религиозные ритуалы, связанные с нравственными и тантрическими обязательствами, принятыми ими во время посвящений и благословений. К ним относятся традиционные подготовительные практики тибетского буддизма, медитации, тантрические ритуалы. Несмотря на то, что буддийская тантра рассматривается верующими преимущественно как индивидуальная практика, в то же время в буддийских организациях, особенно монастырях, регулярно проводятся тантрические ритуалы для широких масс верующих.

Представители буддийских центров с осторожностью предположили вероятные интенции своих духовных братьев и сестер. Поначалу большинство членов центров бывает эгоцентричны. Но мотивация практикующих претерпевает положительные изменения. Со временем погружение в философский дискурс, регулярные медитации и ритуалы приводят к более духовной и альтруистической интенции. Немаловажное значение при этом имеет коллективная форма практики. Систематические собрания верующих для совместных медитаций и ритуалов способствуют взаимной поддержке и укреплению духовной мотивации. Особое значение совместные буддийские практики приобрели в условиях пандемии COVID-19, когда люди нуждались в духовной поддержке.

Ключевые слова: тибетский буддизм; буддийский центр; дхарма-центр; буддизм; буддист; российский буддизм; Калмыкия; Тува; Москва; религиозная практика; буддийская практика

Подготовлено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта «Россия и буддийский мир в дискурсе философского востоковедения» (грант № 19-18-00118).

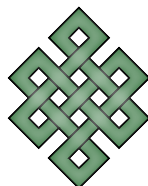
Для цитирования:

Эрендженова Ю. Ю. Российские центры тибетской буддийской традиции: особенности и значение религиозных практик // Новые исследования Тувы. 2021, № 2. С. 156-168. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.2.13>

Эрендженова Юлия Юрьевна — ассистент кафедры философии и культурологии Калмыцкого государственного университета имени Б. Б. Городовикова. Адрес: 358000, Россия, г. Элиста, ул. Пушкина, д. 11, каб. 111. Тел.: +7 (847-22) 4-50-99. Эл. адрес: yulia.er16@gmail.com

ERENDZHENOVA, Yulia Yurievna, Assistant, Chair of Philosophy and Cultural Studies, Kalmyk State University. Postal address: Office 111, 11 Pushkin St., 358000, Elista, Russian Federation. Tel.: +7 (847-22) 4-50-99. E-mail: yulia.er16@gmail.com

ORCID ID: 0000-0001-5387-9731

Russian Centers of the Tibetan Buddhist Tradition: Features and Significance of Religious Practices

Yulia Yu. Erendzhenova

B. B. Gorodovikov Kalmyk State University, Russian Federation

The article analyzes the subjective significance of religious practices in the Tibetan tradition for the Russian Buddhists. The author considers the historical and cultural context of the dissemination of Tibetan Buddhism in Russia and provides insight into the functioning of contemporary Buddhist organizations and religious practices they conduct.

The source base of the research was the content of web resources that the Buddhists develop and fill with information. In 2020, the author also interviewed three reputable representatives of Russian centers of Tibetan Buddhism: a tulku (a reincarnation of the holy person) — Telo Tulku Rinpoche, the Shajin Lama of Kalmykia; a Buddhist teacher — Lama Lopsan Chamzy, Kensur of the Directorate of the Kamby Lama of Tuva; and a practicing layman — Dmitry A. Nikiforov, the editor-in-chief of the Je Tsongkhapa Publishing House (Moscow).

The activities carried out in most Russian Buddhist organizations (monasteries and dharma centers) are characterized by a profound influence of the Tibetan Buddhist culture. All Buddhists equally practice religious rituals related to the moral and tantric commitments they have made during initiations and blessings. These include traditional preparatory practices of Tibetan Buddhism, meditation, and tantric rituals. Despite the fact that believers consider the Buddhist tantra mainly as an individual practice, at the same time, Buddhist organizations, especially monasteries, regularly conduct tantric rituals for many common believers.

Representatives of Buddhist centers have cautiously anticipated the possible intentions of their spiritual brothers and sisters. At first, most of the members of the centers are self-centered. Nevertheless, the motivation of practitioners undergoes positive changes. Eventually, immersion in philosophical discourse, regular meditations and rituals lead to a more spiritual and altruistic intention. The collective form of practice is of no small significance. Regular gatherings of believers to meditate and perform rituals together develop mutually supportive relationship and enhance spiritual motivation. Joint Buddhist practices became especially important in the context of the COVID-19 pandemic, when people needed spiritual support.

Keywords: *Tibetan Buddhism; Buddhist center; dharma center; Buddhism; Buddhist; Russian Buddhism; Kalmykia; Tuva; Moscow; religious practice; Buddhist practice*

Financing

The article was prepared with support from the Russian Science Foundation, Grant No. 19-18-00118, «Russia and the Buddhist world in the discourse of the philosophy of Oriental Studies».

For citation:

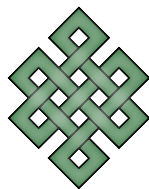
Erendzhenova Yu. Yu. Rossiiskie tsentry tibetskoi buddiiskoi traditsii: osobennosti i znachenie religioznykh praktik [Russian Centers of the Tibetan Buddhist Tradition: Features and Significance of Religious Practices]. *New Research of Tuva*, 2021, no. 2, pp. 157-168. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.2.13>

Введение

Поликонфессиональность российского общества создает немалые трудности для взаимопонимания представителей различных религиозных течений. Зачастую это может стать препятствием для межрелигиозного диалога, выступающего важным фактором обеспечения целостности культурно-конфессионального пространства российского государства. При этом недопонимание преимущественно возникает на основе поверхностной оценки религиозной деятельности тех или иных верующих. В связи с этим актуальность приобретают исследования в области практической составляющей религиозных традиций и ее субъективного значения для самих верующих.

Деятельность, осуществляемая в большинстве российских буддийских организаций (монастырей и дхарма-центров¹), характеризуется сильным влиянием тибетской буддийской культуры. Прежде всего,

¹ Дхарма — учение Будды, соответственно, дхарма-центр — это место, где проповедуется и практикуется буддийское учение. В отличие от монастыря дхарма-центр не является постоянным местом жительства его членов, они (преимущественно миряне) собираются там для сугубо религиозной деятельности.

это связано с тем, что традиционные буддисты России (калмыки, буряты, тувинцы, часть алтайцев) считают себя последователями именно тибетского буддизма.

С увеличением количества неофитов буддийские организации стали создаваться и развиваться на т. н. «нетрадиционных территориях распространения» (термин по: Сафронова, 2006) в Москве, Санкт-Петербурге, Новосибирске, Ростове-на-Дону и других российских городах, что стало поводом для их детального изучения в работах отечественных исследователей.

Так, Е. С. Сафронова проанализировала деятельность российских буддийских центров и пришла к выводу, что именно тибетский буддизм, «имеющий глубокие исторические корни, будет продолжать оставаться ведущим среди всевозможных школ и направлений буддизма» (там же: 188). М. В. Монгуш провела сравнительный анализ репрезентации буддизма в современной России — традиционного и западного, что позволяет дифференцировать стиль и теоретический базис религиозной деятельности в буддийских организациях (Монгуш, 2016). Е. А. Островская обратила внимание на буддийские общины, функционирующие в северной столице России, и представила социологическое исследование их последовательного развития в течение 20 лет (Островская, 2016). Т. Б. Бадмацыренов рассмотрел в социологическом ракурсе культовые практики, совершаемые на территории Бурятии как членами монашеской общины, так и представителями мирского населения (Бадмацыренов, 2017). Для нас интересен тот факт, что вторая группа респондентов включала не только прихожан (пассивных участников культа), но также и тех мирян, кто активно занимается религиозными практиками. Исследование Р. Т. Сабирова позволило выявить существенную роль буддистов-мирян в «формировании образа буддизма в современном российском обществе» (Сабиров, 2019: 232). Крайне важно учитывать это положение для того, чтобы в равной степени оценивать религиозный праксис, осуществляемый как монахами, там и мирянами.

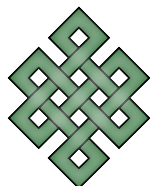
При изучении распространения тибетского буддизма в России нельзя не принимать во внимание деятельность тибетцев, долгое время проживающих в нашей стране и пропагандирующих идеалы своей традиции. В этом отношении следует выделить работу Л. Б. Четырковой, которая в ходе беседы с тибетскими учителями отметила их субъективное видение адаптации тибетского буддизма среди россиян. Так, по мнению известного в российском буддийском социуме тибетского геше Джампа Тинлея, в 1990-е годы многие с трудом понимали основы буддизма, однако в настоящее время ситуация постепенно меняется, и «большое число представителей молодого поколения заинтересованы в получении буддийского учения, знаний буддийской философии» (Четыркова, 2019: 154).

Все эти материалы позволяют перейти к попытке исследования субъективной реальности российских буддистов, в конструировании которой существенное место занимает религиозный праксис. Таким образом, цель настоящей работы можно обозначить как анализ субъективного значения религиозных практик тибетской традиции для самих российских буддистов. Для достижения поставленной цели важно рассмотреть историко-культурный контекст распространения тибетского буддизма на территории России, проанализировать функционирование современных буддийских организаций и проводимых ими религиозных практик, обратиться к источникам тибетского буддизма для выявления сущностного содержания практик.

Исследуя религиозные практики, важно осознавать все еще существующие трудности с их дефиницией. Согласимся с Л. О. Свиридовой, которая предложила рассматривать религиозные практики как «способ перевода символических действий религиозной доктрины во внутренний личный опыт верующего, механизм сохранения и передачи религиозной традиции» (Свиридова, 2018: 60). Это определение акцентирует внимание исследователей на субъективном характере религиозного праксиса.

В свою очередь, изучение религиозных практик через обнаружение внешних атрибутивных характеристик религиозности и религиозной идентичности дает возможность приблизиться к «ускользающей реальности» религиозного опыта (Пронина, 2016). На наш взгляд, методологическую ценность при этом имеет феноменолого-герменевтический подход, позволяющий обнаружить те самые внешние атрибутивные характеристики религиозности и одновременно понять вероятные внутренние интенции российских буддистов.

В этой связи при исследовании современного состояния буддийских практик можно проанализировать интернет-ресурсы, создаваемые и наполняемые самими буддистами, а также применить метод интроспекции, представляющий важную эпистемологическую значимость при изучении субъективной реальности (Дубровский, 2018). Для этого автор в 2020 г. провела беседы с тремя авторитетными представителями российских центров тибетского буддизма, имеющих разный статус в

буддийском социуме: тулку (реинкарнацией святой личности), буддийским учителем и практикующим мирянином. Важно понимать, что некоторые практики тибетского буддизма, равно как и любой другой религии, могут быть сопряжены с определенной долей табуированности. Ввиду этого ценный материал (далее — полевые материалы автора, ПМА, 2020) был получен как раз в ходе бесед. Обширные познания теории и тонкостей практик тибетского буддизма помогли авторитетным представителям буддийских центров деликатно охарактеризовать особенности религиозного праксиса и поделиться мнением о его значимости для россиян.

Первый собеседник — Тэло Тулку Ринпоче (мирское имя — Омбадыков Эрдни Басан) — признан реинкарнацией известного индийского святого Тилопы (988–1069), что придает ему особый статус в буддийском сообществе и предполагает довольно обширный духовный опыт буддийской практики. Тэло Тулку Ринпоче занимает пост Шаджин-ламы (главы буддистов) Калмыкии, а также с 2014 г. является почетным представителем Его Святейшества Далай-ламы XIV в России, Монголии и странах СНГ.

Религиозное образование Тэло Тулку Ринпоче получил в тибетском монастыре Дрепунг Гоманг на Юге Индии. Всю свою деятельность он описывает как верное служение духовному наставнику Далай-ламе XIV, который заботится обо всех живых существах. Духовный лидер тибетского буддизма высоко ценит старания Тэло Тулку Ринпоче и потому доверяет ему официально представлять свои интересы. Выполняя эту работу, Тэло Тулку Ринпоче от имени Далай-ламы XIV проводит многочисленные религиозные мероприятия и общается с буддистами в разных регионах постсоветского пространства. В 2018 г., когда буддисты Калмыкии организовали ритуал долгой жизни Тэло Тулку Ринпоче, Далай-лама XIV сочинил для этого молитву «об устойчивом пребывании стоп и долголетию Ринпоче»¹, что еще раз доказывает особое отношение тибетского духовного лидера к своему официальному представителю.

Вторым собеседником стал буддийский учитель, лама Лопсан Чамзы (мирское имя — Шыырап Байыроол Серенович). Как и Тэло Тулку Ринпоче, он обучался в монастыре Дрепунг Гоманг, а в 2014–2019 гг. возглавлял буддийскую общину в Туве и занимал пост Камбы-Ламы (главы) централизованной буддийской религиозной организации «Управление Камбы-Ламы Республики Тыва». В настоящее время Лопсан Чамзы носит титул Кенсура и продолжает духовный путь в той же организации. Будучи ламой — буддийским учителем, он ежедневно читает лекции и проводит ритуалы для прихожан, что свидетельствует о его авторитете в силу высокого уровня владения теорией и практикой буддизма.

Если оба представленных выше респондента считаются буддистами, профессионально занимающимися религиозной деятельностью и проповедующими ценности тибетской традиции, то третьего собеседника можно назвать практикующим мирянином, согласующим мирской образ жизни с буддийским учением. Никифоров Дмитрий Александрович долгое время возглавлял религиозную организацию «Московский Буддийский Центр Ламы Цонкапы», находящуюся под духовным руководством тибетского учителя — геше-цогрампа Джампа Тинлея. Следуя духовному пути, Дмитрий Александрович стал главным редактором издательства «Дже Цонкапа», структурного подразделения одноименной централизованной религиозной организации, созданной по благословию геше Тинлея.

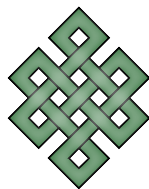
Россия и тибетский буддизм

Буддийская традиция, сформировавшаяся в Тибете, известная как тибетский буддизм, представляет собой особую форму исповедания буддийской религии, где существенное значение имеет комплексное видение теории и практики с последующей интеграцией в повседневную жизнь верующих. В теоретическом плане тибетский буддизм опирается на учение Махаяны, то есть направления, признающего пустотную сущность бытия и потенциальную возможность каждого живого существа достичь состояния просветления. На практике же эти постулаты выражаются в деяниях Бодхисаттвы и эзотерических методах Ваджраяны (Powers, 2007).

В тибетском буддизме, равно как и в других буддийских традициях, важное значение имеет трехступенчатое освоение теории и практики: сначала обретение нравственности, затем сосредоточения и в конце мудрости². В качестве методики предлагаются три последовательных этапа:

¹ Пуджа долгой жизни Шаджин-ламе Калмыкии Тэло Тулку Ринпоче. Буклет. Элиста: Центральный хурул Калмыкии «Золотая обитель Будды Шакьямуни», 2018. 5 с.

² Далай-лама. Буддийская практика: путь к жизни, полной смысла / пер. с англ. А. Капанадзе. Киев : София, 2003. 208 с. С. 14.

слушание (тиб. *thos*), размышление (тиб. *bsam*), медитация (тиб. *sgom*). Под слушанием понимают углубленное и всестороннее изучение теоретического материала. На стадии размышления изученный материал анализируется в ходе рефлексии и дискуссии. Под медитацией же понимают тренировку или практическое применение знаний, что непосредственно и способствует трансформации сознания на всех этапах пути вплоть до просветления.

Распространение тибетского буддизма на территории России началось с включения в состав государства народов, традиционно исповедующих это направление: калмыков, бурят, тувинцев, части алтайцев. В постсекулярном контексте в Калмыкии, Бурятии, Туве и на Алтае начался процесс возрождения буддийской культуры. Восстанавливаются старинные и возводятся новые буддийские храмы, культовые сооружения (*История буддизма ...*, 2011: 68–156).

После длительного запрета на активную религиозную деятельность, отмечавшегося в советское время, в постперестроечные времена буддисты получили возможность регистрировать свои религиозные организации. Наряду с этим, на «нетрадиционных» территориях распространения появились новые буддийские центры, созданные неопитами из представителей других национальностей.

Так, в начале 2006 г. известный в буддийской среде журнал «Буддизм России» представил на своем интернет-портале интерактивную карту, которая позволила увидеть охват распространения буддийских организаций по всей России. Их общая численность достигала на тот момент — 190¹. К концу 2016 г. в стране было зарегистрировано 259 буддийских организаций (*Сабиров*, 2019: 230). По данным Федеральной службы государственной статистики к началу 2019 г. это число увеличилось до 269². Как видно, за последние 15 лет значительного роста количества буддийских организаций не произошло. Однако, этого недостаточно, чтобы объективно судить о снижении уровня заинтересованности россиян в буддизме, поскольку неопиты могут примыкать к существующим организациям. Кроме того, сами буддийские центры не ведут строгого учета своих членов, что делает невозможным анализ количественной динамики. В то же время замедлившийся рост количества буддийских организаций косвенно доказывает, что российские буддисты не находят противоречия в устоявшихся традициях уже зарегистрированных центров, и у них нет веских причин учреждать новые сообщества.

В число местных и централизованных организаций, созданных в соответствии с тибетскими канонами, входят большинство монастырей и дхарма-центров в Калмыкии, Бурятии, Туве, а также в других российских регионах. Среди них можно отметить такие организации, как Центральный хурул Республики Калмыкия «Золотая обитель Будды Шакьямуни» (г. Элиста), резиденция Пандито Хамбо ламы Буддийской Традиционной Сангхи России «Хамбын Хурэ» (с. Верхняя Иволга близ Улан-Удэ), резиденция Камбы-Ламы Республики Тыва «Чеченлинг» (г. Кызыл), «Дже Цонкапа» и «Ганден Тендар Линг» (г. Москва), «Дацан Гунзэчойнэй» и «Буддийский центр Арьядевы» (г. Санкт-Петербург) и др. Все указанные центры имеют свои официальные интернет-ресурсы, информирующие об их деятельности³.

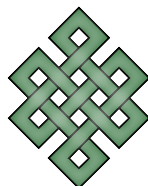
Эти монастыри и дхарма-центры являются не просто средоточием сакральных объектов и, соответственно, местами поклонения. В их стенах на постоянной основе реализуется религиозная практика, опирающаяся на серьезный теоретический базис. Именно для того, чтобы четко обозначить и поддерживать взаимосвязь теории и практики, буддийские организации часто приглашают тибетских учителей для комментирования религиозно-философских текстов и наставлений по практическому применению буддийского учения.

Наиболее почитаемыми среди российских буддистов тибетскими учителями являются Его Святейшество Далай-лама XIV, Лама Сопа Ринпоче, Еще Лодой Ринпоче, геше Джампа Тинлей и многие другие. Все эти личности являются не только теоретиками, но и мастерами буддийского праксиса, поэтому их непосредственное общение с российскими учениками по обыкновению завершаются дарованием с их стороны тантрических благословений и посвящений, проведением затворничеств и иных совместных религиозных практик.

¹ Карта буддийских храмов и центров России [Электронный ресурс] // Буддизм в России. Журнал. URL: <https://buddhismofrussia.ru/sanghalist/> (дата обращения: 10.11.2020).

² Россия в цифрах. 2019: Крат. стат. сб. / Росстат. М. 549 с. С. 177.

³ Центральный хурул Республики Калмыкии «Золотая обитель Будды Шакьямуни»: <http://www.khurul.ru/>; Буддийская традиционная Сангха России: <https://sangharussia.ru/>; Централизованная буддийская религиозная организация «Управление Камбы-ламы Республики Тыва» <https://tuvalobdon.com/>; Централизованная религиозная буддийская организация «Дже Цонкапа»: <http://geshe.ru/>; Московский буддийский центр ФПМТ «Ганден Тендар Линг»: <https://fpmt.ru/>; Санкт-Петербургский буддийский храм «Дацан Гунзэчойнэй»: <https://dazanspb.ru/>; Центр Арьядевы / Санкт-Петербург, ФПМТ!: <https://fpmt.spb.ru/>

Необходимо подчеркнуть, что указанные духовные учителя относятся к одной субтрадиции тибетского буддизма — Гелуг, которая приобрела доминирующую позицию в Тибете еще в XVII веке (Snellgrove, Richardson, 1980: 193–201). С тех пор ее духовный глава — Далай-лама — считается лидером всех тибетских буддистов, проживающих в самых разных странах, включая Россию.

Таким образом, краткий обзор показал, что тибетский буддизм является неотъемлемой частью религиозной жизни в России. Среди его последователей можно найти людей, проживающих в самых разных уголках страны. Они создают религиозные центры для того, чтобы под руководством тибетских учителей изучать теоретические основы буддизма и осваивать его практики.

Религиозные практики в российских центрах тибетского буддизма

На основании содержательного и сравнительного анализа официальных сайтов буддийских организаций и проведенных бесед становится возможной реконструкция религиозной деятельности российских буддистов и выделение общих черт их религиозного праксиса.

Первое, что указывает на тантрическую направленность этой деятельности, отличающей тибетский буддизм, отражается в интерьере центров. Все три собеседника рассказали, что в главных залах — дуганах (тиб. *du khang*) располагается алтарь, где установлены изображения или статуи Будды Шакьямуни, Ламы Цонкапы (основателя субтрадиции Гелуг) и основных учителей: Далай-ламы XIV, Панчен-ламы XI и непосредственных наставников того или иного центра. Далее по периметру дуганов расположены изображения-тханки (тиб. *thang ka*) буддийских божеств: Авалокитешвары, Белой Тары, Зеленой Тары, Амитаюса, Ваджрасаттвы, Ваджрапани. По краям размещены образы защитников Дхармы — гневных божеств Палден Лхамо и Каларупы. На ритуальных столах разложены атрибуты тантрического культа, используемые во время практик.

Все члены центров, монахи и миряне, в равной степени совершают религиозные ритуалы, связанные с нравственными и тантрическими обязательствами, принятыми ими во время посвящений и благословений. К ним относятся традиционные подготовительные практики тибетского буддизма, медитации, тантрические ритуалы.

Каждый буддист перед тем, как приступить к непосредственной тренировке сознания, должен совершить предварительные практики — *нёндро* (тиб. *sngon 'gro*). Примечательно, что на этом этапе следует не только выполнять действия, но и предаваться размышлениям о драгоценности человеческого рождения, непостоянстве и смерти, причинно-следственной сути кармы, недостатках сансарического существования¹. Все эти мысли приводят буддистов к осознанию необходимости усердной практики, что демонстрируется при совершении сотысячных повторений ритуалов. Среди них принятие прибежища и установка на бодхичитту, выполнение очистительных практик, подношение мандалы и гуру-йога.

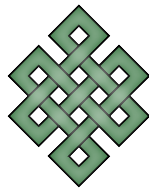
При становлении на духовный путь всем буддистам полагается принять искреннее прибежище (тиб. *skyabs 'gro*) в Трех драгоценностях — Будде, Дхарме и Сангхе, а также установить в своем сознании интенцию бодхичитты (тиб. *sems bskyed*) — устремление к просветлению во благо всех живых существ. Бодхичитта считается необходимым условием для махаянской практики, поскольку «именно она приводит с легкостью безмерное множество рожденных существ к достижению высшего счастья» (Шантидева, 2007: 63).

Наряду с этим размышления о законе причинно-следственной связи подталкивают верующих освободиться от негативной кармы, проявляющейся в форме страданий и препятствующей духовному развитию. Руководствуясь этим, буддисты раскаиваются в прегрешениях и совершают очистительные практики. Начитывая мантру Ваджрасаттвы, они визуализируют, как нисходящий от божества свет очищает их тело, речь и ум². Покаяние и очищение приобретают особый смысл при обновлении разного рода обетов, необходимого для дальнейшего духовного роста (Lopez, 2007).

Подношение мандалы (тиб. *dkyil 'khor*) включает символические подношения Будде, Дхарме и Сангхе трех видов объектов: самых прекрасных и роскошных материальных вещей (как правило, в

¹ Гелугпинцы в этом случае опираются на базовый текст Чже Цонкапы «Большое руководство к этапам пути пробуждения»: Цонкапа Чже. Большое руководство к этапам пути пробуждения : в 2 т. / пер. с тиб. А. Кутявичуса. СПб.: Изд-е А. Терентьева, 2007.

² Lama Thubten Yeshe (2004) *Becoming Vajrasattva. The Tantric Path of Purification*. Boston : Wisdom Publ. 292 p. Pp. 57–61.

ритуале используются драгоценные и полудрагоценные камни, монеты), физического тела практикующего, а также его ума. В целом подношение мандалы входит в практику даяния, в рамках которой верующий может поставить на алтарь различные объекты: шафрановую воду, лампы, цветы, благовония или пищу. Гуру-йога (тиб. *bla ma mchod pa*) является практикой поклонения тантрическому учителю, предназначается для демонстрации преданности ученика в ходе чтения одноименного текста и совершения множественных подношений. Эта практика считается необходимой для самого ученика, поскольку упрочивает его веру в гуру, являющегося проводником в эзотерическом пространстве буддийской тантры.

Лама Лопсан Чамзы отметил, что чтение мантр, физические простирания, обходы вокруг священных объектов и многие другие регулярные буддийские практики «дают внутреннее спокойствие, помогают избавиться от невежества, гнева и сильной привязанности, способствуют обращению людей к пути Бодхисаттвы — даянию, нравственности, терпению, усердию, сосредоточению и мудрости» (ПМА, 2020).

Дмитрий Никифоров так обобщил необходимость и важность подготовительных практик:

«Эти практики служат основанием, фундаментом всего буддийского учения. Они способствуют обращению ума к Дхарме, очищению негативной кармы, ослаблению эгоцентризма, воспитанию отречения от сансары, любви и сострадания к живым существам и стремления достичь состояния Будды. В обычной жизни они способствуют смягчению и углублению нашей природы, становлению более добрыми и чистыми людьми» (ПМА, 2020).

Таким образом, можно сделать вывод, что, многократно повторяя религиозные действия, буддисты словно изменяют паттерны своего поведения и мышления. Предварительные практики способствуют подготовке сознания к более сложным трансформациям (посредством медитации, тренировки ума и тантрической йоги), которые, собственно, и приводят к просветленному состоянию.

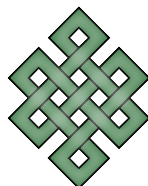
В тибетском буддизме признают два вида медитации: однонаправленную (санскр. *шаматха*, тиб. *zhi gnas*) и аналитическую медитацию (санскр. *vipaśyāna*, тиб. *lhag thong*). В первом случае практикующий стабилизирует свое сознание на одном объекте, чем развивает осознанность и умственную податливость. При аналитической медитации происходит «проникновение» в буддийскую истину бытия. Время от времени для медитативных практик организуются затворничества в уединенных местах. Именно с этой целью геше Джампа Тинлей основал специализированный комплекс на берегу озера Байкал, куда ежегодно съезжаются его ученики для совместной медитативной практики в течение нескольких недель, а иногда и месяцев¹.

Лопсан Чамзы обратил внимание на то, что в буддийских центрах, «помимо обрядовых практик, общепринятым считается созерцание бодхичитты и шести парамит для культивирования любви и сострадания ко всем живым существам» (ПМА, 2020). Так, особым праксисом для последователей тибетского буддизма является лоджонг (тиб. *blo sbyong*), характеризующийся специфическим подходом к возвращению альтруизма и предназначенный для тренировки ума, очищения его от привязанности, ненависти и неведения. Наиболее значительным методом лоджонга можно назвать практику тонглен (тиб. *gtong len*), при которой медитирующий мысленно отдает свое счастье другим существам, а в ответ забирает их страдания. Иными словами, тонглен способствует развитию безусловных любви и сострадания, центральных идей буддизма Махаяны (Jinpa, 2006).

Буддийская тантрическая практика — уникальный и одновременно противоречивый феномен тибетской традиции. Устрашающий вид многих божеств, яркие одеяния и шокирующие атрибуты (барабаны из человеческих черепов, костяные трубы, кинжалы и т. д.) для обывателя плохо согласуются с буддийским идеалом ненасилия. Если же рассматривать всю эту деятельность неотрывно от теории, то очевидным становится преимущественно символический характер тантризма.

Это касается и йоги божества (тиб. *lha'i rnal 'byor*), в ходе которой практик ежедневно читает текст садханы (тиб. *sgrub thabs*), подробно визуализирует божество, а затем символически трансформирует себя в форму этого божества и наполняется божественной гордостью (Gomez, 2007). Основатель субтрадиции Гелуг Лама Цонкапа (1357–1419) разъясняет, что главная идея этой практики заключается в достижении формного тела Будды (санскр. *пунакая*, тиб. *gzugs kyi sku*), которое станет основой для оказа-

¹ Байкальский медитационный центр [Электронный ресурс] // Дже Цонкапа. URL: <http://geshe.ru/taxonomy/term/2> (дата обращения: 12.11.2020).

ния помощи всем живым существам. Визуализируя свое тело украшенным божественными признаками, йогин сознает себя как чистое божество, схожее с Буддой по форме¹. Это позволяет ускорить духовное развитие за счет раскрытия собственного потенциала «природы Будды» практикующего. Однако, необходимыми предпосылками для этого считаются дискурсивное понимание пустотности бытия, включая самого практикующего, и альтруистическая интенция бодхичитты. Целостное восприятие этих предпосылок выражается в категории «единство метода и мудрости» (тиб. *thabs shes*), которая и является сущностью тантрической практики.

Вероятно, что далеко не все буддисты способны применять метод и мудрость в соответствии с предписаниями. Самообожествление, хоть и символическое, может негативно воздействовать на психику. Так, Дж. Линдал зафиксировал психические расстройства у некоторых западных тантристов на фоне интенсивной религиозной практики (Lindhal, 2017). Комментируя этот факт, Тэло Тулку Ринпоче высказался следующим образом: «Я встречался с несколькими людьми, которые столкнулись с трудностями в их жизни из-за неверно осуществляемой практики. Так что для нас критически важно выбирать подходящего наставника, иначе практика может нанести вред» (ПМА, 2020). То есть, последователи тибетской традиции объективно признают возможные риски и для их предотвращения настоятельно рекомендуют заниматься практиками под руководством квалифицированных учителей.

Несмотря на то, что буддийская тантра рассматривается верующими преимущественно как индивидуальная практика, в то же время в буддийских организациях, особенно монастырях, регулярно проводятся тантрические ритуалы для широких масс верующих. На сайтах российских буддийских монастырей описаны такие ритуалы, совершаемые монахами для устранения препятствий, обретения благополучия, укрепления здоровья и жизненной энергии, защиты от недоброжелателей, благословения земли и материальных объектов, финансового благосостояния, снятия проклятия и порчи, лечения от депрессии и психических расстройств². Этим объясняется широкая популярность тантрических ритуалов среди всех народов, приобщенных к тибетской буддийской культуре — монголов, буланцев, непальцев и, конечно, самих тибетцев (Cabezon, 2007: 1).

Тэло Тулку Ринпоче подчеркнул, что

«простое выполнение ритуалов не приводит к обретению желаемого, поскольку необходимо сочетание разных точек зрения со стороны тех, кто совершает ритуалы, со стороны тех, кто участвует в них, а также со стороны тех, кто лишь присутствует во время их проведения. Это предполагает, что для всякого ритуала должно быть крепкое основание в форме правильной мотивации и правильной интенции, а именно в намерении измениться на личностном уровне, стать более добросердечным, более счастливым, более сострадательным, более любящим» (ПМА, 2020).

Иными словами, корректно выполненную тантрическую практику следует рассматривать и как мощный инструмент для саморазвития, и как своеобразный способ оказания помощи верующим.

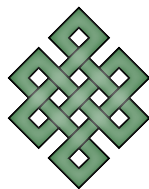
Таким образом, на основе анализа совершаемых религиозных практик в российских буддийских центрах можно заключить, что российские буддисты, как и последователи тибетского буддизма в других странах, в целом остаются верными традициям Ваджраяны, сочетая интенцию бодхичитты с эзотерическими методами при слушании, размышлении и медитации.

Значение тибетских буддийских практик для российских буддистов

Реализация религиозного праксиса в буддийских организациях подразумевает не просто деятельность, но действия как осознанные целенаправленные акты. В. А. Лекторский отмечает, что «действие возможно только в том случае, если сознаются намерение его совершить и его цели» (Лекторский, 2017: 16). Иными словами, все члены буддийских монастырей и дхарма-центров совершают практики с определенными мотивами и целями. Следует признать, что мотивация и цель не всегда могут быть связаны с духовным развитием и более того — альтруистическим устремлением к просветлению.

¹ Цонкапа, Чже (2011) Большое руководство к этапам пути мантры : в 2-х т. СПб. : Издание А. Терентьева. Т. 1. 512 с. С. 51–79.

² Ритуалы с тантрой [Электронный ресурс] // Централизованная буддийская религиозная организация «Управление Камбы-ламы Республики Тыва». URL: <https://tuvalobdon.com/index.php/ritualy-i-obryady/ritualy-s-tantroj>; Значения хуралов [Электронный ресурс] // Иволгинский дацан «Хамбын хурээ». URL: <https://ivolgdatsan.ru/buddhism/hural-info/>; Хуралы (молебны) [Электронный ресурс] // Санкт-Петербургский буддийский храм «дацан Гунзэчойнэй». URL: <https://dazanspb.ru/sluzhby-i-obryady/huraly-molebny/> (дата обращения: 15.12.2020).

Представители буддийских центров с осторожностью предположили вероятные интенции своих духовных братьев и сестер. Тэло Тулку Ринпоче считает, что поначалу большинство членов центров бывают эгоцентричны. «Люди совершают практики для избавления от страданий, для обретения спокойствия и стойкости духа перед лицом ежедневных трудностей, но со временем у них однозначно появляется намерение принести пользу всем живым существам» (ПМА, 2020).

Лама Лопсан Чамзы поделился опытом общения с прихожанами:

«Вера в буддийское учение у тувинцев в крови. Многие приходят в храм из-за проблем со здоровьем, стресса, препятствий в делах, а затем по совету учителей они начинают совершать буддийские практики. Некоторые даже принимают обеты мирянина, воздерживаются от убийства, воровства, лжи, прелюбодеяния, употребления алкоголя и других одурманивающих веществ. Так они меняются в лучшую сторону и показывают пример другим» (ПМА, 2020).

По мнению мирянина Дмитрия Никифорова, «смыслом этих практик является изменение способа мышления и отношения к жизни, отдаление от сиюминутных печалей и забот, уменьшение эгоцентризма и воспитание ума, заботящегося не только о своем счастье и о счастье не только в этой жизни. Одним словом, для меня это обретение подлинного, настоящего смысла человеческого существования» (ПМА, 2020).

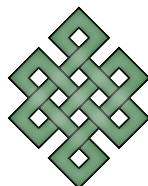
Важно отметить, что все собеседники сошлись в одном: по их мнению, мотивация практикующих претерпевает положительные изменения. Так, на начальном этапе их мотивы эгоцентричны, они преследуют «мирские» цели: обретение крепкого здоровья, семейного и финансового благополучия. Некоторые приходят в буддийские центры, чтобы удалиться от суеты и посредством буддийских практик обретают смысл жизни. С буддийской точки зрения, это рассматривается как поиск избавления от различных сансарических страданий религиозными методами. Со временем погружение в философский дискурс, регулярные медитации и ритуалы приводят к более духовной и альтруистической интенции. Подобные трансформации мотивов верующих были зафиксированы отечественными исследователями при изучении феномена буддийского паломничества. Откровения буддистов-паломников показали, что их изначальный туристский интерес после встреч с духовными наставниками, в особенности с Его Святейшеством Далай-ламой XIV, и посещения сакральных мест постепенно сменился верой в буддийское учение, которое способствовало расширению их сознания (Ламажаа, Бичелдей, Монгуш, 2020: 148–150).

Можно предположить и такой вариант, при котором практикующие буддисты не понимают своих скрытых мотивов. Однако, они не могут не осознавать того, чем именно занимаются. Поскольку религиозные действия носят специфический характер, то их совершение, как минимум, должно сопровождаться верой. Случаи, когда такая интенция порождает искреннюю заинтересованность в учении и дальнейшей практике, свидетельствуют о том, что буддийский праксис оказывает ожидаемое воздействие.

Немаловажное значение при этом имеет коллективная форма практики — цог (тиб. *tshogs*). Систематические собрания верующих для совместных медитаций и ритуалов способствуют взаимной поддержке и укреплению духовной мотивации. К примеру, центры под духовным руководством Ламы Сопы Ринпоче на постоянной основе реализуют коллективную рецитацию священных текстов¹. Происходит это следующим образом: практикующие самостоятельно начитывают определенную мантру так много раз, сколько могут, подсчитывая их количество с помощью чётков, а затем сообщают общую сумму руководителям буддийских центров. Те, в свою очередь, объединяют все «отчеты» и оглашают итоговые результаты. Такая публичная «арифметика» на первый взгляд может показаться неуместной в отношении духовных деяний, однако масштабность этих проектов, несомненно, привлекает большее количество людей, желающих внести лепту в добродетельное дело и, как следствие, получить благие заслуги.

Особое значение совместные буддийские практики приобрели в прошедшем году, когда многие оказались в изоляции из-за пандемии COVID-19 и нуждались в духовной поддержке. Буддийские учителя тибетской традиции не остались в стороне и, быстро освоив дистанционные технологии, обратились к своим последователям с сущностными наставлениями и руководствами к практике. Его Святейшество Далай-лама XIV, Лама Сопы Ринпоче, геше Джампа Тинлей и многие другие тибетские

¹ Практики в центре [Электронный ресурс] // Ганден Тендар Линг. URL: https://fpmt.ru/group_practices/ (дата обращения: 12.11.2020).

учителя призывали своих последователей начитывать мантры Будды Медицины и Зеленой Тары, сохранять стойкость духа, размышлять о взаимозависимости и пустотности, любви и сострадании.

В соответствии с этими наставлениями, члены буддийских центров, также перейдя в онлайн-формат, стали проводить регулярные коллективные практики. Одновременно с этим российские буддисты не забыли и о теоретическом обучении. Автору статьи удалось поприсутствовать на онлайн-занятиях, проводимых Центральным хурулом Калмыкии и центром «Ганден Тендар Линг», где обсуждались темы по буддийской теории познания, лоджонгу, особенностям практики во время пандемии. Подключившиеся участники внимательно слушали теорию, а затем задавали вопросы, высказывали сомнения, дискутировали с учителями и между собой. Все это наводит на мысль, что буддисты российских центров тибетской традиции не принимают покорно на веру все постулаты их религии. Они размышляют и применяют критический подход, ставя под сомнение отдельные положения буддийского учения, что в результате элиминируется в процессе углубленного изучения, рефлексии и праксиса.

Говоря о влиянии буддийских практик на мировоззрение членов центров, принципы их социального взаимодействия, респонденты в целом высказались в положительном ключе. Тэло Тулку Ринпоче обратил внимание на то, что буддисты становятся настоящими практиками, когда они

«постоянно пытаются совершенствовать свои ментальные навыки, сопровождаемые действиями тела и речи. Наши эмоции варьируются от хороших к плохим в зависимости от окружающей среды, в которой мы находимся сегодня. Наши негативные эмоции, как правило, вспыхивают намного чаще, чем позитивные. Так что буддийская философия, или мудрость, является крайне необходимой, чтобы понять, как оставаться более осознанными. Многие люди изменились с тех пор, как буддизм был возрожден как в Калмыкии, так и в других частях России» (ПМА, 2020).

Этот вывод подтверждают и слова Дмитрия Никифорова, уверенного в положительном воздействии практик на сознание верующих: «Духовный прогресс — вещь очень индивидуальная, и у разных людей он происходит с разной скоростью. Проще всего привести в пример самого себя — думается, я стал более чутким и сострадательным и гораздо менее эгоцентричным, чем раньше» (ПМА, 2020).

Лама Лопсан Чамзы согласился с тем, что буддийские практики приносят несомненную пользу, и в качестве примера рассказал историю одного прихожанина:

«Он долгое время чрезмерно употреблял алкоголь и причинял боль своим родным. После паломнической поездки в Индию он понял суть буддийского учения и стал совершать практики. Он так сильно изменился, что вся его семья теперь радуется» (ПМА, 2020).

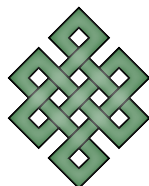
При этом все трое респондентов отметили, что количество членов буддийских центров значительно увеличилось в последнее время. Этот факт можно считать свидетельством растущего доверия к буддийскому учению среди россиян.

Выявление вероятного субъективного значения тибетских буддийских практик позволило понять, что, приобщаясь к праксису в поисках решения жизненных проблем, российские буддисты постепенно начинают осознавать позитивные изменения в структуре собственной личности. Это усиливает их доверие к буддийским практикам и мотивирует на новые свершения в религиозной сфере. В качестве объяснения этой тенденции можно предположить, что такие впечатляющие результаты получаются вследствие выполнения ими традиционных практик тибетского буддизма, в котором сотериология напрямую связывается с саморазвитием личности.

Заключение

В российских центрах, где исповедуется тибетский буддизм, верующие приобщаются к буддийскому учению и реализуют его посредством религиозных практик. Несомненно, многократные повторения ритуальных текстов, в обязательном порядке включающие строфы о бодхичитте, в ходе практики создают настрой на альтруизм, а также сопутствующие ему доброжелательность и заботу о благополучии других. На основании этого согласимся с И. С. Урбанаевой, которая отождествляет буддизм с «культурой разума», ведущей к взаимопониманию и единению людей на уровне универсальных смыслов человеческого существования (Урбанаева, 2012: 19).

Это правомерно распространить и на практики тибетского буддизма, разработанные на фундаменте этико-философских идей и сопряженные с конструктивной личностной трансформацией, которая безусловно положительным образом влияет на ценностные ориентации и принципы соци-

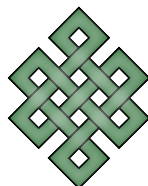
ального взаимодействия буддистов. Таким образом, можно сделать вывод, что многие российские буддисты, применяя традиционные методы религиозных практик тибетского буддизма, находят не только решение насущных проблем и ответы на экзистенциальные вопросы, но и глубже воспринимают этические ценности буддизма.

Благодарности

Автор выражает благодарность уважаемым собеседникам за проявленную открытость во время общения, а также настоятелю Центрального хурула Калмыкии «Золотая обитель Будды Шакьямуни» Андже-гелюнг (Лобсанг Зунду) за содействие в организации бесед, разъяснение отдельных нюансов буддийских практик.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бадмацыренов, Т. Б. (2017) Религиозные практики в структуре культовой системы буддизма современной Бурятии // *Власть*. № 1. С. 139–144.
- Дубровский, Д. И. (2018) Субъективная реальность // *Философская антропология*. Т. 4. № 2. С. 186–217.
- История буддизма в СССР и Российской Федерации в 1985–1999 гг. (2011) / под общ. ред. Н. Г. Очировой. Элиста : Министерство образования, культуры и науки Республики Калмыкия. 392 с.
- Ламажаа, Ч. К., Бичелдей, У. П., Монгуш, А. В. (2020) Тувинское буддийское паломничество : от традиции к вере // *Новые исследования Тувы*. № 4. С. 135–155. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2020.4.10>
- Лекторский, В. А. (2017) Являются ли иллюзией представления о субъективном мире? // *Субъективный мир в контексте вызовов современных когнитивных наук* / отв. ред. В. А. Лекторский. М. : Аквилон. 234 с. С. 7–21.
- Монгуш, М. В. (2016) Традиционный и западный буддизм в современной России : опыт сравнительного анализа // *Новые исследования Тувы*. № 1. С. 5–19.
- Пронина, Т. С. (2016) Религиозные практики в структуре религиозной идентичности современных россиян // *Вестник Тамбовского университета. Серия : Общественные науки*. Т. 2. № 2(6). С. 40–48.
- Островская, Е. А. (2016) Буддийские общины Санкт-Петербурга. СПб. : Алетейя. 198 с.
- Сабиров, Р. Т. (2019) О вкладе буддистов-мирян в распространение буддизма в России // *Труды Института востоковедения РАН. Вып. 23. Тибетология и буддология на стыке науки и религии — 2018* / отв. ред. выпуска С. Л. Кузьмин, Т. Л. Шаумян. М. : ИВ РАН. 308 с. С. 224–234.
- Сафронова, Е. С. (2006) Современный буддизм в России на нетрадиционных территориях распространения // *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. Т. 24. № 1–2. С. 175–188.
- Свиридова, Л. О. (2018) Религиозные практики : опыт дефиниции и классификации // *Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры*. № 3(36). С. 58–61. DOI: 10.30725/2619-0303-2018-3-58-61.
- Урбанаева, И. С. (2012) Значение философско-этического потенциала буддизма для человечества в ситуации вызовов третьего тысячелетия // *Буддизм в общественно-политических процессах Бурятии и стран Центральной Азии* / отв. ред. Л. Е. Янгутов. Улан-Удэ : Изд-во Бурятского гос. ун-та. 160 с. С. 6–20.
- Четырова, Л. Б. (2019) Тибетский буддизм в цивилизационном пространстве России (обзор) // *Проблемы цивилизационного развития*. Т. 1. № 1. С. 146–155. DOI: 10.21146/2713-1483-2019-1-1-146-155
- Шантидева (2007) *Bodhicaryāvatāra* : Вступление в практику Бодхисаттв / пер. с тиб., примеч. и вступ. ст. д-ра филос. наук И. С. Урбанаевой. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН. 327 с.
- Cabezón, J. I. (2007) Introduction // *Tibetan Ritual* / ed. by J. I. Cabezón. Ithaca: Snow Lion Publ. 320 p. Pp. 1-34.
- Gomez, L. O. (2007) Two Tantric Meditations : Visualizing the Deity // *Buddhism in Practice. Abridged Edition* / ed. by D. S. Lopez, Jr. Princeton ; Oxford : Princeton University Press. 464 p. Pp. 236–245.
- Lindhal, J. R. (2017) Somatic Energies and Emotional Traumas : A Qualitative Study of Practice-Related Challenges Reported by Vajrayana Buddhists // *Religions*. Vol. 8. Is. 8. No. 153. DOI: 10.3390/rel8080153
- Lopez, D. S. (2007) A Rite for Restoring the Bodhisattva and Tantric Vows // *Buddhism in Practice. Abridged Edition* / ed. by D. S. Lopez, Jr. Princeton ; Oxford : Princeton University Press. 464 p. Pp. 387–396.
- Powers, J. (2007) Introduction to Tibetan Buddhism. Revised edition. Ithaca, NY ; Boulder, CO : Snow Lion Publ. 591 p.
- Jinpa, Th. (2006) Introduction // *Mind Training. The Great Collection* / compiled by Sh. Gyalchok, K. Gyaltzen, transl. and ed. by Th. Jinpa. Boston : Wisdom Publ. 719 p. Pp. 1–15.

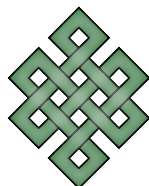

Snellgrove, D., Richardson, H. (1980) *A Cultural History of Tibet*. London : Weidenfeld & Nicolson. 297 p.

Дата поступления: 01.02.2021 г.

REFERENCES

- Badmatsyrenov, T. B. (2017) Religioznye praktiki v strukture kul'tovoi sistemy buddizma sovremennoi Buriatii [Religious practices in the Buddhist cult system in contemporary Buryatia]. *Vlast'*, no. 1, pp. 139–144. (In Russ.).
- Dubrovskii, D. I. (2018) Sub"ektivnaia real'nost' [Subjective reality]. *Philosophical Anthropology*, vol. 4, no. 2, pp. 186–217. (In Russ.).
- Istoriia buddizma v SSSR i Rossiiskoi Federatsii v 1985–1999 gg. [The history of Buddhism in the USSR and the Russian Federation in 1985–1999]* (2011) / ed. by N. G. Ochirova. Elista : Ministry of Education, Culture and Science of the Republic of Kalmykia. 392 p. (In Russ.).
- Lamazhaa, Ch. K., Bicheldey, U. P. and Mongush, A. V. (2020) Tuvinskoe buddiiskoi palomnichestvo: ot traditsii k vere [Tuvan Buddhist pilgrimage: From tradition to the faith]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 135–155. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.4.10>
- Lektorsky, V. A. (2017) Iavliaiutsia li illuziei predstavleniia o sub"ektivnom mire? [Is our idea of the subjective world an illusion?]. In: *Sub"ektivnyi mir v kontekste vyzovov sovremennykh kognitivnykh nauk [Subjective world in the context of challenges of modern cognitive sciences]* / ed. by V. A. Lektorsky. Moscow, Akvilon. 234 p. Pp. 7–21. (In Russ.).
- Mongush, M. V. (2016) Traditsionnyi i zapadnyi buddizm v sovremennoi Rossii: opyt sravnitel'nogo analiza [Traditional and Western Buddhism in Russia: A comparative study]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 5–19. (In Russ.).
- Pronina, T. S. (2016) Religioznye praktiki v strukture religioznoi identichnosti sovremennykh rossiian [Religious practices in the structure of religious identity in contemporary Russia]. *Tambov University Review. Series: Social Sciences*, vol. 2, no. 2 (6), pp. 40–48. (In Russ.).
- Ostrovskaiia, E. A. (2016) *Buddiiskie obshchiny Sankt-Peterburga [Buddhist communities of St. Petersburg]*. St. Petersburg, Aletheia. 198 p. (In Russ.).
- Sabirov, R. T. (2019) O vklade buddistov-mirian v rasprostranenie buddizma v Rossii [Contribution of lay Buddhists to the spread of Buddhism in Russia]. In: *Trudy Instituta vostokovedeniia RAN. Vyp. 23. Tibetologiya i buddologiya na styke nauki i religii — 2018 [Proceedings of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. Issue 23. Tibetology and Buddhology at the intersection of science and religion — 2018]* / ed. by S. L. Kuzmin and T. L. Shaumian. Moscow, Institute of Oriental Studies RAS. 308 p. Pp. 224–234. (In Russ.).
- Safronova, E. S. (2006) Sovremennyi buddizm v Rossii na netraditsionnykh territoriakh rasprostraneniia [Modern Buddhism in Russia in non-traditional territories of distribution]. *Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom*, vol. 24, no. 1–2, pp. 175–188. (In Russ.).
- Sviridova, L. O. (2018) Religioznye praktiki: opyt definitsii i klassifikatsii [Religious practices: experience of definition and classification]. *Bulletin of Saint Petersburg State University of Culture*, no. 3 (36), pp. 58–61. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30725/2619-0303-2018-3-58-61>
- Urbanaeva, I. S. (2012) Znachenie filosofsko-eticheskogo potentsiala buddizma dlia chelovechestva v situatsii vyzovov tret'ego tysiacheletii [The significance of the philosophical and ethical potential of Buddhism for humanity in the situation of challenges of the third millennium]. In: *Buddizm v obshchestvenno-politicheskikh protsessakh Buriatii i stran Tsentral'noi Azii [Buddhism in the socio-political processes of Buryatia and Central Asian countries]* / ed. by L. E. Iangutov. Ulan-Ude, Buryat State University Publ. 160 p. Pp. 6–20. (In Russ.).
- Chetyrova, L. B. (2019) Tibetskii buddizm v tsivilizatsionnom prostranstve Rossii (obzor) [Tibetan Buddhism in Russia's civilizational expanse]. *Civilization Studies Review*, vol. 1, no. 1, pp. 146–155. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.21146/2713-1483-2019-1-1-146-155>
- Shantideva (2007) *Bodhicharyavatāra : Vstuplenie v praktiku Bodhisattv [Bodhicharyavatara: Introduction to the practice of Bodhisattvas]* / transl. from Tib. by I. S. Urbanaeva. Ulan-Ude, Publishing House of the Buryat Scientific Center SB RAS. 327 p. (In Russ.).
- Cabezón, J. I. (2007) Introduction. In: *Tibetan ritual* / ed. by J. I. Cabezón. Ithaca : Snow Lion Publ. 320 p. Pp. 1–34.
- Gomez, L. O. (2007) Two tantric meditations: Visualizing the deity. In: *Buddhism in practice*. Abridged edition / ed. by D. S. Lopez, Jr. Princeton ; Oxford, Princeton University Press. 464 p. Pp. 236–245.
- Lindhal, J. R. (2017) Somatic energies and emotional traumas: A qualitative study of practice-related challenges reported by Vajrayana Buddhists. *Religions*, vol. 8, issue 8, no. 153. DOI: <https://doi.org/10.3390/rel8080153>

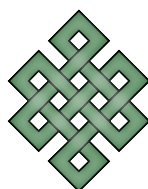
Lopez, D. S. (2007) A rite for restoring the Bodhisattva and tantric vows. In: *Buddhism in practice*. Abridged edition / ed. by D. S. Lopez. Jr. Princeton ; Oxford : Princeton University Press. 464 p. Pp. 387–396.

Powers, J. (2007) *Introduction to Tibetan Buddhism*. Revised edition. Ithaca, NY ; Boulder, CO, Snow Lion Publ. 591 p.

Jinpa, Th. (2006) Introduction. In: *Mind training. The great collection* / compiled by Sh. Gyalchok and K. Gyaltzen ; transl. and ed. by Th. Jinpa. Boston, Wisdom Publ. 719 p. Pp. 1–15.

Snellgrove, D. and Richardson, H. (1980) *A cultural history of Tibet*. London, Weidenfeld & Nicolson. 297 p.

Submission date: 01.02.2021.

DOI: 10.25178/nit.2021.2.14

Рецензия

Сибирь и Индия в евразийском социокультурном пространстве: меридиональное измерение

Андрей В. Иванов, Светлана М. Журавлева

Алтайский государственный аграрный университет, Российская Федерация,

Юрий В. Попков

Институт философии и права СО РАН; Новосибирский государственный технический университет,
Российская Федерация

В работе представлен анализ содержания книги известного индийского ученого, специалиста по Центральной Азии доктора Кулбхушана Варику (K. Warikoo) "Siberia and India: Historical Cultural Affinities" («Сибирь и Индия: историко-культурное родство»). Она была издана на английском языке в Нью-Дели в 2020 г. Международным фондом Вивекананды (Индия). Отмечается, что методологические установки исследования автора близки позиции рецензентов и многих других российских коллег и что данный труд свидетельствует о перспективности сотрудничества индийских и сибирских ученых в самых разных областях, в том числе по линии повышения качества самих исследований и научных публикаций.

Автор пишет, что между Индией и народами Сибири существует явное историко-культурное родство, в частности, благодаря общим традициям и буддийской культуре. На страницах книги, которая относится к классическому жанру путевых научных очерков, приводятся некоторые наблюдения индийского ученого, сделанные во время путешествий по республикам Бурятия (2007), Хакасия (2009), Алтай (2014 и 2015) и Тыва (2016) Российской Федерации, подтверждающие его тезис. Автор отмечает распространенность в традиционной культуре сибирских народов представлений, которые являются характерными и для гималайских народов. Он делает вывод о необходимости дальнейшего выявления общих традиций, верований и обычаев у народов Сибири и Индии, что может стать плодотворной основой научного сотрудничества между сибирскими и индийскими учеными.

Эта идея научного сотрудничества должна способствовать и росту самосознания населения Сибири, занимающей срединное положение на пространствах Евразии и являющейся местом культурного и цивилизационного взаимодействия народов. Обращается внимание на некоторые упущения д-ра Варику, в частности, по проблемам неоднозначности языковой ситуации в Туве.

Ключевые слова: Евразия; Индия; Сибирь; Тува; Алтай; Хакасия; буддизм; буддийский мир; международное сотрудничество; культурно-исторические связи

Для цитирования:

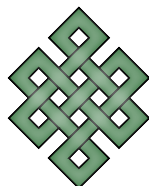
Иванов А. В., Журавлева С. М., Попков Ю. В. Сибирь и Индия в евразийском социокультурном пространстве: меридиональное измерение // Новые исследования Тувы. 2021, № 2. С. 169-178. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.2.14>

Иванов Андрей Владимирович — доктор философских наук, профессор, директор Центра гуманитарного образования Алтайского государственного аграрного университета. Адрес: 656049, Россия, г. Барнаул, пр. Красноармейский, д. 98, каб. 419. Тел.: +7 (903) 910-94-62; +7 (3852) 20-33-47. Эл. адрес: ivanov_a_v_58@mail.ru

Журавлева Светлана Михайловна — кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Алтайского государственного аграрного университета. Адрес: 656049, Россия, г. Барнаул, пр. Красноармейский, д. 98, каб. 421. Тел.: +7 (909) 502-01-65. Эл. адрес: jurav27@yandex.ru

Попков Юрий Владимирович — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник отдела социальных и правовых исследований Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук; профессор кафедры международных отношений и регионоведения Новосибирского государственного технического университета. Адрес: 630090, Россия, г. Новосибирск, ул. Николаева, д. 8. Тел.: +7 (383) 330-22-40. Эл. адрес: yuripopkov54@mail.ru

Review

Siberia and India in the Eurasian Socio-cultural Space: A Meridional Dimension

Andrey V. Ivanov, Svetlana M. Zhuravleva

Altai State Agrarian University, Russian Federation,

Yuri V. Popkov

Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences; Novosibirsk State Technical University, Russian Federation

The article presents an analysis of the contents of the book entitled "Siberia and India: Historical Cultural Affinities" by the famous Indian scientist, expert on Central Asia, Dr. Kulbhushan Warikoo. It was published in English in New Delhi in 2020 by the Vivekananda International Foundation (India). It is noted that the methodological guidelines of the author's research are similar to the viewpoints of the reviewers and many other Russian colleagues. This work indicates the prospects for cooperation between Indian and Siberian scientists in various fields, including improving the quality of research and academic publications.

The author writes that there is a clear historical and cultural proximity between India and the peoples of Siberia, in particular, due to common traditions and Buddhist culture. Written in the classical genre of scientific itineraries, the book contains some observations of the Indian scientist made during his travels in the republics of Buryatia (2007), Khakassia (2009), Altai (2014 and 2015) and Tyva (2016) in the Russian Federation. These findings confirm his thesis. The author notes the occurrence of ideas that are characteristic of the Himalayan peoples in the traditional culture of the Siberian ethnic groups. He draws a conclusion that it is necessary to further identify common traditions, beliefs and customs among the peoples of Siberia and India. This can become a fertile basis for scientific cooperation between Siberian and Indian researchers.

This idea of scientific cooperation should also contribute to the growth of self-consciousness of the population of Siberia that occupies the middle position in the Eurasian space and is a place of cultural and civilizational interaction of peoples. Attention is drawn to some omissions of Dr. Warikoo, in particular, regarding the issues of ambiguity of the language situation in Tuva.

Keywords: Eurasia; India; Siberia; Tuva; Altai; Khakassia; Buddhism; Buddhist world; international cooperation; cultural and historical relations

For citation:

Ivanov A. V. , Zhuravleva S. M. and Popkov Yu. V. Sibir' i Indii v evraziiskom sotsiokul'turnom prostranstve: meridional'noe izmerenie [Siberia and India in the Eurasian Socio-cultural Space: A Meridional Dimension]. *New Research of Tuva*, 2021, no. 2, pp. 169-178. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.2.14>

IVANOV, Andrey Vladimirovich, Doctor of Philosophy, Professor, Director, Center for Humanities Education, Altai State Agrarian University. Postal address: 98 Krasnoarmeysky Ave., 656049 Barnaul, Russian Federation. Tel.: +7 (903) 910-94-62; +7 (3852) 20-33-47. E-mail: ivanov_a_v_58@mail.ru *ORCID ID: 0000-0003-3125-484X*

ZHURAVLEVA, Svetlana Mikhailovna, Candidate of Philosophy, Associate Professor, Department of Humanities, Altai State Agrarian University. Postal address: 98 Krasnoarmeysky Ave., 656049 Barnaul, Russian Federation. Tel.: +7 (909) 502-01-65; +7 (3852) 20-33-47. E-mail: jurav27@yandex.ru *ORCID ID: 0000-0002-8370-7604*

ПОПКОВ, Yuri Vladimirovich, Doctor of Philosophy, Professor; Chief Researcher, Department of Social and Legal Studies, Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences; Professor, Department of International Relations and Regional Studies, Novosibirsk State Technical University. Postal address: 8 Nikolaev St., 630090 Novosibirsk, Russian Federation. Tel.: +7 (383) 330-22-40. E-mail: yuripopkov54@mail.ru *ORCID ID: 0000-0002-1036-9253*

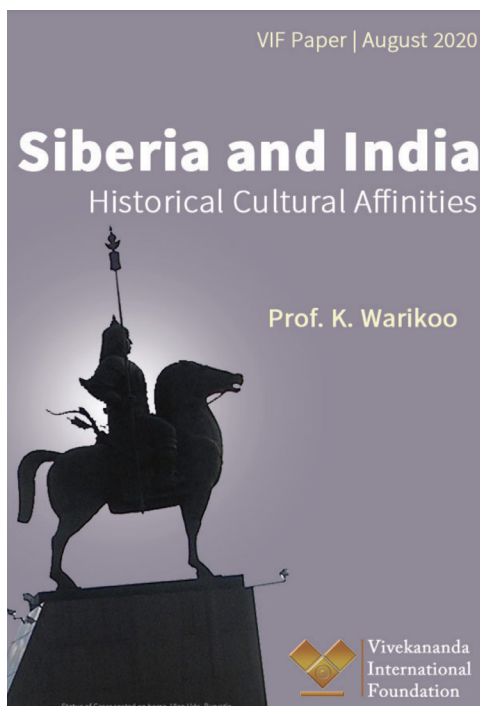
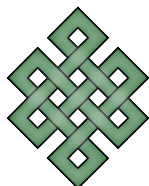

Фото 1. Обложка издания К. Варикю «Siberia and India: Historical Cultural Affinities».
Photo 1. The cover of K. Warikoo's book "Siberia and India: Historical Cultural Affinities".

ций являлся поиск конкретных фактов культурного параллелизма между Индией и Сибирью.

Выход в свет данной книги знаменателен, на наш взгляд, по двум причинам. Во-первых, он свидетельствует о важности и перспективности совместной работы индийских и сибирских ученых, ясно осознающих, что уходящие в глубь тысячелетий связи между Северной и Южной Евразией способны не только многое прояснить в этно- и культурогенезе сибирских и индийских народов, но и дать импульс современному сотрудничеству в самых разных областях³. Во-вторых, д-р Варикю закладывает очень близкие к позициям российских ученых методологические установки исследования, справедливо утверждая вслед за Ю. Н. Рерихом, что именно буддизм стал первоначально той религиозно-культурной силой, которая способствовала объединению народов Южной и Северной Евразии, а также созданию основ будущего индийско-сибирского сотрудничества. Кроме этого, он трактует Россию как евразийскую, а не европейскую державу, что соответствует современным научным взглядам на российскую цивилизационную идентичность.

Отметим и еще одно обстоятельство, определяющее интерес к работе индийского ученого и делающее актуальным обсуждение содержания его книги. Сравнительные межстрановые (и межрегиональные) социокультурные исследования, осуществляемые представителями разных государств и научных традиций, являются безусловно важными и востребованными. В то же время они накладывают дополнительные требования к профессионализму и ответственности исследователя в ситуации погружения в «незнакомое поле». Нам самим приходилось неоднократно сталкиваться с серьезными затруднениями в понимании

Фото 2. Доктор Варикю.
Photo 2. Dr. Warikoo.

Целью настоящей статьи является анализ идей и конкретного содержания книги индийского ученого Кулбхушана Варикю «Сибирь и Индия: историко-культурное родство» (К. Warikoo «Siberia and India: Historical Cultural Affinities») (Warikoo, 2020). Она была опубликована на английском языке в 2020 г. (фото 1) в Нью-Дели Международным фондом Вивекананды¹.

Доктор Варикю (фото 2) — известный специалист по Центральной Азии, бывший профессор Центра Центрально-азиатских исследований и Школы Международных исследований университета им. Дж. Неру, сейчас работает старшим научным сотрудником Мемориального музея и библиотеки Дж. Неру в г. Нью-Дели. Он знаком сибирским индологам и востоковедам, как редактор международного научного журнала *Himalayan and Central Asian Studies*², ряд номеров которого был специально посвящен истории и культуре отдельных регионов Сибири. В том числе один из них в 2019 г. включал исследования Тувы (фото 3).

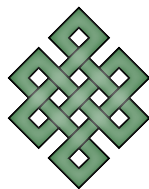
Исследователь неоднократно бывал в Сибири, знакомился с традициями населяющих ее народов, особое внимание уделяя историческим связям между Сибирью и Индией, фактам их культурной и религиозной общности.

Рецензируемая работа обобщает материалы, собранные профессором Варикю во время проводившегося им на протяжении нескольких лет полевого исследования в республиках Сибири: в Бурятии (2007), Хакасии (2009), Горном Алтае (2014 и 2015) и Туве (2016). Главной целью этих научных экспеди-

¹ Книга есть в открытом доступе: <https://www.vifindia.org/sites/default/files/Siberia-and-India-Historical-Cultural-Affinities.pdf> (дата обращения: 02.03.2021).

² Сайт журнала: <https://himalayanresearch.org/journal.html>

³ Здесь можно указать на вышедшую недавно совместную российско-индийскую монографию: Алтай и Гималаи как уникальные культурно-биосферные регионы Евразии (*Алтай и Гималаи ...*, 2017), с которой можно познакомиться в электронной библиотеке портала «Тува.Азия»: https://www.tuva.asia/lib/books_regions/9180-altay-i-gimalai.html

сути конкретных проблем, а также их специфического контекста, при проведении исследований в Канаде, Монголии, Индии.

Для преодоления возникающих препятствий требуется, в частности, особая предварительная подготовка, в том числе по освоению существующих материалов и публикаций по данной проблеме. К сожалению, такое не всегда происходит в той мере, которая необходима для получения качественного результата. Для примера сошлемся на работу В. Г. Дацышена, непосредственно касающуюся данной темы (Дацышен, 2011). Наш коллега подробно анализирует содержание статьи индийского историка Шарада К. Сони «Сибирская республика Тува» (Сони, 2008), акцентируя внимание на слабых ее сторонах и неточностях, приводящих к искажению исторических фактов и погрешностям в их оценке. На этой основе автор делает справедливый вывод, имеющий отношение не только к данной статье: «Однако, зачастую, иностранные историки игнорируют российские архивы и работы местных ученых. В результате возникает крайне упрощенная и значительно искаженная картина исторического развития российских регионов» (Дацышен, 2011: 200).

Возвращаясь к рецензируемой работе, отметим, что уже на первой ее странице индийский исследователь обращает внимание на важную роль буддизма:

«Индия и Евразия имели тесные социальные и культурные связи, поскольку буддизм распространился из Индии в Центральную Азию, Монголию, Бурятию, Туву и далее. Буддизм обеспечил прямую связь между Индией и народами Сибири..., которые имеют явное историко-культурное родство с народами Индийских Гималаев, в частности, благодаря общим традициям и буддийской культуре. Возрождение буддизма в Сибири имеет огромное значение для Индии с точки зрения восстановления и оживления утраченных связей. Евразийство России, которая в силу своего географического положения является евразийской державой, сближает ее с Индией в историко-культурном, политическом и экономическом планах» (Warikoo, 2020: 4; здесь и далее — перевод С. М. Журавлевой).

Монография д-ра Варику относится к классическому жанру путевых научных очерков, «отражая опыт путешествий автора по Республикам Бурятия, Хакасия, Алтай и Тыва Российской Федерации, выявляя некоторые общности традиций и верований, до сих пор распространенных в этом сибирском регионе и в Индии» (там же). Однако подобный жанр вовсе не исключает тонких наблюдений и важных теоретических обобщений автора, которые, по его собственным словам, призваны инициировать дальнейшие «совместные исследования для углубленного изучения различных аспектов древней истории, культуры, расовых движений и археологических находок в Индии и Евразии, общих источников и корней индийской и сибирской культур и цивилизаций» (там же: 37).

Подобные тонкие наблюдения и замечания автора мы встречаем в разных разделах его книги, посвященных Бурятии и Алтаю, Хакасии и Туву. Так, описывая свое посещение Бурятии, д-р Варику с явной симпатией констатирует факт продуктивного сосуществования здесь шаманизма, буддийской и русской культурных традиций, что позволяет не только сохранять все богатство местного культурного наследия, но и находить глубинное историческое родство различных народов. В этой связи особое внимание индийский исследователь обращает на необходимость дальнейших исследований эпоса о Гэсэр-хане, распространенность которого среди самых разных народов Евразии одним из первых отметил еще Г. Н. Потанин. Легенды о Гэсэре и ее распространение в Центральной Азии, Монголии, на Тибете плодотворно изучал Ю. Н. Перих, который написал специальные статьи на эту тему (Перих, 1999: 56–87). «Следует отметить, — пишет в этой связи д-р Варику, — что эпос о героическом царе Гэсэре зафиксирован в поэзии и прозе всей Центральной Азии, в Тибете и в Каракорумских Гималаях. То, что тибетские, монгольские, бурятские, ладакхские сказители, а также сказители народа балти¹ сохраняют устную традицию исполнения сказаний о Гэсэре, свидетельствует о древнейшем культурном родстве между Индийскими Гималаями и Буртией» (Warikoo, 2020: 8).

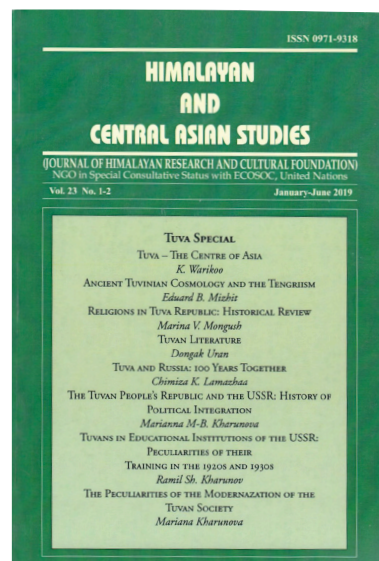
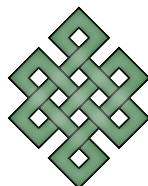

Фото 3. Обложка специального выпуска журнала *Himalayan and Central Asian Studies*, посвященного Туву.

Photo 3. The cover of a special issue of the journal “Himalayan and Central Asian Studies” dedicated to Tuva.

¹ Балти (балчи) — народ, расселенный в Западных Гималаях, в том числе в современном штате Индии Химачал-Прадеш.

Рассказывая о своем путешествии на Алтай, автор отмечает огромную роль путешествий, художественного и научного творчества Н. К. Рериха, который впервые указал на значение культурной меридиональной евразийской оси Алтай-Гималаи, назвав эти великие горные системы двумя устоями Евразии. К тому же Н. К. Рерих был первым, кто осуществил конкретные компаративистские сибирско-гималайские исследования. Д-р Варику в целом очень высоко оценивает его деятельность, отмечая не только выдающийся вклад в укрепление российско-индийских связей, но и в мировую культуру в целом:

«Николай Рерих расширил понятие культуры, включив в него космическую эволюцию человечества, этику и духовный опыт человека, красоту, знание, науку, искусство, образование, историю и традиции. Он проповедовал мир через культуру, которая объединяет в себе искусство, науку и религию. Будучи творческим художником, он создал Знамя Мира, ставшее символом единства человечества и его культур» (Warikoo, 2020: 32–33).

Вторая крупная фигура, на которую обращает внимание д-р Варику, это индийский исследователь Б. Г. Тилак¹ с его знаменитой книгой «Арктическая родина в ведах» (Tilak, 1903).

«В этой книге, — замечает автор, — Тилак выдвинул идею о том, что Северный полюс был первоначальным домом ариев в доледниковый период², который они вынуждены были покинуть из-за ледяного покрова и мигрировать в северные части Европы и Азии в поисках новых мест расселения... Никогда не путешествуя так далеко, ... Тилак обладал необыкновенным воображением, видением и знаниями. Его труды и вклад в науку должны быть глубоко изучены профессиональными историками, астрономами и философами и получить широкое распространение» (Warikoo, 2020: 19–20).

Следует, с одной стороны, согласиться с автором в вопросе о недостаточной вовлеченности наследия Б. Тилака в обозначенные отрасли научного знания, с другой стороны — отметить признание важного вклада его идей в формирование философии Севера как составной части мировой философии (Попков, Тюгашев, 2006: 36–40).

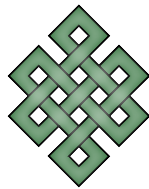
Столь высокая оценка исследований Б. Г. Тилака д-ром Варику связана еще и с тем, что представления о мировой горе Меру, которую Б. Г. Тилак помещал на Северном полюсе, оказываются широко распространенными среди народов Северной Евразии, в том числе среди монголов и алтайцев. Так, на Алтае исключительным почитанием окружены г. Белуха (Уч-Сумер) и г. Уч-Энмек, главные вершины Катунского и Теректинского хребтов, которым также приписывается осевое положение в мировом пространстве. Почитание гор, как сакральных центров традиционных культур, где священное Небо соприкасается с землей, трехчастное вертикальное членение мира, складывание священных камней обо на горных перевалах и их обход посолонь, — все эти элементы традиционных представлений, по мысли д-ра Варику, являются общими и для сибирских, и для гималайских народов.

Факты несомненной культурно-исторической связи между Индией и Сибирью автор обнаруживает и в Хакасии. Он обращает внимание на близость сюжетов сибирских и гималайских петроглифов, где, например, часто встречается общий свастический орнамент; на почитание священных камней, которые могут оказывать на человека лечебное воздействие; на сакральный характер березы, чьи ветви практически одинаково украшаются лентами в Сибири и в Индийских Гималаях. «Береза считается священной в Сибири, так же, как и в Индии», пишет он в этой связи (Warikoo, 2020: 30).

Заметим, что наличие общего свастического орнамента представляет, скорее, типологическую закономерность, отражающую поклонение Солнцу, что находит свои проявления не только в Индии,

¹ Бал Гангадхар Тилак (1856–1920) известен в основном как деятель Индийского национального конгресса, его радикального крыла, представители которого в начале XX века выступали за полную независимость Индии от Британии. Он считается также лидером-националистом. Будучи маразмом по национальности, выступал за возрождение этнического самосознания своего народа и индийцев в целом. Был школьным учителем до прихода в политику и поддерживал Арктическую теорию. При этом апелляция к индоариям была связана с Ведами, которые, как и индуизм в целом, он пытался интерпретировать по-своему — с точки зрения необходимости проводить активную политику (https://ru.qaz.wiki/wiki/Bal_Gangadhar_Tilak). Поэтому считать Б. Тилака исследователем следует с определенной долей условности, имея в виду, что он был, прежде всего, политическим деятелем.

² Уточним, что данную идею изначально выдвинул американский историк, ректор Бостонского университета У. Уоррен. В 1885 г. он опубликовал книгу с красноречивым названием «Найденный рай: колыбель человечества на Северном полюсе» (переводное издание: Уоррен, 2003; о роли его идей в формировании философии Севера см.: Попков, Тюгашев, 2006: 35–36). Он считал Северный полюс прародиной многих, если не всех древних народов, включая ариев, и цивилизаций, в том числе легендарных — Атлантиды, Гипербореи. Б. Тилак подержал и развил эту теорию применительно к ариям.

но также в Западной Азии и во Внутренней Евразии. То же самое, как полагает Л. Г. Ерекешева, касается священных камней, характеризующих типологически схожий элемент представлений людей древности вне зависимости от географии. Почитание камней, деревьев и других явлений природы как сакральных предметов в наибольшей степени развито в периоды распространения шаманизма и политеизма (Yerekeshева, 2019). Возможно, д-ру Варику следовало отметить, какие символы культуры являются универсальными, а какие одновременно могли иметь более выраженную межрегиональную специфику и генезис.

Столь же значимые сибирско-индийские культурные параллели д-р Варику находит и в Туве. Он посетил ее в 2016 г. В начале очерка автор указывает, что Республика Тыва занимает срединное положение в Евразии, граничит с Монголией, Алтаем, Хакасией, Красноярским краем. Культура тувинцев демонстрирует органическое взаимодействие буддизма и шаманизма, где центральной объединяющей идеей является жизнь в гармонии с природой.

«Тувинцы, — пишет он, — часто обращаются к шаманам для исцеления своих недугов и для решения других своих проблем. Шаманы посещают буддийские монастыри, чтобы вознести молитвы. Обе религии сосуществуют здесь, следуя базовым принципам взаимного уважения и гармонии с природой» (Warikoo, 2020: 33).

Автор обращает внимание на то, что в начале 1990-х гг. в Туве появляются шаманские организации, что в 1993 г. здесь был проведен 1-й международный научно-практический семинар ученых-шамановедов и шаманов (более подробно о шаманском движении в этот период см.: Харитоновна, 2006: 165–167). По мнению исследователя, возрождение шаманизма и поддержка данного процесса со стороны властей республики отражает растущий интерес российского и международного сообщества к этой важной составляющей культуры коренных народов Сибири.

Исследователь делает далее справедливый вывод:

«Шаманские гимны и *алгышы* (благопожелания) сегодня переведены на немецкий и английский языки. Шаманы также выполняют свои ритуальные церемонии. Культы *оваа* (духов-хранителей места) и *ээрэн* (покровителей семьи), которые являются шаманскими традициями, были приняты и тувинскими буддистами» (Warikoo, 2020: 36; курсивы источника. — Авт.).

С большой симпатией д-р Варику пишет о тувинском буддизме, подчеркивая:

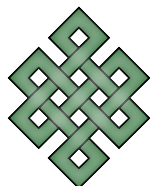
«После распада бывшего СССР в Туве произошло беспрецедентное возрождение коренного языка, культуры, верований и буддизма. Здесь построено около 20 буддийских молитвенных домов (дуган) и 15 буддийских монастырей (хурее). Визит Далай-ламы в Туву в 1992 году дал большой толчок возрождению буддийских практик, изданию буддийских текстов, строительству монастырей и так далее» (там же: 34).

Он отмечает широкое распространение буддизма среди современных тувинцев и поддержку, которую они получают со стороны государства:

«Строительство нового центрального буддийского монастыря в Кызыле началось в 2014 году на месте, указанном Далай-ламой. Д-р Каадыр-оол Бичелдей, бывший министр образования и науки Тувы, и сам буддист, возглавляет движение за восстановление исторического, культурного языкового и буддийского наследия республики. Многие тувинцы-буддисты делают пожертвования на эти проекты, которые также получают поддержку от правительства Тувы. Федеральное правительство России терпимо относится к этому процессу, и многие тувинцы сегодня чувствуют себя свободными, поскольку могут исповедовать свою религию и культуру. Фестиваль музыки и культуры “Устуу-Хурээ” начал проводиться в 1999 году, когда была осуществлена реконструкция руин древнего буддийского храма в Чадане» (там же: 35).

К сказанному автором можно было бы добавить, что сегодня развивается и буддийское паломническое движение. В 2020 г. в г. Кызыле было проведено специальное исследование Ч. К. Ламажаа и ее коллег на эту тему с интервьюированием группы тувинцев, которые сопровождают религиозных паломников или сами участвуют в заграничных паломнических турах. По итогам интервью авторы делают вывод о наличии важной тенденции: тувинцами по мере взросления осознается необходимость перехода от буддизма по традиции — к буддизму по вере, то есть усвоения основ данного религиозного учения, хотя этот процесс является достаточно противоречивым (Ламажаа, Бичелдей, Монгуш, 2020).

Надо сказать, что проблема распространения и бытования буддизма в Туве в разные исторические периоды — достаточно хорошо разработанная тема. Среди наиболее обстоятельных исследований по этой проблеме можно выделить работы М. В. Монгуш (Монгуш, 1992, 2001) и О. М. Хомушку (Хомушку, 1998, 2005). В последнее время она подкрепляется результатами специальных социологических исследований среди молодежи (Бадмаев и др., 2020).

Индийский ученый отмечает, что большую роль в сохранении традиций тувинского народа играет его язык. Как он пишет, сегодня русский и тувинский языки имеют одинаково высокий статус:

«Тувинский язык относится к алтайской семье тюркской языковой группы. Это также “хороший сосед” монгольского языка. Раньше тувинский язык основывался на древнем монгольском письме. Позже был переведен на латиницу. После присоединения к Советскому Союзу была принята кириллица. Некоторые местные эксперты считают, что Кириллица не подходит тувинскому языку, ибо не отражает всех его звуков. Тувинцы считают, что шаги по сохранению и популяризации тувинского языка и культурного наследия не следует рассматривать как какую-либо сепаратистскую тенденцию» (Warikoo, 2020: 36–37).

Д-р Варику на страницах своей книги несколько раз высказывает важную мысль, что внимание народа к своему языку и культуре должно органически дополняться взаимодействием с другими культурно-языковыми и религиозными традициями. Это служит развитию и мировой, и национальной культур.

В то же время исследователь, говоря о языке, не фиксирует, в силу краткости своего пребывания в Туве, комплекс серьезных проблем, связанных с неоднозначной текущей языковой ситуацией в республике, определяемой в том числе современными тенденциями государственной политики в данной области. Не останавливаясь здесь детально на этой теме, сошлемся на только что вышедшую специальную статью, где она рассматривается подробно с акцентом на проблемах развития билингвизма в республике в настоящее время (Арефьев, Бахтикиреева, Синячкин, 2021). В частности, филологами акцентируется дифференциация сфер использования тувинского и русского языков, отмечается потеря конкурентоспособности тувинского языка в ситуации, когда он лишился статуса языка обучения. «Такая неравновесная билингвальная ситуация, — отмечают авторы, — в перспективе может привести к потерям в процессе межпоколенной передачи тувинской культуры (там же: 255).

Как и в других регионах Сибири, где живут ее коренные народы, автор находит в Туве примеры почитания священных вершин. Вот что он пишет о горе Хайыракан, расположенной в ста пяти километрах от г. Кызыла: «Тувинцы считают эту гору священной, и существует много мистических легенд, связанных с Хайыраканом. Тувинцы приходят сюда, чтобы вознести молитвы Будде, и забирают с собой горсть священной земли» (Warikoo, 2020: 35). Заканчивая описание своего посещения Тувы, индийский ученый делает общий вывод: «Тува переживает период возрождения своего традиционного языка, культуры, традиций, буддийских и шаманистских верований» (там же: 37).

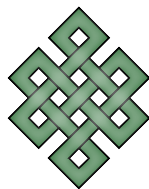
Очень важны, на наш взгляд, констатации тех культурных и религиозных параллелей, на которых останавливается д-р Варику в завершающем разделе своей небольшой по объему, но очень интересной и знаковой книги:

«Концепции трех миров, третьего глаза и трезубца, которые были воплощены на древних камнях возрастом более 2000 лет и которые почитались и продолжают почитаться как в Хакасии, так и на Алтае, — имеют прямое сходство с традицией и космической философией, распространенными в Индии и сегодня. Точно так же практика почитания озер, водных источников, гор, *священного дерева березы* в Евразии очень похожа на индийскую традицию и практику. Алтайцы, тувинцы и другие коренные народы совершают огненные обряды, а также стрижку маленьких детей (*мундан*) так же, как это делают индусы в Индии. Алтайцы также верят в Семь Звезд (Семь Риши в Индии)¹ и в Семь Каанов на Алтае. В Бурятии, Туве и на Алтае существует также традиция класть амулеты во время закладки первого камня в фундамент дома. Эта практика аналогична той, что существует в Индии. Таким образом, становится очевидной необходимость дальнейшего выявления общих традиций, верований и обычаев у народов Сибири и Индии» (там же: 37–38).

Очень символична и значима фраза, которой д-р Варику завершает свой труд. Высказанная носителем великой культурной традиции, славящейся своим умением налаживать диалог между разными народами и культурами, она должна способствовать росту самосознания Сибири, занимающей срединное положение на пространствах Евразии, находящейся в средоточии ее широтных и меридиональных транспортных, торговых, культурных и паломнических путей. «Сибирь — это тот коридор, благодаря которому можно возродить культурное и цивилизационное взаимодействие народов» (там же: 38).

Д-р Варику, будучи индийцем и родом из Кашмира, стремился показать значимость культуры древних индоариев и ее влияние на другие культуры, находя и сопоставляя традиции народов Сибири и Индии. В этом состоит, по нашему убеждению, его большая заслуга, поскольку исследование

¹ Речь идет о созвездии Большой медведицы, наблюдения которой присутствуют у многих народов мира, но называется она везде по-разному.

евразийского социокультурного пространства по линии «Восток — Запад» является достаточно разработанной темой, в то время как его меридиональное измерение по линии «Север — Юг» до сих пор является редким предметом для изучения.

Специалистам хорошо известно, что многие явления имеют универсальный, или же типологически закономерный характер, то есть обладают схожестью не только в меридиональном, но и в широтном, горизонтальном измерении. С этой точки зрения существует возможность постановки обсуждаемых вопросов в более широком контексте с выделением универсальных характеристик культуры и последующим детализированным их изучением в разных ареалах, в том числе в контексте рассмотрения схожести и взаимодействия народов Севера и Юга. Такой подход и соответствующая проблематизация могут стать основой для международных междисциплинарных проектов в будущем.

Перспективным представляется расширение сотрудничества в области сравнительно-культурологических исследований с включением в предметное поле всех горных территорий Азии и связанных с ними культур т. н. Высокой Азии (Алтай, Гималаи, Тянь-Шань, Куньлунь, Памир, Гиндукуш). Плодотворным видится также изучение в компаративистском ключе религиозных верований народов в ретроспективе и перспективе современности, причем, не ограниченное только буддизмом и шаманизмом. Д-р Варику четко зафиксировал связь между ними применительно к Туве. В Индии эта связь также хорошо проявляется на севере — в Химачал-Прадеше и в Ладакхе. Однако важную роль в культуре народов Сибири, Центральной Азии и Индии сыграли также ислам и христианство (особенно старообрядчество), а также несторианство и манихейство. В той или иной форме они активно взаимодействовали с буддийскими и шаманистскими верованиями и практиками, создав сложные и разнообразные линии религиозного диалога в так называемой Большой Евразии, в том числе и по линии «Север — Юг». Они заслуживают отдельного изучения, а идеи, высказанные в книге д-ра Варику, могут быть значительным методологическим и концептуальным подспорьем в подобных сравнительно-религиоведческих и сравнительно-культурологических евразийских исследованиях.

В последнее время предприняты инициативы по расширению научного сотрудничества между сибирскими и индийскими учеными, в том числе в рамках международной исследовательской группы «Алтайско-Гималайская Инициатива»¹. Участниками данной группы организованы серьезные мероприятия, проведены исследования, осуществлены интересные публикации (*Алтай-Гималаи ...*, 2015; *Алтай и Гималаи ...*, 2017).

Подводя итоги, можно сказать, что работа д-ра Варику вносит свой посильный вклад в благородное дело взаимного познания культур народов Сибири и Индии. Хочется надеяться, что этот исследовательский процесс будет продолжен в целях укрепления меридионального взаимодействия и сотрудничества, как существенно значимой характеристики общего евразийского социокультурного пространства.

Благодарности

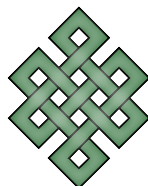
Авторы рецензии благодарят д-ра Варику за согласие опубликовать его фото из книги; за ценные замечания и идеи, высказанные д. и. н., проф. Л. Г. Ерекшевой (Казахстан).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алтай — Гималаи: традиционные знания и инновации в развитии горных и предгорных регионов Евразии (2015): материалы 1-го российско-индийско-монгольского семинара, 19–20 июня 2015 г. / под ред. Н. А. Колпакова, И. В. Фотиевой. Барнаул : Изд-во Фонда «Алтай-21 век». 228 с.

Алтай и Гималаи как уникальные культурно-биосферные регионы Евразии (2017) / под ред. А. В. Иванова, И. В. Фотиевой. Барнаул : РИО Алтайского ГАУ. 336 с.

¹ См. об этом: Иванов А. В., Попков Ю.В. Алтай-Гималаи: совместные сибирско-индийские исследования горных регионов Евразии [Электронный ресурс] // Тува.Азия. 2016, 19 ноября. URL: <https://www.tuva.asia/news/asia/8844-gimalai.html> (дата обращения: 28.02.2021); Фотовыставка Юрия Попкова «Неотрадиционализм у народов Гималаев» [Электронный ресурс] // Тува.Азия. 2018, 23 марта. URL: <https://www.tuva.asia/news/asia/9206-fotovystavka.html> (дата обращения: 28.02.2021).

Арефьев, А. Л., Бахтикиреева, У. М., Синячкин, В. П. (2021) Проблемы билингвизма в системе школьного языкового образования Республики Тыва // Новые исследования Тувы. № 1. С. 255–272. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.1.14>

Бадмаев, В. Н., Уланов, М. С., Ламажаа, Ч. К., Бичелдей, У. П., Антонов, В. И., Очирова, О. А. (2020) Россия и буддийский мир глазами молодежи Тувы, Бурятии и Калмыкии (по материалам социологического опроса) // Новые исследования Тувы. № 1. С. 35–49. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.1.3>

Дацышен, В. Г. (2011) Российские регионы в работах зарубежных исследователей: «Сибирская республика Тува» индийского историка Ш. К. Сони // Ойкумена. Регионоведческие исследования. № 2. С. 200–206.

Ламажаа, Ч. К., Бичелдей, У. П., Монгуш, А. В. (2020) Тувинское буддийское паломничество: от традиции к вере // Новые исследования Тувы. № 4. С. 135–155. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.4.10>

Монгуш, М. В. (1992) Ламаизм в Туве : историко-этнографическое исследование. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 144 с.

Монгуш, М. В. (2001) История буддизма в Туве (вторая половина VI — конец XX в.). Новосибирск : Наука. 200 с.

Попков, Ю. В., Тюгашев, Е. А. (2006) Философия Севера: Коренные малочисленные народы Севера в сценариях мироустройства. Салехард ; Новосибирск : Сибирское научное издательство. 376 с.

Рерих, Ю. Н. (1999) Тибет и Центральная Азия: Статьи, лекции, переводы. Самара : Издательский дом «Агни». 368 с.

Уоррен, У. Ф. (2003) Найденный рай на Северном полюсе : пер. с англ. Н. Гусевой. М. : ФАИР-ПРЕСС. 480 с.

Харитоновна, В. Н. (2006) Феникс из пепла? Сибирский шаманизм на рубеже тысячелетий. М. : ИЭА РАН. 372 с.

Хомушку, О. М. (1998) Религия в истории культуры тувинцев. М. : Институт этнологии и антропологии РАН. 177 с.

Хомушку, О. М. (2005) Религия в культуре народов Саяно-Алтая. М. : РАГС. 225 с.

Сони, Ш. К. (2008) Сибирская республика Тыва // Россия в Азии: перспективы партнерства и взаимодействия : сб. мат. междунар. науч. конф. Новосибирск : ИД «Сова». С. 269–276.

Yerekeshcheva, L. (2019) Syncretism of Religious Beliefs in Western Himalayas's Lahoul // Südasien-Chronik/South Asia Chronicle. № 9. P. 83–117. DOI: <https://doi.org/10.18452/20994>

Tilak, Bal Gangadhar (1903) The Arctic Home in the Vedas. Poona : Tilak Bros. 470 p.

Warikoo, K. (2020) Siberia and India: Historical Cultural Affinities. New Delhi : Vivekananda International Foundation. 54 p.

Дата поступления: 12.02.2021 г.

REFERENCES

Altai — Gimalai: traditsionnye znaniia i innovatsii v razvitii gornyykh i predgornyykh regionov Evrazii [Altai — Himalayas: traditional knowledge and innovations in the development of mountain and foothill regions of Eurasia] (2015) : Proceedings of the 1st Russian-Indian-Mongolian seminar, June 19–20, 2015 / ed. by N. A. Kolpakov and I. V. Fotieva. Barnaul, Publishing House of the Altai — 21st Century Foundation. 228 p. (In Russ.).

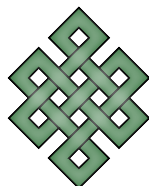
Altai i Gimalai kak unikal'nye kul'turno-biosfernnye regiony Evrazii [Altai and the Himalayas as unique cultural and biosphere regions of Eurasia] (2017) / ed. by A. V. Ivanov and I. V. Fotieva. Barnaul, Editorial and Publishing Unit at Altai State Agrarian University. 336 p. (In Russ.).

Arefiev, A. L., Bakhtikireeva, U. M. and Sinyachkin, V. P. (2021) Problemy bilingvizma v sisteme shkol'nogo iazykovogo obrazovaniia Respubliki Tyva [Bilingualism in language education in secondary schools of the Republic of Tuva]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 255–272. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.1.14>

Badmaev, V. N., Ulanov, M. S., Lamazhaa, Ch. K., Bicheldey, U. P., Antonov, V. I. and Ochirova, O. A. (2020) Rossiia i buddiiskii mir glazami molodezhi Tuvy, Buriatii i Kalmykii (po materialam sotsiologicheskogo oprosa) [Russia and the Buddhist world through the eyes of the youth in Tuva, Buryatia and Kalmykia: a sociological survey and its outcomes]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 35–49. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.1.3>

Datsyshen, V. G. (2011) Rossiiskie regiony v rabotakh zarubezhnykh issledovatelei: «Sibirskaiia respublika Tuva» indiiskogo istorika Sh. K. Soni [The Russian regions in works of foreign researchers: “Siberian republic Tuva” of Indian historian S. K. Soni]. *Ojkumena. Regional researches*, no. 2, pp. 200–206. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K., Bicheldey, U. P. and Mongush, A. V. (2020) Tuvinskoe buddiiskoe palomnichestvo: ot traditsii k vere [Tuvan Buddhist pilgrimage: from tradition to the faith]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 135–155. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.4.10>

Mongush, M. V. (1992) *Lamaizm v Tuve : istoriko-etnograficheskoe issledovanie [Lamaism in Tuva: a historical and ethnographic study]*. Kyzyl, Tuvan Book Publisher. 144 p. (In Russ.).

Mongush, M. V. (2001) *Istoriia buddizma v Tuve (vtoraia polovina VI — konets XX v.) [The History of Buddhism in Tuva (latter half of the 6th — late 20th cc.)]*. Novosibirsk, Nauka. 200 p. (In Russ.).

Popkov, Yu. V. and Tiugashev, E. A. (2006) *Filosofia Severa: Korennye malochislennye narody Severa v stsenariiakh miroustroistva [Philosophy of the North: Indigenous small-numbered peoples of the North in the scenarios of the world order]*. Salekhard; Novosibirsk, Siberian Scientific Publishing House. 376 p. (In Russ.).

Roerich, Yu. N. (1999) *Tibet i Tsentral'naia Azia: Stat'i, leksii, perevody [Tibet and Central Asia: Articles, lectures, translations]*. Samara, Publishing House "Agni". 368 p. (In Russ.).

Warren, W. F. (2003) *Naidennyi rai na Severnom poliuse [Paradise found, the cradle of the human race at the North Pole: A study of the primitive world]* : transl. from Engl. by N. Guseva. Moscow, FAIR-PRESS. 480 p. (In Russ.).

Kharitonova, V. I. (2006) *Feniks iz pepla? Sibirskii shamanizm na rubezhe tysiacheletii [A Phoenix from the ashes? Siberian shamanism at the turn of the millennium]*. Moscow, Nauka. 372 p. (In Russ.).

Khomushku, O. M. (1998) *Religiia v istorii kul'tury tuvintsev [Religion in the history of Tuvan culture]*. Moscow, Institute of Ethnology and Anthropology RAS. 177 p. (In Russ.).

Khomushku, O. M. (2005) *Religiia v kul'ture narodov Saiano-Altaiia [Religion in the culture of the Sayano-Altai peoples]*. Moscow, RAGS. 225 p. (In Russ.).

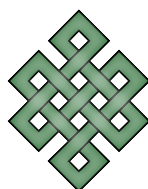
Soni, Sh. K. (2008) *Sibirskaiia respublika Tyva [Siberian Republic of Tuva]*. In: *Rossiia v Azii: perspektivy partnerstva i vzaimodeistviia [Russia in Asia: prospects for partnership and interaction]*: A collection of materials of the International scientific conference. Novosibirsk, Sova Publishing House. Pp. 269–276. (In Russ.).

Yerekesheva, L. (2019) Syncretism of Religious Beliefs in Western Himalayas's Lahoul. *Südasiien-Chronik/South Asia Chronicle*, no. 9, pp. 83–117. DOI: <https://doi.org/10.18452/20994>

Tilak, Bal Gangadhar (1903) *The Arctic Home in the Vedas*. Poona, Tilak Bros. 470 p.

Warikoo, K. (2020) *Siberia and India: Historical Cultural Affinities*. New Delhi, Vivekananda International Foundation. 54 p.

Submission date: 12.02.2021.

DOI: 10.25178/nit.2021.2.15

Статья

Раннетувинский пласт в этническом составе бурят: *qui, on, onqot, irkit, qol*

Баир З. Нанзатов

Калмыцкий научный центр Российской академии наук,
Российская Федерация

В статье был дополнен и расширен опыт авторского исследования происхождения бурятских этнонимов хоогой, онгой, онхотой, ирхидэй, холтубай, достоверно известных с XVII в. по русским источникам. Интерес к этой группе этнонимов обоснован их родством с известными среди тувинцев этнонимами куулар, ондар, иргит, хол, а также с предположительно раннетувинским этнонимом онкот, имеющими параллели также у алтайцев, хакасов, якутов, киргизов, казахов, алтайских урянхайцев, дархатов, хотогойтов, халха, хамниган, уратов и др. В основе методики исследования лежит словообразовательный и семантический анализ этнонимов, а также сравнительно-исторический, лингвогеографический и этимологический методы.

Наличие указанных этнонимов в бурятской среде в очередной раз отражает многогранность тюрко-монгольских взаимосвязей. Принадлежность их единой группе племен, генеалогическим предком которой был Обогон, образ которого в якутских преданиях известен как Омогой/Омогон, позволяет проследить тувинско-бурятско-якутские этнические связи. Наличие этнонима холтубай в этническом составе бурят, зафиксированного в XVII в., позволяет установить верхнюю дату его существования как минимум за столетие до проникновения русских в Бурятию. Фиксация окончаний род. п. –oi, с вариантами –dei и –toi, а также наличие окончания мн. ч. –s в якутской форме эргис позволяет установить верхнюю дату временем среднемонгольского языка. Наличие этнонимов в тувинской среде — куулар, ондар, иргит, хол — показывает параллельное развитие этих вариантов.

В результате исследования был выявлен раннетувинский (тобасский) пласт в этническом составе бурят; выявленные ареалы распространения этнонимов позволили очертить зоной их исходного распространения Восточно-сибирско-Прихубсугульский регион.

Ключевые слова: этноним; тюрко-монгольские народы; тувинцы; буряты; якуты; этническая история

Статья подготовлена по проекту «От палеогенетики до культурной антропологии: комплексное междисциплинарное исследование традиций народов трансграничных регионов: миграции, межкультурное взаимодействие и картина мира» при поддержке мегагранта Правительства РФ (Соглашение о предоставлении из федерального бюджета грантов в форме субсидий в соответствии с пунктом 4 статьи 78.1 Бюджетного кодекса Российской Федерации № 075-15-2019-1879 от 3 декабря 2019 г.).

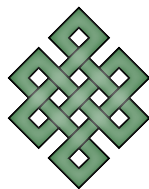
Для цитирования:

Нанзатов Б. З. Раннетувинский пласт в этническом составе бурят: *qui, on, onqot, irkit, qol* // Новые исследования Тувы. 2021, № 2. С. 179-196. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.2.15>

Нанзатов Баир Зориктоевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Калмыцкого научного центра РАН. Адрес: 358000, Россия, г. Елиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8. Эл. адрес: nanzatov@yandex.ru

NANZATOV, Bair Zoriktoevich, Candidate of History, Senior Research Fellow, Kalmyk Scientific Center, Russian Academy of Sciences. Postal address: 8 Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation. E-mail: nanzatov@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-8012-2515

Early Tuvan Layer in Buryat Ethnic Composition: *Quu, On, Onqot, Irkit, Qol*

Bair Z. Nanzatov

Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

The article supplements and expands the author's experience of research into the origin of Buryat ethnonyms *Qooγoy, Onγoy, Onqotoi, Irkidei, Qoltubai*, which have been reliably known since the 17th century according to Russian sources. The interest in this group of ethnonyms is justified by their relationship with the ethnonyms *Quular, Ondar, Irgit, Qol*, known among Tuvans, as well as with the presumably early Tuvan ethnonym *Onqot*, which also have parallels among the Altaian, Khakass, Yakuts, Kirghiz, Kazakhs, Altai Uryankhai, Darkhats, Khalkha, Khamnigan, Urats, etc. The research methodology is based on the word-formation and semantic analysis of ethnonyms, comparative historical, linguo-geographical and etymological methods.

The presence of these ethnonyms in the Buryat environment once again reflects the versatility of the Turkic and Mongolian relations. Their belonging to a single group of tribes, whose genealogical ancestor was *Oboγon* (his image in Yakut legends is known as *Omoγoi / Omoγon*), allows us to trace the Tuvan, Buryat and Yakut ethnic ties. The presence of the ethnonym *Qoltubai* in the ethnic composition of Buryats that was recorded in the 17th century makes it possible to determine that it had existed at least a century before the penetration of Russians into Buryatia. The recorded endings of the genitive case *-oi*, with variants *-dei* and *-toi*, as well as the presence of the plural ending *-s* in the Yakut form of *Ergis* allow us to place the date as far back as the time of the Middle Mongolian language. The presence of such ethnonyms as *Quular, Ondar, Irgit, and Qol* in the Tuvan environment shows the parallel development of these variants.

As a result of the study, an early Tuvan (*Toba*) layer was identified in the ethnic composition of Buryats; the identified areas of distribution of ethnonyms have made it possible to outline the East Sayan and Prikhubsugul region as the zone of their initial diffusion.

Keywords: *ethnonym; Turkic and Mongolian peoples; Tuvans; Buryats; Yakuts; ethnic history*

Financing

The study was funded by a government grant in the form of federal budget subsidy aimed to support scientific research conducted by the leading scientists (project "From Paleogenetics to Cultural Anthropology: Comprehensive Interdisciplinary Research of Peoples and Traditions of Cross-Border Regions — Migrations, Cross-Cultural Interactions and Worldviews").

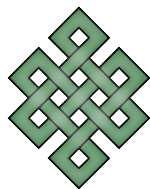
For citation:

Nanzatov B. Z. Rannetuvinskii plast v etnicheskom sostave buriat: *quu, on, onqot, irkit, qol* [Early Tuvan Layer in Buryat Ethnic Composition: *Quu, On, Onqot, Irkit, Qol*]. *New Research of Tuva*, 2021, no. 2, pp. 179-196 (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.2.15>

Введение

В исследованиях этногенеза и этнической истории тюркских и монгольских народов чрезвычайно актуальной видится роль этнонимии, обращение к которой позволяет не только проследить исторические передвижения населения в тот или иной период, но и иногда с той или иной степенью точности их датировать. В свете наших последних исследований касающихся тюрко-монгольских связей на уровне этнонимии, в частности бурятско-якутских (Нанзатов, Тишин, 2020ab, 2021), возникла необходимость пересмотреть положения, выдвинутые нами ранее о древнейгузском пласте в этногенезе бурят по отношению к булагатской племенной группе *обогони олон* (Нанзатов, Сундуева, 2014).

Статья, таким образом, посвящена обоснованию участия в этногенезе бурят тюркоязычного населения Восточносаянско-Хубсугульского региона, объединяемого в тобаскую группу тюркских языков (Сравнительно-историческая грамматика ... , 2002: 600–603), по другой более ранней классификации известной как уйгуро-тукуюская подгруппа уйгуро-огузской группы тюркских языков (Баскаков, 1969: 323), которую В. И. Рассадин предложил разделить на степной и таежный ареалы, где к степному относятся языки — тувинский и кёк-мончаков (кёк-мончаков), а к таежному — тофаларский, сойотский, цаатанский и уйгуро-урянхайский (Рассадин, 2012: 5). Далее, во избежание терминологической пу-

таницы предлагаем использовать термин «раннетувинский» по отношению к этой группе племен, оказавших влияние на этногенез монголоязычных бурят, дархатов, хотогойтов.

В основе методики исследования лежит словообразовательный и семантический анализ этнонимов, а также сравнительно-исторический, лингвогеографический и этимологический методы.

Целью исследования является подтверждение участия раннетувинских племен в этногенезе бурят.

Исследовательский интерес вызывают этноисторические связи бурят с кочевым населением Внутренней Азии и Южной Сибири. Новые перспективы исследования этнической истории тюрко-монгольских народов обосновывают актуальность обращения исследователя к данной проблематике и определяют новизну результатов исследований. Основными задачами работы являются: выявление родственных тувинских и бурятских этнонимов, исследование их морфологического и фонетического развития в бурятской среде, отслеживание их дальнейшего участия в этногенезе якутов.

К группе *обогони олон* относятся такие подразделения, как *хоогой*, *онгой*, *онхотой*, *ирхидэй*, *холтубай*, *барай*. По генеалогическим преданиям, у легендарного первопредка Обогона было три сына: Хоогой, Онгой, Онхотой, потомками Хоогоя являются Ирхидэйи Холтубай; сыном дочери Обогона был Булут (подробнее см.: Хадахнэ, 1927; Румянцев, 1969; Балдаев, 1970). Таким образом, перед нами предстает довольно крупный пласт персонифицированных бурятских этнонимов. В XVII в. эта группа племен фиксировалась как Багунова сотня, находящаяся под управлением князя Багуна (Обогона) с 1672 г., а с 1681 г. под управлением его сына Сосоя Багунова, главы Онгоева рода (Долгих, 1960: 289, 291). В данном случае, вероятно, мы сталкиваемся с еще одним примером записи имени предводителя от этнонима того объединения, которое он возглавлял, т. е. бур. *Обогон* > рус. *Багун*. В XIX в. эти племена составляли отдельные административные единицы — роды в Идинской, Балаганской и Аларской степных думах. Основным местом расселения являлись долины реки Оса и ее притоков, и непосредственно долина Ангары по левой стороне напротив впадения Иды, по правой стороне от устья Осы до Уды. Часть онгоевцев и булутов расселялась в долине Унги, часть холтубаевцев в Нельхайских степях¹.

Как уже отмечалось нами (Нанзатов, 2017ab), общий этноним этой группы имеет непосредственное отношение к якутскому эпониму *Омогой* / *Омогон*, что нашло отклик и у якутских коллег (см.: Бравина, 2017). Однако в данном исследовании нам хотелось бы вернуться к рассмотрению этнонимов, являющихся составными частями этой группы.

В нашей статье 2014 г. (Нанзатов, Сундуева, 2014) каждый этноним рассматривался отдельно и нами было упущен один важный факт, на который мною было обращено внимание лишь недавно в связи с типологизацией бурятских этнонимов. Все эти этнонимы имеют суффикс родительного падежа *-ai/-ei/-oi* (*qooγoi*, *onγoi*, *qoltubai*), характерного не только для бурятского, но и средне-монгольского языка (Рорре, 1954: 74; Бураев, 1962: 36), включая и составной суффикс *-dei* в *irkidei* и *-toi* в *onqotoi* (подробнее о суффиксе *-dai* см.: Kempf, 2006). Исключением является генитив *-i*, фонетический вариант *-v/-ə* в *oboyoni olon* (Поппе, 1938: 50; Рорре, 1954: 74). В связи с этим необходимо еще раз пересмотреть указанные этнонимы.

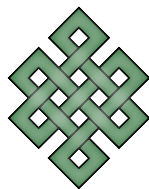
Хуугуй > хоогой

Наиболее ранней фиксацией этого бурятского этнонима является упоминание 1689 г. *хуугеуа рода* в числе балаганских ясачных людей. При сравнении этого списка бросается в глаза лишь этот этноним, фонетически отличный от формы *хогой*, зафиксированной в XIX в. М. Н. Хангаловым (Хангалов, 1960: 114). В этом же списке довольно ясно различаются огубленные *-o-* и *-y-* в корневых основах (сравн. Муруев, Онгоев, Холтубаев, Кулеметский). В этой связи считаем вполне вероятным использование этого этнонима в бурятской среде как *хуугуй* / *quuγui*² еще в конце XVII в. Ранняя форма бурятского этнонима сближает его с этнонимом *qui*, широко представленным у тюрков южной Сибири в формах у тувинцев — *куулар*, у алтайцев — *ку-киши/куу-кижи* (Аристов, 1896: 278; Потапов, 1969: 57), а также у киргизов — *куу-сёок* (Абрамзон, 1960: 122) и казахов — *куу-суек/куусек/куусиек* (Тынышпаев, 1925: 75; Востров, 1962: 87; Востров, Муканов, 1968: 83).

Этимологическое значение у этнонима *qui<quu/qui/qou* прозрачно — «лебедь» (Древнетюркский словарь, 1969: 464; Clauson, 1972: 608). Повсеместно этот этноним представлен в стянутой форме (*иуи>иу*).

¹ В настоящее время Осинский, Усть-Удинский, Нукутский, Аларский районы Иркутской области.

² Русские документы XVII–XIX вв., а также М. Н. Хангалов не отмечали долгие гласные (в данном случае *-oo-*, *-uu-*).

Происхождение и исходный ареал распространения этнонима, по-видимому, локализуется в Саянском регионе. Распространение этого этнонима в форме *quu-söök* < *quyu-söyüük* (букв. (люди) лебединой кости) в среде кыргызов и казахов, вероятно, связано с их миграцией из Саянского региона. Бурятская версия этого этнонима отражает движение на восток части его носителей. В бурятской среде этноним *quu* приобрел свою форму путем прибавления суффикса родительного падежа (генитива) *-ai/-ei/-oi/-ui*, широко распространенного в средневековой монгольской ономастике, в том числе в составном виде *-d/-t+-ai* (подробнее см.: Kempf, 2006). В данном конкретном случае мы наблюдаем развитие *quu-γ-ui*, где после долгого гласного добавляется интервокальный *-γ-* перед *-ui* (сравн. *-гай(-гой, -гэй)* в современном бурятском языке (Орловская, 1962: 77)). О расширении *u>o* в бурятском языке упоминается неоднократно (сравн. например *нуму(н) > номо(н)*, *сум(ан) > homo(н)* (Рассадин, 1982: 11)). Таким образом, развитие *quyuui > qooγoi* видится как обычное в бурятском языке.

В XIX в. хоогоевцы являлись основой Кахинского административного рода, названного по месту их расселения в долине реки Каха (бур. Хахаа), притока Осы. Земли Кахинского рода граничили со II Ирхидеевым, IV Готоловым, III Онгоевым и Янгутским административными родами. Другой анклав хоогоевцев был представлен в долине Ангары в долине реки Хайрюзовка, где располагались земли I, II, III Бараевых родов, в основе названия которых лежал этноним одного из подразделений племени *хоогой* (подробнее о численности и расселении см.: Нанзатов, 2017а). Также хоогоевцы были расселены и в улусах Наймагутский и Эрхидэйский (Хадахэнэ, 1927: 85). По фольклорным преданиям такие подразделения хоогоевцев, как *борой*, представлены среди кудинских в улусах Борой, Бозой, Хандат и Алузин (Балдаев, 1970: 136)¹, а *ургэдэй* — среди верхоленских бурят в улусе Балтай, где они вошли в состав *бэсэгэн-шоно* (там же: 137, 360)². Представители *хоогой* отмечались и среди селенгинских бурят в составе Бумал-Готольского административного рода (Румянцев, 1965: 98)³.

Еще одним вариантом распространения этнонима *quu* среди бурят, вероятно, является этноним *хоодой* / письм. монг. *qoodai* (Цыдендамбаев, 1972: 94). Этот этноним принадлежит одному из подразделений (кукур) хоринского племени *харгана*. В отличие от *qooγoi* в данном случае этноним образован посредством составного суффикса *-dai*, образующего этнонимические и антропонимические основы в среднемонгольском (подробнее см.: Kempf, 2006).

Примечательно, что еще одним из кукуров *харгана* является *онхот* / письм. монг. *ongqot* (Цыдендамбаев, 1972: 94), вероятно связанный с этнонимом *онхотой* в группе *обогони олон*, к которой также принадлежит и *хоогой*.

Онгой

В связи с отмеченным нами фактом образования большинства этнонимов, принадлежащих к *обогони олон*, путем слияния корнеосновы и суффикса родительного падежа, предлагаем пересмотреть предложенные нами ранее гипотезы о происхождении этого этнонима (Нанзатов, Сундуева, 2014: 18).

На первый взгляд, этноним *онгой* должен быть представлен в следующем виде *oγγoi*. В таком случае напрашивалась бы связь с термином *oγ-* «1) удел, доля; 2) правый» (Древнетюркский словарь, 1969: 367), что в принципе также могло бы отразиться и в этнониме (к примеру — правое (крыло)). Подобный этноним (*онг*) отражен дважды в перечне названий групп родов и племен Приаралья, составленным Т. И. Султановым (Султанов, 1982: 48).

Однако, при сопоставлении с тувинскими этнонимами мы не находим среди них формы на *oγ*, в то время как обнаруживается этноним, имеющий в основе *on-* — *ондар*. Исследование грамматики тувинского языка показывает, что для современного тувинского языка окончание мн. ч. после основы на *-n* или *-γ* является *-nar* (Исхаков, Пальмбаха, 1961: 115). Данный факт позволяет нам сделать вывод, что суффикс *-dar* относит этноним *ондар* к довольно архаичному пласту тувинской лексики.

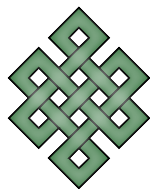
По мнению Н. Ф. Катанова, *ондар-уйгуры* или *уйгур-ондары* были прямыми потомками средневековых уйгуров⁴ (Письма Н. Ф. Катанова ... , 1893: 3). Это мнение было поддержано М. Х. Маннай-оолом (Маннай-оол, 2004: 67), а также У. Т. Ховалыгом (Ховалыг, 2009: 25).

¹ Современный Эхирит-Булагатский район Иркутской области.

² Современный Качугский район Иркутской области.

³ Современный Селенгинский район Республики Бурятия.

⁴ В тексте Н. Ф. Катанова, на который ссылается автор в одном случае указано так: «Ондар-Уйгур или Уйгур-Ондар» (Катанов, 1893: 3), в другом «Ондар-Уйгур» (Письма Н. Ф. Катанова ... , 1893: 4), в третьем — «Уйгур-ондар» (там же: 14, прим. 12).

Действительно, этнографы неоднократно фиксировали этноним *ондар* среди тувинцев. Так, Ф. Я. Кон отмечал, что «*ондар-сумо* делится на сююки *уйгур* и *кыргыз*» (Кон, 1934: 97). В другой работе Ф. Я. Кон представил четыре подразделения Ондар-сумона: Кара-Ондар, Унгер, Кыргыз, Шагай (цит. по: Дулов, 1951: 65). Более полную картину, описывающую расселение и состав ондаров, дал Л. П. Потапов на основе результатов экспедиции в район Хемчика. Так, по его сведениям, в памяти народа сохранились названия арбанов Ондар-сумона: *Уйгур-Ондар*, *Ой-Ондар* (*Ойлар-Ондар*), *Кара-Ондар*, *Шанагаши* (*Чанагаши*), *Кыргыз* (Потапов, 1966: 14–15). В древнетюркском корень *on* имеет одно значение — «десять» (*Древнетюркский словарь*, 1969: 367). Вероятно, это значение и легло в основу этнонима *ондар*. В пользу такого значения свидетельствуют генеалогические предание об ой-ондарах, зафиксированное Л. П. Потаповым, в которой говорилось о том, что прежде они жили в районе Чаа-Холя. Во время какой-то войны их осталось всего десять человек, и они скрылись в пещере, а затем перекочевали на Верхний и Нижний Ишкины (Потапов, 1966: 15).

Наиболее близкой этнографической аналогией к использованию *on* в тюркской этнонимике является его присутствие в делении кыргызских племен на группы *отуз уул* и *он уул* (Абрамзон, 1946: 125).

Вопрос происхождения бурятского варианта этнонима в форме *онгой* / *онγοι* решается довольно просто. В труде Н. Поппе даны примеры использования разных суффиксов, в том числе суффикса родительного падежа *-oi*, отражающие наличие *-g-* (*-γ-*) после *-n-*: «<...>*ongud* «годы» от *on* (слово *on* там склоняется как оканчивающееся на *η*, напр., родительный падеж *ongoi* года)<...>» (Поппе, 1938: 113). Яркий пример с использованием монгольского омонима *on* отражает развитие тюркского (тувинского) по происхождению этнонима *on(dar)* в бурятской среде, где вместо окончания мн. ч. *-dar*, используется суффикс род. п. *-(γ)oi*. В таком случае, наиболее подходящим для перевода на русский язык становится суффикс *-ский*, т. е. «он»-*ский* (род / кость).

В Бурятии носители этнонима *онгой* стали частью булагатской племенной группы *обогони олон*. В XIX в. они были расселены в долинах рек Обуса и Каха, где территории I, II, III, IV Онгоевых административных родов образовывали сплошной массив, граничащий с Онхотоевым, Булутским, I Ирхидэевым, II Ноетским, IV Готольским, Кахинским и Янгутским административными родами Идинской степной думы. Онгоев административный род был также представлен в Балаганской степной думе, где они жили разбросано в долине Унги, на побережье Ангары, на островах Осинском и Муруйском, за исключением небольшого участка на острове Осинском, их земли находились в совместном пользовании с бурятами Булутского, Муруева, Кульметского административных родов (подробнее о расселении и численности см.: Нанзатов, 2018: 114, 116–119, 137–141, 144–145).

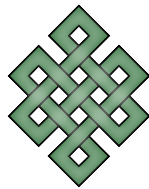
Четыре Онгойских (русск. Онгойский / Ангойский) улуса¹ располагались на территории Верхоленской степной думы в составе II Абазаева административного рода (там же: 58). Как, зафиксировал Г. Н. Румянцев в баргузинских летописях *Онгой* (*Onngoi*) фиксируются как кость в составе рода Абазай (*Abazai*) (Румянцев, 1949: 48). Таким образом, часть носителей этнонима *онгой* оказалась и среди эхиритов, в составе племени *абазай*, где их улусы компактно располагались в долине Ишин-гола, притока Куды. Оказавшись, вовлеченными в перекочевки эхиритов через Байкал, онгоевцы оказались, в том числе, в составе *верхоленских* и *баргузинских бурят*, как подразделение *абазай*.

Онхотой

Бурятская форма этнонима *онхотой/onqotoi*, как и в случае с *онгой/онγοι*, в соответствии с нашей гипотезой о родственности племен, входящих в объединение *обогони олон*, отражает развитие от раннетувинского *онхот/onqot*. Обсуждая данное предположение, дистанцируемся от известного по историческим хроникам этнонима *онгут/энгут/önngüd/enngüd*, имеющего свои соответствия в среде тюрко-монгольских народов. Следует отметить, что в русских документах XVII–XIX вв. этноним упоминался в формах *онготоев/онкотоев* (Долгих, 1960: 216, 220, 287, 289).

При исследовании современного этнического состава тувинского народа этноним *онхот* не обнаруживается. Однако, по этнографическим данным, в этническом составе сойотов Бурятии наряду с родами *иркит* и *хаасут* фиксируется *онхот* (Дугаров, 1983: 98–99; Павлинская, 2002: 9, 39; Рассадин, 2016: 103). По мнению Б. С. Дугарова, *онхоты* представляют собой древнее тюркоязычное племя

¹ В переписи 1897 г. в первом случае указан как Шаракшанский (I Онгойский) (Патканов, 1912: 515), в трех случаях как 1 Ангойский (Катальчинский), 2 Ангойский (Нуганский), 3 Ангойский (Хурятовский) (там же: 516).

в составе онхотов (Дугаров, 1983: 98–99). Хотя в списках улусов Кайсотской и Саянской земель нет упоминания улуса, имеющего в названии *онхот*, полагаем весьма вероятным, что это улус Пахинов (Долгих, 1960: 262), который мог быть назван по имени их предводителя, что неоднократно встречалось в документах того времени.

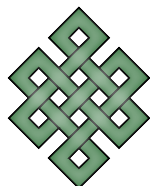
Еще одним источником XVII в., где упоминался этноним *онкот* являются дневники Избранта Идеса: «Берег (Байкала. — Б. Н.) и прилегающая местность населены бурятами, монголами и онкотами» (Идес, Бранд, 1967: 140). Автор перевода и комментариев М. И. Казанин пишет, что: «онкоты — один из бурятских родов» (там же: 305). Однако, Е. М. Залкинд немного ранее предложил отождествлять онхотов с тунгусами, так как, по его мнению: «хорошо известно, кто жил у Байкала в 1692 г.: буряты, монголы и тунгусы» (Залкинд, 1958: 80). Далее он подкрепляет свою гипотезу существованием этнонима *онкор-солон*, где якобы окончание *-т*, заменено на *-р* (там же). Хотя гипотеза не лишена основания, следует отметить, что И. Идес, двигаясь с запада на восток, с тунгусами встретился раньше, чем с бурятами, и в его текстах по отношению к тунгусам, как к западу от Байкала, так и к востоку от него, используется этноним *тунгус*, а не *онкот*. Следовательно можно предположить, что И. Идес имел в виду другую группу населения, которой могли оказаться сойоты, также известные как «яндашские люди», «соётские люди», «соётские, тувинские и урянские люди» (Окладников, 1937: 129; Бахрушин, 1959: 57; Долгих, 1960: 260). В 1660 г. в верховьях р. Иркута был впервые встречен князь Яндаш со своими людьми. События того времени в долине р. Иркута показывают, что люди Яндаша кочевали в верховьях р. Иркута с 1660 по 1663 гг., затем возвращались в Тунку с 1676 по 1695 гг. (подробнее см.: Дулов, 1956: 128–129). В связи с представленными выше материалами считаем весьма вероятным, что указание И. Идеса об онкотах, сделанное в 1692 г., связано именно с сойотами.

Таким образом, весьма вероятно допущение происхождения бурятского этнонима *онхотой* от предположительно раннетувинского этнонима *онкот*, длительное время расселенного на восточной периферии в местах формирования тувинского народа. Наличие суффикса *-tai* в бурятском этнониме может указывать на период его проникновения в раннебурятскую среду либо в имперский, либо в постюаньский периоды истории монголов. Дальнейшее его развитие в *-toi* отражает этап его развития в бурятской среде. Отсутствие этого этнонима среди современных тувинцев восполняется его наличием у близкородственных тувинцам сойотов, расселенных в верховьях Оки, в районе оз. Ильчир, и в верховьях Иркута (подробнее см.: Нанзатов, Содномпилова, 2017: 138–139).

В 1897 г. носители этого этнонима были представлены двумя административными родами — I и II Онхотоевыми — в составе Улейского ведомства, выделенного из Идинской степной думы. Они были расселены в долине р. Улей, притока р. Оса. Их земли находились в совместном землепользовании с бурятами Булутского административного рода (Нанзатов, 2018: 114, 120). Также, по нашему мнению, этноним присутствовал в составе Бумал-Готольского административного рода в форме *онхот* (Цыдендамбаев, 1972: 256). Этот род был составлен из выходцев из Приангарья. Помимо готольского большинства, под названием *бумал* предстают осколки племен, прежде расселенных преимущественно в долинах Осы и Унги (*муруй, хулмэд, хоогой, хангин, янгут и др.*) (Румянцев, 1965: 98; Цыдендамбаев, 1972: 256).

В бурятской среде этноним *онхот/онход* встречается и среди других бурятских племен, что указывает на неоднократное проникновение его носителей в бурятскую среду. Так, *онхоты* были в составе сартулов (Лумбунов, 1890: 118). В составе двух Сартульских отоков Селенгинской степной думы, по подсчетам Г. Н. Румянцева, насчитывалось 26 подразделений, представлявших из себя осколки различных племен Внутренней Азии и Прибайкалья. В контексте темы данного исследования следует отметить, что в числе подразделений сартулов наряду с *онхотами* были отмечены *урянхай* (*урянхат*) и *хырдык* (Румянцев, 1965: 98). Если этноним *урянхай/урянхат* довольно широко распространен в монгольской среде и может быть наследием миграций не только с верховьев р. Енисея, то этноним *хырдык* — бур. *хэрдэг* непосредственно связан с тувинцами, среди которых он известен как *хэрдэкэ/хердыгыт/хертэк* (Потанин, 1881: 11; Прокофьева, 1955: 4; Потапов, 1966: 13). Также *хэрдэг* встречается в Монголии к востоку от озера Хубсугул (Ринчен, 1979: карта 46).

В XVII в. *онхоты* упоминались на р. Ингоде — на востоке Забайкалья. Важным событием, в связи с которыми они упоминались, был их разгром русскими совместно с гантимуровскими тунгусами, после поднятия ими восстания в районе Нерчинска (Паршин, 1844: 135–136). По мнению Б. О. Долгих, в составе тех *онхотов* были известные позднее *узоны* и *уляты*. И, как видно по тексту, *онхоты* противопоставлялись гантимуровским тунгусам (Долгих, 1960: 347–348). В XIX в. в составе Оловской инородной управы вторым по численности административным родом был *узонов* род (бур., монг.

үзөн). По этнографическим данным, основным подразделением узонов были *онхоты*, или *онхот-үзөн*, расселенные также в долине р. Онона (подробнее см.: Нанзатов, Содномпилова, 2020: 25–26).

Среди хори-бурят *онхоты* встречаются в составе галзутов и харгана (Цыдендамбаев, 1972: 86, 94). При классификации хоринских кукуров Ц. Б. Цыдендамбаев отнес *онхотов* к группе монголов и омонголившись этнических элементов (там же: 215). По нашему мнению, весьма вероятно связь хоринских *онхотов* с *онхотами*, упоминавшимися в связи с восстанием около Нерчинска. Разгром мог повлиять на расселение *онхотов* и их миграции в места расселения хоринцев.

Гипотеза о происхождении *онхотов* из Монголии, выдвинутая Ц. Б. Цыдендамбаевым, основанная на их расселении в Монголии, который основывался на данных, опубликованных Е. П. Лебедевой (там же: 211), недостаточно обоснована, так как речь идет об *ункотах*, расселенных на востоке Внутренней Монголии. Обращаясь к карте распространения обока *онход* (*онход*, *хонин-онход*, *улиар-онход/улайр-онход*) в современной Монголии¹, а также к карте из Этнолингвистического атласа МНР (Ринчен, 1979: карта 61) можно констатировать, что *онхоты* преимущественно расселены на севере — в Хубсугульском аймаке. Прежде всего, перед нами отражаются *онхоты* из состава *хотогойтов* и *дархатов* (подробнее см.: Нямбуу, 1992: 133–134; Чулуун, 2006: 46–48). Два отока — *их онход* и *бага онход* были зафиксированы в составе халха-монголов Прихубсугуля (Нацагдорж, 2017: х. 61). Весьма вероятно, что ареалом, откуда распространились прихубсугульские *онхоты* является долина впадающей в Хубсугул р. Онхолок (Санжеев, 1930: 16). В связи с этим необходимо отметить близкий по форме фонетический вариант этнонима, зафиксированный в восточной Монголии — *онхолиг* (Ринчен, 1979: карта 61). Если в данном случае отражено развитие формы от *оpqо+* суфф. *-liγ* в монгольской среде, получившей развитие *оpqоliγ* на востоке и *оpqоloγ* у Хубсугула, то вероятно здесь отражено влияние тюркской языковой среды, оказавшей влияние на формирование этого этнонима. Необходимо отметить, что, судя по маньчжурско-китайскому письменному источнику «beye dailame wargi amargi babe necihiyeme toktobuha bodogon i bithe» / 亲征平定朔漠方略" (Qīnzhēng píngdìng shuò mò fānglüè — Стратегия усмирения пустыни под личным началом) носители этнонима *онход* причислялись к бурятам (манж. *burat*, кит. 布喇特 Bùlātè). Как отметил Б. Нацагдорж, практически все *онхоты* Монголии также считаются потомками баргунской общности (Нацагдорж, 2016: х. 132–133).

Также необходимо отметить, что *ункоты*, упомянутые среди монголов в сочинении 1744 г. «Общее обозрение маньчжурских родов, находившихся в составе восьми знамен» были расселены в долине реки Шара-Мурэн (Сира-Моирэнь) и в местности Урут (Лебедева, 1958: 220). Территория отока Уруд, расположенного на востоке Чахара, а также долина Шара-Мурэна находятся в относительной близости к округу Фу-юй, где были расселены восточные урянхайцы (подробнее см.: Кюннер, 1958), что, возможно, также связывает *ункотов* с урянхайской общностью.

Таким образом, этническая история *онхотов* на ранних этапах была связана с тобасской общностью, откуда еще на раннем этапе произошло вливание *онхотов* в раннебурятскую общность, откуда, в свою очередь, часть *онхотов* двинулась в южном направлении, где оказалась в составе *хотогойтов*, *дархатов* и *халха*. Другая часть продвинулась на восток, где оказывалась в составе *узонов*, *сартулов*, *галзутов* и *харгана*. Однако, строить гипотезы об исходном языке его носителей пока преждевременно.

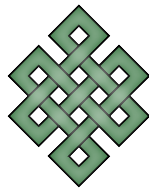
Ирхидэй

В русских документах XVII–XIX вв. бурятский этноним фиксировался как *ирхидеев* (Долгих, 1960: 289, 291). В записях С. П. Балдаева встречаются формы *ирхидэй/эрхидэй* (Балдаев, 1970: 22, 144–145). В записях И. Н. Мадасона — *эрхидэй* (Отдел памятников письменности Востока Института монголоведа-ния, буддологии и тибетологии СО РАН (ОППВ ИМБТ), ф. 18, оп. 1, д. 259, л. 156).

Бурятская форма этнонима *ирхидэй/эрхидэй*, как и в случае с *хоогой*, *онгой*, *онхотой*, в соответствии с нашей гипотезой о родственности племен, входящих в объединение *обогони олон*, отражает развитие от раннетувинского *иркид/эркид*.

Административные роды I и II Ирхидеевы в XIX в. входили в Идинскую степную думу, после упразднения которой вошли в состав Бильчирской инородной управы. I Ирхидеев род располагался в долине Обусы, где граничил с I Онгоевым, II Ноетским, I Холтубаевым, I Онхотоевым и Булутским

¹ <https://www.1212.mn/sonirkholtoi/FamilyName/?search=онход>; <https://www.1212.mn/sonirkholtoi/FamilyName/?search=хонинонход>; <https://www.1212.mn/sonirkholtoi/FamilyName/?search=улиар онход>; <https://www.1212.mn/sonirkholtoi/FamilyName/?search=улайр онход>.

родами. Территория II Ирхидеева рода располагалась в долине Осы, где граничила с землями I Муруева, IV Онгоева, II Холтубаева, I и IV Гоголова, Кахинского (Хогоева) родов (Нанзатов, 2017а: 139–142).

Иркитский административный род Тункинской степной думы был представлен в улусах Нурай, Охор-Шибирь, Жемчуг и Тайбачай, где иркиты соседствовали с бурятами шошолоками, хонгодорами и тэртэ. После упразднения Тункинской думы земли Иркитского административного рода вошли в состав Харибятской инородной управы (Нанзатов, Содномпилова, 2017: 133, 136–137).

Иркитский административный род Отдельного Окинского родового управления представлял собой сойотское оленеводческое население верховьев Оки. Официально иркиты-оленоводы были представлены в улусах Ильчир и Хончин. По этнографическим данным, обуяченные сойоты, прежде также являвшиеся частью Иркитского административного рода, вошли в состав Окинского административного рода, где были представлены в улусах Сорок, Боксон, Далан-Туру, Диби, Хорето, Улзыта, Барун-гол (там же: 133, 138–139).

По данным Н. А. Сердобова, этноним *иркит* среди тувинцев встречается практически повсеместно, однако, наиболее часто в Бай-Тайгинском, Эрзинском районах и Шынаанском сельсовете, т. е. на западе и на юго-востоке Тувы (Сердобов, 1970: 78). Если западная группа *иргитов* сближается с *иргитами/иркитами* в составе хакасов и алтайцев и, вероятно, кёк-мончаков, алтайских урянхайцев и тувинцев Китая (Потанин, 1881: 11; Radloff, 1893: 208; Радлов, 1989: 90; Письма Н. Ф. Катанова ... , 1896: 62; Потапов, 1947: 126, Потапов, 1969: 23, 28; Монгуш, 1983: 131; Вайнштейн, Таубе, 1984: 234; Монгуш, 1995: 38; Маннай-оол, 1995а: 59; Бадамхатан, Лхагвасурэн, 2012: 369; Айыжы, Конгу, 2013а: 39; Айыжы, Конгу, 2013б: 26; Юша, 2017: 106), то юго-восточная группа, расселенная в настоящее время в Шынаанском сумоне Тере-Хольского кожууна, вероятно близка с *иргитами* в составе цаатанов, дархатов, хубсугульских урянхайцев (уйгуро-урянхайцев), сойотов и тункинских бурят (Castren, 1856: 396; Бадамхатан, 1965: 74; Маннай-оол, 1995b: 65; Rassadin, 2010: 8; Айыжы, Конгу, 2013с: 5; Нанзатов, Содномпилова, 2017: 136–137).

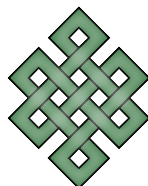
В этническом составе якутов этноним *эргит* отражен в названии Эргитского наслега Западно-Кангаласского улуса (Патканов, 1912: 720, 835). Этот же этноним в записи фольклориста Г. У. Эргиса зафиксирован как *эргис* (Эргис, 1960а: 140–141; 1960b: 251–258). Форма этнонима *эргис* — с окончанием мн. ч. —с указывает на влияние монгольских языков и, по всей видимости, в свою очередь отражает бурятско-якутские этнические связи. Следует также отметить, что Б. О. Долгих фиксировал этот этноним как Орготский (Урготский, Эргитский) (Долгих, 1960: 374). Однако, как гласит перепись 1897 г., у якутов были зафиксированы как *Эргит(ский)*, так и *Оргет(ский)* роды в Восточно-Кангаласском улусе Якутского округа и *Оргот(ские)* наслеги в Верхне-Вилуйском и Средне-Вилуйском улусах Вилуйского округа (Патканов, 1912: 720, 721, 785; Ксенофонтов, 1937: 190). Одновременная фиксация этнонимов *өргэт/өргөт* и *эргит/эргис*, а также трудности фонетического развития *өргэт/өргөт* от *эргит/эргис* в якутском языке, вероятно, отражают два разных этнонима (сравн. *өрге* в составе сары-уйгуров (Тенишев, 1962: 63)).

Отмеченная в работе Кастрена самоеязычность *иркитов-сойотов* (Castren, 1856: 389), ошибочно поддержанная нами ранее (Нанзатов, 2014: 555), вероятно, отражает лишь участие какой-то группы самоедов, оказавшихся в составе иркитов-сойотов, в дальнейшем ими ассимилированных. Широкий ареал распространения этого этнонима в тюркской и монгольской среде, скорее всего, отражает его происхождение в среде тюрко-монгольских кочевников Саянско-Хубсугульского региона.

Мы присоединяемся к версии, высказанной Б. И. Татаринцевым, что этноним мог произойти от *irkän* в значении «собрание, накопление» (Татаринцев, 1988: 195), что в основе этнонима *иркит/иргит/эргит/эргис*, вероятно, лежит значение «собранные» от *irk-/erk-* — «собирать, скапливать» (Древнетюркский словарь, 1969: 179, 212; Севортыан, 1974: 378), близким по значению к которому является и монгольское *irgen* — «народ» (Санжеев, Орловская, Шевернина, 2016: 106).

Судя по географии распространения, можно предположить, что этноним сформировался в тобасском (раннетувинском) ареале. Однако, строить гипотезы об исходном языке его носителей пока преждевременно.

Относительно этнонима *ирхидэй/эрхидэй* можно сделать вывод, что его носители оказались в бурятской среде в эпоху возвышения монголов во Внутренней Азии, когда в этнонимике активно использовался суффикс *-дай*. Впоследствии его носители оказались вовлеченными в племенную группу *обогони олон* в составе *булагатского* племенного союза. Наличие в составе тункинских бурят этнонима *иркит* и отсутствие связей с *ирхидэй* отражает неоднократность проникновения его носите-

лей в этнический состав бурят. Якутская форма этнонима *эргис*, вероятно, также отражает проникновение его носителей из раннетувинской среды сначала в раннебурятскую, и далее, в раннеякутскую среду.

Холтубай

В русских документах в 1681 г. и в 1696 г. зафиксирован как *Колтубаев род*, в 1699 г. как *Холтубаев род* (Долгих, 1960: 220, 291, 293). В записях С. П. Балдаева как *холтубай* (Балдаев, 1970: 145–149), и *хултубай* (там же: 140).

В XIX в. административные роды I и II Холтубаев были представлены в Идинской степной думе, позднее в Бильчирской инородной управе, в низовьях Обусы и в долине Осы, где граничили с землями I Муруева, IV Онгоева, IV Готолова, I и II Ирхидеева родов (Нанзатов, 2017а: 139–142). III Холтубаев род располагался к западу от Ангары в составе Аларской степной думы, впоследствии Куйтинской инородной управы, где их соседями были буряты VII Хонгдорского, Ноетского, III Готолова, I Икинатского и Зангеева (Зунгиева) родов (Нанзатов, Содномпилова, 2013: 56).

Учитывая, что представленные этнонимы группы *обогони олон* имеют окончания род. п. –*ай*, исходную форму можно восстановить как *холтуба*.

Рассматривая этноним *холтубай* < *qoltuba* с позиции тюркских языков, его можно представить в виде сложного слова, состоящего из двух основ — *qol* и *tuba*, указывающих на связь с древними *туба* / *тоба* — предками тувинцев (сравн. *тубас*: Козин, 1941: 175; Рашид-ад-Дин, 1952: 123–125). Наличие у тувинцев этнонима *кол/хол/qol*, по устоявшейся традиции переводимом как «основной» (для Тоджи) (Кон, 1936: 144; Дулов, 1956: 128; Вайнштейн, 1961: 39; Айыжы, Конгу, 2013с: 6). Подобная интерпретация позволяет предположить о том, что носители этнонима являются осколком древней общности *туба/тоба*. Сложносоставные этнонимы для тюрко-монгольских народов не редкость, в частности привлекает внимание этноним *чаг-тыва*, имеющий явную параллель в словообразовании с **qoltuba* (подробнее о *чаг-тыва* см.: Татаринцев, 1995).

Что касается гипотезы В. И. Дулова о довольно позднем происхождении названия этого сумона (Дулов, 1956: 128), то наличие в бурятской среде этнонима *холтубай*, известного по русским документам в XVII в., позволяет предположить о его более раннем существовании.

Основным результатом данного исследования является доказательство принадлежности этнонима *холтубай* к раннетувинскому пласту в этногенезе бурят и нет необходимости подробно рассматривать вопрос происхождения этнонима *туба/тоба/тува/тыва*, (подробнее об этнониме *туба/тоба/тува/тыва* см. напр.: Вайнштейн, 1957; Татаринцев, 1990).

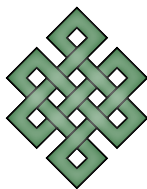
Заключение

Ареал распространения исследуемых этнонимов явно отражает их исходную локализацию в Восточно-Саянско-Хубсугульском регионе, откуда произошло многовекторное движение в разных направлениях, одним из которых было Прибайкалье.

Исследование группы бурятских этнонимов, связанной своим происхождением с одним из персонажей общебулагатской родословной, известного как *Обогон*, в свою очередь связанного с персонажем якутских генеалогических мифов, известного как *Омогон/Омогой*, позволяет говорить о присутствии в этногенезе бурят раннетувинского пласта. Проведенное исследование в очередной раз подтверждает связи тюрко-монгольских народов Внутренней Азии, Южной и Восточной Сибири. На примере исследованных этнонимов (*хоогой* < *qui*, *онгой* < *on(dar)*, *онхой* < *onqot*, *ирхидэй* < *irgit*, *холтубай* < *qol+tuba*) мы видим как отразился крупный тобасский (раннетувинский) пласт в этногенезе бурят и саха-якутов. Присутствие этих этнонимов в бурятской среде значительно углубляет историю сопоставляемых тувинских этнонимов, в частности, этноним *хол/кол*, фиксируемый в Тодже.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамзон, С. М. (1946) К семантике киргизских этнонимов // Советская этнография. № 3. С. 123–132.
 Абрамзон, С. М. (1960) Этнический состав киргизов по данным этнографии // Труды киргизской археолого-этнографической экспедиции / отв. ред. Л. П. Потапов. М. : АН СССР. Т. IV. 367 с. С. 3–137.

Айыжы, Е. В., Конгу, А. А. (2013а) Родовые группы тувинцев Кобдосского аймака Монголии на современном этапе (по материалам полевых исследований // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований. № 1. С. 36–40.

Айыжы, Е. В., Конгу, А. А. (2013b) Тувинцы Синьцзянь-Уйгурского автономного района Китая (по материалам этнографической экспедиции в Синьцзян-Уйгурский, автономный район Китая) // Вестник Кемеровского государственного университета. Т. 1. № 3 (55). С. 23–37.

Айыжы, Е. В., Конгу, А. А. (2013c) Родоплеменные группы тувинцев Тоджинского района республики Тува на современном этапе (по материалам полевых исследований) // Вестник Чувашского ГПУ им. И. Я. Яковлева. № 4–1 (80). С. 3–10.

Аристов, Н. А. (1896) Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей // Живая Старина. Т. 6. Вып. 3–4. С. 277–456.

Бадамхатан, С. (1965) Хөвсгөлийн Дархад ястан [Дархаты Прихубсугуль]. Улаанбаатар : ШУАХУ. 253 х. (На монг. яз.).

Бадамхатан, С., Лхагвасурэн, И. (2012) Алтайн Урианхай [Алтайские урянхайцы] // Монгол улсын угсаатны зүй [Этнография Монголии]. Боть II. Улаанбаатар : Монсудар. Х. 361–424. (На монг. яз.).

Балдаев, С. П. (1970) Родословные предания и легенды бурят. Улан-Удэ : Бурятское кн. изд-во. Ч. 1. Булагаты и эхириты. 364 с.

Баскаков, Н. А. (1969) Введение в изучение тюркских языков. Изд. 2-е, испр. и доп. М. : Высшая школа. 384 с.

Бахрушин, С. В. (1959) Очерки по истории Красноярского уезда в XVI–XVII вв. // Научные труды. Т. IV. Сибирь и Средняя Азия в XVI–XVII вв. / ред. колл.: А. А. Зимин, Н. В. Устюгов, Л. В. Черепнин, В. И. Шунков. М. : Изд-во АН СССР. 260 с. С. 7–214.

Бравина, Р. И. (2017) «Путь Омогая»: якутские этнонимы монгольского происхождения // Северо-Восточный гуманитарный вестник. № 4 (21). С. 48–58.

Бураев, И. Д. (1962) Фонетика // Грамматика бурятского языка / отв. ред. Г. Д. Санжеев. М. : Изд-во Восточной литературы. 316 с. С. 7–48.

Вайнштейн, С. И. (1957) Очерк этногенеза тувинцев // Ученые записки Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории / отв. ред. Н. А. Сердобов. Вып. 5. Кызыл : Тувинское кн. изд-во. 307 с. С. 178–214.

Вайнштейн, С. И. (1961) Тувинцы-тоджинцы (историко-этнографические очерки). М. : Изд-во Восточной литературы. 219 с.

Вайнштейн, С. И., Таубе, Э. (1984) Тувинцы Монгольского Алтая (Кобдинские тувинцы) // Полевые исследования института этнографии 1980–1981 гг. / отв. ред. С. И. Вайнштейн. М. : Наука. 207 с. С. 233–241.

Востров, В. В. (1962) Родо-племенной состав и расселение казахов на территории Тургайской области // Вопросы этнографии и антропологии Казахстана (Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР. Т. 16) / отв. ред. А. Х. Маргулан. Алма-Ата : Наука. 191 с. С. 72–94.

Востров, В. В., Муканов, М. С. (1968) Родоплеменной состав и расселение казахов (конец XIX — начало XX в.). Алма-Ата : Наука. 255 с.

Долгих, Б. О. (1960) Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М. : Изд-во АН СССР. 622 с.

Древнетюркский словарь (1969) / под ред. В. М. Наделяева, Д. М. Насилова, Э. Р. Тенишева, А. М. Щербака. М. ; Л. : Наука. 676 с.

Дугаров, Б. С. (1983) О происхождении окинских бурят // Этнические и историко-культурные связи монгольских народов / отв. ред. Т. М. Михайлов. Улан-Удэ : Изд-во БФ СО АН СССР. 148 с. С. 90–101.

Дулов, В. И. (1951) Пережитки общинно-родового строя и родового быта у тувинцев в XIX — начале XX века (до 1917 г.) // Советская этнография. № 4. С. 57–76.

Дулов, В. И. (1956) Социально-экономическая история Тувы. XIX — начало XX в. М. : Изд-во АН СССР. 608 с.

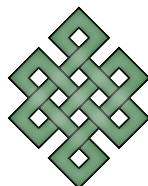
Залкинд, Е. М. (1958) Присоединение Бурятии к России. Улан-Удэ : Бурятское кн. изд-во. 318 с.

Идес, И., Бранд, А. (1967) Записки о русском посольстве в Китай (1692–1695) / вступит. статья, перевод и коммент. М. И. Казанина ; отв. ред. Б. Б. Кафенгауз, В. С. Мясников. М. : Главная редакция восточной литературы. 404 с.

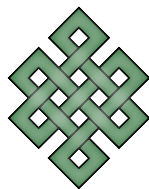
Исхаков, Ф. Г., Пальмбах, А. А. (1961) Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология. М. : Изд-во восточной литературы. 472 с.

Козин, С. М. (1941) Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. под названием Mongol-un Niguᠰa Tobᠰiyan. Юань Чао Би Ши. Монгольский обыденный сборник. М. ; Л. : Изд-во АН СССР. Т. I. 620 с. (Труды института востоковедения Академии наук СССР. Т. 34).

Кон, Ф. Я. (1934) Экспедиция в Сойотию. За пятьдесят лет : в 3 т. М. : Издательство Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев. Т. III. 294 с.

- Кон, Ф. Я. (1936) За пятьдесят лет. Экспедиция в Сойотию. Т. 3–4. М. : Советский писатель. 344 с.
- Ксенофонтов, Г. В. (1937) Ураангхай-сахалар. Очерки по древней истории якутов. Иркутск : ОГИЗ ; Восточносибирское обл. изд-во. Т. 1. XII, 576 с.
- Кюннер, Н. В. (1958) Восточные урянхайцы по китайским источникам // Ученые записки Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Т. VI / отв. ред. Н. А. Сердобов. Кызыл : Типография управления культуры. 308 с. С. 202–216.
- Лебедева, Е. П. (1958) К вопросу о родовом составе монголов // Филология и история монгольских народов. Памяти академика Бориса Яковлевича Владимирцова / отв. ред. Г. Д. Санжеев. М. : Изд-во восточной литературы. 348 с. С. 219–227.
- Лумбунов, Ю. (1890) Поколения селенгинских бурят // Сказания бурят, записанные разными авторами / Записки Восточно-сибирского отделения ИРГО. Т. I. Вып. 2. Иркутск : Типография К. И. Витковской. 159 с. С. 118–121.
- Маннай-оол, М. Х. (1995а) Тувинцы Монголии: традиции и современность // Ученые записки Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Вып. XVIII. Серия: Историческая / отв. ред. Ч. М. Доржу. Кызыл : Тувинское кн. изд-во. 200 с. С. 56–62.
- Маннай-оол, М. Х. (1995b) Дархаты: некоторые этнографические данные // Ученые записки Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Вып. XVIII. Серия: Историческая / отв. ред. Ч. М. Доржу. Кызыл : Тувинское кн. изд-во. 200 с. С. 62–67.
- Маннай-оол, М. Х. (2004) Тувинцы: происхождение и формирование этноса. Новосибирск : Наука. 166 с.
- Монгуш, Д. А. (1983) О языке тувинцев Северо-Западной Монголии // Вопросы тувинской филологии / отв. ред. Д. А. Монгуш. Кызыл : Типография Госкомиздата Тувинской АССР. 160 с. С. 127–145.
- Монгуш, М. В. (1995) Тувинцы в Китае: проблемы истории, языка и культуры // Ученые записки Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Вып. XVIII. Серия: Историческая / отв. ред. Ч. М. Доржу. Кызыл : Тувинское кн. изд-во. 200 с. С. 30–56.
- Нанзатов, Б. З. (2014) Тунгусский и самодийский пласты в этногенезе монгольских народов // Сибирский сборник — 4. Грани социального: Антропологические перспективы исследования социальных отношений и культуры. (Памяти российского этнографа-тунгусоведа Надежды Всеволодовны Ермоловой) / отв. ред. В. Н. Давыдов, Д. В. Арзютов. СПб. : МАЭ РАН. 726 с. С. 552–561.
- Нанзатов, Б. З. (2017а) Идинские буряты в XIX веке: этнический состав и расселение // Известия Иркутского государственного университета. Серия Геоархеология. Этнология. Антропология. Т. 20. С. 136–156.
- Нанзатов, Б. З. (2017b) Обогони олон и бурятско-якутские связи (на примере эпонима Обогон/Омогой) // Актуальные вопросы археологии и этнологии Центральной Азии : материалы II Международной научной конференции (г. Улан-Удэ, 4–6 дек. 2017 г.) / отв. ред. Б. В. Базаров. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН. 504 с. С. 298–302.
- Нанзатов, Б. З. (2018) Иркутские буряты в XIX веке: этнический состав и расселение. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН. 224 с. DOI: <https://doi.org/10.31554/978-5-7925-0546-9-2018-4-222>
- Нанзатов, Б. З., Содномпилова, М. М. (2013) Аларская степная дума (этнический состав и расселение аларских бурят в XIX в.) // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. № 2 (10). С. 47–57.
- Нанзатов, Б. З., Содномпилова, М. М. (2017) Тункинские буряты в XIX в.: этнический состав и расселение // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 3 (38). С. 131–142. DOI: <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2017-38-3-131-142>
- Нанзатов, Б. З., Содномпилова, М. М. (2020) Оловские хамниганы в XIX в.: этнический состав и расселение // Известия Иркутского государственного университета. Серия Геоархеология. Этнология. Антропология. Т. 31. С. 17–30. DOI: <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2020.31.17>
- Нанзатов, Б. З., Сундуева, Е. В. (2014) Раннесредневековые (древнеуйгурские) этнические связи Прибайкалья с Центральной Азией (на примере группы булагатских племен «Обогони олон») // Вестник Бурятского государственного университета. № 10–1. С. 17–20.
- Нанзатов, Б. З., Тишин, В. В. (2020а) К бурятско-якутским этническим связям: игидэй и эхирид // Известия Иркутского государственного университета. Серия Геоархеология. Этнология. Антропология. Т. 32. С. 26–36. DOI: <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2020.32.26>
- Нанзатов, Б. З., Тишин, В. В. (2020b) К бурятско-якутским этническим связям: kogosuk, хахсык, хахшууд/хагшууд // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. № 3 (39). С. 26–32. DOI: <https://doi.org/10.31554/2222-9175-2020-39-26-32>
- Нанзатов, Б. З., Тишин, В. В. (2021) К бурятско-якутским этническим связям: атауай // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. № 2 (42). (В печати.)
- Нацагдорж, Б. (2016) Хотогойдын үүсэл, бүрэлдхүүний тухай [О происхождении и составе хотогойтов] // Acta Historica Mongolica. Т. XVII. Улаанбаатар : Соёмбопринтинг. 296 х. Х. 116–137. (На монг. яз.)

Нацагдорж, Б. (2017) Мэргэн гүн Гомбожавын өвөг дээдэс болон тэдний албат улс харьяат нутгийн тухай өгүүлэх нь [О предках Мэргэн гуна Гомбоджаба и о территории расселения его подданных] // Мэргэн Гомбожав: амьдрал, өв. [Мэргэн Гомбоджаб: жизнь, наследие]. Улаанбаатар : Адмон : 260 х. Х. 30–66. (На монг. яз.).

Нямбуу, Х. (1992) Монголын угсаатны зүй. Удиртгал: угсаатны бүрэлдхүүний, гарвал зүй = Монгольская этнография. Введение: этнический состав и этногенез монголов. Улаанбаатар : Сурах бичиг хүүхдийн номын хэвлэлийн газар. 198 х. (На монг. яз.).

Окладников, А. П. (1937) Очерки из истории западных бурят-монголов (XVII–XVIII вв.). Л. : ОГИЗ. 481 с.

Орловская, М. Н. (1962) Имя существительное // Грамматика бурятского языка / отв. ред. Г. Д. Санжеев. М. : Изд-во восточной литературы. 316 с. С. 49–95.

Павлинская, Л. Р. (2002) Кочевники голубых гор: (Судьба традиционной культуры Восточных Саян в контексте взаимодействия с современностью). СПб. : Европейский дом. 263 с.

Паршин, В. (1844) Нерчинские тунгусы // Журнал Министерства внутренних дел. Ч. 5. С. 129–140.

Патканов, С. К. (1912) Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев (на основании данных специальной разработки материала переписи 1897 г.). : в 3-х т. СПб. : Тип. «Ш. Буссель». Т. III: Иркутская губ., Забайкальская, Амурская, Якутская, Приморская обл. и о. Сахалин. 1002 с. С. 430–1002.

Письма Н. Ф. Катанова из Сибири и Восточного Туркестана (1893) / предисл. и ред. В. Радлов / Приложение к LXXIII-му тому Записок императорской академии наук. № 8. СПб. : Типография императорской академии наук. 114 с.

Поппе, Н. Н. (1938) Грамматика бурят-монгольского языка. М. ; Л. : Изд-во АН СССР. 268 с.

Потанин, Н. (1881) Очерки Северо-Западной Монголии. Результаты путешествия, исполненного в 1879 году по поручению Императорского Русского Географического Общества членом-сотрудником оною Г. Н. Потаниным. Вып. IV: Материалы этнографические. СПб. : Типография В. Киршбаума. [18], 1026 с., 26 л. ил.

Потапов, Л. П. (1947) Этнический состав сагайцев // Советская этнография. № 3. С. 103–127.

Потапов, Л. П. (1966) Очерки этнографии тувинцев бассейна левобережья Хемчика // Труды тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. Т. II. / отв. ред. Л. П. Потапов. М. : Наука. 364 с. С. 13–55.

Потапов, Л. П. (1969) Этнический состав и происхождение алтайцев. Историко-этнографический очерк. Л. : Наука. 196 с.

Прокофьева, Е. Д. (1955) Некоторые этнографические данные о тувинцах западных районов Тувинской автономной области // Краткие сообщения Института этнографии / отв. ред. М. Г. Левин. № XXIII. М. : Изд-во АН СССР. 102 с. С. 3–33.

Радлов, В. В. (1989) Из Сибири: страницы дневника / пер. с нем. К. Д. Цивиной, Б. Е. Чистовой ; примеч. и послесл. С. И. Вайнштейна. М. : Наука. 749 с.

Рассадин, В. И. (1982) Очерки по исторической фонетике бурятского языка. М. : Наука. 156 с.

Рассадин, В. И. (2012) Язык сойотов Бурятии. Элиста : Изд-во Калмыцкого университета. 244 с.

Рассадин, И. В. (2016) Родоплеменной состав и этническая история сойотов // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. № 2 (22). С. 99–104.

Рашид-ад-Дин (1952) Сборник летописей : в 3-х т. / пер. с перс. Л. А. Хетагурова ; ред. и прим. А. А. Семенова. М. ; Л. : АН СССР. Т. 1. Кн. 1. 221 с.

Ринчен, Б. (1979) Монгол ард улсын угсаатны судлал хэлний шинжлэлийн атлас = Этнолингвистический атлас МНР = Atlas ethnologique et linguistique de la Republique populaire de Mongolie. Улаанбаатар : АН МНР. 244 к., 73 с. (На монг., русс., фр. яз.).

Румянцев, Г. Н. (1949) Баргузинские буряты // Труды Кяхтинского краеведческого музея имени академика В. А. Обручева и Кяхтинского отделения Всесоюзного Географического общества / ред. кол. Р. Ф. Тугутов, А. Н. Орлова, А. И. Леонтьев. Улан-Удэ : Бурмонгиз. 140 с. С. 34–62.

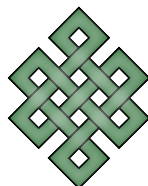
Румянцев, Г. Н. (1965) Селенгинские буряты // Материалы по истории и филологии Центральной Азии. Вып. 2 / Труды Бурятского комплексного научно-исследовательского института СО АН СССР. Вып. 16 / отв. ред. Г. Н. Румянцев. Улан-Удэ : Бурятской кн. изд-во. 256 с. С. 87–117.

Румянцев, Г. Н. (1969) Идинские буряты (родоплеменной состав) // Этнографический сборник. Вып. 5 / отв. ред. Е. М. Залкинд. Улан-Удэ : БФ СО АН СССР. 256 с. С. 76–104.

Санжеев, Г. Д. (1930) Дархаты: Этнографический отчет о поездке в Монголию в 1927 году. Л. : Изд-во АН СССР. 64 с.

Санжеев, Г. Д., Орловская, М. Н., Шевернина, З. В. (2016) Этимологический словарь монгольских языков : в 3-х т. М. : ИВ РАН. Т. II. G–P. 232 с.

Севортян, Э. В. (1974) Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основы на гласные. М. : Наука. 768 с.

Сердобов, Н. А. (1970) Современное расселение носителей тувинских этнонимов // Ученые записки Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Вып. XIV / отв. ред. Ю. Л. Аранчин. Кызыл : Тувинское кн. изд-во. 304 с. С. 66–107.

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Региональные реконструкции (2002) / отв. ред. Э. Р. Тенишев. М. : Наука. 767 с.

Султанов, Т. И. (1982) Кочевые племена Приаралья в XV–XVII вв. : (Вопросы этногенеза и социальной истории). М. : Наука. 133 с.

Татаринцев, Б. И. (1988) Этноним *Иргит* (опыт историко-этимологической интерпретации) // Историко-культурные связи народов Южной Сибири / отв. ред. Я. И. Сунчугашев. Абакан : ХаКНИИЯЛИ. 224 с. С. 79–85.

Татаринцев, Б. И. (1990) Происхождение этнонима *Тона* ~ *Туба* ~ *Тыва* и некоторых других сходных с ним наименований // Советская тюркология. № 2. С. 75–83.

Татаринцев, Б. И. (1995) Два тувинских этнонима (Адай, Чаг-Тыва) // Ученые записки Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Вып. XVIII. Серия: Историческая / отв. ред. Ч. М. Доржу. Кызыл : Тувинское кн. изд-во. 200 с. С. 102–116.

Тенишев, Э. Р. (1962) Этнический и родоплеменной состав народности юйгу // Советская этнография. № 1. С. 59–66.

Тынышпаев, М. (1925) Материалы к истории киргиз-казахского народа. Ташкент : Восточное отд. киргизского гос. изд-ва. 88 с.

Хадахнэ, К. А. (1927) Предания о бурятских родах в Боханском аймаке // Бурятиеведение. № 3/4. С. 85–88.

Хангалов, М. Н. (1960) Собрание сочинений : в 3 т. Улан-Удэ : Бурятское книжное изд-во. Т. III. 420 с.

Ховалыг, У. Т. (2009) Токуз-огузская проблема в истории изучения древних уйгуров Центральной Азии // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. Т. 8. № 5. Археология и этнография. С. 21–27.

Цыдендамбаев, Ц. Б. (1972) Бурятские исторические хроники и родословные. Историко-лингвистическое исследование. Улан-Удэ : Бурятское кн. изд-во. 664 с.

Чулуун, С. (2006) Хогогойдын түүх [История хогогойтов]. Улаанбаатар : МУИС. 162 х. (На монг. яз.).

Эргис, Г. У. (1960a) Исторические предания и рассказы якутов : в 2 ч. М. ; Л. : Изд-во АН СССР. Ч. 1. 322 с.

Эргис, Г. У. (1960b) Исторические предания и рассказы якутов : в 2 ч. М. ; Л. : Изд-во АН СССР. Ч. 2. 360 с.

Юша, Ж. М. (2017) Тувинцы Китая в XXI веке: веки истории и современное состояние // Новые исследования Тувы. № 1. С. 101–118. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2017.1.7>

Castren, M. A. (1856) Reiseberichte und Briefe. Als den Jahren 1815–1849. St. Petersburg : Buchdruckerei der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. 527 S.

Clauson, G. (1972) An etymological dictionary of pre-13th-century Turkish. Oxford : Oxford University Press. xviii, 989 p.

Kempf, B. (2006) On the origin of two Mongolic gender suffixes // Ural-Altische Jahrbücher. Neue Folge. Band 20. S. 199–207.

Poppe, N. (1954) Grammar of written Mongolian. Wiesbaden : Otto Harrassowitz. 195 p.

Radloff, W. (1893) Aus Sibirien. Lose Blätter aus dem Tagebuche reisenden Linguisten. Erster band mit Farbigem Titelbinde und 15 Illustrationstafeln. Zweite augsgabe. Leipzig : T. O. Weigel Nachfolger. 536 S.

Rassadin, V. I. (2010) Soyotica / ed. by B. Kempf / Studia Uralo-Altica 48. Szeged : FV Team Nyoma. 229 p.

Дата поступления: 12.03.2021 г.

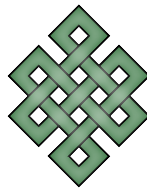
REFERENCES

Abramzon, S. M. (1946) K semantike kirgizskikh etnonimov [On the semantics of Kyrgyz ethnonyms]. *Sovetskaiia etnografiia*, no. 3, pp. 123–132. (In Russ.).

Abramzon, S. M. (1960) Etnicheskii sostav kirgizov po dannym etnografii [The ethnic composition of Kyrgyz according to ethnographic data]. In: *Trudy kirgizskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii [Proceedings of the Kyrgyz archaeological and ethnographic expedition]* / ed. by L. P. Potapov. Moscow, Academy of Sciences of the USSR. Vol. IV. 367 p. Pp. 3–137. (In Russ.).

Aiyzhy, E. V. and Kongu, A. A. (2013a) Rodovye gruppy tuvintsev Kobdosskogo aimaka Mongolii na sovremennom etape (po materialam polevykh issledovaniy) [Tuvan tribal groups of the Khovd aimak of Mongolia at the present stage (based on materials of field research)]. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy*, no. 1, pp. 36–40. (In Russ.).

Ayyzhy, E. V. and Kongu, A. A. (2013b) Tuvintsy Sin'tszian'-Uigurskogo avtonomnogo raiona Kitaia (po materialam etnograficheskoi ekspeditsii v Sin'tszian'-Uigurskii, avtonomnyi raion Kitaia) [The Tuvans of Xinjiang Uygur autonomous region of China (the materials of an ethnographic expedition to Xinjiang Uygur autonomous region of China)]. *Bulletin of Kemerovo State University*, vol. 1, no. 3 (55), pp. 23–37. (In Russ.).

Aiyzhy, E. V. and Kongu, A. A. (2013c) Rodoplemennye gruppy tuvintsev Todzhinskogo raiona respubliki Tuva na sovremennom etape (po materialam polevykh issledovaniy) [Today's Tuvan tribal groups of the Todzha region of the Republic of Tuva at the present stage (based on field studies)]. *I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University Bulletin*, no. 4-1 (80), pp. 3-10. (In Russ.).

Aristov, N. A. (1896) Zametki ob etnicheskom sostave tiurkskikh plemen i narodnostei [Notes on the ethnic composition of the Turkic tribes and nationalities]. *Zhivaia Starina*, vol. 6, issue 3-4, pp. 277-456. (In Russ.).

Badamkhatan, S. (1965) *Khövsgöliin Darkhad iastan [Darkhaty of the Prikhubsugulya]*. Ulaanbaatar, ShUAKhÜ. 253 kh. (In Mong.).

Badamkhatan, S. and Lkhagvasuren, I. (2012) Altain Uriankhai [Altai Uriankhai people]. In: *Mongol ulsyn ugsaatny züi [Ethnography of Mongolia]*. Ulaanbaatar, Monsudar. Vol. II. Pp. 361-424. (In Mong.).

Baldaev, S. P. (1970) *Rodoslovnyye predaniia i legendy buriat [Genealogical traditions and legends of the Buryats]*. Ulan-Ude, Buryat Publishing House. Part 1. Bulagaty i ekhurity [Bulagats and Ekhirits]. 364 p. (In Russ.).

Baskakov, N. A. (1969) *Vvedenie v izuchenie tiurkskikh iazykov [Introduction to the study of the Turkic languages]*. 2nd ed. Moscow, Vysshiaia shkola. 384 p. (In Russ.).

Bakhrushin, S. V. (1959) Ocherki po istorii Krasnoiar'skogo uezda v XVI-XVII vv. [Essays on the history of the Krasnoyarsk uyezd in the 16th-17th centuries]. In: *Nauchnye trudy [Scientific works]*. Vol. IV. *Sibir' i Sredniaia Aziia v XVI-XVII vv. [Siberia and Central Asia in the 16th-17th centuries]* / editorial board: A. A. Zimin, N. V. Ustiugov, L. V. Cherepnin and V. I. Shunkov. Moscow, Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR. 260 p. Pp. 7-214. (In Russ.).

Bravina, R. I. (2017) «Put' Omogoia»: iakutskie etnonimy mongol'skogo proiskhozhdeniia ["Omogoy's Way": Yakut ethnonyms of Mongolian origin]. *Severo-Vostochnyi gumanitarnyi vestnik*, no. 4 (21), pp. 48-58. (In Russ.).

Buraev, I. D. (1962) Fonetika [Phonetics]. In: *Grammatika buriatskogo iazyka [Grammar of the Buryat language]* / ed. by G. D. Sanzheev. Moscow, Publishing House of Oriental Literature. 316 p. Pp. 7-48. (In Russ.).

Vainshtein, S. I. (1957) Ocherk etnogeneza tuvintsev [An essay on the ethnogenesis of Tuvans]. In: *Uchenye zapiski Tuvinskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta iazyka, literatury i istorii [Scientific Notes of the Tuvan Research Institute of Language, Literature and History]* / ed. by N. A. Serdobov. Vol. 5. Kyzyl, Tuvan Book Publisher. 307 p. Pp. 178-214. (In Russ.).

Vainshtein, S. I. (1961) *Tuvinty-todzhinty. Istoriko-etnograficheskie ocherki [Tozhu Tuvans: Historical and ethnographic essays]*. Moscow, Nauka. 218 p. (In Russ.).

Vainshtein, S. I. and Taube, E. (1984) Tuvinty Mongol'skogo Altaia (Kobdinskie tuvinty) [Tuvans of the Mongolian Altai (Kobdinsky Tuvans)]. In: *Polevye issledovaniia instituta etnografii 1980-1981 gg. [Field studies of the Institute of Ethnography, 1980-1981]* / ed. by S. I. Vainshtein. Moscow, Nauka. 207 p. Pp. 233-241. (In Russ.).

Vostrov, V. V. (1962) Rodo-plemnoi sostav i rasselenie kazakhov na territorii Turgaiskoi oblasti [Clan and tribal composition and settlement of Kazakhs in the Turgay region]. In: *Voprosy etnografii i antropologii Kazakhstana (Trudy Instituta istorii, arheologii i etnografii AN KazSSR. T. 16) [Issues of ethnography and anthropology of Kazakhstan (Proceedings of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR. Vol. 16)]* / ed. by A. Kh. Margulan. Alma-Ata, Nauka. 191 p. Pp. 72-94. (In Russ.).

Vostrov, V. V. and Mukanov, M. S. (1968) *Rodoplemnoi sostav i rasselenie kazakhov (konets XIX — nachalo XX v.) [Clan and tribal composition and settlement of the Kazakhs (the late 19th — early 20th centuries)]*. Alma-Ata, Nauka. 255 p. (In Russ.).

Dolgikh, B. O. (1960) *Rodovoi i plemnoi sostav narodov Sibiri v XVII veke [Clan and tribal composition of the peoples of Siberia in the 17th century]*. Moscow, Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR. 622 p. (In Russ.).

Drevnetiurkskii slovar' [An old Turkic dictionary] (1969) / ed. by V. M. Nadeljaev, D. M. Nasilov, E. R. Tenishev and A. M. Shcherbak. Leningrad, Nauka. 679 p. (In Russ.).

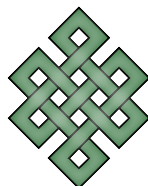
Dugarov, B. S. (1983) O proiskhozhdenii okinskikh buriat [On the origin of the Okin Buryats]. In: *Etnicheskie i istoriko-kul'turnye svyazi mongol'skikh narodov [Ethnic, historical and cultural relations of the Mongolian peoples]* / ed. by T. M. Mikhailov. Ulan-Ude, Publishing House of the Buryat Department, Siberian Branch, Academy of Sciences of the USSR. 148 p. Pp. 90-101. (In Russ.).

Dulov, V. I. (1951) Perezhitki obshchinno-rodovogo stroia i rodovogo byta u tuvintsev v XIX — nachale XX veka (do 1917 g.) [Vestiges of the communal-tribal system and clan way of life among Tuvans in the 19th — early 20th century (until 1917)]. *Sovetskaia etnografiia*, no. 4, pp. 57-76. (In Russ.).

Dulov, V. I. (1956) *Sotsial'no-ekonomicheskaiia istoriia Tuvy. XIX — nachalo XX v. [The socio-economic history of Tuva. The 19th — early 20th centuries]*. Moscow, Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR. 608 p. (In Russ.).

Zalkind, E. M. (1958) *Prisoedinenie Buriatii k Rossii [The annexation of Buryatia to Russia]*. Ulan-Ude, Buryat Publishing House. 318 p. (In Russ.).

Ides, I. and Brand, A. (1967) *Zapiski o russkom posol'stve v Kitai (1692-1695) [Notes on the Russian embassy to China (1692-1695)]* / introd. article, translation and commentaries by M. I. Kazanin ; ed. by B. B. Kafengauz and V. S. Miasnikov. Moscow, Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury. 404 p. (In Russ.).

Iskhakov, Ph. G. and Pal'mbakh, A. A. (1961) *Grammatika tuvinskogo iazyka. Fonetika i morfologiya* [A grammar of the Tuvan language. Phonetics and morphology]. Moscow, Vostochnaia literatura Publ. 472 p. (In Russ.).

Kozin, S. A. (1941) *Sokrovennoe skazanie. Mongol'skaia khronika 1240 g. pod nazvaniem Mongol-un Niguča Tobčiyān. Iuan' Chao Bi Shi. Mongol'skii obydennyi sbornik* [The secret history of the Mongols: A 1240 Mongolian chronicle titled 'Mongyol-un niyuča tobčiyān. Yuan' chao bi shi'. A Mongolian mundane collection]. Vol. 1: Introduction to studies of the monument. Translation, texts, glossaries. Moscow ; Leningrad, Academy of Sciences of the USSR. 620 p. (In Russ.).

Kon, F. Ya. (1934) *Ekspeditsiia v Soiotiiu* [An expedition to Soyotia]. *Za piat' desiat let* [In fifty years] : in 3 vols. Moscow, Izdatel'stvo Vsesoiuznogo obshchestva politkatorzhan i ssyl'no-pereselentsev. Vol. 3. 296 p. (In Russ.).

Kon, F. Ya. (1936) *Za piat' desiat let* [In fifty years]. 2nd ed. Vol. 3–4. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ. 344 p. (In Russ.).

Ksenofontov, G. V. (1937) *Uraangkhai-sakhalar. Ocherki po drevnei istorii iakutov* [Uraangkhai-sakhalar. Essays on the ancient history of the Yakuts]. Irkutsk, OGIZ, Vostochnosibirskoe oblastnoe izdatel'stvo. Vol. 1. XII, 576 p. (In Russ.).

Kiuner, N. V. (1958) *Vostochnye uriankhaitsy po kitaiskim istochnikam* [Eastern Uriankhai people according to Chinese sources]. In: *Uchenye zapiski Tuvinskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta iazyka, literatury i istorii* [Scientific Notes of the Tuvan Research Institute of Language, Literature and History]. Vol. VI / ed. by N. A. Serdobov. Kyzyl, Printing House of the Department of Culture. 308 p. Pp. 202–216. (In Russ.).

Lebedeva, E. P. (1958) *K voprosu o rodovom sostave mongolov* [On the issue of the tribal composition of the Mongols]. In: *Filologiya i istoriia mongol'skikh narodov. Pamiati akademika Borisa Iakovlevicha Vladimirtsova* [Philology and history of the Mongolian peoples. In memory of academician Boris Yakovlevich Vladimirtsov] / ed. by G. D. Sanzheev. Moscow, Publishing House of Oriental Literature. 348 p. Pp. 219–227. (In Russ.).

Lumbunov, Yu. (1890) *Pokoleniia selenginskikh buriat* [Generations of the Selenga Buryats]. In: *Skazaniia buriat, zapisannye raznymi avtorami* [Tales of the Buryats, recorded by different authors] / *Zapiski Vostochno-sibirskogo otdeleniia IRGO* [Notes of the East Siberian Branch of the Imperial Russian Geographical Society]. Vol. I. Issue 2. Irkutsk, Tipografiia K. I. Vitkovskoi [Printing House of K. I. Vitkovskaia]. 159 p. Pp. 118–121. (In Russ.).

Mannai-ool, M. Kh. (1995a) *Tuvintsy Mongolii: traditsii i sovremennost'* [Tuvans of Mongolia: Traditions and modernity]. In: *Uchenye zapiski Tuvinskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta iazyka, literatury i istorii* [Scientific Notes of the Tuvan Research Institute of Language, Literature and History]. Vol. XVIII. Series: Historical / ed. by Ch. M. Dorzhu. Kyzyl, Tuvan Publishing House. 200 p. Pp. 56–62. (In Russ.).

Mannai-ool, M. Kh. (1995b) *Darkhaty: nekotorye etnograficheskie dannye* [Darkhaty: Some ethnographic data]. In: *Uchenye zapiski Tuvinskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta iazyka, literatury i istorii* [Scientific Notes of the Tuvan Research Institute of Language, Literature and History]. Vol. XVIII. Series: Historical / ed. by Ch. M. Dorzhu. Kyzyl, Tuvan Publishing House. 200 p. Pp. 62–67. (In Russ.).

Mannai-ool, M. Kh. (2004) *Tuvintsy: Proiskhozhdenie tuvinskogo naroda* [The Tuvans: Origins of the Tuvan people]. Novosibirsk, Nauka. 164 p. (In Russ.).

Mongush, D. A. (1983) *O iazyke tuvintsev Severo-Zapadnoi Mongolii* [About the language of the Tuvans of Northwestern Mongolia]. In: *Voprosy tuvinskoi filologii* [Issues of Tuvan Philology] / ed. by D. A. Mongush. Kyzyl, Tipografiia Goskomizdata Tuvinskoi ASSR. 160 p. Pp. 127–145. (In Russ.).

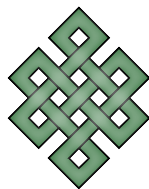
Mongush, M. V. (1995) *Tuvintsy v Kitae: problemy istorii, iazyka i kul'tury* [Tuvans in China: Problems of history, language and culture]. In: *Uchenye zapiski Tuvinskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta iazyka, literatury i istorii* [Scientific Notes of the Tuvan Research Institute of Language, Literature and History]. Vol. XVIII. Series: Historical / ed. by Ch. M. Dorzhu. Kyzyl, Tuvan Publishing House. 200 p. Pp. 30–56. (In Russ.).

Nanzatov, B. Z. (2014) *Tunguskii i samodiiskii plasty v etnogeneze mongol'skikh narodov* [Tungus and Samoyedic strata in the ethnogenesis of the Mongolian peoples]. In: *Sibirskii sbornik — 4. Grani sotsial'nogo: Antropologicheskie perspektivy issledovaniia sotsial'nykh otnoshenii i kul'tury* [Siberian collection — 4. Facets of the social: Anthropological perspectives in the study of social relations and culture]. In memory of the Russian ethnographer and Tungusologist Nadezhda Vsevolodovna Ermolova / ed. by V. N. Davydov and D. V. Arziutov. St. Petersburg, Museum of Anthropology and Ethnography of the RAS. 726 p. Pp. 552–561. (In Russ.).

Nanzatov, B. Z. (2017a) *Idinskie buriaty v XIX veke: etnicheskii sostav i rasselenie* [Ida Buryats in the 19th century: Ethnic composition and settlement]. *Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series*, vol. 20, pp. 136–156. (In Russ.).

Nanzatov, B. Z. (2017b) *Obogoni olon i buriatsko-iakutskie sviazi (na primere eponima Obogon/Omogoi)* [Obogoni olon and Buryat-Yakut relations (by the example of the eponym Obogon)]. In: *Aktual'nye voprosy arkheologii i etnologii Tsentral'noi Azii* [Actual issues of archaeology and ethnology of Central Asia] : Proceedings of the 2nd International scientific conference (Ulan-Ude, 4–6 December, 2017) / ed. by B. V. Bazarov. Ulan-Ude, Publishing House of the Buryat Science Center, Siberian Branch of the RAS. 504 p. Pp. 298–302. (In Russ.).

Nanzatov, B. Z. (2018) *Irkutskie buriaty v XIX veke: etnicheskii sostav i rasselenie* [Irkutsk Buryats in the 19th century: Ethnic composition and settlement]. Ulan-Ude, Publishing House of the Buryat Science Center, Siberian Branch of the RAS. 224 p. DOI: <https://doi.org/10.31554/978-5-7925-0546-9-2018-4-222>

Nanzatov, B. Z. and Sodnompilova, M. M. (2013) Alarskaia stepnaia duma (etnicheskii sostav i rasselenie alarskikh buriat v XIX v.) [The Alar Steppe Duma (Ethnic composition and settlement of the Alar Buryats in the 19th century)]. *Vestnik Buriatskogo nauchnogo tsentra SO RAN*, no. 2 (10), pp. 47–57. (In Russ.).

Nanzatov, B. Z. and Sodnompilova, M. M. (2017) Tunkinskie buriaty v XIX v.: etnicheskii sostav i rasselenie [Tunka Buryats in the 19th century: Ethnic composition and settlement]. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, no. 3 (38), pp. 131–142. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2017-38-3-131-142>

Nanzatov, B. Z. and Sodnompilova, M. M. (2020) Olovskie khamnigany v XIX v.: etnicheskii sostav i rasselenie [Olov Khamnigans in the 19th century: Ethnic composition and allocation]. *Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series*, vol. 31, pp. 17–30. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2020.31.17>

Nanzatov, B. Z. and Sundueva, E. V. (2014) Rannesrednevekovye (drevneuigurskie) etnicheskie sviazi Pribaikal'ia s Tsentral'noi Aziei (na primere gruppy bulagatskikh plemen «Obogoni olon») [Early middle-ages (Old Uighur) ethnic connections of Baikal region with Central Asia (by the example of Bulagat tribe group “Obogoni olon”)]. *Vestnik Buriatskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 10–1, pp. 17–20. (In Russ.).

Nanzatov, B. Z. and Tishin, V. V. (2020a) K buriatsko-iakutskim etnicheskim sviaziam: igidei i ekhrid [Toward Buryat-Yakut ethnic connections: *Īgidāi and Ekhrid*]. *Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series*, vol. 32, pp. 26–36. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2020.32.26>

Nanzatov, B. Z. and Tishin, V. V. (2020b) K buriatsko-iakutskim etnicheskim sviaziam: kogosuk, khakhshyk, khakhshuud/khagshuud [On the ethnic ties between Buryats and Yakuts: *kogosuk, χαχσιq, χαχšūd/χαg, šūd*]. *Vestnik Buriatskogo nauchnogo tsentra SO RAN*, no. 3 (39), pp. 26–32. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.31554/2222-9175-2020-39-26-32>

Nanzatov, B. Z. and Tishin, V. V. (2021) K buriatsko-iakutskim etnicheskim sviaziam: ataiyai [On Buryat-Yakut ethnic relations: Ataiyai]. *Vestnik Buriatskogo nauchnogo tsentra SO RAN*, no. 2 (42). (Forthcoming).

Natsagdorz, B. (2016) Khotogoidyn üüsel, büreldkhüünii tukhai [On the origin and composition of Hotogoyts]. In: *Acta Historica Mongolica*. Vol. XVII. Ulaanbaatar, Soemboprinting. 296 kh. Kh. 116–137. (In Mong.).

Natsagdorz, B. (2017) Mergen gün Gombozhavyn övög deedes bolon tednii albat uls khar'iaat nutgiin tukhai ögüülekh n' [On the ancestors of Mergen gun Gombojab and the territory of his subjects' settlement]. In: *Mergen Gombozhav: am'dral, öv*. [Mergen Gombojab: Life, heritage]. Ulaanbaatar, Admon. 260 p. Pp. 30–66. (In Mong.).

Niambuu, Kh. (1992) *Mongolyn ugsaatny züi. Udirtgal: ugsaatny büreldkhüünii, garval züi = Mongol'skaia etnografiia. Vvedenie: etnicheskii sostav i etnogenez mongolov [Mongolian ethnography. Introduction: ethnic composition and ethnogenesis of the Mongols]*. Ulaanbaatar, Surakh bichig khüükhdiin nomyn khevleliin gazar. 198 p. (In Mong.).

Okladnikov, A. P. (1937) *Ocherki iz istorii zapadnykh buriat-mongolov (XVII–XVIII vv.) [Essays from the history of the Western Buryats-Mongols (17th–18th centuries)]*. Leningrad, OGIZ. 481 p. (In Russ.).

Orlovskaiia, M. N. (1962) Imia sushchestvitel'noe [The noun]. In: *Grammatika buriatskogo iazyka [Grammar of the Buryat language]* / ed. by G. D. Sanzheev. Moscow, Publishing House of Oriental Literature. 316 p. Pp. 49–95. (In Russ.).

Pavlinkaia, L. R. (2002) *Kochevniki golubnykh gor: (Sud'ba traditsionnoi kul'tury Vostochnykh Saian v kontekste vzaimodeistviia s sovremennost'iu) [Nomads of the Blue Mountains: (The fate of the traditional culture of the Eastern Sayans in the context of interaction with modernity)]*. St. Petersburg, Evropeiskii dom. 263 p. (In Russ.).

Parshin, V. (1844) Nerchinskii tungusy [Nerchinsk Tunguses]. *Zhurnal Ministerstva vnutrennikh del*, part 5, pp. 129–140. (In Russ.).

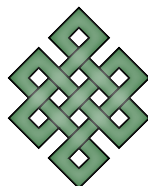
Patkanov, S. K. (1912) *Statisticheskie dannye, pokazyvaiushchie plemennoi sostav naseleniia Sibiri, iazyk i rody inorodtsev (na osnovanii dannykh spetsial'noi razrabotki materiala perepisi 1897 g.) [Statistical data showing the tribal composition of the population of Siberia, the language and clans of foreigners (Based on the data of a special analysis of the records of the census of 1897)]*: in 3 vols. St. Petersburg, Tip. «Sh. Bussel'». Vol. III: Irkutskaiia gub., Zabaikal'skaia, Amurskaia, Iakutskaiia, Primorskaiia obl. i o. Sakhalin [Irkutsk Province, Zabaykalskaya, Amurskaya, Yakutskaya, and Primorskaya Oblasts, and Sakhalin Island]. 1002 p. Pp. 430–1002. (In Russ.).

Pis'ma N. F. Katanova iz Sibiri i Vostochnogo Turkestana [Letters of N. F. Katanov from Siberia and East Turkestan] (1893) / Prilozhenie k LXXXIII-mu tomu Zapisok imperatorskoi akademii nauk [Supplement to the 73rd volume of the Notes of the Imperial Academy of Sciences], no. 8. St. Petersburg, Printing House of the Imperial Academy of Sciences. 114 p. (In Russ.).

Poppe, N. N. (1938) *Grammatika buriat-mongol'skogo iazyka [Grammar of the Buryat-Mongolian language]*. Moscow; Leningrad, Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR. 268 p. (In Russ.).

Potanin, G. N. (1881) *Ocherki Severo-zapadnoi Mongolii: Rezul'taty puteshestviia, ispolnennogo v 1876–1877 g. po porucheniiyu Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva chlenov sotrudnikom onogo G. N. Potaninym [Sketches of Northwestern Mongolia: Summarizing the results of the 1876–1877 trip commissioned by the Imperial Russian Geographical Society and undertaken by its employed associate G. N. Potanin]*. Issue IV: Materialy etnograficheskie [Ethnographic materials]. St. Petersburg, Tipografiia V. Kirshbauma. [18], 1026 p., 26 plates of ill. (In Russ.).

Potapov, L. P. (1947) Etnicheskkii sostav sagaitsev [The ethnic composition of the Sagay people]. *Sovetskaia etnografiia*, no. 3, pp. 103–127. (In Russ.).

Potapov, L. P. (1966) Ocherki etnografii tuvintsev basseina levoberezh'ia Khemchika [Essays on the ethnography of the Tuvans of the left-bank basin of the Khemchik River]. In: *Trudy tuvinskoi kompleksnoi arkhologo-etnograficheskoi ekspeditsii [Proceedings of the Tuvan complex archaeological and ethnographic expedition]*. Vol. II. / ed. by L. P. Potapov. Moscow, Nauka. 364 p. Pp. 13–55. (In Russ.).

Potapov, L. P. (1969) *Etnicheskiei sostav i proiskhozhdenie altaitsev. Istoriko-etnograficheskii ocherk [The ethnic composition and origin of the Altaians. A historical and ethnographic essay]*. Leningrad, Nauka. 196 p. (In Russ.).

Prokofieva, E. D. (1955) Nekotorye etnograficheskie dannye o tuvintsakh zapadnykh raionov Tuvinskoi avtonomnoi oblasti [Some ethnographical data about Tuvans in western regions of Tuva]. In: *Kratkie soobshcheniia Instituta etnografii AN SSSR [Short reports of Institute of Ethnography of the Academy of Sciences of the USSR]*. Vol. 23. Pp. 3–18. (In Russ.).

Radlov, V. V. (1989) *Iz Sibiri : stranitsy dnevnika [From Siberia: Pages from a diary]* / transl. from Germ. by K. D. Tsvina and B. E. Chistova ; notes and afterword by S. I. Vainshtein. Moscow, Nauka. 749 p. (In Russ.).

Rassadin, V. I. (1982) *Ocherki po istoricheskoi fonetike buriatskogo iazyka [Essays on the historical phonetics of the Buryat language]*. Moscow, Nauka. 156 p. (In Russ.).

Rassadin, V. I. (2012) *Yazyk soiotov Buriatii [The language of the Soyots of Buryatia]*. Elista, Kalmyk University Publ. 244 p. (In Russ.).

Rassadin, I. V. (2016) Rodoplemennoi sostav i etnicheskaia istoriia soiotov [Clan and tribal composition and ethnic history of Soyots]. *Vestnik Buriatskogo nauchnogo tsentra SO RAN*, no. 2 (22), pp. 99–104. (In Russ.).

Rashid al-Din. (1952) *Sbornik letopisei [Collection of chronicles]* : in 3 vols. / transl. by L. A. Khetagurov ; ed. and notes by A. A. Semenov. Moscow ; Leningrad, Academy of Sciences of the USSR. Vol. 1. Book 1. 221 p. (In Russ.).

Rinchen, B. (1979) *Mongol ard ulsyn ugsaatny sudlal khelnii shinzhleliin atlas = Etnolingvisticheskii atlas MNR = Atlas ethnologique et linguistique de la Republique populaire de Mongolie*. Ulaanbaatar, AN MNR. 244 p. (In Mong., Russ. and Fr.).

Rumiantsev, G. N. (1949) Barguzinskie buriaty [Barguzinsky Buryats]. In: *Trudy Kiakhtinskogo kraevedcheskogo muzeia imeni akademika V. A. Obrucheva i Kiakhtinskogo otdeleniia Vsesoiuznogo Geograficheskogo obshchestva [Proceedings of the Kyakhtinsky Museum of Local Lore named after academician V. A. Obruchev and the Kyakhtinsky Branch of the All-Union Geographical Society]* / editorial board: R. F. Tugutov, A. N. Orlova and A. I. Leontiev. Ulan-Ude, Burmorigiz. 140 p. Pp. 34–62. (In Russ.).

Rumiantsev, G. N. (1965) Selenginskie buriaty [Selenginsky Buryats]. In: *Materialy po istorii i filologii Tsentral'noi Azii [Materials on the history and philology of Central Asia]*. Issue 2 / Proceedings of the Buryat Integrated Research Institute of the Siberian Branch, Academy of Sciences of the USSR. Issue 16 / ed. by G. N. Rumiantsev. Ulan-Ude, Buryat Book Publishing House. 256 p. Pp. 87–117. (In Russ.).

Rumiantsev, G. N. (1969) Idinskie buriaty (rodoplemennoi sostav) [Ida Buryats (tribal composition)]. In: *Etnograficheskii sbornik [Ethnographic collection]*. Vol. 5 / ed. by E. M. Zalkind. Ulan-Ude, Publishing House of the Buryat Department, Siberian Branch, Academy of Sciences of the USSR. 256 p. Pp. 76–104. (In Russ.).

Sanzheev, G. D. (1930) *Darkhaty: Etnograficheskii otchet o poezdke v Mongoliiu v 1927 godu [Darkhats: An ethnographic report on a trip to Mongolia in 1927]*. Leningrad, Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR. 64 p. (In Russ.).

Sanzheev, G. D., Orlovskaya, M. N. and Shevermina, Z. V. (2016) *Etimologicheskii slovar' mongol'skikh iazykov [Etymological dictionary of Mongolian languages]* : in 3 vols. Moscow, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. Vol. II: G–P. 232 p. (In Russ.).

Sevortian, E. V. (1974) *Etimologicheskii slovar': obshcheturkiskie i mezhturkiskie osnovy na glasnnye [An etymological dictionary: Common Turkic and inter-Turkic vowel bases]*. Moscow, Nauka. 768 p. (In Russ.).

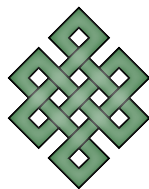
Serdobov, N. A. (1970) Sovremennoe rasselenie nositelei tuvinskikh etnonimov [Contemporary settlements of bearers of Tuvan ethnonyms]. In: *Uchenye zapiski Tuvinskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta iazyka, literatury i istorii [Scientific Notes of the Tuvan Research Institute of Language, Literature and History]*. Vol. XIV / ed. by Yu. L. Aranchyn. Kyzyl, Tuvan Book Publisher. 304 p. Pp. 66–107. (In Russ.).

Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tiurkskikh iazykov. Regional'nye rekonstruktsii [Comparative and historical grammar of the Turkic languages. Regional reconstructions] (2002) / ed. by E. R. Tenishev. Moscow, Nauka. 767 p. (In Russ.).

Sultanov, T. I. (1982) *Kochevye plemena Priaral'ia v XV–XVII vv. (Voprosy etnogeneza i sotsial'noi istorii) [Nomadic tribes of the Aral Sea region in the 15th–17th centuries (Issues of ethnogenesis and social history)]*. Moscow, Nauka. 133 p. (In Russ.).

Tatarintsev, B. I. (1988) Etnonim Irgit (opyt istoriko-etimologicheskoi interpretatsii) [Etnonim Irgit (An attempt of historical and etymological interpretation)]. In: *Istoriko-kul'turnye svyazi narodov Iuzhnoi Sibiri [Historical and cultural relations of the peoples of Southern Siberia]* / ed. by Ya. I. Sunchugashev. Abakan, Khakass Research Institute of Language, Literature and History. 224 p. Pp. 79–85. (In Russ.).

Tatarintsev, B. I. (1990) Proiskhozhdenie etnonima *Topa ~ Tuba ~ Tyva* i nekotorykh drugikh skhodnykh s nim naimenovanii [The origin of the ethnonym *Topa ~ Tuba ~ Tyva* and some other similar names]. *Sovetskaia tiurkologiya*, no. 2, pp. 75–83. (In Russ.).

Tatarintsev, B. I. (1995) Dva tuvinskikh etnonima (*Adai, Chag-Tyva*) [Two Tuvan ethnonyms (*Adai, Chag-Tyva*)]. In: *Uchenye zapiski Tuvinskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta iazyka, literatury i istorii* [Scientific Notes of the Tuvan Research Institute of Language, Literature and History]. Issue XVIII. Series: Historical / ed. by Ch. M. Dorzhu. Kyzyl, Tuvan Book Publisher. 200 p. Pp. 102–116. (In Russ.).

Tenishev, E. R. (1962) Etnicheskii i rodoplemennoi sostav narodnosti iugiu [Ethnic and tribal composition of the Yugu people]. *Sovetskaia etnografiia*, no. 1, pp. 59–66. (In Russ.).

Tynyshpaev, M. (1925) *Materialy k istorii kirgiz-kazakhskogo naroda* [Materials for the history of the Kirghiz and Kazakh people]. Tashkent, Eastern Department of the Kyrgyz State Publishing House. 88 p. (In Russ.).

Khadakhne, K. A. (1927) Predaniia o buriatskikh rodakh v Bokhanskom aimake [Legends about the Buryat families in the Bokhansky aimag]. *Buriatievedenie*, no. 3/4, pp. 85–88. (In Russ.).

Khangelov, M. N. (1960) *Sobranie sochinenii* [Collected works] : in 3 vols. Ulan-Ude, Buryat Book Publishing House. Vol. III. 420 p. (In Russ.).

Khovalyg, U. T. (2009) Tokuz-oguzskaia problema v istorii izucheniia drevnikh uigurov Tsentral'noi Azii [Tokuz-Oguz issue in the history of the study of the ancient Uyghurs of Central Asia]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorii, filologiya*, vol. 8, no. 5. Arkheologiya i etnografiia [Archaeology and ethnography], pp. 21–27. (In Russ.).

Tsydendambaev, Ts. B. (1972) *Buriatskie istoricheskie khroniki i rodoslovnye. Istoriko-lingvisticheskoe issledovanie* [Buryat historical chronicles and genealogies. A historical and linguistic research]. Ulan-Ude, Buryat Book Publishing House. 664 p. (In Russ.).

Chuluun, S. (2006) *Khotogoidyn tüükh* [History of Hotogoyts]. Ulaanbaatar, MUIS. 162 p. (In Mong.).

Ergis, G. U. (1960a) *Istoricheskie predaniia i rassказы iakutov* [Historical legends and stories of the Yakuts] : in 2 parts. Moscow ; Leningrad, Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR. Part 1. 322 p. (In Russ.).

Ergis, G. U. *Istoricheskie predaniia i rassказы iakutov* [Historical legends and stories of the Yakuts] : in 2 parts. Moscow ; Leningrad, Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR. Part 2. 360 p. (In Russ.).

Yusha, Zh. M. (2017) Tuvinty Kitaia v XXI veke: vekhi istorii i sovremennoe sostoianie [Tuvans in 21st century China: History and contemporary situation]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 101–118. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2017.1.7>

Castren, M. A. (1856) *Reiseberichte und Briefe. Als den Jahren 1815–1849*. St. Petersburg, Buchdruckerei der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. 527 S. (In Germ.).

Clauson, G. (1972) *An etymological dictionary of pre-13th-century Turkish*. Oxford, Oxford University Press. xviii, 989 p.

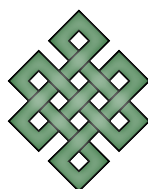
Kempf, B. (2006) On the origin of two Mongolic gender suffixes. *Ural-Altische Jahrbücher*. Neue Folge. Band 20, S. 199-207.

Poppe, N. (1954) *Grammar of written Mongolian*. Wiesbaden, Otto Harrassowitz. 195 p.

Radloff, W. (1893) *Aus Sibirien. Lose Blätter aus dem Tagebuche reisenden Linguisten. Erster band mit Farbigem Titelbinde und 15 Illustrationstafeln. Zweite augsgabe*. Leipzig : T. O. Weigel Nachfolger. 536 S. (In Germ.).

Rassadin, V. I. (2010) *Soyotica* / ed. by B. Kempf / *Studia Uralo-Altaica* 48. Szeged, FV Team Nyoma. 229 p.

Submission date: 12.03.2021.

DOI: 10.25178/nit.2021.2.16

Статья

Психолингвистические параметры русских слов и их визуальных коррелятов в языковом сознании тувинско-русских билингов: опыт экспериментального исследования

Анастасия В. Колмогорова

Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

В статье представлены результаты экспериментального исследования субъективных психолингвистических параметров (ПП) русских слов и их визуальных коррелятов в языковом сознании тувинцев-билингвов. Исследование вносит определенный вклад в теорию языковых контактов, би- и транслингвизма, описывая различия когнитивных процессов у монолингвов и билингвов. Получены факты, свидетельствующие об адаптивной природе естественного билингвизма. Показано, что в силу тесного взаимодействия тувинской и русской культур в ситуации двуязычия, слова русского языка в языковом сознании билингвов имеют иные системные связи, нежели у монолингвов.

Одним из способов увидеть эту специфику является экспериментальное исследование. Для его проведения были использованы две серии словесных стимулов и рисунков к ним: 1) список русских существительных, включавший в себя наиболее употребительные слова (е. г. окно, машина, стол), 2) русскоязычные корреляты культурно-значимых слов тувинского языка (е. г. конь, юрта). Для сравнения привлекались данные о ПП существительных серии 1, полученные исследовательской группой Центра языка и мозга НИУ «Высшая школа экономики» на выборке из 100 неврологически здоровых русскоязычных монолингвов.

В ходе эксперимента с популяцией из 60 тувинско-русских билингвов без речевых патологий (средний возраст 21,3 года) впервые получены значения ПП «возраст усвоения», «представимость» для 131 русского существительного и значения ПП «сходство образа с рисунком», «субъективная сложность рисунка» — для визуальных коррелятов данных слов.

Получены данные, свидетельствующие о статистической значимости расхождений между значениями всех исследованных параметров вербальных и визуальных стимулов серии 1 в двух группах информантов. При сопоставительном анализе ПП стимулов серии 1 и серии 2 у билингвов обнаружено, что слова, имеющие значимость для тувинской культуры, усваиваются ими в целом позже, чем конкретные существительные серии 1, представляются хуже, а соответствующие рисунки оцениваются как «менее похожие» и более сложные. Полученные наблюдения будут использованы для подготовки речевых упражнений, а также альбомов для нейропсихологической диагностики и проведения курсов речевой терапии тувинско-русских билингвов.

Ключевые слова: тувинский язык; тувинско-русский билингвизм; тувинцы; билингвизм; психолингвистический параметр слова; билингвальное языковое сознание; лингвистический эксперимент; тувинская культура

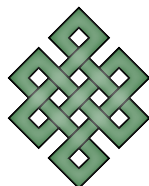
Для цитирования:

Колмогорова А. В. Психолингвистические параметры русских слов и их визуальных коррелятов в языковом сознании тувинско-русских билингвов: опыт экспериментального исследования // Новые исследования Тувы. 2021, № 2. С. 197-210. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.2.16>

Колмогорова Анастасия Владимировна — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой романских языков и прикладной лингвистики Сибирского федерального университета. Адрес: 660041 Россия, г. Красноярск, пр. Свободный, д. 82а, ауд. 333б. Тел.: +7 (391) 206-57-10. Эл. адрес: nastiakol@mail.ru

KOLMOGOROVA, Anastasia Vladimirovna, Doctor of Philology, Professor and Head, Department of Romance Languages and Applied Linguistics, Siberian Federal University. Postal address: Room 333b, 82a Svobodny Avenue, 660041, Krasnoyarsk, Russia. Tel.: +7 (391) 206-57-10. E-mail: nastiakol@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-6425-2050

Psycholinguistic properties of the Russian words and their visual correlates in the linguistic conscience of Tuvan-Russian bilinguals: an experiment-based study

Anastasia V. Kolmogorova

Siberian Federal University, Russian Federation

The article summarizes the outcomes of a study of psycholinguistic properties of the Russian words and their visual correlates in linguistic conscience of Tuvan-Russian bilinguals. By describing the different courses that cognitive processes take in monolinguals and bilinguals, the study provides some material for consideration by the theory of language contacts, as well as bi- and translanguaging. The materials suggest that natural bilingualism is adaptive in its nature. The article shows that due to close contacts between the two cultures under Tuvan-Russian bilingualism, Russian words have a different set of systemic relations in bilingual's mental lexicon, as compared to Russian monolinguals.

One of the ways to trace this difference is through an experiment-based study. In our experiment, we used two sets of words and corresponding pictures: 1) list of common Russian nouns naming objects (e.g. "window", "car" or "table") and 2) nouns evoking phenomena and objects, which are of particular importance for the Tuvans (e.g. "horse", "yurt"). As reference corpus, we took the results previously obtained by the research group of the Center of Language and Brain (High School of Economics) on the population of 100 neurologically healthy Russian monolinguals. Our population of informants consisted of 60 Tuvan-Russian bilinguals without any speech pathology (average age =21, 3). By the end of the experiment, we obtained the values of such psycholinguistic properties as "age of acquisition", "imageability" for 131 Russian words and "image agreement", "image complexity" — for their visual correlates.

Using methods of linguistic experiment, comparative analysis showed that the variation between the values of all four properties for verbal and visual stimuli in the two groups of informants is statistically significant. However, while comparing the properties' values of stimuli from the first set and from the second in bilinguals, we discovered that they master culturally-loaded nouns later than those of set 1, assess them as less imageable and perceive the illustrating pictures as more complex and less similar to their mental image. The evidence obtained evidences will help us in further work on developing speech exercises and albums for neuropsychological diagnostics and speech therapy of Tuvan-Russian bilinguals with aphasia.

Keywords: Tuvan language; Tuvan-Russian bilingualism; psycholinguistic properties of a word; bilingual language conscience; linguistic experiment; Tuvan culture

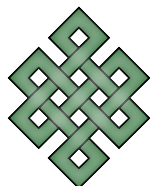
For citation:

Kolmogorova A. V. Psikholingvicheskie parametry russkikh slov i ikh vizual'nykh korreliatov v iazykovom soznanii tuvinsko-russkikh bilingvov: opyt eksperimental'nogo issledovaniia [Psycholinguistic properties of the Russian words and their visual correlates in the linguistic conscience of Tuvan-Russian bilinguals: an experiment-based study]. *New Research of Tuva*, 2021, no. 2, pp. 197-210 (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.2.16>

Введение

В центре внимания работы — проблема, которая находится в междисциплинарном поле психолингвистики и нейролингвистики, и в которой выявляются место и связи слов русского языка в билингвальном ментальном лексиконе тувинцев.

Подобная работа является частью совместного проекта лаборатории прикладной лингвистики и когнитивных исследований Сибирского федерального университета и отделения восстановления высших психических функций Федерального Сибирского научно-клинического центра Федерального медико-биологического агентства (далее — ФГБУ ФСНКЦ ФМБА России). Проект направлен на изучение специфики речевой и когнитивной деятельности пациентов с афазией. Последняя определяется как «системное нарушение речи, которое возникает при органических поражениях мозга, охватывает разные уровни организации речи, влияет на ее связи с другими психическими процессами и приводит к дезинтеграции всей психической сферы человека, нарушая прежде всего коммуникативную функцию речи» (Цветкова, 1988: 15). На основании наблюдений и экспериментальной работы лингвистов с пациентами ФГБУ ФСНКЦ ФМБА России, имеющими диагноз «афазия», и соответствующими целевыми группами носителей языка без речевых патологий, вносятся коррективы в содержательное

наполнение программ речевой терапии: производится отбор слов и рисунков, способных максимально эффективно стимулировать импрессивную и экспрессивную речь пациентов.

Одна из таких целевых групп — тувинцы, владеющие тувинским и русским языками, т. е. билингвы.

Билингвальное языковое сознание все чаще привлекает внимание исследователей. Как отмечает Вяч. Вс. Иванов, «раннее усвоение двух или более языков может наложить печать на все последующее развитие ребенка и взрослого» (Иванов, 2004: 124). В экспериментальных работах приводятся доводы в пользу гипотезы о существовании значимых различий в строении и функционировании мозга у билингвов по сравнению с монолингвами. Например, установлено, что у билингвов мозг содержит больше белого и серого вещества, чем у монолингвов (Mechelli et al., 2004; García-Pentón et al., 2014); у них более сильная, чем у монолингвов, нейронная связь между «контролирующими» и «языковыми» зонами мозга (Bialystok, 2009), что способствует большей успешности билингвов при решении когнитивных задач, связанных с переключением внимания, переходом от одних видов деятельности или моторных программ к другим (Kałamała et al., 2018).

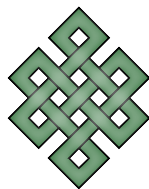
Результаты подобных исследований косвенно указывают на необходимость учета специфики системной организации лексикона билингвов при организации речевой терапии. Одной из задач последней является оживление словаря, восстановление способности пациента к актуализации в ментальном лексиконе языковых единиц, соответствующих наблюдаемому референту (функции называния, лексической селекции), и наоборот — установления связи между формой слова и фрагментом действительности, который оно обозначает (узнавание слова). Легкость / сложность такого когнитивного доступа к слову в норме или при патологии речи зависит от ряда взаимосвязанных факторов, которые принято называть психолингвистическими параметрами слова. Например, для монолингвов установленным является факт того, что чем раньше слово было усвоено в детстве (параметр «возраст усвоения»), тем больше вероятность того, что доступ к нему будет проще, чем к другим словам (Morrison, Ellis, Quinlan, 1992). Кроме того, для русских монолингвов уже существуют валидированные в экспериментальной работе с большими популяциями носителей языка библиотеки вербальных стимулов на русском языке (слов) и их визуальных коррелятов (соответствующих изображений).

Однако, исследователи пока не имеют достаточной информации о роли и специфике психолингвистических параметров слов в билингвальном языковом сознании. В частности, не изученными остаются параметры русских слов в языковом сознании тувинцев-билингвов. Таким образом, актуальность исследования обусловлена тем, что в нем предпринимается попытка восполнить данную лакуну.

Полученные нами результаты по четырем субъективным психолингвистическим параметрам впервые вводятся в практику исследований в области тувинско-русского билингвизма и сопоставляются со значениями параметров этих же слов в языковом сознании русских монолингвов, что составляет новизну работы.

Цель статьи — выявить и описать специфику психолингвистических параметров 131 слова на русском языке и соответствующих им рисунков по результатам исследований языкового сознания тувинско-русских билингвов без речевых патологий в сравнении с данными, полученными ранее от русских монолингвов. Психолингвистические параметры слов и визуальных стимулов измерялись в экспериментах со здоровыми носителями языка, поскольку провести аналогичную работу с пациентами, проходящими речевую реабилитацию, невозможно по объективным причинам. Однако в исследовательской практике установлено, что, зная значения параметров у здоровых носителей, можно спрогнозировать их восприятие пациентами с речевыми патологиями, что дает возможность организовать терапию наиболее эффективным способом.

Источниковую базу исследования составили: 1) научная литература по проблемам билингвизма, афазиологии и экспериментальной психолингвистике; 2) результаты экспериментальной работы по измерению значений психолингвистических параметров русских слов, полученные исследовательской группой Центра языка и мозга НИУ "Высшая школа экономики" при работе со 100 неврологически здоровыми русскими монолингвами (Akinina et al., 2015); 3) результаты экспериментальной работы с 60 информантами от 18 до 48 лет, преимущественно жителями г. Кызыла, студентами очного и заочного отделений гуманитарных специальностей Тувинского государственного университета (средний возраст — 21,5 лет, гендерный состав: 51 женщина, 9 мужчин), проведенной исследовательской группой лаборатории прикладной лингвистики и когнитивных исследований Сибирского федерального

университета под руководством автора данной статьи. Все информанты подтвердили добровольное согласие на участие в эксперименте и дальнейшую анонимизированную публикацию его результатов. Эксперимент с билингвами проводился как в режиме непосредственного контакта с информантами (беседа), так и посредством использования онлайн-платформы.

В соответствии с целью дальнейшее изложение будет построено согласно следующей логике: будет дана краткая характеристика языковой ситуации в Республике Тыва; затем мы представим аналитический обзор исследований архитектуры и функционирования мозга у билингвов по данным афазиологии; дадим краткую характеристику четырех рассматриваемых психолингвистических параметров, опишем дизайн эксперимента и методы обработки полученных данных; также обсудим результаты и остановимся на дискуссионных моментах, а в заключении — подведем основные итоги и наметим перспективы дальнейшего исследования.

Языковая ситуация в Республике Тыва: общие замечания

Становление тувинско-русского билингвизма как социального феномена начинается с момента вхождения Тувы в состав Советского Союза на правах автономной области в 1944 г. За последние несколько десятилетий статус русского языка в республике неоднократно менялся: по Конституции 1996 г. русский язык являлся общефедеральным и государственным, согласно Конституции 2001 г. — государственным, в Законе о языках Республики Тыва (2003 г.) зафиксирован его статус как государственного языка и языка межнационального общения (Катунин, 2009).

В силу ряда объективных факторов в постперестроечный период на территории Тувы наблюдалось «снижение функций русского языка и сужение круга владеющих им» (Анайбан, 2011: 20), что, в общем, позволяет говорить о несбалансированной языковой ситуации, при которой уровень владения русским языком достаточно высок в городских поселениях, например, у учащейся молодежи, и может быть минимальным в сельских районах. С другой стороны, сегодня исследователи отмечают, что, поскольку с 2018 г. тувинский язык практически перестал быть языком обучения в системе образования Тувы, он не выдерживает конкуренции с русским языком как доминирующим во многих сферах общения (Арефьев, Бахтикиреева, Синячкин, 2021: 167).

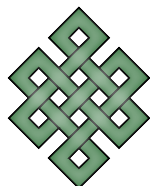
Что касается наших информантов, то следует констатировать, все они на вопрос о родном языке ответили, что это — тувинский язык. При этом 70% опрошенных общаются на тувинском дома, только 6% — на работе или учебе. На русском же языке дома разговаривают 9%, на работе или учебе — 62%; 12% используют оба языка дома, а 32% — на работе или учебе. На вопрос о трудностях в использовании русского языка 56% опрошенных ответили, что не имеют таковых, 36% — сталкиваются с ними иногда и 8% признались в их наличии.

Таким образом даже на нашей выборке заметны признаки неравновесности языковой ситуации, о которой уже писали исследователи: у каждого языка есть своя приоритетная функция: тувинский — язык домашнего общения, усваиваемый «стихийно в общении с родными» (Серээдар, 2018: 13), русский — язык социализации. Значительную долю коммуникативного пространства составляет смешанное билингвальное общение.

Этот предварительный вывод подтверждают и субъективные мнения информантов, которым перед проведением эксперимента было предложено написать сочинение «Моя языковая биография». Нижеприведенный отрывок представляет собой субъективную оценку одним из наших информантов функции и роли языков в его жизни:

«Что касается меня, то я считаю, что у меня два родных языка: русский и тувинский. С рождения я выросла в среде, где свободно общаются и на русском и на тувинском языках. Поэтому без труда могу общаться, читать, излагать свои мысли на двух языках. Что касается общения в определенных ситуациях, то русский язык является основным языком коммуникации в моей жизни. Но тувинский язык не менее важен, так как в семье и с друзьями я общаюсь на тувинском языке» (студентка, 18 лет).

Обозначенная характеристика языковой ситуации в республике позволяет предположить, что такие ее признаки, как несбалансированность и неравновесность могут оставить «нейронный след» в когнитивной системе билингвов, в частности под воздействием механизма языковой аттриции (Александрова, 2020).

Билингвизм и афазия

Афазия трактуется в нейролингвистике как потеря способности использовать должным образом средства языка в речи (Визель, 2002: 8), дезинтеграция разных звеньев речевой деятельности, обеспечивающих в норме функционирование сложившихся у зрелого носителя языка высокоавтоматизированных типовых моделей слушания — говорения и чтения — письма (Визель, 2009).

В случае индивида, владеющего двумя и более языками, спрогнозировать то, в какой степени процессы дезинтеграции коснутся того или иного языка достаточно трудно. Имеющаяся теоретическая литература противоречива. Тем не менее, авторы выделяют ряд переменных, способных сыграть решающую роль в речевом восстановлении после наступления дефекта (Черниговская, 2017; Goral, Lerman, 2020): возраст усвоения языка (первый по усвоению язык считается более резистентным), степень погруженности в языковую среду (большую эффективность в восстановлении показывает тот язык, в среде которого пациент проходит восстановительное обучение), уровень владения языком в преморбиде¹ (более оптимистичные прогнозы на восстановление имеет язык, которым пациент владел лучше до наступления дефекта); очаг поражения (существует гипотеза о том, что первый и второй языки по-разному латерализованы (см. напр.: Балонов, Деглин, Черниговская, 2004)); время, прошедшее с момента наступления дефекта до начала терапии (чем оно меньше, тем больше вероятность доступности обоих языков); организация самой речевой терапии (она может иметь коммуникативную направленность, быть фиксированной на восстановлении лексики или синтаксических паттернов).

Сочетание этих факторов может приводить к нескольким вариантам восстановления языков в процессе речевой терапии: параллельное, в соответствии с теми уровнями владения языками, которые были до диагноза; дифференциальное — один язык восстанавливается лучше, чем другой, хотя до наступления дефекта уровень этого второго языка был выше; антагонистическое — до начала терапии оба языка доступны, но из-за того, что терапевтическая работа ведется только на одном из них, второй исчезает; альтернативное — во время речевой терапии уровень доступности языков периодически меняется; смешанное — происходит смешение элементов и структур двух языков; селективное — восстанавливается только один язык; последовательное — сначала восстанавливается один язык, а затем — другой (Lorenzen, Murray, 2008).

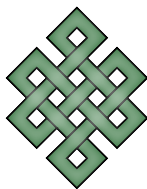
Сложность взаимодействия языков с компенсаторными механизмами, обусловленными нейропластичностью, детерминирует необходимость разработки программ восстановительного обучения для пациентов-билингвов на обоих языках. Пока на данный момент в большинстве нейрореабилитационных центров речевая терапия ведется на русском языке по тем же методическим материалам, которые используются при работе с русскими монолингвами. Однако очевидно, что для билингвов вербальные и визуальные стимулы, составляющие основу программы восстановления речи на втором языке, необходимо адаптировать. Исходя из того, что, согласно статистическим данным ФГБУ ФСНКЦ ФМБА России, число тувинско-русских билингвов, поступающих с диагнозом «афазия» в отделение восстановления высших психических функций, с 2017 по 2019 гг. увеличилось с 38 до 68 человек в год, подобная необходимость назрела. Увеличение числа пациентов данной целевой группы, по-видимому, отражает общую тенденцию в России к росту случаев данного заболевания, социально-экономическими причинами которого являются сидячая работа, низкое качество жизни и увеличение числа стрессогенных факторов, воздействующих на человека.

Психолингвистические параметры слов и дизайн экспериментальной работы

Первым этапом для разработки упражнений для восстановительного обучения является отбор стимульного материала — слов и изображений, способных инициировать акты называния, лексической селекции, узнавания слова. Критерием для отбора таких стимулов являются психолингвистические параметры слов и соответствующих им изображений.

Психолингвистический параметр (ПП) слова — характеристики словесного стимула, которые усугубляются путем измерений, проводимых в ходе когнитивных экспериментов (субъективных рейтингов, экспериментальных заданий) с носителями языка, которым слово предъявляется в устной или письменной форме (Paetzold, Specia, 2016).

¹Преморбид (от лат. *prae* — ‘вперед’, ‘перед’ и *morbus* — ‘болезнь’) — предболезнь, промежуточная стадия между здоровьем и болезнью.

Подобные субъективно устанавливаемые параметры влияют на успешность называния объектов/действий как у здоровых людей, так и у пациентов с афазией (Акинина, Драгой, 2013: 88), поэтому создаются библиотеки вербальных стимулов и их визуальных коррелятов, охарактеризованных по определенным параметрам. Так, например, в русскоязычных библиотеках стимулов «Глагол и действие» и «Существительное и объект» (Akinina et al., 2015; Акинина и др., 2014) представлены значения 7 субъективных ПП. Из них 2 субъективных параметра связаны с самим словом: представимость — по пятибалльной шкале информанту предлагается оценить, насколько легко / сложно можно представить себе то, что называется данным словом (1 — легко представить, 5 — сложно); возраст усвоения — информанту предлагается интроспективно оценить, в каком возрасте он выучил данное слово (1–3 года; 4–6; 7–9; 10–12; после 12 лет). Еще 5 параметров связаны с визуальным стимулом, способным актуализировать в ментальном лексиконе индивида данное слово. В нашей работе мы измеряли только 2 из них: сходство образа с рисунком — насколько рисунок отражает то, что представил себе информант, увидев слово; субъективная сложность рисунка — по количеству деталей, линий информанту предлагается оценить по шкале сложность самого изображения (1 — простой; 5 — сложный). Хотя исследователи в целом отмечают, что узнавание схематичных и реалистичных изображений представляют собой разные когнитивные процессы (Александрова, 2019), нами использовались достаточно схематичные черно-белые рисунки, поскольку мы частично опирались на экспериментальные данные, полученные другой группой, исследовавшей монолингвов и использовавшей именно такие изображения.

Стимульный материал, который мы отобрали для нашего эксперимента, состоял из следующих серий: серия 1 — 72 русских слова из библиотеки стимулов «Существительное и объект» (Akinina et al., 2015), т. е. каждое десятое слово, например, *солнце, варежки, аптека, фотоаппарат* и т. д.; серия 2 — 51 русскоязычное слово из списка культурно-значимых для тувинцев слов (например, *конь, мясо, охота* и др. (Цыбенкова, 2013)) и 8 слов, выделенных нами самостоятельно путем анализа этнографической литературы: *род, река, огонь, обряд, буддизм, оваа, хурээ, чалама*. Добавим, что в серию 2 мы намеренно включили 3 лексемы тувинского языка, поскольку хотели посмотреть, будут ли значительно отличаться ПП у культурно-значимых слов на русском языке и на тувинском.

Дальнейший эксперимент существенных отличий не выявил.

Для каждого слова была подобрана картинка: для серии 1 мы взяли визуальные стимулы из той же библиотеки стимулов, что и слова; для серии 2 — подобрали самостоятельно. Все изображения были обработаны в графическом редакторе так, чтобы они имели единый стиль (рис. 1). Разработанный опросник был размещен на платформе Simpoll¹ и включал в себя 3 блока: так называемую паспортную (пол, возраст, национальность), социолингвистический блок («Какой язык для вас родной?», «Когда овладели вторым языком?», «На каком языке общаетесь дома? на работе/учебе?», «Испытываете ли трудности при общении на неродном языке?»); по 4 вопроса к каждому слову в соответствии с четырьмя измеряемыми параметрами и еще одна колонка для комментариев.

Обязательным условием было прохождение опросника до конца, время прохождения не ограничивалось. Информанты отвечали на вопросы и выполняли задания онлайн. Перед прохождением опросника с информантами беседовал экспериментатор, настраивая на работу, объясняя задание и условия его выполнения.

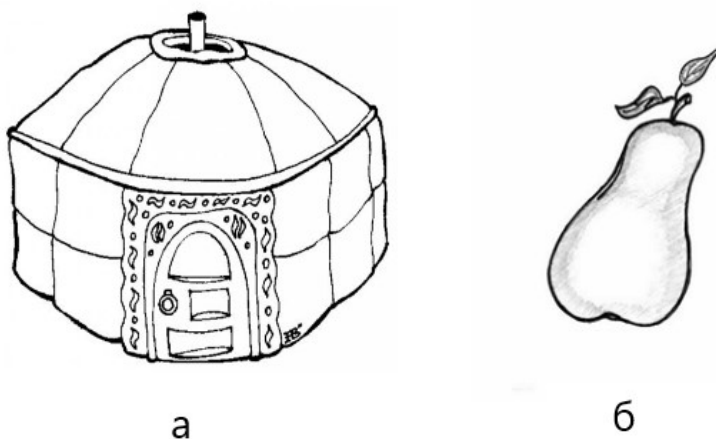
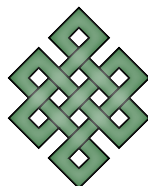

Рис. 1. Примеры визуальных коррелятов а) культурно-значимых слов из серии 2 — юрта; б) общеупотребительных слов из серии 1 — груша².

Fig. 1 Examples of visual correlates of а) culturally charged words from set 2 (yurt); б) common words from set 1 (pear).

¹ <https://simpoll.ru/run/survey/873739d9>

² Использовано с сайта <http://stim-database.ru/>, см. также: Акинина и др., 2014.

Нами было сформулировано 2 гипотезы, которые предполагалось проверить по результатам эксперимента, а именно:

— гипотеза 1: между значениями ПП русских слов из серии 1 и их визуальных коррелятов у русских монолингвов и тувинских билингвов будут наблюдаться статистически значимые отличия: у тувинцев значения параметров «возраст усвоения», «представимость», «субъективная сложность рисунка» будут выше, а «сходство образа с рисунком» — ниже;

— гипотеза 2: между значениями ПП слов из серии 1 и слов, обозначающих культурно-значимые для тувинцев реалии и явления из серии 2, а также между значениями ПП для их визуальных коррелятов, у информантов-тувинцев будут наблюдаться отличия: для серии 2 значения параметров «возраст усвоения», «представимость», «субъективная сложность рисунка» будут ниже (раньше усвоили, лучше представляют, несложно), для параметра «сходство образа с рисунком» — выше (больше похоже).

Результаты и обсуждение

Первый параметр, который мы рассмотрим, — это ПП «возраст усвоения».

В *таблице 1* представлены средние значения данного параметра для слов русского языка из библиотеки стимулов «Существительное и объект» (серия 1) по результатам экспериментов с русскими монолингвами и тувинско-русскими билингвами, а также средние значения того же параметра для серии русскоязычных слов, имеющих особую культурную значимость для тувинцев (серия 2). Последние даются без сравнения со значениями у русских монолингвов ввиду отсутствия соответствующих данных. Поскольку для слов серии 1 мы могли провести сравнение в двух выборках, то мы применили статистическую меру известную как двухвыборочный t-критерий Стьюдента. Данный критерий предназначен для оценки статистической значимости отличий значений в двух выборках. Полученное значение p-value оказалось в зоне значимости — $p < 0.05$.

*Таблица 1. Средние значения ПП «возраст усвоения» и p-value для двух выборок: монолингвы и билингвы.
Table 1. Average values of “age of acquisition” psycholinguistic word property and p-value for two data sets: monolinguals and bilinguals.*

Русские серия 1	Тувинцы серия 1	Тувинцы серия 2
Среднее 1.879	Среднее 2.511	Среднее 2.655
$p < 0.05$		

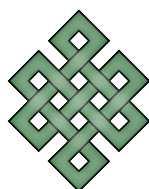
Данные показывают, что гипотеза 1 подтверждается: билингвы, по-видимому, усваивают русские слова позже, нежели монолингвы. Но вторая гипотеза не находит своего подтверждения: культурнозначимые слова из серии 2 усваиваются еще позже, а не раньше, чем «обычные» лексемы из серии 1.

Более детальный анализ выявил «лидеров» и «аутсайдеров» в словах серии 1 у русских монолингвов и билингвов. Так, примерами слов с самым ранним (субъективным) усвоением для монолингвов являются *бабушка* (101.8 ipm), *молоко* (57.4 ipm), *варежка* (4.2 ipm), *груша* (10.6 ipm), *солнце* (165.2 ipm), для билингвов — *игла* (14.3 ipm), *ботинки* (39.1 ipm), *тапочки* (9.3 ipm), *газета* (237.5 ipm). В скобках для каждого слова указаны значения нормализованной частоты по частотному словарю современного русского языка (Ляшевская, Шаров, 2009). Как видим, заметить какую-либо корреляцию с объективной частотностью в языке для данных слов трудно: в каждой из двух групп есть как высокочастотные, так и низкочастотные слова.

Из слов серии 2 самыми «ранними» по субъективным показаниям информантов стали слова *мама* и *сестра*, а самыми поздними — *артыш*, *лама* и *обряд*.

Следующий параметр — ПП «представимость».

Данные в *таблице 2* представлены аналогичным образом, что и в *таблице 1*. Вновь применение двухвыборочного t-критерия Стьюдента показывает, что различие в значениях ПП слов серии 1 у монолингвов и билингвов статистически релевантно: первым в целом легче представить себе то,

что называют данные слова, чем вторым. Таким образом, первая наша гипотеза вновь нашла подтверждение. Но среднее значение анализируемого ПП для слов из серии 2 оказалось у билингвов, вопреки гипотезе, еще выше, чем для серии 1: культурно-значимые слова оказалось представить еще сложнее, чем «обычные».

Таблица 2. Средние значения ПП «представимость» и p-value для двух выборок: монолингвы и билингвы.
Table 2. Average values of “imageability” psycholinguistic word property and p-value for two data sets: monolinguals and bilinguals.

Русские серия 1	Тувинцы серия 1	Тувинцы серия 2
Среднее 1.160	Среднее 1.360	Среднее 1.526
p < 0.05		

Среди «хорошо представимых» слов лидерами у монолингвов оказались *клубок, груша, нога, перчатка, банан, юла*, а у билингвов — *клубок, пингвин, тапочки, картина, стакан, шкаф*. Как видим, слово *клубок* повторяется в обоих списках. Обе группы «хорошо представимых» слов относятся к существительным предметной семантики, поэтому легкость, с которой они ассоциируются у информантов с конкретными предметами, вполне объяснима. Однако, удивление вызывает слово *пингвин*, которое билингвы оценили как очень хорошо представимое слово (минимальное среднее значение — 1.08). Заметно также, что у монолингвов и билингвов фокус «предметных предпочтений» несколько разный.

Среди культурно-значимых слов самыми хорошо представимыми оказались *мясо, мама и бабушка*, а трудно представимыми — абстрактные существительные *религия, свобода* и название сакрального объекта *оваа* (жертвенный курган).

Следующие 2 ПП касаются уже оценки не собственно слова, а изображений, которые его репрезентируют. Надо отметить, что если для ПП слов наша первая гипотеза регулярно подтверждалась, а вторая — нет, то для ПП визуальных стимулов обе гипотезы оказались ошибочными.

Итак, информантам предлагалось оценить рисунки, изображающие денотат слова, по шкале от 1 (совсем непохож) до 5 (очень похож). Мы полагали, что, по сравнению с русскими монолингвами, билингвы будут оценивать визуальные стимулы как менее «похожие» на то, что они представляют, когда произносят или читают слово. Однако результаты показывают обратную тенденцию (табл. 3).

Таблица 3. Средние значения ПП «сходство образа с рисунком» визуального коррелята слова и p-value для двух выборок: монолингвы и билингвы.
Table 3. Average values of “image agreement” psycholinguistic word property and p-value for two data sets: monolinguals and bilinguals.

Русские серия 1	Тувинцы серия 1	Тувинцы серия 2
Среднее 4.04	Среднее 4.39	Среднее 4.08
p < 0.05		

Значения средних величин данного параметра для слов серии 1 («обычных») ближе к оценке «очень похож», чем у монолингвов. Анализ двух выборок показывает статистическую значимость отличий — p-value < 0.05. А вот рисунки для культурно-значимых слов из серии 2 оценивались билингвами как менее похожие, чем те, что иллюстрировали слова из серии 1.

Аналогичная ситуация и по второму ПП визуальных стимулов — «субъективная сложность рисунка»: для билингвов рисунки для слов серии 1 представлялись более легкими, чем для монолингвов, и это отличие также оказалось статистически значимым. Рисунки же, изображающие культурно-значимые реалии или феномены, называемые словами серии 2, в целом оценивались билингвами как более сложные (табл. 4).

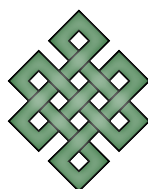

Таблица 4. Средние значения ПП «субъективная сложность рисунка» визуального коррелята слова и *p*-value для двух выборок: монолингвы и билингвы.

Table 4. Average values of “image complexity” psycholinguistic word property and *p*-value for two data sets: monolinguals and bilinguals.

Русские серия 1	Тувинцы серия 1	Тувинцы серия 2
Среднее 2.77	Среднее 2.03	Среднее 2.34
$p < 0.05$		

На следующем этапе обработки данных мы сравнили корреляции значений ПП для слов серии 1 по показателям языкового сознания русских монолингвов и тувинско-русских билингвов.

В исследовательской литературе по нейролингвистике отмечается, что параметры «возраст усвоения» и «представимость» (или образность) тесно взаимосвязаны (Ахутина, 2014; Власова, 2016: 187). Действительно, корреляционный анализ по Спирмену показал наличие средней корреляции между данными ПП у русских монолингвов, однако, у билингвов эта корреляция оказалась слабой (табл. 5).

Таблица 5. Значения коэффициента ранговой корреляции Спирмена для пар ПП слов серии 1 и их визуальных коррелятов в двух выборках: русских монолингвов и тувинско-русских билингвов.

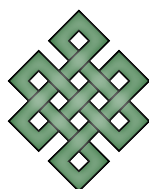
Table 5. Spearman's rank correlation coefficient values for psycholinguistic properties of words from set 1 and their visual correlates in two data sets: monolinguals and bilinguals.

Коррелирующие ПП	Русские монолингвы	Тувинско-русские билингвы
«возраст усвоения слова» / «представимость слова»	0.362 (средняя корреляция) 0.002 — вероятность, что образцы не коррелированы	0.15 (слабая корреляция) 0.208 — вероятность, что образцы не коррелированы
«возраст усвоения слова» / «сходство образа с рисунком»	0.215 (средняя корреляция) 0.070 — вероятность, что образцы не коррелированы	0.038 (нет корреляции) 0.754 — вероятность, что образцы не коррелированы
«возраст усвоения слова» / «субъективная сложность рисунка»	0.038 (нет корреляции) 0.754 — вероятность, что образцы не коррелированы	0.108 (слабая корреляция) 0.366 — вероятность, что образцы не коррелированы
«представимость слова» / «сходство образа с рисунком»	0.406 (сильная корреляция) 0.000 — вероятность, что образцы не коррелированы	0.022 (нет корреляции) 0.855 — вероятность, что образцы не коррелированы

Прим.: в круглых скобках указаны оценки силы корреляционной связи, согласно шкале Чеддока (для отрицательной и положительной связи): слабая, средняя и сильная; значения вероятности существования корреляции даются ниже в форме числовых значений в континууме «0 — образцы не коррелируют; 1 — образцы коррелируют».

Между ПП «возраст усвоения» и «сходство образа с рисунком», а также «представимость» / «сходство образа с рисунком» у монолингвов наблюдаются средняя и сильная корреляции соответственно. У билингвов ни в одном из этих случаев корреляции нет. По-видимому, ПП «возраст усвоения слова» / «субъективная сложность рисунка» в данной выборке не коррелируют друг с другом.

Таким образом, получается, что у русских монолингвов наблюдаются следующие тенденции: чем раньше слово усвоено, тем лучше представляется его денотат, тем больше похож рисунок на то, что представляет себе информант; чем лучше себе представляет денотат слова информант, тем выше он оценивает сходство этого образа с предъявленным рисунком, его изображающим.

У тувинско-русских билингвов замечены только две очень слабые тенденции: если слово усвоено рано, то есть некоторая вероятность того, что его денотат лучше представляется информантом, а рисунок, его изображающий, окажется субъективно менее сложным. Есть основания полагать, что ПП «возраст усвоения слова» не является в той же степени определяющим для устройства ментального лексикона билингвов, в какой он является таковым для монолингвов.

Иными словами, наша первая гипотеза в ходе исследования частично подтвердилась: различия между значениями ПП общеупотребительных слов конкретной семантики у русских монолингвов и тувинских билингвов статистически значимы, но 1) для билингвов образ, вызванный словом, гораздо более похож на предъявляемый рисунок, чем для монолингвов; 2) билингвам рисунок, изображающий денотат слова, представляется гораздо более простым, чем монолингвам.

Однако вторая гипотеза не получила подтверждения: у тувинско-русских билингвов ПП культурно-значимых слов и «обычных» отличаются, но это отличие незначимо статистически и идет вразрез с изначальным предположением — культурно-значимые слова усваиваются позже, представляются хуже, их денотаты меньше похожи на рисунок, который оценивается как сложный или очень сложный.

Для нас оказалось неожиданным, что даже такие слова, денотат которых является необычным для повседневной жизни жителей Тувы, (например, *пингвин, кенгуру, осьминог, скорпион, ракета* и др.), оцениваются информантами как, в целом, усвоенные раньше, лучше представимые, чем культурно-значимые слова (например, *конь, аржаан, тайга, чалама, очаг, небо, восток*), а изображения культурно-значимых слов оцениваются как менее похожие и более сложные (табл. 6).

Таблица 6. Сравнительный анализ средних значений четырех ПП в трех группах слов: называющих обычные повседневные, необычные и культурно-значимые объекты и реалии.

Table 6. Comparison of the average values of four psycholinguistic properties in three groups of words: those naming familiar, unfamiliar and culturally charged objects and facts of life.

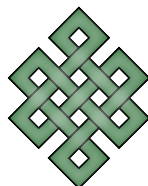
ПП/ группы слов по типам денотатов	Обычные	Необычные	Культурно-значимые
	среднее значение (стандартное отклонение)		
Возраст усвоения	2.32	2.66	2.65
Представимость 1 — легко / 5 — сложно	1.32	1.35	1.52
Сходство образа с рисунком 1 — непохож, 5 — очень похож	4.32 (0.778)	4.49 (0,191)	4.08 (0.628)
Сложность рисунка 1 — простой, 5 — сложный	1.92	2.09	2.34

Полученные данные указывают на такую особенность: хотя среднее значение оценки сходства для «обычных» объектов (*кастрюля, чашка* и т. д.) выше, чем для «культурно-значимых», среднее квадратичное отклонение тоже выше. Последнее указывает на то, что оценка рисунков «культурно-значимых» объектов как «непохожих» на то, что представляют себе информанты, более согласована, чем оценка «обычных» как «похожих». Можно предположить, что представления о последних более индивидуальны, поскольку связаны с конкретными предметами обихода в каждой отдельной семье, а о «культурно значимых» — хотя и более детальны (отсюда неудовлетворенность рисунком), но имеют некий общий базис у всех представителей сообщества.

Заключение

В заключение отметим некоторые основные практические выводы, важные для нашей дальнейшей клинической работы с тувинско-русскими билингвами с диагнозом «афазия».

Для их речевой реабилитации и тестирования речевой способности, по-видимому, следует избегать культурно-значимых существительных, а сосредоточиться на словах конкретной семантики,

называющих объекты повседневной жизни, членов семьи. В отличие от монолингвов, возраст усвоения существительного для билингвального языкового сознания наших информантов не является релевантным ПП, а хорошая представимость слова, по всей видимости, никак не связана с редкостью / частотой встречаемости объектов номинации в непосредственном когнитивном опыте, поэтому выборка слов для тестирования / реабилитации мало зависит от принципа «близкий — далекий» объект номинации.

Очевидно, что отличия между значениями ПП у монолингвов и билингвов статистически значимы, поэтому для получения валидной тестовой батареи необходима дальнейшая проверка обширного корпуса слов на представительной и сбалансированной выборке информантов-билингвов.

Возможно, большую роль для успешности названия будут играть объективные параметры (объективная частотность, длина слова в слогах и фонемах), а не субъективные.

В дальнейшем полученные наблюдения станут основой для разработки речевых упражнений, предназначенных для пациентов из Республики Тыва с диагнозом «афазия», проходящих курс восстановительного обучения в ФГБУ ФСНКЦ ФМБА России.

С точки зрения теоретического осмысления интересным представляется выявленная важность различения трех типов денотатов слов: необычных, обычных и культурно-значимых. У «необычных» слов в языковом сознании тувинцев-билингвов преобладает номинативная функция — слово, обозначая объект, который в личном опыте билингва не встречается, ассоциируется у него с некоторым денотативным минимумом, наличие которого обеспечивает конвенциональное взаимопонимание с другими носителями русского языка. Когнитивная структура, актуализируемая «обычными» словами, формируется на основе стандартного опыта взаимодействия со словом (типичные контексты повседневной речи) и следов взаимодействия с номинируемыми объектами в индивидуальном опыте, который может иметь некоторую особенную конфигурацию. По этой причине номинативная функция слова, находясь в равновесных отношениях с сигнификативной, может базироваться на представлениях о денотативной отнесенности слова, почерпнутых в индивидуальном обыденном опыте (например, денотативный образ чайника — это тот чайник, который у нас дома). Отсюда — несогласованность в оценках информантов.

У «культурно-значимых» русских слов в языковом сознании тувинцев-билингвов очевидно доминирует сигнификативная функция, причем значение слова формируется из результатов когнитивного и аффективного опыта, полученного в тувинской культуре, хотя сам знак принадлежит иному языку. Возможно, именно этот культурный и когнитивный трансфер и обуславливает субъективное восприятие таких слов как плохо представимых, поздно усвоенных, для которых предложенный рисунок не подходит, а также является слишком сложным.

Нерелевантность же параметра «возраст усвоения», как представляется, может быть связана с уже упоминавшимися механизмами языковой аттриции (ослабление или полное стирание того или иного языка), действие которых может приводить к потере освоенных слов и их повторному усвоению. Факт лучшей «представимости» русских слов конкретной семантики у билингвов, по сравнению с монолингвами, можно частично связать с большей выраженностью у первых процессов схематизации образов, поскольку каждый образ у владеющих несколькими языками связан не с одним словом, а с двумя словами из разных языков.

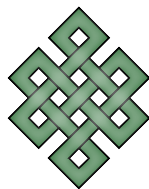
Благодарности

Автор выражает свою искреннюю благодарность коллективу отделения восстановления высших психических функций ФГБУ ФСНКЦ ФМБА России и лично заведующему отделением О. Н. Никольской, а также доценту кафедры романских языков и прикладной лингвистики СФУ М. К. Мжельских, студентам О. А. Катцыной и А. А. Зоной за помощь, оказанную на различных этапах исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Акинина, Ю. С., Драгой, О. В. (2013) Оценка эффективности терапии названия при афазии как контролируемый лингвистический эксперимент // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. № 3. С. 86–100.

Акинина, Ю. С., Искра, Е. В., Иванова, М. В., Грабовская, М. В., Исаев, Ю. Д., Коркина, И. Д., Малютина, С. А., Сергеева, Н. Ю. (2014) Библиотека стимулов «Существительное и объект»: нормирование психолингвистических

параметров // Тезисы докладов Шестой международной конференции по когнитивной науке. Калининград, 23-27 июня 2014 г. / ред. А. А. Кибрик и др. Калининград : б. и. 752 с. С. 112–114.

Александрова, Н. Ш. (2019) Зрительные агнозии и двойственность зрительного опознания // Нелинейная динамика в когнитивных исследованиях — 2019: материалы научной конференции / отв. ред. В. А. Антонец, С. Б. Парин, В. Г. Яхно. Нижний Новгород : ИПФ РАН. 234 с. С. 22–26.

Александрова, Н. Ш. (2020) Билингвизм и другие проявления функционирования языковой системы в свете пластичности мозга // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. № 6–2. С. 170–176. DOI: <https://www.doi.org/10.20339/PhS.6-20.170>

Анайбан, З. В. (2011) Межэтническая ситуация и этнополитические процессы в постсоветской Туве / Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М. : ИЭА РАН. Вып. 227. 25 с.

Арефьев, А. Л., Бахтикиреева, У. М., Синячкин, В. П. (2021) Проблемы билингвизма в системе школьного языкового образования Республики Тыва // Новые исследования Тувы. № 1. С. 255–272. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.1.14>

Ахутина, Т. В. (2014) Связь семантической сложности, времени приобретения и частотности слова // Нейролингвистический анализ лексики, семантики и прагматики. М. : Языки славянской культуры. 424 с. С. 186–189.

Балонов, Л. Я., Деглин, В. Л., Черниговская, Т. В. (2004) Функциональная асимметрия мозга в организации речевой деятельности // Хрестоматия по нейропсихологии / отв. ред. Е. Д. Хомская. М. : Институт общегуманитарных исследований ; Московский психолого-социальный институт. 896 с. С. 527–541.

Визель, Т. Г. (2002) Нейролингвистический анализ атипичных форм афазий (системный интегративный подход) : автореф. дисс. ... д-ра псих. н. М. 49 с.

Визель, Т. Г. (2009) К вопросу о природе афазии // Дефектология. № 6. С. 65–70.

Власова, Р. (2016) Нормативная база рисунков «Предмет и действие» // Российский журнал когнитивной науки. Т. 3 (1–2). С. 34–54.

Иванов, Вяч. Вс. (2004) Лингвистика третьего тысячелетия: Вопросы к будущему. М. : Языки славянской культуры. 208 с

Катунин, Д. А. (2009) Языковое законодательство в республиках Сибири // Язык и культура. № 4 (8). С. 13–24.

Ляшевская, О. Н., Шаров, С. А. (2009) Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). М. : Азбуковник. 1112 с.

Серээдар, Н. Ч. (2018) Тувинский язык как средство общения тувинцев: проблемы и перспективы // Новые исследования Тувы. № 1. С. 4–19. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2018.1.1>

Черниговская, Т. В. (2017) Латерализация языков у билингва // Черниговская Т. В. Чеширская улыбка кота Шредингера : язык и сознание. М. : Издательский Дом ЯСК ; Языки славянской культуры. 448 с. С. 251–261.

Цветкова, Л. С. (1988) Афазия и восстановительное обучение. М. : Просвещение. 207 с.

Цыбенова, Ч. С. (2013) Ассоциативный эксперимент в контексте исследования языковой ситуации: на примере Республики Тыва // Вопросы психолингвистики. Вып. 17. С. 180–193.

Akinina, Y., Maljutina, S., Ivanova, M., Iskra, E., Mannova, E., Dragoy, O. (2015) Russian normative data for 375 action pictures and verbs // Behavior Research Methods. Vol. 47 (3). P. 691–707.

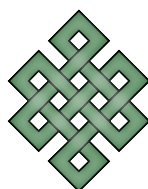
Bialystok, E. (2009) Bilingualism: The good, the bad, and the indifferent // Bilingualism: Language and Cognition. Vol. 12(1). P. 3–11. DOI: <https://doi.org/10.1017/S1366728908003477>

García-Pentón, L., Pérez Fernández, A., Iturria-Medina, Y., Gillon-Dowens, M., Carreiras, M. (2014) Anatomical connectivity changes in the bilingual brain // NeuroImage. Vol. 84. P. 495–504. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.neuroimage.2013.08.064>

Goral, M., Lerman, A. (2020) Variables and Mechanisms Affecting Response to Language Treatment in Multilingual People with Aphasia // Behavioral Sciences. Vol. 10. P. 144–157. DOI: <https://doi.org/10.3390/bs10090144>

Kałamala, P., Drozd'zowicz, A., Szewczyk, J., Marzecov'a, A., Wodniecka, Z. (2018) Task strategy may contribute to performance differences between monolinguals and bilinguals in cognitive control tasks: ERP evidence // Journal of Neurolinguistics. Vol. 46. P. 78–92. DOI: <https://doi.org/10.1017/S1366728913000564>

Lorenzen, B., Murray, L. (2008) Bilingual Aphasia: A Theoretical and Clinical Review // American Journal of Speech-Language Pathology. Vol. 17. P. 299–317. DOI: [https://doi.org/10.1044/1058-0360\(2008/026\)](https://doi.org/10.1044/1058-0360(2008/026))

Mechelli, J. T. Crinion, U., Noppeney, J., O'Doherty, J., Ashburner, R. S. Frackowiak, Price, C. J. (2004) Structural plasticity in the bilingual brain: Proficiency in a second language and age at acquisition affect grey-matter density // *Nature*. Vol. 431 (7010). P. 757. DOI: <https://doi.org/10.1038/431757a>

Morrison, C. M., Ellis, A. W., Quinlan, P. T. (1992) Age of acquisition, not word frequency affects object naming, not object naming, not object recognition // *Memory & Cognition*. Vol. 20. P. 705–714. DOI: <https://doi.org/10.3758/BF03202720>

Patzold, G., Specia, L. (2016) Inferring Psycholinguistic Properties of Words // *Proceedings of NAACL-HLT 2016*, San Diego, California, June 12–17. P. 435–440. DOI: <https://doi.org/10.18653/v1/N16-1050>

Дата поступления: 11.04.2021 г.

REFERENCES

Akinina, Yu. and Dragoy, O. (2013) Otsenka effektivnosti terapii nazvaniya pri afazii kak kontroliruemyy lingvisticheskiy eksperiment [Assessment of therapy effectiveness in case of aphasia as a controlled linguistic experiment]. *Bulletin of Moscow State University, series 9, Filologiya*, no. 3, pp. 86–100. (In Russ.).

Akinina, Yu., Iskra, E., Ivanova, M., Grabovskaya, M., Isaev, Yu., Korkina, I., Maljutina, S. and Sergeeva, N. (2014) Biblioteka stimulov «Sushchestvitel'noe i ob'ekt»: normirovanie psikholingvisticheskikh parametrov [The “Noun and object” stimuli set: normalizing psycholinguistic properties]. In: *Tezisy dokladov Shestoy mezhdunarodnoy konferentsii po kognitivnoy nauke* [Proceedings of the Sixth International Conference on Cognitive Science], Kaliningrad, 23–27 June 2014 / ed. by A. A. Kibrik et al. Kaliningrad, s. n. 752 p. Pp. 112–114. (In Russ.).

Aleksandrova, N. Sh. (2019) Zritel'nye agnozii i dvoystvennost' zritel'nogo opoznaniya [Visual agnosies and doubleness of visual recognition]. In: *Nelineynaya dinamika v kognitivnykh issledovaniyakh — 2019* [Non-linear dynamics in cognitive studies — 2019]: Proceedings of the conference. Ed. by V. A. Antonets, S. B. Parin and V. G. Yakhno. Nizhniy Novgorod, IPF RAN. 234 p. Pp. 22–26. (In Russ.).

Aleksandrova, N. Sh. (2020) Bilingvizm i drugie proyavleniya funktsionirovaniya yazykovoi sistemy v svete plastichnosti mozga [Bilingualism and other manifestations of the functioning of the language system in light of brain plasticity]. *Philological sciences. Scientific essays of higher education*, no. 6–2, pp. 170–176. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.20339/PhS.6-20.170>

Anayban, Z. V. (2011) Mezhetnicheskaya situatsiya i etnopoliticheskie protsessy v postsovetsoy Tuve [Interethnic situation and political processes in post-Soviet Tuva]. In: *Issledovaniya po prikladnoy i neotlozhnoy etnologii* [Studies in applied and urgent ethnology]. Moscow, IEA RAN. Vol. 227. 25 p. (In Russ.).

Aref'ev, A. L., Bakhtikireeva, U. M. and Sinyachkin, V. P. (2021) Problemy bilingvizma v sisteme shkol'nogo yazykovogo obrazovaniya Respubliki Tyva [Bilingualism in language education in secondary schools of the Republic of Tuva]. *New Research of Tuva*. no. 1, pp. 255–272. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.1.14>

Akhutina, T.V. (2014) Svyaz' semanticheskoi slozhnosti, vremeni priobreteniya i chastotnosti slova [The relations between semantic complexity, age of acquisition and word frequency]. In: *Neyrolingvisticheskiy analiz leksiki, semantiki i pragmatiki* [A neurolinguistic analysis of vocabulary, semantics and pragmatics]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury. 424 p. Pp. 186–189. (In Russ.).

Balnov, L. Ya., Deglin, V. L. and Chernigovskaya T. V. (2004) Funktsional'naya asimmetriya mozga v organizatsii rechevoi deyatel'nosti [Functional brain asymmetry and its role in organizing verbal activity]. In: *Khrestomatiya po neyropsikhologii* [An Anthology on Neuropsychology] / ed. by E. D. Khomskaya. Moscow, Institute of General Humanitarian Research; Moscow Psychological and Social Institute. 896 p. Pp. 527–541. (In Russ.).

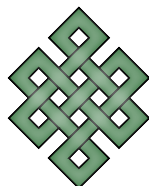
Vizel', T. G. (2002) *Neyrolingvisticheskiy analiz atipichnykh form afazii (sistemnyi integrativnyi podkhod)* [Neurolinguistic analysis of atypical forms of aphasia: a systemic and integrative approach]: Abstract of Diss. ... Doctor of Psychology. Moscow. 49 p. (In Russ.).

Vizel', T. G. (2009) K voprosu o prirode afazii [On the nature of aphasia]. *Defectology*, no. 6, pp. 65–70. (In Russ.).

Vlasova, R. (2016) Normativnaya baza risunkov «Predmet i deystvie» [A normative set of “object-action” pictures]. *Russian journal of cognitive science*, vol. 3 (1–2), pp. 34–54. (In Russ.).

Ivanov, V. Vs. (2004) *Lingvistika tret'ego tysyacheletia: Voprosy k budushchemu* [Linguistics of the third millennium: some questions to the future]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury. 208 p. (In Russ.).

Katunin, D. A. (2009) Yazykovoe zakonodatel'stvo v respublikakh Sibiri [Linguistic legislation in the republics of Siberia]. *Language and Culture*, no. 4 (8), pp. 13–24. (In Russ.).

Lyashevskaya, O. N. and Sharov, S. A. (2009) *Chastotnyy slovar' sovremennogo russkogo yazyka (na materialakh Natsional'nogo korpusa russkogo yazyka) [A frequency dictionary of contemporary Russia from the materials of the Russian National Corpus]*. Moscow, Azbukovnik. 1112 p. (In Russ.).

Sereedar, N. Ch. (2018) Tuvinskiy yazyk kak sredstvo obshcheniya tuvintsev: problemy i perspektivy [Tuvan language as a means of communication among Tuvans: problems and prospects]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 4–19 (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2018.1.1>

Chernigovskaia, T. V. (2017) Lateralizatsiia iazykov u bilingva [Languages lateralization in bilinguals]. In: Chernigovskaia T. V. *Cheshirskaya ulybka kota Shredingera : iazyk i soznanie [The Cheshire Smile of Schroedinger's Cat: Language and Consciousness]*. Moscow, Izdatel'skii Dom IaSK; Iazyki slavianskoi kul'tury. 448 p. Pp. 251–261. (In Russ.).

Tsvetkova, L. S. (1988) *Afaziya i vosstanovitel'noe obuchenie [Aphasia and speech therapy]*. Moscow, Prosveshchenie. 207 p. (In Russ.).

Tsybenova, Ch. S. (2013) *Assotsiativnyy eksperiment v kontekste issledovaniya yazykovoy situatsii: na primere Respubliki Tyva [Associative experiment in the study of a language situation: the case of the Republic of Tuva]*. *Voprosy psikholingvistiki*, vol. 17, pp. 180–193. (In Russ.).

Akinina, Y., Malyutina, S., Ivanova, M., Iskra, E., Mannova, E. and Dragoy, O. (2015) Russian normative data for 375 action pictures and verbs. *Behavior Research Methods*, vol. 47 (3), pp. 691–707.

Bialystok, E. (2009) Bilingualism: The good, the bad, and the indifferent. *Bilingualism: Language and Cognition*, vol. 12(1), pp. 3–11. DOI: <https://doi.org/10.1017/S1366728908003477>

García-Pentón, L., Pérez Fernández, A., Iturria-Medina, Y., Gillon-Dowens, M., Carreiras, M. (2014) Anatomical connectivity changes in the bilingual brain. *NeuroImage*, vol. 84, pp. 495–504. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.neuroimage.2013.08.064>

Goral, M., Lerman, A. (2020) Variables and Mechanisms Affecting Response to Language Treatment in Multilingual People with Aphasia. *Behavioral Sciences*, vol. 10, pp. 144–157. DOI: <https://doi.org/10.3390/bs10090144>

Kałamała, P., Drozdźowicz, A., Szewczyk, J., Marzecová, A., Wodniecka, Z. (2018) Task strategy may contribute to performance differences between monolinguals and bilinguals in cognitive control tasks: ERP evidence. *Journal of Neurolinguistics*, vol. 46, pp. 78–92. DOI: <https://doi.org/10.1017/S1366728913000564>

Lorenzen, B. and Murray, L. (2008) Bilingual Aphasia: A Theoretical and Clinical Review. *American Journal of Speech-Language Pathology*, vol. 17, pp. 299–317. DOI: [https://doi.org/10.1044/1058-0360\(2008/026\)](https://doi.org/10.1044/1058-0360(2008/026))

Mechelli, J. T. Crinion, U. Noppeney, J. O'Doherty, J. Ashburner, R. S. Frackowiak, et al. (2004) Structural plasticity in the bilingual brain: Proficiency in a second language and age at acquisition affect grey-matter density. *Nature*, vol. 431 (7010), p. 757. DOI: <https://doi.org/10.1038/431757a>

Morrison, C.M., Ellis, A.W. and Quinlan, P.T. (1992) Age of acquisition, not word frequency affects object naming, not object naming, not object recognition. *Memory & Cognition*, vol.20, p. 705–714. DOI: <https://doi.org/10.3758/BF03202720>

Paetzold, G. and Specia, L. (2016) Inferring Psycholinguistic Properties of Words. *Proceedings of NAACL-HLT 2016, San Diego, California, June 12-17*, pp. 435–440. DOI: <https://doi.org/10.18653/v1/N16-1050>

Submission date: 11.04.2021.

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТУВЫ / THE NEW RESEARCH OF TUVA

Электронный научный журнал

Главный редактор *Ч. К. Ламажаа*.
Редакторы переводов *В. С. Макаров, Б. Н. Гайдин*.

№ 2, 2021

<https://nit.tuva.asia/nit/issue/view/50>

Для иллюстрации обложки использована фотография Александра Папына (Россия)

Подписано к публикации 26.05.2021 г.

Объем - 26,5 п. л.

Эл. адрес: article@tuva.asia

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

115419, Москва, Россия,

ул. Орджоникидзе, д. 3.

Тел.: +7 (495) 952-04-41; publishing@rudn.ru